

ПАНТЕОНЪ.

IV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

I. 1) ЛЮБЛЮ Я ВАСЪ. <i>К. Павловой.</i> 2) ЖЕНЩИНА — ПОЭМА. (изъ Т. Г.) <i>В. Бенедиктова.</i> 3) ***. <i>Н. Грекова.</i> 4) ПОЛКОВОДЕЦЪ НА АЛЬПАХЪ. Быль. <i>Евг. Ск—ий.</i>	1—8
II. ДОНКИХОТИКЪ. Разсказъ. <i>Грицко Григоренко.</i>	1—32
III. ДУНЯША, ДОЧЬ СТАНЦІОННАГО СМОТРИТЕЛЯ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. <i>Князя Гр. В. Кукушева.</i>	1—98
IV. СЪВЕРНАЯ АМЕРИКА ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ. <i>Соч. Шарля Олиффа.</i> Часть первая	1—48
V. ПРИВИДѢНІЕ. Разсказъ <i>М. Я. Подаревского.</i>	49—66
VI. ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО О ФРАНКЛИНѢ, съ картою новѣйшихъ открытій на Сѣверѣ	67—88
VII. МАЛОРОССІЙСКІЕ ГЕТМАНЫ И КАЗАКИ ДО ВРЕМЕНЪ УНІИ. <i>Михаила Глицинскаго.</i>	89—122

VIII. С О В Р Е М Е Н Н О Е.

I. ЛИТЕРАТУРА: Романы въ древности.—Воспоминанія о Бальзакѣ (<i>статья Леона Гозлана</i>).—Генрихъ Консиансъ и фламандская литература.—II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Годичный отчетъ лондонскаго общества наукъ.—Новыя наблюденія надъ зодіакальнымъ свѣтомъ.—Улучшенія въ гальванопластикѣ.—Новый барометръ.—Водяная желѣзная дорога. III. ИСКУССТВА, МУЗЫКА, ТЕАТРЫ: Карлина Броччи. IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ: Путешествіе нѣмецкаго туриста по Американскому материку изъ Санъ-Луи въ Калифорнію.—Жизнь во внутренней Африкѣ. V. АНЕКДОТЫ, МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ: Арабскій фабулистъ.—Орастъ Грили, редакторъ газеты Ньюіоркская Каедрa.—Конфекты въ средніе вѣка.—Нѣмецкая книжная торговля въ Америкѣ.—Добрый сплинъ	1—86
---	------

I. ИСКУССТВА.

Михайловскій театр: Нѣмецкіе Abendunterhaltungen. — Дебютъ г. Дебелинъ. — Французскіе спектакли : Lucie Didier. — Г-жа *Роже Солле*. — Бенефисъ г. *Верне*: Les piéges dorées. — Les coulisses de la vie. *Александринскій театр*: Комедія въ комедіи г. *Дрианскаго*. — Бенефисъ г-жи *Левквевой*. Мопра. — *Незнание ролей*. — Бенефисъ г. *Бурдина*. — Свадьба Кречинскаго. — Бенефисъ г. *Алексеева*. — Скользкій путь. — Г-жа *Одорова*. — *Большой театр*: Балетъ. — Маркигантка. — Жизель. — Г-жа *Богданова*. — Русская опера. . . . . 1—12

X. НАСТАВНИЦА, или пансіонъ въ Брюсселѣ. Англійскій романъ.

Соч. г-жи Корреръ-Белль (Шарлоты Бронти.) *Часть первая*. 75—100

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ № 4.

БЕЗПОКОЙНЫЙ МУЖЪ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, актера

Сергья Бойкова. (Подражаніе французкому) . . . . . 1—30

ПРИЛОЖЕНІЯ: Отсутствуют

1. ПОРТРЕТЪ: Графа *О. П. Толстаго*, Вице-Президента Императорской Академіи Художествъ.
2. МУЗЫКА: «Ты не узнаешь никогда» Романсъ, слова *М. И. Воскресенскаго*, музыка *О. И. Дютча*.
3. КАРТА ПОЛЯРНАГО МОРЯ, отъ пролива Беринга до залива Баффина, съ показаніемъ новѣйшихъ открытій. (Для поясненія статьи: «последнее слово о Франклинѣ»).

ПАНТЕОНЪ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Кони.

ТОМЪ XXVI.

ВНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

1856.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТЕНТЪ

ЖАНУАРИ

ИМПЕРАТОРСКО-КАДЕТСКИЙ

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 15 Юня 1856 года.

Ценсоръ И. Гончаровъ.

КОМУ ДАТЬ

КАРТЕТИКИ АЖИИ

1856

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРИЕВА.

ИМПЕРАТОРСКО-КАДЕТСКИЙ

ЛЮБЛЮ Я ВАСЪ.

Люблю я васъ, младыя дѣвы!
И нѣгу жизненной весны;
Мечты неясныя напѣвы,
И обольстительныя сны.

Я помню ихъ! Въ душѣ лѣтливой
Всѣ помнимъ мы упрямый бредъ;
Всѣ помнимъ мы восторгъ свой лживый
И сердца помыслъ горделивый,
И горе внутреннихъ побѣдъ.

У всѣхъ, средь жизненной неволи,
Была мечта одна и та-жъ;
Но мы, познавъ земныя доли,
Мы, въ коихъ смолкла жажда боли
И присмирѣла сердца блажь,

Мы, въ коихъ нынѣ силы мало,
Чтобъ настоящее нести,
Мы опускаемъ покрывало
На все, что душу волновало,
И шепчемъ тихое — «прости»!

К. ПАВЛОВА.

ЖЕНЩИНА — ПОЭМА.

(ИЗЪ Т. Г.)

«Поэты! Пиши съ меня поэму!»

Она сказала: «Гдѣ твой стихъ?»

«Пиши на заданную тему:

«Пиши о прелестяхъ моихъ!»

И вотъ — сперва ему явилась

Въ сіяньи царственномъ она:

За ней струистая влачилась

Одежды бархатной волна.

И вдругъ — по смѣлому капризу

Покровы съ плечъ ея скользять,

И чрезъ батистовую ризу

Оваловъ очерки сквозять.

Долой батисты! И тотъ спустился,

И у ея лилейныхъ ногъ

Туманомъ дремлющимъ склубился

И бѣлымъ облакомъ прилегъ.

Гдѣ Апеллесы? Клеомены?

Вотъ мраморъ-плоты! Смотрите: вотъ

Изъ волнъ морскихъ, изъ чистой пѣны,

Киприда новая встаетъ.

Но вмѣсто брызгъ морской стихіи

Здѣсь перлъ, ея рожденный дномъ,

Течетъ вокругъ атласной выи

Молочно-радужнымъ зерномъ.

Какіе гимны и советы
Въ строфахъ и римахъ наготы
Здѣсь чудно сложены и спѣты
Волшебнымъ хоромъ красоты!

Но мигъ—и новая поэма:
Съ послушнымъ зеркаломъ въ игрѣ
Она султаншею гарема
Сидитъ 'на шелковомъ коврѣ, —

Въ стекло посмотритъ—усмѣхнется,
Любуясь прелестью своей,
Глядитъ—и зеркало смѣется,
И хладно смотритъ въ очи ей.

Вотъ, какъ грузинка, прихотливо
Свой наргиле курить она,
А ножка кинута на диво,
И ножка съ ножкой скрещена.

Вотъ—одалилка! Станъ послушный
Изогнуть легкою дугой
На зло стыдливости тщедушной
И добродѣтели сухой.

Прочь одалиски видъ лукавѣй!
Прочь гибкость блестящей змѣи!
Алмазъ безъ грани, безъ оправы —
Прекрасный образъ безъ любви.

И вотъ она въ изнеможенъи,
Ее лелѣютъ грезы сна,
Предъ нею милое видѣнье,
Уста разомкнуты,—блѣдна, —

Къ объятѣямъ призрака придвинувъ
Въ восторгѣ млѣющую грудь,
Главу за плечи опрокинувъ,
Она лежитъ—нѣтъ силъдохнуть.—

Прозрачны вѣжды опустились,
И какъ подъ дымкой облаковъ,
Подъ ними въ вѣчность закатились
Свѣтила черныя зрачковъ.

Не саванъ ей для погребенья —
Нарядъ готовьте кружевной!
Она мертва отъ упоенья,
На смерть похожъ восторгъ земной.

Къ ея могилѣ путь недалъный:
Ей гробомъ будетъ ложе сна,
Могилой—сѣнь роскошной спальни —
Пусть тамъ покоится она!

И какъ спадаютъ ночныя тѣни,
Прогнавъ дневной, докучный свѣтъ, —
Пускай, предъ ней, склонивъ колѣни,
Безъ словъ любитъся поэтъ!

В. БЕНЕДИКТОВЪ

•••

Раскинувши тѣни, какъ сѣтки,
Въ цвѣту и во всей своей силѣ
Черемухи бѣлыя вѣтки
Склонились привѣтно къ могилѣ,
И ранней, и поздней зарею,
Надъ ней аромать разливаютьъ,
Кропятъ ее чистой росою
И цвѣтомъ своимъ осыпають.
Все тихо тамъ; звука людскаго
Не слышно; не видно ихъ слѣда.
Надъ силой волненья мірскаго
Тамъ царствуетъ смерти побѣда.
Надъ этой могилою часто,
Въ ея углубляясь задачу,

На зелень дернового пласта
Сажусь я и плачу, все плачу,
И слезы такъ льются обильно,
И такъ онѣ горьки и ѣдки,
Что тутъ-же бы въ сумракъ могильный
Улегся, подъ бѣлыя вѣтки.

Н. ГРЕКОВЪ.

ПОЛКОВОДЕЦЪ НА АЛЬПАХЪ.

БЫЛЬ.

На вершинѣ Сенъ-Готарда,
Средь витающихъ снѣговъ,
Дѣти русскаго Баярда
Отдыхаютъ отъ трудовъ.
Вѣтеръ свищетъ;—вѣтеръ воетъ,
Снѣгъ взвиваетъ и крутитъ;
Снизу—землю сумракъ кроетъ
Сверху—солнышко горитъ.
Блещутъ заревомъ кровавымъ
Посѣдѣлыя скалы,
И надъ ними величаво
Рѣютъ русскіе орлы.

Средь природы разъяренной,
На вершинахъ чуждыхъ горъ,
Слышенъ русскій, откровенный,
Беззаботный разговоръ. —

«Эко буря-тъ разъярилась,
«Такъ и ломить кивера;
«Глядь-ка, братъ, какъ расхотилась
«Басурманская гора.

«Снѣгъ засыпать такъ и хочетъ,
 «Холодъ руки костенить,
 «Вихрь то лѣшимъ захохочетъ,
 «То какъ иволга кричить.
 «Эки чортовы курганы
 «Зародились на землѣ!
 «Вѣдь живутъ же басурманы
 «Въ этой адекой сторонѣ!
 «И зачѣмъ насъ командиры
 «Въ эту пропасть завели?
 «Нѣтъ сраженій, нѣтъ квартиры,
 «Нѣту квасу, нѣтъ земли.
 «Тучи ходятъ подъ ногами;
 «Вѣтеръ въ трещинахъ гудеть,
 «Только стелется предъ нами
 «Бѣлый снѣгъ, да сѣрый ледъ...
 «То-ли дѣло, какъ баталья!
 «Знали праздникъ, братцы, мы
 «Вотъ... въ... Наталья не Наталья...
 «Ну, да тамъ, гдѣ нѣтъ зимы,
 «Гдѣ насъ солнце допекало....
 «А плодамъ и счету нѣтъ.
 «Тамъ и нѣмка насъ ласкала;
 «А побѣдъ-то.... а побѣдъ!...
 «Молодецки налетѣли;
 «Взяли нехристей въ-штыки,
 «Смяли, сбили, одолѣли,
 «И гуляютъ русаки!
 «А теперь не то.... Чу, слышашы!
 «Бьютъ тревогу!... такъ и есть....
 «Ты чуть-ходишь,—еле-дышишь,
 «А въ походъ изволь-ка брестъ....
 «Что же это, въ-самомъ-дѣлѣ,
 «Мы сидимъ здѣсь безъ ѣды?
 «Всѣ мы въ битвахъ посѣдѣли,
 «Чтожъ мы гложемъ эти льды?
 «Мы за родину святую
 «Рады головы сложить,

«Дали-бъ службу намъ иную:
«Такъ ли стали-бъ мы служить!

Грозно лагерь взволновался,
Ружья бравныя звучать,
Вождь изъ ставки показался:

«Что, ребята?—Всѣ молчатъ. —
«Плохо, братцы, тяжело время,
«Хлѣба мало, нѣтъ огня.
«Что же дѣлать! брани бремя,
«Такъ какъ вы, несу и я.
«Вотъ какъ справимся съ врагами—
«Попируемъ, отдохнемъ;
«А теперъ за знаменами
«Маршъ, ребята!»

— Не пойдемъ! —

Поникъ онъ грустно головою
И взмокли ясные глаза,
Въ рѣсницахъ стараго героя
Блеснула свѣтлая слеза.
«Стыдно, дѣти! грѣхъ и съ виду
«Долгу службы измѣнять!
«Намъ ли сильному въ обиду
«Брата слабаго отдать!
«Насъ-ли вьюга испугала,
«Намъ ли страшны снѣгъ и лѣдъ,
«Намъ, которые, бывало,
«Шли какъ къ празднику въ походъ!
«И за тѣмъ ли я съ упорствомъ
«Васъ привелъ издалека,
«Чтобъ безумнымъ непокорствомъ
«Вы убили старика!
«Нѣтъ! Вы больше мнѣ не дѣти,
«Я вамъ больше не отецъ!
«Погремѣли мы на свѣтѣ....
«Богъ назначилъ здѣсь конецъ.
«Русской славы, русской чести
«Я не въ силахъ пережить.
«Рой могилу! здѣсь, на мѣстѣ

«Вы должны меня зарыть.»

Умолкъ — и блѣдныя лавиты
Слезами снова облился....

Голодъ, холодъ—все забыто.

Въ войскѣ крики раздались:

«Нѣтъ, отецъ!—останься съ нами!

«Ты дѣтей своихъ прости!

«Въ битву насъ вели съ врагами —

«Все готовы мы снести!

«Мы съ тобой, клянемся, споровъ

«Не затѣимъ никогда;

«Здравствуй, батюшка, Суворовъ

«На премногіе года.»

ЕВГ. СК—ІІ.

ДОНКИХОТИБЪ.

РАЗСКАЗЪ ГРИЦКО ГРИГОРЕНКИ.

Просвѣщеніе, сглаживая характеры, незамѣтно ихъ измѣчаетъ. Нельзя больше встрѣтить въ наше время слишкомъ рѣзкаго развитія ни въ добродѣтели, ни въ явныхъ порокахъ. Бывалые бандиты, разбойники, которые породили такое множество романовъ и драмъ, и внушали своими злодѣйствами и вмѣстѣ своимъ благородствомъ нетолько ужасъ, но и какое-то удивленіе, — теперь, въ нашъ положительный дѣвятнадцатый вѣкъ, сдѣлались миѳами, они не болѣе какъ плоды досужей фантазіи или преданіе старины. Нынѣшніе мошенники настоящіе мошенники; они уже не славятся ни храбростью ни великодушіемъ, ни удалствомъ; на-видъ это добрѣйшіе люди, а въ-сущности эти добрые люди пользуются всякимъ малѣйшимъ обстоятельствомъ, чтобы дойти до своей цѣли, — а цѣль все та же, что и въ старину: пріобрѣсть то, чего нѣтъ.

Такимъ же образомъ и самыя лучшія качества чело-
вѣка не могутъ быть такъ сильно развиты: они су-
ществуютъ, конечно, въ людяхъ, но не въ прежнемъ,
слишкомъ осязательномъ видѣ. Черный фракъ нашъ
одѣлъ всѣ наши побужденія, наши страсти въ одну
общую, простую оболочку.

Когда Сервантесъ написалъ свою современную са-
тиру на общую любовь къ рыцарству, это сочиненіе
произвело чрезвычайное впечатлѣніе, теперь же почти
не читаютъ его: всѣ смотрятъ на это произведение, какъ
на сказку, которой можно развѣ потѣшить ребенка. По-
чему же не понимаютъ нынѣ Сервантеса? Развѣ Донки-
хоты болѣе не существуютъ? Нѣтъ! эта черта чело-
вѣческаго характера слишкомъ достойна уваженія,
чтобы ей не существовать. Стремленіе къ истинному
благородству не можетъ исчезнуть; а если оно суще-
ствуетъ, то непременно должно быть и злоупотребе-
ніе его.

Дѣло только въ томъ, что Донкихоты нашего вре-
мени измѣнили свою внѣшнюю оболочку и съ общимъ
характеромъ вѣка потеряли свою прежнюю пышность,
свои латы, свой шлемъ; они ходятъ, какъ и всѣ мы,
рожденные подъ владычествомъ моды, въ черныхъ
фракахъ, на улицѣ вы ихъ не узнаете, но вникните
въ образъ ихъ жизни и дѣйствій, и вы положительно
убѣдитесь, что герои Сервантеса существуютъ и до-
нынѣ.

Ихъ бѣдный, тощій видъ препятствуетъ намъ только
называть ихъ гласно Донкихотами, а потому мы пред-
лагаемъ для олицетворенія этой особенной личности
нашего общества уменьшительное того же имени, а
именно названіе «Донкихотики».

I.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи, въ Петербургѣ, въ узкомъ, довольно грязномъ переулкѣ, близъ Вознесенія, свѣтилось подъ самою крышею маленькое окно. Ночь была темная, холодная; вѣтеръ завывалъ печальную свою мелодію, совершенно въ тонъ сиплаго голоса будочника, который изрѣдка вскрикивалъ: кто идетъ!

Карлъ Ивановичъ Ламангейтъ, только возвратившись въ свою комнату, засвѣтилъ огарокъ, и дрожа отъ холоду, старался согрѣться, хлопая сильно въ ладоши. Карлъ Ивановичъ, какъ говорится, промерзъ до-костей, и неудивительно: онъ исходилъ почти весь городъ въ одномъ коротенькомъ коричневомъ пальто, которое хотя и числилось у него на ватѣ, но отъ долгаго употребленія оказалось вовсе безъ подкладки. Притомъ Карлъ Ивановичъ имѣлъ подъ мышкою свою скрипку, тщательно закутанную въ зеленое сукно, а это обстоятельство препятствовало ему скрыть свои прозябшія руки въ гостепріимныхъ и довольно порожнихъ карманахъ. Карлъ Ивановичъ, впрочемъ, гораздо менѣе заботился о себѣ, чѣмъ о своей скрипкѣ; онъ былъ истинный артистъ, — артистъ въ душѣ, и любилъ свой инструментъ болѣе всего на свѣтѣ. болѣе; можетъ-быть, покойнаго своего отца... нѣтъ, впрочемъ! это было-бы неблагородно, — а Карлъ Ивановичъ никогда не согласился бы сдѣлать что-либо неблагородное!

Отецъ Карла Ивановича Ламангейта былъ уличный музыкантъ, иногда игралъ и въ нѣкоторыхъ бальныхъ оркестрахъ; но ни тѣмъ, ни другимъ способомъ не удалось ему зашибить копѣйку на черный день. Умирая, онъ могъ оставить сыну свое-

му въ-наслѣдство только свою скрипку и добрый совѣтъ, подтвержденный примѣромъ. «Карлъ», сказалъ онъ ему, «вотъ, тебѣ моя скрипка! она меня «кормила и тебя вынянчила; береги ее, трудись и ты «не умрешь съ-голоду! Будь честенъ и благороденъ, «потому что въ семействѣ Дамангейтовъ не было при- «мѣровъ людей неблагородныхъ!» Карлъ Ивановичъ съ точностію началъ исполнять завѣщаніе отца. Оставшись сиротою двѣнадцати лѣтъ отъ-роду, онъ поступилъ тотчасъ же въ одинъ изъ уличныхъ оркестровъ, въ которомъ замѣнилъ даже покойнаго отца. Съ самаго дѣтства онъ былъ приученъ къ смычку, такъ, что, нисколько не хуже прочихъ могъ исполнять свою обязанность. Случай впоследствии доставилъ ему нѣсколько уроковъ по весьма умѣренной цѣнѣ; зарабатывая такимъ образомъ, гдѣ рубль, гдѣ полтинникъ, онъ могъ наконецъ завести ящикъ для скрипки, для себя уголь на чердакъ, и свое маленькое хозяйство.

Карлъ Ивановичъ былъ честный, хорошій человекъ, рвеніе его къ труду поддерживало его положеніе, и хотя онъ жилъ далеко не въ-довольствѣ, но могъ себя назвать почти счастливымъ. Привыкнувъ съ-дѣтства къ весьма скудному образу жизни, ему, конечно, не многое было нужно;—онъ считалъ себя счастливымъ, когда заплативъ хозяйкѣ за квартиру и отсчитавъ нужныя деньги за столъ, могъ себѣ еще купить какую-нибудь тетрадь новыхъ нотъ, завести новый смычокъ, или переменить струны на своей скрипкѣ. Еще была у него забота, это одежда; — теплое пальто и новая шляпа часто ему грезились во снѣ, потому, что на-личное пальто было крайне некрасиво и нетепло, а шляпа, которая благодаря самой нѣжной заботливости ея владѣльца, еще кое-какъ существовала, истерлась наконецъ до-того, что ему даже совѣстно стало ее надѣвать во время концертовъ, даваемыхъ на петербургскихъ дворахъ въ пользу дворниковъ и уличныхъ мальчишекъ. Но ни желанное пальто, ни новая шляпа

на смѣну пока не являлись, Ламангейтъ все-таки не отчаявался... онъ былъ вполне доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ и визачто не далъ бы замѣтить, что нѣкоторыя желанія его не выполняются.

Чувство собственнаго достоинства и врожденное благородство препятствовали ему обнаруживать свои недостатки; онъ, быть можетъ, даже обидѣлся бы, еслибъ кто нибудь вздумалъ замѣтить, въ чемъ онъ имѣетъ крайнюю нужду, и движимый участіемъ, пожелалъ ему помочь. Стремленіе къ какому-то чрезмѣрному благородству была главная черта его характера; поэтому всякая малость могла его раздражить: онъ былъ обидчивъ до-крайности. Отъ малѣйшаго слова онъ, бывало, вспылитъ и тогда Карлъ Ивановичъ готовъ былъ ввергнуть произнесшаго это слово во тьму кромечную, убить его, уничтожить, чтобы доказать всѣмъ и каждому, что онъ истинно-благородный человекъ и не можетъ свести малѣйшаго намека на обиду. Карлъ Ивановичъ любилъ очень похвастаться своими доблестями предъ товарищами артистами; тѣ, въ отвѣтъ, постоянно подтрунивали надъ нимъ и прозвали его даже за это благородное хвастовство Донкихотомъ. Фамилія Ламангейтъ, довольно близкая съ прозваніемъ Ламаншскаго героя, особенно подстрекала ихъ къ подобнымъ выходкамъ. Карлъ Ивановичъ сердился тогда не-на-шутку и нѣсколько разъ предлагалъ имъ въ отвѣтъ рапиры, эспадроны, пистолеты,—но товарищи отшучивались новою острою, и бѣдный Ламангейтъ, возвращаясь въ свою скромную комнату, дивился недостатку благородства своего вѣка. Товарищи его, хотя и подсмѣивались надъ его странностями, но уважали его; его постоянное веселье удивляло ихъ. Карлъ Ивановичъ казался и вправду вполне счастливымъ; нельзя было съ перваго взгляда угадать, что онъ былъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ въ своемъ кругу. Безъ помощи, безъ подпоры, жилъ онъ своимъ трудомъ, часто бывалъ въ чрез-

вычайно-критическомъ положеніи, а никто почти не замѣчалъ этого. Сколько разъ недоставало ему денегъ, чтобы заплатить стряпухѣ, которая доставляла ему въ день два кушанья, и та отказывала ему въ обѣдѣ! А онъ, какъ ни въ чемъ небывалый, отправляется себѣ въ лавочку и на залежавшійся пятакъ покупаетъ краюшку хлѣба, да еще что-нибудь, поѣсть, запьетъ водицей, и опять веселъ и доволенъ, какъ бы ни въ чемъ не чувствовалъ недостатка.

«Замерзъ ужасно» проговорилъ самъ себѣ Ламангейтъ, стараясь отогрѣть оледенѣвшія руки. «Хоть бы угольковъ достать, поставить самоваръ! все-бы лучше!» Но желанныхъ угольковъ неоткуда было получить, и бѣдный артистъ долженъ былъ довольствоваться маленькимъ шерстянымъ одѣяльцемъ, какъ единственнымъ согрѣвательнымъ средствомъ, даннымъ ему судьбою. Ламангейтъ, нисколько не встревоженный этимъ, погасилъ свой огарокъ и весело улегся на жесткій волосяной диванъ, который служилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и постелью.

II.

На другой сторонѣ улицы, наискосокъ противъ дома, гдѣ жилъ Ламангейтъ, въ подвальномъ этажѣ, въ темной смрадной комнаткѣ, проживалъ толстенькій, красноносый старичекъ, съ молодою дѣвушкою, которая слыла его дочерью.

Старикъ былъ тоже артистъ: онъ игралъ на контрабасѣ, лѣтомъ въ одномъ изъ садовыхъ оркестровъ, а зимою кое-гдѣ, куда позовутъ. Его искусства не хватало на то, чтобъ поддерживать его существованіе;

безъ содѣйствія бѣдной дѣвушки, лѣтъ семнадцати, которая своею руководѣльною работою доставляла ему кое-какую помощь, бѣдность его еще бы увеличилась. Притомъ старикъ Контрабассъ одряхлѣвъ, былъ часто болѣнъ, и тогда рѣшительно всѣ заботы падали на бѣдную Машу. Но всего губительнѣе для обоихъ была постоянная жажда старика и страсть утолять ее крѣпкими напитками. Часто, возвратившись домой, совершенно безъ сознанія, онъ кричалъ, шумѣлъ, бранился и вмѣсто того, чтобы ободрить несчастную Машу, которая чахла и худѣла отъ трудовъ и заботъ, онъ отягощалъ еще болѣе ея положеніе. Хозяинъ дома нѣсколько разъ уже собирался ему отказать отъ квартиры, какъ неплатящему и притомъ безпокойному жильцу. Самъ старикъ тогда раскаявался въ своихъ увлеченіяхъ, и повималъ весь вредъ, который онъ причинялъ своимъ поведеніемъ бѣдной дѣвушкѣ, но пьянство такого рода страсть, что ее трудно по-работать, въ-особенности, когда съ лѣтами и привычкою она пуститъ слишкомъ глубокіе корни. Бѣдность и горе, при недостаткѣ твердости, могутъ легко ввергнуть человѣка въ эту страсть: — какъ не пожелать хоть на минуту позабыться! покинуть эту томительную сферу, въ которой принужденъ прозябать и страдать, чтобы перенестись мгновенно въ другой міръ, хотя не лучший, но въ которомъ по-крайней-мѣрѣ теряешь сознаніе своего горя! Положеніе бѣдной дѣвушки было ужасно. Покинутая всѣми, осужденная собственными своими силами не только заботиться о себѣ, но и о содержаніи несчастнаго старика, она страдала вдвойнѣ, и за себя и за отца своего; но горю помочь не было никакихъ средствъ и ей осталось одно только возможное утѣшеніе, — найти хоть въ комъ-нибудь теплое участіе. Молодая душа ея уже просила любви, ей нужно было подѣлиться своимъ горемъ, подъ которымъ она начинала уже изнемогать въ своемъ одиночествѣ. Съ нѣ-

которыхъ поръ сталъ навѣщать Контрабасса молодой сосѣдъ его, Карлъ Ивановичъ Ламангейтъ. Положеніе несчастной дѣвушки заняло Ламангейта; онъ всѣми мѣрами старался утѣшить и развеселить ее. За-то, какъ благодарна ему была покинутая всѣми Маша! съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала она каждый день его прихода! какъ часто сидѣла она у своего маленькаго окна, оттаивая своимъ дыханіемъ и протирая рукою оледенѣлую кору стекла, чтобы разглядѣть, не свѣтится ли огонекъ въ комнатѣ сосѣда, или угадать, что онъ дѣлаеть, чѣмъ занятъ, не думаетъ ли онъ объ ней!

Жизнь человѣка всегда бываетъ хотя разъ освѣщена лучемъ любви, который мгновенно наполняетъ нашу душу такимъ восторгомъ, что, кажется, превращаетъ самый подвалъ или чердакъ бѣдняка въ очаровательные чертоги, а горе и отчаяніе обращаетъ въ счастье и надежду! Такой лучъ блеснулъ теперь и въ щель двери темнаго подвала. Маша не давала себѣ яснаго отчета о причинѣ чувствуемаго ею преобразованія, она стала однако гораздо веселѣе прежняго. Шумъ и крикъ старика Контрабасса какъ-то менѣе сталъ ей замѣтенъ; она сама сдѣлалась къ нему ласковѣе и снисходительнѣе прежняго, старалась его утѣшить чѣмъ-нибудь, желала даже пробудить въ немъ участіе къ своей собственной радости и никакъ не могла понять, отчего Контрабассъ, обшаривъ свои пустые карманы, приходилъ попрежнему въ неистовство и отчаяніе.

Хотя, какъ мы уже сказали, старикъ Контрабассъ слылъ въ околodкѣ отцемъ Маши, но онъ пользовался этимъ именемъ только потому, что взялъ ее къ себѣ еще ребенкомъ и воспиталъ, какъ могъ. — Бѣдная дѣвушка была сирота. Маша ничего не помнила о своемъ дѣтствѣ, первыя воспоминанія ея были связаны съ жизнію Контрабасса. Старикъ часто рассказывалъ, что ея мать была очень хороша собою, но

умерла въ-родахъ; болѣе этого она ничего не знала. Кто былъ ея отецъ, и гдѣ онъ, Контрабассъ никогда не говорилъ. Старикъ дѣйствительно любилъ Машу, и еслибъ не страсть къ вину, онъ, можетъ быть, составилъ бы счастье своей дочери, какъ называлъ ее. Маша съ своей стороны старалась всѣми силами извинить слабость старика и скрыть его безпутство отъ вниманія сосѣдей и всякаго сторонняго глаза. Но Ламангейтъ, посѣщая почти каждый день бѣдную дѣвушку, заставлялъ ее часто въ самыя тяжкія минуты ея домашней жизни, онъ все видѣлъ и понималъ и вскорѣ несчастное положеніе Маши разъяснилось ему во всей его печальной подробности. Часто, возвратившись въ свою одинокую комнатку въ четвертомъ этажѣ, онъ долго думалъ и горевалъ о бѣдной сиротѣ. Придумывая всевозможныя средства, чтобы облегчить ея участь, онъ дошелъ наконецъ до убѣжденія, что положеніе ея безвыходно, что долгъ каждаго благороднаго человѣка подать руку помощи, и что онъ—благородный человѣкъ по преимуществу—избранъ самой судьбою, чтобы спасти бѣдную дѣвушку, во что бы то ни стало.

Карлъ Ивановичъ самъ съ трудомъ доставалъ себѣ необходимое, но все же, сравнительно съ семействомъ Контрабасса, онъ могъ считать себя почти богачемъ. «Увезу я къ себѣ Машу! Станемъ жить «вмѣстѣ, безъ заботъ, весело, счастливо! У меня, «правда, комнатка маленькая, но за-то опрятная, чистенькая; прикупимъ кой-какой мебелишки, подержанной, на Шукиномъ, и славно будетъ! А тамъ еще нѣсколько уроковъ—и даже денегъ будетъ довольно! «Чего намъ? Тарелка супу, миска картофелю, да развѣ «въ праздникъ фунтикъ говядины—вотъ и все! Не «балы-же задавать, а на двоихъ хватить.» Такъ раздумывалъ Ламангейтъ и осуществленіе этого плана становилось для него нетолько возможнымъ, но даже необходимымъ, неизбѣжнымъ.

Разсуждая съ своими товарищами, артистами, онъ сталъ намеать о своемъ намѣреніи жениться, не называя впрочемъ дѣвушку, на которую мѣтилъ. Товарищи подтрунивали надъ нимъ и увѣряли, что онъ этимъ безразсудствомъ окончательно себя дорѣжитъ. Но Ламангейтъ никому не хотѣлъ вѣрить. Маша открыла ему какъ-то разъ свою тайну; она объяснила что старикъ Контрабасъ ей не отецъ, что она круглая сирота и не имѣетъ никого на свѣтѣ, кто бы любилъ ее родственною любовью. Это обстоятельство еще болѣе укрѣпило Ламангейта въ его намѣреніи, вырвать ее изъ рукъ стараго пьяницы и пріютить у своего сердца. Онъ ждалъ только удобнаго случая для приведенія своего замысла въ исполненіе. Ему казалось, что число его уроковъ можетъ увеличиться, что въ самыхъ оркестрахъ оцѣнятъ наконецъ его талантъ, что тогда онъ станетъ откладывать кое-что на черный день, и составивъ такимъ образомъ капиталецъ, найметъ лучшую комнату и поселится въ ней съ своею Машею; — воображеніе рисовало ему уже картину тихаго семейнаго счастья. Онъ не справлялся съ сердцемъ, не заглядывалъ себѣ въ душу, точно-ли истинное чувство любви, необходимое для этого счастья, руководило его намѣреніемъ. Она была жертва, онъ — рыцарь благородства, этого довольно. Гордость и сознаніе собственнаго достоинства, воспламененныя случаемъ, зажгли въ немъ искусственный жаръ, похожій на нѣжное чувство, и онъ рѣшился и смѣло выводилъ на этомъ шаткомъ фундаментѣ свои воздушные замки. Но предположенія Ламангейта, къ несчастію, не осуществлялись. Къ веснѣ многіе изъ его учениковъ разъѣхались по деревнямъ, по дачамъ, число уроковъ уменьшилось, самъ онъ, занятый больше Машею, сталъ упускать случаи играть въ оркестрахъ, оттого и доходы его уменьшились. Скорѣе можно было предвидѣть, что отложенные уже тридцать рублей въ банкъ на имя неизвѣстнаго, превратятся скоро въ

кредитные билеты, потомъ въ серебро, потомъ въ мѣдь, чтобъ наконецъ исчезнуть среди каждодневныхъ нуждъ и заботъ.

Разъ какъ-то, войдя въ квартиру Контрабасса, Карлъ Ивановичъ засталъ Машу въ слезахъ. Это его чрезвычайно разстроило; онъ сталъ спрашивать о причинѣ новаго ея горя.

Маша долго отказывалась открыть истину, но наконецъ, убѣжденная живымъ участіемъ Ламангейта, рассказала ему, что Контрабассъ, отправившись куда-то наканунѣ въ полдень, до-сихъ-поръ еще не возвратился, и что отсутствіе его сильно ее беспокоитъ. Старикъ Контрабассъ, какъ видно, загулялъ и былъ взятъ въ полицію, гдѣ и переночевалъ. Вскорѣ послѣ прихода Ламангейта онъ воротился домой и самъ рассказалъ о своихъ походахъ.

Карлъ Ивановичъ былъ неизмѣнно взбѣшенъ на старика; онъ закидалъ его рѣзкими упреками и нравоученіями, объяснилъ ему все зло, которое онъ причиняетъ своимъ поведеніемъ бѣдной дѣвушкѣ и сказалъ наконецъ: «Вы не достойны пещись объ этомъ дивномъ существѣ; — я ее возьму къ себѣ! она меня любитъ, я ее также: мы будемъ счастливы вмѣстѣ; — завтра же она будетъ моею женою!» Маша кинулась въ объятія Ламангейта, цѣловала его, плакала, смѣялась; самъ старикъ, сознавая въ душѣ все, что онъ сдѣлалъ худаго, былъ потрясенъ этимъ происшествіемъ, и сказалъ торжественно: «Возьми ее! возьми мою Машу! я и вправду не достоинъ жить съ нею, я звергъ, я животное: меня погубила моя проклятая страсть къ вину. Да что сдѣлать — не могу! Еслибъ вы знали все мое прошедшее, вы-бы меня проклинали! Прощай, Маша! будь счастлива, пусть хоть это будетъ мнѣ утѣшеніемъ! будь счастлива! ты должна быть счастливою, а не то я сочту себя величайшимъ злодѣемъ.» Эти слова

были сказаны такимъ страшнымъ голосомъ, что всякій разгадалъ бы въ нихъ цѣлую драму. Лицо старика пылало, губы тряслись, на глазахъ дрожали слезы. Ламангейтъ былъ тронутъ этимъ порывомъ, онъ сталъ уговаривать старика поселиться съ ними вмѣстѣ, и убѣдиться собственными глазами въ ихъ блаженствѣ. «Нѣтъ, не могу!» отвѣтилъ Контрабасъ, «я вамъ только буду въ тягость и еще разъ помѣшаю ея счастію!»

Намѣреніе Контрабасса было непоколебимо, ничѣмъ нельзя было его убѣдить; чрезъ нѣсколько дней Маша была обвѣнчана съ Карломъ Ивановичемъ и переѣхала жить въ квартиру своего мужа. Старикъ, оставшись одинъ, загулялъ пуще прежняго, рѣдко можно было его найти дома, какъ ни пытался Ламангейтъ останавливать его. Контрабасъ никого не слушалъ и стремился только утопить свое горе въ винѣ. Это одно отравляло счастіе молодыхъ людей; еслибъ не бѣдный Контрабасъ, то Маша и Ламангейтъ ничего болѣе не желали бы въ жизни. Карлъ Ивановичъ, возвращаясь послѣ трудовъ въ свою комнату, находилъ хорошенькую, любимую жену свою за работою. Она быстро кидалась къ нему навстрѣчу, обнимала и ласкала его, и своею неподдѣльною радостію отгоняла отъ души его даже малѣйшую тѣнь заботы.

Маша сама нашла спокойствіе въ этомъ новомъ образѣ жизни: она съ любовію убирала каждый день свою комнату, зная, какъ это пріятно ея Карлу. Ламангейтъ какъ-то разъ принесъ ей чижика; — это составило новое развлеченіе въ ея уединеніи: съ какою заботою ходила она за нимъ, какъ она радовалась, когда, бывало, утромъ рано птичка своимъ чириканьемъ ее разбудить! Протирая глаза и услышавъ голосъ своего маленькаго любимца, она прижмется — бывало нѣжно къ груди своего мужа и, торопя его

идти по дѣламъ, жаркимъ поцѣлуемъ благодарить его за счастье, которое онъ ей доставилъ.

Но наступило лѣто; уроки прекратились вовсе, денегъ почти не было; банковый билетъ давно уже былъ размѣненъ, на счетъ его были сдѣланы всѣ расходы для свадьбы. Карлъ Ламангейтъ сталъ грустно озираться вокругъ себя; нищета, со всѣмъ своимъ ужасомъ приближалась къ нему скорыми шагами, лохмотья ея уже виднѣлись невдалекѣ...

Что дѣлать? Ламангейтъ грустилъ и тщетно обдумывалъ способъ помочь горю. Онъ всѣми силами старался скрыть бѣдственное свое положеніе отъ Маши. Но Маша очень хорошо понимала постигшую ихъ бѣду и тоже боялась растревожить своего мужа малѣйшею жалобою или какимъ-нибудь требованіемъ. Въ-добавокъ ко всему, она чувствовала ясно, что беременна, и со страхомъ сказала объ этомъ Карлу, оплакивая напередъ несчастную участь своего ребенка. Ламангейтъ утѣшалъ ее, какъ могъ: «Богъ поможетъ! говорилъ онъ, «надо благодарить Его и надѣяться. У насъ теперь «будетъ живой залогъ нашей любви!» Но когда онъ оставался одинъ, то вполне оцѣнялъ весь ужасъ своего положенія, и часто вспоминалъ справедливыя слова знакомыхъ и товарищей, которые ему не совѣтовали жениться. Но дѣло было прошлое: что сдѣлано, того не воротишь! Притомъ онъ спасъ бѣдную дѣвушку, которая безъ него погибла бы въ бѣдственномъ своемъ положеніи, эта мысль его поддерживала. Онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ доброе дѣло, что поступилъ какъ благородный человѣкъ, и это одно уже его вполне утѣшало и успокаивало.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Жизнь становилась съ каждымъ годомъ все тягостнѣе. Бывали, конечно, минуты, когда лучъ надежды блеснетъ и озаритъ на мигъ фантастическимъ своимъ свѣтомъ будущность; Ламангейтъ одушевляется, рисуетъ себѣ заманчивую

картину желаннаго счастья, — но вскорѣ все принимаетъ опять обычную скудную форму, и отчаяніе снова грызеть его измученную душу.

Разъ какъ-то, грустный, убитый, не предвидя ничего добраго впереди, возвратился онъ домой очень поздно, въ пятомъ часу утра. Маша спала. Онъ подошелъ къ женѣ, поцѣловалъ ее, благословилъ дѣтей, которыя съ беззаботной улыбкою лежали въ маленькой кроваткѣ, и улегся самъ осторожно, чтобы никого не разбудить, положивъ предварительно свою скрипку на столикъ, у кровати. Онъ усталъ ужасно и отъ-усталости долго не могъ заснуть. Силы его истощились совершенно. Цѣлый день онъ бѣгалъ, чтобы достать цѣлковый на обѣдъ и вязанку дровъ для семейства. Всю ночь игралъ безъ-отдыху на какомъ-то купеческомъ балѣ и, не получивъ еще вознагражденія, въ холодъ и мятежь долженъ былъ ночью идти домой съ Петербургской стороны. Невольно онъ сталъ вспоминать о своемъ грустномъ положеніи, думать о томъ, какъ веселились вокругъ него, какъ шумно разговаривали, смѣялись, танцовали, а онъ съ грызущей тоскою въ душѣ долженъ былъ наигрывать плясовую.

«Ахъ, еслибы могла Маша хоть разъ побывать «на такомъ вечерѣ! потанцовать, какъ и другіе, тоже «посмѣяться и повеселиться! какъ бы я тогда былъ «счастливъ! Вотъ бы я игралъ тогда съ чувствомъ, «съ энергіей, съ одушевленіемъ.» И воображеніе обрисовывало ему уже Машу въ легкомъ бѣломъ платьѣ, убранныю розовыми лентами, осыпанную брилліантами и цвѣтами, онъ смотрѣлъ на нее и любовался, смычекъ его бѣгло, ровно прыгалъ по струнамъ и производилъ чудеса. — Но вдругъ балъ исчезъ, ему представилась комната, великолѣпно убранная. Онъ сидѣлъ подлѣ Маши на широкомъ диванѣ, она пила кофе, любимый свой напитокъ. Сидѣли они и толковали о вчерашнемъ вечерѣ, гдѣ Ламангейтъ былъ

осыпанъ похвалами. — Но и гостиная исчезла. Представилась ему зала, наполненная публикою, ярко освѣщенная. Онъ игралъ какую-то фантазію собственнаго сочиненія; всѣ были въ восторгѣ отъ его таланта, громъ рукоплесканій пробѣгалъ по рядамъ, его вызывали нѣсколько разъ. Концертъ кончился, ему поднесли собранныя деньги; ихъ было такъ много, что едва-едва могъ держать серебряный подносъ, на которомъ онѣ были положены. Онъ сталъ ихъ считать, но никакъ не могъ дочестъ до конца; — такъ много было денегъ, что зайдетъ онъ далеко за тысячу, вдругъ что-нибудь помѣшаетъ, и снова принимается считать сначала. Въ это время подходитъ къ нему старуха, вся въ лохмотьяхъ, и проситъ милостыни. Ламангейтъ съ участіемъ спрашиваетъ ее, узнаетъ, что она вдова бѣднаго скрипача, который не оставилъ ей даже возможности добыть куска хлѣба, что у нея двое дѣтей, и что всѣ они умираютъ съ голоду. Ламангейтъ, тронутый бѣдственнымъ положеніемъ старухи, и сознавая, что долгъ велитъ ему помочь ей чѣмъ-нибудь, и вспомнивъ притомъ, что онъ самъ былъ когда-то въ такомъ же положеніи, какъ истинно благодарный человѣкъ, отдаетъ ей весь сборъ своего вечера, который онъ не успѣлъ еще досчитать. Старуха благодаритъ, цѣлуетъ его руки, Ламангейтъ вырываетъ ихъ, онъ въ величайшемъ волненіи отъ этой неожиданной благодарности. Вдругъ послышался пронзительный смѣхъ всторонѣ; онъ обернулся... Предъ нимъ стоялъ одинъ изъ его товарищей, который всегда приставалъ къ нему, называя его Донкихотомъ. Взбѣшенный Ламангейтъ обращается съ гнѣвомъ къ насмѣшнику; но тотъ еще пуще смѣется. Въ раздраженіи своемъ Ламангейтъ ударилъ кулакомъ объ столъ, столъ повалился съ ужаснымъ шумомъ и — Ламангейтъ проснулся.

Лучъ солнца, пробираясь между сосѣдними крышами, ударялъ прямо въ маленькое окно его комнаты и

освѣщалъ вполнѣ его бѣдствіе. Ламангейтъ протеръ глаза и сѣлъ на постель; онъ долго смотрѣлъ смутно на все окружающее. Столъ, стоявшій у постели, подлинно повалился; скрипка, которая лежала на немъ, разбилась въ-дребезги; подлѣ дверей стояла Маша, испуганная, держа за руки обоихъ своихъ дѣтей. «Какъ папа страшень сегодня!» сказалъ старшій изъ нихъ, маленькій Карлъ. И вправду, Карлъ Ивановичъ былъ страшень: глаза его стояли неподвижно, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и казался помѣшаннымъ! Вдругъ онъ увидѣлъ бѣдную свою скрипку, которая одна его кормила и должна была составить его благоденствіе. Съ ужасомъ кинулся онъ поднимать куски дерева, прижалъ ихъ къ своей груди и страшно зарыдалъ. «Маша, «Маша! посмотри! я разбилъ свою скрипку! послѣднюю нашу опору!»

Ударъ былъ слишкомъ тягостень. Карлъ Ивановичъ заболѣлъ. Сильная горячка была слѣдствіемъ всѣхъ его мукъ, въ бреду своемъ онъ то и дѣло говорилъ про свою скрипку, про балъ, на которомъ игралъ, про свой концертъ, вспоминалъ женщину, которая просила у него милостыню, и тогда вдругъ обращался къ женѣ своей и говорилъ: «бѣдная, бѣдная Маша!» и заливался горькими слезами. Послѣ этихъ слезъ каждый разъ Ламангейту было немного легче, но чрезъ нѣсколько времени бредъ его усиливался снова, и онъ терялъ всякое сознаніе.

III.

Въ одинъ пасмурный, холодный осенній день, въ узкомъ и грязномъ переулкѣ близъ Вознесенія, гдѣ

мы вначалѣ нашей повѣсти встрѣтили въ первый разъ Ламангейта, появилась хорошенькая, щеголевато-отдѣланная карета, запряженная парюю сѣрыхъ жеребцовъ. Она быстро прогремѣла вдоль переулка, — толстый кучеръ, съ окладистою бородою, едва удерживалъ лошадей — и наконецъ остановилъ ихъ у воротъ того же самаго дома, гдѣ жилъ когда-то давнишній нашъ знакомый, старикъ Контрабасъ.

Дверцы отворились, вышелъ изъ кареты господинъ, среднихъ лѣтъ; посмотрѣвъ на билетъ надъ воротами, онъ самъ отправился на грязный дворъ, отыскивать дворника.

Карета, лошади, самый кучеръ, притомъ модное пальто, съ большимъ бобровымъ воротникомъ, свидѣтельствовали ясно, что прїѣзжій былъ человекъ съ состояніемъ. Его появленіе озадачило всѣхъ подвальныхъ жителей сосѣднихъ домовъ; всѣ смотрѣли на него какъ на какое-то невиданное чудо, — и не было скромнаго артиста, съ обезьяной или шарманкой, возвращающагося въ свой темный уголь, который бы не обернулся, чтобъ поближе осмотрѣть необыкновеннаго незнакомца, и не задалъ себѣ внутренняго вопроса: — кто бы это могъ быть? и по какому дѣлу такой господинъ могъ зайти въ нашъ звѣринецъ?

Послѣ долгихъ розысканій желанный дворникъ нашелся, но, стоя съ удивленіемъ и вытараща глаза, только глупо почесывалъ затылокъ.

«Здѣсь живетъ старикъ, играющій на контрбасѣ?» спросилъ незнакомецъ.

— Какой такой старикъ?.. Стариковъ много...

Господинъ въ пальто въ нѣсколькихъ словахъ описалъ того, о комъ спрашивалъ; видно было, что онъ его хорошо знаетъ.

— А, евтооть-то! Богданъ Ефимычъ, сказалъ дворникъ, мѣняя задумчивую физиономію на веселую. Какъ-же-съ, жилъ онъ постоянно здѣсь!

«Ну, а теперь, развѣ не здѣсь живетъ?»

— Кто? контрабасъ—отъ?

«Ну, да!»

— Да, онъ уже вотъ два года, ваше благородіе, какъ приказалъ долго жить.

Господинъ въ пальто замѣтно смутился и задумался.

«У него была молодая дѣвушка?» спросилъ онъ снова.

— Какъ-же-съ, ваше благородіе, была! Марьей Андревной звали.

«Она жива? или тоже умерла?»

— Нѣтъ-съ, помиуйте-съ, жива! — Впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ; — вотъ уже три года, какъ она отъ насъ съѣхамши! отвѣчалъ дворникъ.

«Гдѣ же она?»

— Она, видите-ли, то есть, примѣрно, вышла замужъ за скрипача, что квартировалъ тутотка, насупротивъ, ну, такъ и переѣхала жить къ нему.

«А ты не знаешь, гдѣ этотъ скрипачъ, и какъ его зовутъ?»

— Какъ зовутъ-то? изъ нѣмцевъ онъ выходитъ, Карлъ Иванычемъ зовутъ.

«Ну, а гдѣ онъ теперь живетъ?» спросилъ нетерпѣливо господинъ въ пальто, которому болтливость дворника уже надоѣла.

— А насчетъ этого, не могу знать. Вы спросите напротивъ, вонъ, въ этомъ домѣ, что лужа-то у воротъ стоитъ. Тамъ онъ жилъ прежде.

«А какъ его фамилія?»

— Фамилія — Ламайхоть — будетъ.

«Какъ?»

— Ламайхоть, Карлъ Ивановичъ.

«Хорошо, благодарю!» И господинъ въ пальто, давъ какую-то монету дворнику, который ниже сталъ кланяться, отправился на другую сторону улицы.

Черезъ нѣсколько времени, получивши желанныя свѣдѣнія, карета снова быстро помчалась по узкому переулку. Дворникъ, стоя у воротъ, все еще кланялся и, когда кареты уже не было видно, надѣлъ шапку, перекинулъ нѣсколько разъ полученную монету на ладони, и спросилъ себя глубокомысленно: «Кто бы это могъ быть? Старого пьянчугу ищетъ... Да видно не его, а знать до дочки добирается.... А баринъ важный: цѣлый полтинникъ подарил!»

Появленіе Андрея Осиповича Черепицына (такъ звали господина, прїѣзжавшаго въ каретѣ) привело въ смущеніе весь переулокъ; долго еще всѣ судили и радили объ этомъ необыкновенномъ происшествіи, но какъ ни старались всѣ кумушки отыскать разгадку этого необыкновеннаго событія, ничего положительнаго узнать не могли.

Андрей Осиповичъ Черепицынъ былъ сынъ довольно богатаго помѣщика, нажившаго себѣ состояніе черезъ доходное мѣсто, разныя продѣлочки, оборотцы, покупки и перепродажи. Только-что выпущенный изъ университета, онъ съ жаромъ пустился въ тотъ кругъ петербургской молодежи, въ которомъ, проснувшись, утромъ въ 12 часовъ, обдумываютъ, за чашкою кофе, какъ-бы провести повеселѣе цѣлый день и вечеръ, — но каждый день убѣждаются, что необходимо дѣлать кое-какіе визиты, потомъ въ 3-мъ часу погранить тротуары Невскаго проспекта, или притоптать дорожки

Лѣтняго сада, отобѣдать у знакомаго или у Дюссо, вечеромъ съѣздить въ Михайловскій театръ или въ оперу, но никакъ не въ Александринскій, потому только, что на этой сценѣ играютъ не иностранные артисты, а оттуда пуститься на вечеръ или на балъ; чтобъ воротиться въ 4 или 5 часовъ домой. Жизнь праздная, разгульная, которая, конечно, какъ и всякаго рода жизнь, имѣетъ свою поэзію, въ нѣкоторой степени даже свою занимательность, но которая до-того утомляетъ, что четыре, пять такихъ годовъ легко могутъ быть зачтены за десять!

Андрей Осиповичъ, или лучше Андрюша, какъ его звали всѣ товарищи по ужинамъ и прогулкамъ, кадрилямъ, былъ молодъ, богатъ, достаточно красивъ собою, чтобъ никого не пугать, а модное платье, плюшевый жилетъ, усы, великосвѣтскіе манеры и французскій бойкій языкъ въ достаточной мѣрѣ замѣняли недостатки души и образованія. Можно было не запинаясь назвать его ловкимъ, милымъ молодымъ человекомъ. Еще бы немножко шику—и его наименовали бы львомъ, но онъ и такъ могъ рѣшительно претендовать на это званіе въ нѣкоторыхъ кружкахъ. Многіе, менѣе достаточные франты, копировали его, а потому онъ имѣлъ нѣчто въ родѣ своей свиты; чего же болѣе надобно, чтобы быть львомъ!

Молодой человекъ, въ какомъ бы онъ ни жилъ обществѣ, все же молодой человекъ,—какъ онъ не отдѣляйся отъ общепринятаго, а все сохранить главные оттѣнки и побужденія, сродные всякой молодости: формы, размѣръ, внѣшняя сторона только измѣняются. Рѣка та же, отъ самаго своего истока до впаденія; но въ началѣ она бѣгло струится между камнями и мхомъ, потомъ расширяется, расширяется и уже плавно впадаетъ большою массою въ озеро или въ море; на сѣверѣ вы только встрѣчаете ель и сосну у береговъ ея, на югѣ — вокругъ плодovitыя нивы; внѣшность ея измѣняется съ теченіемъ, но рѣка остается та же.

Такъ и здѣсь. Сильнѣйшій и первый двигатель молодости, въ какомъ-бы обществѣ или кругу то ни было, всегда есть и остается любовь, это магическое чувство, которое, какъ самовластный нашъ деспотъ, перебрасываетъ насъ постоянно отъ радости къ горю, то ласкаетъ надеждой, то ввергаетъ въ отчаяніе.

Въ кругу, въ которомъ рисовался Андрюша, было принято за правило, что любовь *глупость*, а интрижка вещь необходимая. Андрюшѣ, какъ доброму малому и хорошему товарищу, какимъ онъ признанъ былъ окружавшими его львенками, совѣстно казалось передъ сотоварищами ужиновъ и маскарадовъ не имѣть ничего даже сколько-нибудь подходящаго къ интригѣ.

Онъ рѣшился немедленно приступить къ стратегическимъ дѣйствіямъ. Въ первомъ же маскарадѣ познакомился онъ съ какою-то маскою, которая попросила у него ужинать, позволила проводить себя до дому и пріѣхать къ ней на другой день. Дѣло шло на-почтовыхъ и скоро было слажено. Всѣ товарищи поздравили его съ побѣдою, и Андрюша, довольный собою, сталъ жить попрежнему, удѣляя только нѣсколько часовъ своему милому Машочку, какъ онъ ее называлъ. Маша была бѣдная сирота; отецъ ея, подмастерье у какого-то нѣмца портнаго, отдавъ ее въ модный магазинъ, гдѣ она получила надлежащее образованіе гризетки, вскорѣ послѣ того умеръ. Маша въ кругу своихъ подругъ по моднымъ издѣліямъ легко предалась тому веселому образу жизни, о которомъ она слышала столько чудесъ еще съ раннихъ лѣтъ.

Андрей Осиповичъ не былъ изъ числа людей, которые чванятся своими любовными побѣдами, да и нечѣмъ было особенно похвалиться, развѣ тѣмъ, что произвелъ новую жрицу столичнаго разгула. Онъ устроилъ дѣло такъ, что почти никто не зналъ, гдѣ и какъ живетъ Маша; ее даже почти не встрѣчали на публичныхъ гульбищахъ. Андрею Осиповичу было до-

вольно того, что у него есть интрижка, и онъ по-прежнему исполнялъ всѣ требованія своего общества.

Андрей Осиповичъ жилъ съ своимъ Машочкомъ очень дружно.

Отецъ Черепицына, старикъ лѣтъ 60-ти, узнавъ объ образѣ жизни своего единороднаго сына, нисколько не удивился и не возгорѣлъ родительскимъ гнѣвомъ, а только подумалъ: «Это бы ничего; но онъ «много что-то тратитъ, притомъ можетъ свыкнуться съ этою женщиною;—лучше-бы его женить!»

Отыскали невѣсту, которая съ удовольствіемъ согласилась вступить въ бракъ съ Андреемъ Осиповичемъ, и старикъ Черепицынъ употребилъ всѣ свои старанія; чтобъ убѣдить сына, онъ пустилъ въ-ходъ все подъяческое краснорѣчіе, изложилъ дѣло по пунктамъ — и Андриуша поддался на удочку. Одно только обстоятельство чрезвычайно беспокоило Андрея Осиповича: Машокъ была беременна, — какъ-же ее оставить въ такомъ положеніи? Но это же самое обстоятельство заставило старика-отца дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ.

Срокъ родовъ приближался для Маши. Бѣдная дѣвушка, узнавъ о готовящейся ей участи, тяжело занемогла, роды произошли преждевременно. Мать не выдержала страданій, и, можетъ быть, за первое увлеченіе сердца поплатилась жизнью, передавъ міру новую сироту, которой было суждено также, какъ и ей, бороться съ непреклонною судьбою.

Андрей Осиповичъ заплакалъ немножко, далъ въ крещеніи своей дочери имя Маріи, въ-память матери, и, подумавъ немного, принялъ это несчастіе, какъ опредѣленіе судьбы, прямо указующей ему на предлагаемый законный бракъ. Ему надобно было только какъ-нибудь обезпечить участь бѣднаго ребенка.

Въ ближнемъ домѣ, въ подвальномъ этажѣ, жилъ музыкантъ, одинокій, холостой, который слылъ довольно честнымъ малымъ. Черепицынъ рѣшился. Онъ позвалъ къ себѣ музыканта, и предложивъ ему взять ребенка на воспитаніе, далъ ему тысячу рублей на расходы, которые могутъ случиться впоследствии, да еще три тысячи, которыя просилъ отдать Машѣ, когда ей минетъ 16 лѣтъ и она можетъ выбрать себѣ достойнаго мужа. Черепицынъ, устроивъ такимъ образомъ дѣло съ Контрабасомъ, былъ совершенно убѣжденъ, что онъ навсегда обезпечилъ участь своей дочери, — и потому спокойно поѣхалъ въ деревню къ отцу, а тамъ — и въ церковь, гдѣ его обвинчали съ дочерью благородныхъ, но небогатыхъ родителей, цвѣтушей, дородной, очень бѣлокурой, очень бѣлой, съ желтоватымъ оттѣнкомъ веснушекъ — признакомъ деревенскаго здоровья.

Контрабасъ, котораго вы, конечно, уже узнали съ перваго взгляда, съ радостью принялся за воспитаніе Маши. Она была прелестный ребенокъ, да и деньги были не дурны, — ему никогда еще не снилась такая сумма, онъ не вѣрилъ даже глазамъ своимъ, пересчитывалъ депозитки понѣскольку разъ въ день, подбиралъ и перекладывалъ ихъ въ пачки подъ-цвѣтъ, и на-радостяхъ гульнулъ не-на-шутку.

Вначалѣ, желая вполне исполнить волю Черепицына, Контрабасъ положилъ — было деньги въ Ломбардъ, на имя неизвѣстнаго; потомъ, по случаю какой-то крайней надобности, онъ взялъ часть и истратилъ ее, въ намѣреніи пополнить впоследствии сумму изъ своихъ заработковъ, — но это намѣреніе трудно было исполнить, — ибо заработки были слишкомъ скудны; появилась вторая крайняя нужда, тамъ третья, четвертая — и деньги Маши сильно уменьшились, въ надеждѣ несбыточнаго пополненія. Но годы шли, дѣвочка росла, нужды возобновлялись, а

надежда не осуществлялась. Наконецъ, даже самъ Контрабассъ понялъ, что она его обманула рѣшительно. Съ отчаянія и чувствуя въ душѣ, что онъ виноватъ, Контрабассъ началъ пить — сперва, чтобъ отогнать докучливую совѣсть, потомъ, чтобъ заглушить голосъ нужды, наконецъ по привычкѣ и — запилъ ужасно; страсть къ вину овладѣла имъ совершенно, и участь бѣдной воспитанницы, которая слыла всюду его дочерью, дѣлалась съ каждымъ днемъ все тягостнѣе и невыносимѣе.

Супруги Черепицыны жили между-тѣмъ очень счастливо. Андрей Осиповичъ владѣлъ такого рода любезнымъ характеромъ, что и оба супруга, въ порывахъ взаимнаго сочувствія, не замѣчали даже какъ проходили года за годами. Андрей Осиповичъ скучалъ только немножко отъ избытка спокойствія въ своемъ образѣ жизни. Псовая охота, разѣзды по сосѣдямъ, побранки съ старостою, да кой-какія дѣлишки по судамъ, не вполне удовлетворяли его.

Счастливые супруги жили такимъ образомъ 15 лѣтъ, но всему есть предѣлъ на землѣ, а счастью чуть-ли не больше всего прочаго. Послѣ пятнадцати лѣтъ жизни спокойной, тихой, супруга Андрея Осиповича заболѣла, она гдѣ-то простудилась, сдѣлалась водяная въ груди — и она отошла въ вѣчность.

Андрей Осиповичъ въ слезахъ проводилъ тѣло своей любимой жены на кладбище и грустно возвратился въ свое имѣніе. Домъ опустѣлъ: какая-то смертная тишина воцарилась вокругъ него. Ничто не занимало Андрея Осиповича, онъ былъ вѣчно одинъ; — а перекинуть слово съ кѣмъ-нибудь надо: привычка — вторая натура. Наѣзжали, правда, сосѣди, но тоже мало его развлекали. Какъ онъ ни старался разсѣять себя, ни что не помогало; ѣздилъ онъ и въ губерскіе города и въ Москву; — но нѣтъ! все та же тоска, то же уединеніе! Такъ провелъ онъ года три, четыре.

Въ одно прекрасное утро солнце какъ-то особенно весело свѣтило въ окно его комнаты. Андрей Осиповичъ, проснувшись, вспомнилъ свою молодость, свою прежнюю жизнь, вспомнилъ онъ, что у него осталась дочь отъ перваго юношескаго разгула, дочь, которую онъ бросилъ, почти на произволъ судьбы. Все это какъ-то странно расшевелило его душу. Есть святая минуты въ жизни, которыя благотворно западаютъ въ грудь человѣка и оживляютъ даже давно уснувшее сердце. Такая минута наступила и для Андрея Осиповича.

Дѣтей отъ законнаго брака онъ не имѣлъ. «Что бы мнѣ отыскать бѣдную мою Машу?» подумалъ онъ: «Она теперь, чай, выросла, похорошѣла, можетъ-быть; — мать ея вѣдь была красавица; — возьму-ка я ее къ себѣ, будемъ жить вмѣстѣ: веселѣе будетъ по-крайней-мѣрѣ, хоть отвести душу есть съ кѣмъ... Буду знать, что около меня есть существо, которое смогу ласкать, рядить, баловать!» и въ глазахъ Андрея Осиповича заходили огоньки, весь остатокъ его моральныхъ силъ отразился въ нихъ.

Какъ рѣшено, такъ сдѣлано. Черезъ три дни Черепицынъ на почтовыхъ поскакалъ въ Петербургъ.

IV.

Лихорадочный сонъ, который такъ встревожилъ Ламангейта и вслѣдствіе котораго онъ разбилъ свою скрипку, былъ, такъ-сказать, предвѣстникомъ сильной горячки. Недѣли двѣ Карлъ Ивановичъ лежалъ безъ памяти, въ бреду; частный докторъ, который

навѣщалъ его, по обязанности службы и вслѣдствіе просьбы бѣдной Маши, махнулъ уже рукой, что значило въ переводѣ съ мимическаго на живой языкъ: «что-могъ тутъ время терять, черкай изъ списковъ.» Къ-счастью, и противъ ожиданій полицейскаго Эскулапа, истинно сердечныя заботы и молитвы доброй Маши и природныя силы больнаго восторжествовали: Карлъ Ивановичъ сталъ видимо поправляться. Поддерживаемый женою, онъ могъ пройти раза два въ день по комнатѣ, говорилъ мало, голосъ его былъ еще слабъ, но впалые глаза и щеки начали уже понемножку выдвигаться на прежнія мѣста. Доктора, къ которымъ Маша бѣгала безпрестанно за совѣщаніемъ, увѣряли однакожь, что малѣйшая неприятность или раздраженіе могутъ возобновить горячку, и что тогда нѣтъ спасенія. Маша употребляла всѣ усилія, чтобы удалить такого рода случай: она скрывала, какъ только могла, отъ мужа бѣдственное положеніе, которое естественно возникло отъ долговременной тяжелой болѣзни бѣднаго артиста. Тутъ-же, у постели больнаго, она шла, работала цѣлыя ночи напролетъ, чтобы получить нужныя деньги на куриный супъ, предписанный докторомъ, не разсуждавшимъ, есть-ли на что купить курицу. Къ счастью ихъ служило хоть то, что частный врачъ прописывалъ больному лекарства на имя *бѣднаго*, и оно отпускалось по большей части даромъ, притомъ и онъ самъ не требовалъ никакого возмездія за свои труды, видя слишкомъ ясно, что этого возмездія взять негдѣ. Но, несмотря на всѣ эти пособія, бывали трудныя минуты для бѣдной женщины, и тогда, чтобы достать необходимый рубль, или два, она относилась къ закладчицамъ какое-нибудь платье или мантилью, за которыя едва получала десятую часть ихъ стоимости. Она должна была продать такимъ-образомъ маленькій, золотой браслетикъ, подаренный ей Карломъ наканунѣ свадьбы, драгоценность, съ которой клялась никогда не разставаться.

Она плакала, терзалась, но что-же дѣлать, — нужда!

Разъ какъ-то Карлъ Ивановичъ, уже видимо поправляясь, сидѣлъ на постели, обложенный подушками; блѣдное, изнуренное лицо его свидѣтельствовало о его страданіяхъ. Маша вышла куда-то по своимъ дѣламъ; оставались въ квартирѣ одинъ больной и двое его дѣтей. Вдругъ кто-то стукнулъ въ дверь. Карлуша, старшій сынъ Ламангейта, думая, что возвращается мать его, побѣжалъ отворить, но къ удивленію своему встрѣтилъ высокаго, статнаго господина. «Здѣсь живетъ Ламангейтъ, скрипачъ?»

«Здѣсь,» отвѣтилъ мальчикъ, «это мой папа!»

Высокій господинъ погладилъ по головкѣ мальчика и вошелъ въ комнату. При видѣ окружающей его нищеты, онъ немного сморщился и какъ-бы съ презрѣніемъ сталъ все осматривать. Къ счастью, Карлъ Ивановичъ не могъ разглядѣть этого, онъ только полуоткрылъ глаза и тихо, едва внятно, проговорилъ: «Что вамъ угодно?»

— Господинъ Ламангейтъ здѣсь живетъ?» повторилъ незнакомецъ.

— «Я самъ Ламангейтъ» отвѣчалъ больной.

— Очень радъ, что я васъ нашелъ. Меня зовутъ Андреемъ Осиповичемъ Черепицынымъ.

Карлъ Ивановичъ ничего не отвѣчалъ, онъ какъ будто былъ удивленъ неожиданнымъ посѣщеніемъ.

— Вы женаты? продолжалъ Черепицынъ.

— Женатъ, отвѣтилъ Ламангейтъ, а начто вамъ?

— Вашу жену зовутъ Марією? она жила прежде у старика Контрабасса, у Вознесенія, вы тамъ ее встрѣтили?

— Это такъ, отвѣтилъ Карлъ Ивановичъ. А начто вамъ все это?

— Вашей жены нѣтъ здѣсь? спросилъ опять Черепицынъ.

— Она только-что вышла.

— Я пришелъ сдѣлать ей предложеніе. Но какъ она ушла со двора, а вы ея мужъ, то я вамъ скажу, въ чѣмъ дѣло.

— Предложеніе? вопросительно повторилъ Ламангейтъ.

— Да, предложеніе, отвѣтилъ Черепицынъ и, придвинувъ стулъ, сѣлъ подлѣ кровати. Вотъ въ чемъ дѣло: я ея отецъ!

— Ея отецъ! съ удивленіемъ сказала Карлъ Ивановичъ.

— Да, ея отецъ! Нѣсколько минутъ послѣдовало молчаніе. въ которое больной какъ-будто собиралъ послѣднія свои силы, чтобы понять, разъяснить томительную для него думу, которая возникла отъ этого одного слова.

— Разнаго рода обстоятельства, продолжалъ Черепицынъ, заставили меня скрывать до времени отъ моей дочери имя ея отца; самъ я скоро послѣ ея рожденія женился и, вы согласитесь, не могъ-же принять этого ребенка къ себѣ въ домъ. Теперь дѣло прошлое; я вдовецъ, живу одинъ въ своей деревнѣ и желалъ-бы, чтобъ моя дочь переѣхала ко мнѣ. Ей тамъ будетъ привольно, хорошо; она можетъ заняться моимъ хозяйствомъ; я теперь, повторяю, вдовецъ, бездѣтень, стало-быть, все равно что холостой.

Ламангейтъ слушалъ Черепицына съ большимъ вниманіемъ, — молча, неподвижно. Онъ уставилъ свои глаза, которые блистали какимъ-то страннымъ огнемъ, прямо въ глаза незнакомца. Черепицынъ не обратилъ на это вниманія и продолжалъ:

— Я увѣренъ, что выгодное мое предложеніе будетъ принято ею съ благодарностію.

— Съ благодарностию? какъ-то странно и чрезвычайно протяжно проговорилъ Ламангейтъ, и его глаза еще сильнѣе заблистали, а члены замѣтно забила лихорадка.

— Такъ вы думаете, милостивый государь, что если кинули свою дочь на произволь судьбы, оставили ее безъ всякой помощи, если ввергнули сиротку съ младенческаго возраста въ нищету, заставили ходить въ лохмотьяхъ и чуть не просить милостыни, то можете все это вознаградить, загладить, и какъ-бы оправдать себя въ глазахъ другихъ, дѣлая ей предложеніе переѣхать къ вамъ, именно теперъ, когда вамъ нужна ключница и экономка для присмотра за вашимъ хозяйствомъ? Вы хотите выставить себя предъ людьми великодушнымъ, правдивымъ, щедрымъ и думаете, что, за все это, ваше предложеніе будетъ принято съ благодарностию? Тутъ Ламангейтъ нервно разсмѣялся, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ; свалившееся одѣяло открывало изнуренное, худошавое тѣло больного, глаза опали еще болѣе и какая-то адская злоба пробѣжала по всему его лицу.

— Любезный другъ, вы, кажется, забываетесь!»! сказалъ Черепицынъ, вспыхнувъ и вставъ съ мѣста. Вы бѣдный уличный музыкантъ, а я человѣкъ благородный!

— «Благородный!» съ иронической усмѣшкой произнесъ Ламангейтъ. «Да, я уличный скрипачъ, рожденъ отъ нищаго; но милліоновъ вашихъ не возьму, чтобъ отпустить мою Машу въ домоправительницы къ такому благородному человѣку, какъ вы...

— Вздорная спесь! вы должны благодарить меня за то, что я рѣшаюсь признать себя отцомъ вашей жены, конечно не отцемъ законнымъ, но все-таки отцемъ!»

— Отцемъ! вскрикнулъ больной; да какое вы имѣете право называть себя отцемъ моей Маши? Кто вамъ

его далъ? Вы извергъ, а не отецъ! и Ламангейтъ, блѣдный, вскочилъ съ постели и, дрожа всѣмъ тѣломъ, пошелъ прямо къ незнакомцу. «Выдите вонъ изъ этой комнаты! и проворнѣ!» сказалъ онъ голосомъ, задышающимся отъ негодованія, «не-то, хоть я и болѣнъ и слабъ, но у меня еще хватитъ на столько силы, чтобы васъ сбросить съ лѣстницы!» Ламангейтъ былъ въ такомъ изступленіи, произнося эти слова, что казался какъ-бы помѣшаннымъ, и, стоя посреди комнаты, въ одной рубашкѣ, указывая дрожащей рукой повелительно на дверь, онъ самъ едва держался на ногахъ.

Дѣти его до-того перепугались этой непредвидѣнной сценой, что спрятались за старый комодъ, какъ-бы желая найти за нимъ спасенія.

Черепицынъ самъ не понималъ, что съ нимъ происходило; бѣшенство и страхъ попеременно волновали его душу, онъ не зналъ, какъ выдти изъ этого страннаго положенія, не оскорбляя чувства собственного достоинства. Какъ-бы невольно онъ взялся за шляпу и пошелъ къ двери. «Да, это сумашедшій, прямо съ цѣпи!» говорилъ онъ въ полголоса, выходя изъ комнаты.

Въ эту минуту дверь отворилась, вбѣжала испуганная Маша; она слышала шумъ еще на лѣстницѣ и, предчувствуя несчастье, бросилась опромѣтью въ свою комнату. Ламангейтъ все еще стоялъ посреди комнаты и безсознательно повторялъ: «Это извергъ, не отецъ! злой демонъ, а не человѣкъ!»

Черепицынъ не замѣтилъ встрѣчную Машу и ей даже не поклонился;—бѣдной женщинѣ тоже было не до него; она кинулась прямо къ мужу и старалась успокоить его и уложить опять въ постель.

Горячка возобновилась съ прежнею силою, бредъ удвоился противъ перваго раза.

Бѣдная Маша, омывая слезами ноги несчастнаго артиста, вслушивалась въ эти безсвязныя рѣчи, но

ничего не могла разобрать, кромѣ отрывистыхъ словъ: извергъ, онъ не отецъ! которыя почти не сходили съ языка больного.

Маленькій Карлуша не могъ ясно передать того, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ только зналъ, что очень испугался, и что этотъ господинъ — «увѣрялъ папу, что онъ твой отецъ.»

— Вѣдь это неправда, мама? вѣдь это неправда? спрашивалъ мальчикъ.

— Нѣтъ, онъ не можетъ быть моимъ отцемъ, отвѣтила отчаяннымъ голосомъ Маша, потому, что онъ убилъ всю мою жизнь, все то, что мнѣ было дорого! Нѣтъ, онъ не можетъ быть моимъ отцемъ! Да, дитя мое, это неправда.

V.

По дорогѣ къ Смоленскому кладбищу тянулся шагомъ бѣдный, маленькій похоронный поѣздъ. На какой-то телѣгѣ стоялъ гробъ, за нимъ шла женщина, постарѣвшая отъ нужды и работъ. Она держала за руки двухъ своихъ дѣтей.

Дошли до кладбища, вырыли яму, опустили гробъ. Женщина смотрѣла все время на эту картину, какъ будто не понимая, что вокругъ нея дѣлается; но когда яма была засыпана, когда поставили простенькой деревянный крестъ, она бросилась къ нему и, рыдая, припала жаркой головою къ холодной землѣ. То было послѣднее ложе бѣднаго Донкихотика, Карла Ивановича Ламангейта, жертвы рыцарской доблести и благородства.

Маша встала, перекрестилась, поцѣловала своихъ дѣтей — и пошла съ кладбища.

— Куда мы теперь пойдѣмъ? спросилъ одинъ изъ мальчиковъ; скоро-ли мы увидимъ папу?

Маша только поцѣловала своего сына въ лобъ и сказала: «Папа твой, можетъ-быть, будетъ счастливѣе здѣсь, чѣмъ на землѣ. А мы, душенька, пойдѣмъ, куда Богъ пошлетъ: — Онъ не оставляетъ тѣхъ изъ своихъ дѣтей, которыя уповаютъ на Него!»

ДУНЯША,

ДОЧЬ СТАНЦИОННАГО СМОТРИТЕЛЯ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ ПРОЗѢ.

КНЯЗЯ ГР. В. КУГУШЕВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ВЪ I АКТѢ.

АНТОНЪ АБРАМОВЪ КОЧЕРЫЖКИНЪ, старикъ 65 лѣтъ, станціонный смотритель въ селѣ Продолговатомъ.

ДУНЯША, дочь его, 22 лѣтъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЗАЛИВО-ЗАЛИВАЙСКІЙ, ротмистръ гусарскаго полка, квартирующаго въ селѣ Продолговатомъ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОРНОСТАЕВЪ, корнетъ того же полка.

БАЗИЛЬ БЛЕСТКИНЪ, адъютантъ бригаднаго генерала, того же гусарскаго полка, проѣзжающій изъ Москвы.

СИДОРЪ, его молодой лакей-девчицкъ.

НИКАНОРЪ АНДРЕИЧЪ, старый дядька графа.

СТАРОСТА на станціи въ селѣ Продолговатомъ.

ЯМЩИКЪ съ другой станціи, ѣхавшій съ Блесткинымъ.

ЯМЩИКЪ съ станціи села.

Въ первомъ актѣ дѣйствіе происходитъ на почтовой станціи.

АКТЪ I.

СЕЛО ПРОДОЛГОВАТОЕ.

Почтовая станція. Сцена раздѣлена перегородкою, но такъ, чтобы одна комната направо отъ зрителей была больше другой. Въ маленькой комнатѣ главная дверь противъ зрителей. Направо по стѣнѣ подъ окномъ стоитъ большой, длинный письменный столъ, покрытый старымъ кускомъ зеленого сукна. На столѣ чернильница, перья, сурьичъ, нѣсколько толстыхъ переплетенныхъ въ папку тетрадей; одна изъ нихъ открыта и служитъ для прописки подорожныхъ, другія же, закрытыя лежатъ поодаль. У стола стоитъ стулъ, подъ-орьхъ, обитый зеленымъ сафьяномъ. Около двери направо по стѣнѣ, узкій, продолговатый шкафъ, въ которомъ хранятся стѣнные висельные часы съ гирями и длиннымъ маятникомъ. По стѣнѣ, отдѣляющей эту комнату отъ большой, стоятъ стулья — родные братья того, который, вѣчно измѣняя положеніе, вперенъ длинному столу. Въ перегородкѣ дверь, отворенная, ведущая въ большую комнату, изъ которой нѣтъ другаго выхода. По главной стѣнѣ, противъ зрителей въ большой комнатѣ стоитъ диванъ, подъ-орьхъ, обитый зеленымъ сафьяномъ; передъ нимъ столъ и два кресла, тоже подъ-орьхъ. Направо по стѣнѣ два небольшія окна. Въ простѣнкѣ виситъ небольшое зеркало. Ниже Барклай-де-Толли и Кутузовъ, верхомъ, въ рамкахъ. По лѣвой стѣнѣ, или перегородкѣ стулья; ближе къ рамкѣ, съ каждой стороны по два кресла, между которыми стоитъ по столику. Обѣ комнаты оклеены одинаковыми дешевыми обоями, или просто окрашены желтой краской, но мебель непременно обита зеленымъ сафьяномъ.

При поднятіи завѣсъ — Дуляша сидитъ у окна въ большой комнатѣ.

I.

Дуляша (одна). Экая тоска какая! Тамъ, въ жилой избѣ дѣло есть, такъ-нѣтъ, сиди здѣсь, неравно кто заѣдетъ, дорога большая, проѣзжая, разбудить тятиньку нало-тъ. Онъ, сердечный, опять сегодня хмѣлень, а все этотъ, прости Господи, управитель по вотчинамъ, старый плутъ, Петръ Ильичъ, его угощаетъ. Ну, избави Богъ, важное какое лицо нагрянеть, генераль по казенной, али курьеръ, али такъ какой проѣзжій!.. Бѣда!.. Сердце не на

мѣстѣ! Да еще, чего добраго, графъ придетъ! Охъ, Господи! За грѣхи мои Ты послалъ мнѣ это мученіе! Хорошъ онъ, нечего сказать, глаза такіе большіе, усики коротенькіе, волосы длинныя... люблю я его, да ужъ онъ больно пристаётъ, проходу не даётъ. Какіе странные эти мужчины, право; ну, развѣ не довольно одной любви, нѣтъ, цѣловаться лѣзетъ, не посидитъ смирно. Вѣдь, сказано ему: люблю-молъ, хоть и стыдно, да ужъ нечего дѣлать; такъ-нѣтъ, всё ему мало. И чего онъ хочетъ? Не могу же я... то есть не можетъ же онъ на мнѣ жениться? Ну, какая я графиня? Смѣшно даже. Что я у сосѣдняго помѣщика-то Толсторылина жила, да съ его дочерьми въ куклы играла и потомъ книжки читала, такъ не благороднѣе же я оттого другихъ дѣвушекъ... просто дочь станціоннаго, и вся недолга. А люблю я его! Господи, подумаешь, давно-ли, кажется, веселѣхонька была, пѣсни-бывало поешь, не напоешься; а поставили у насъ въ селѣ гусаровъ, какъ рукой сняло всю веселость; молвы боишься, злыхъ людей, толковъ, а пуще всего этой любви — Господи, какое мученье! И къ чему это надо-тъ любить, когда нельзя за милаго идти. Спѣтъ развѣ пѣсенку скуки-тоски ради?..

Попрыгунья пташечка

Пѣла у окна,

Беззаботно дѣвушка

Во селѣ жила...

Полюбила пташечка

Новыя мѣста,

Приглянулись дѣвушкѣ

Молодца уста.

..

Въ рощицу дубовую

Къ другу пѣвунѣ

Увлекло сердечушко

Пташку не одну.

Вольная, свободная,

Чуждая заботъ,

Пташка другу милому

Про любовь нѣтъ.

II.

ДУНЯША и ГРАФЪ ГОРНОСТАЕВЪ.

Графъ (входитъ въ главную дверь въ маленькую комнату и, оглядывая её, говоритъ подъ-ритуриель). Старика нѣтъ? Прекрасно! Я далъ цѣлковый управителю, чтобъ онъ его наполнилъ, и станціонный, вѣрно, въ объятіяхъ Морфея, или лучше сказать Бахуса... А Дуняша? Гдѣ Дуняша? (Проходитъ комнату и останавливается въ дверяхъ, ведущихъ въ большую комнату. Въ это время она, не замѣчая его, продолжаетъ пѣсню).

ДУНЯША.

Любить красна дѣвица
 Молодца душой.
 Чешеть кудри русыя
 Трепетной рукой...
 Нѣтъ у ней свободушки,
 И, душой любя,
 Думаетъ голубушка:
 Что не пташка я?..

Графъ. Bravo, Дуняша! Bravo!..

Дуняша. Ахъ!.. уйдти!.. (бросается къ двери).

Графъ (въ дверяхъ). Дверь-то одна! Ахъ, ты, жизнь моя! (Обнимаетъ её).

Дуняша. Пустите, ненадо-тъ!..

Графъ (обнимая). Плутовка! Сама сказала, что любишь, сама бросилась!..

Дуняша. Къ двери, а не къ вамъ, пустите, закричу!

Графъ. Такъ-то ты меня любишь?.. (выпускаетъ её и входитъ).

Дуняша. Какіе вы, право? Взошли, перепугали!

Графъ. Дуняша, скажи поправдѣ, ты не ждала меня?

Дуняша. Правду сказать, ждала и думала: авось, Господь дастъ, не придете!..

Графъ. Значить, ты меня боишься?..

Дуняша. Очень!..

Графъ. Да отчего же, я не понимаю.

Дуняша. Ишь, вы кипятокъ какой! Ни съ того, ни съ сего схватить и обнимаетъ! Развѣ это можно!..

Графъ. Ну, я не буду... Садись... (*Она садится*). Я сяду рядомъ (*садится очень близко*).

Дуняша. Только, чуръ, не шалить...

Графъ. Не буду, моя прелесть. Ну, что, скажи мнѣ, отецъ гдѣ?

Дуняша. Спитъ.

Графъ. Что-жъ, пьянъ?

Дуняша. Ахъ, не безъ того...

Графъ. Поправдѣ тебѣ сказать — это я его напоилъ...

Дуняша. Ахъ, вы грѣховодникъ...

Графъ. Хотѣлъ тебя видѣть одну, а то при немъ неловко и мнѣ и ему. Конечно, онъ отецъ, имѣлъ бы право сказать что-нибудь, замѣтить, я не снесу, я горячъ, да и къ тому жъ я офицеръ, а онъ, онъ только огражденъ отъ энергическихъ жестовъ силою предполагаемаго въ немъ четырнадцатаго класса... Положеніе ненатуральное... я хотѣлъ говорить съ тобой?..

Дуняша. Что еще такое будетъ, послушаемъ...

Графъ. Прежде всего я долженъ знать одно: любишь ты меня, или нѣтъ.

Дуняша. Я уже вамъ сказала разъ: люблю—и дѣлу конецъ!..

Графъ. Любишь! Какое блаженство! (*Быстро и сильно обнимаетъ её*).

Дуняша (*вскакивая*). Опять! Ахъ, Ты, Господи!..

Графъ (*удерживая её*). Да перестань же, Дуняша, что за ребячество?..

Дуняша. Убѣгу, ну, право убѣгу!.. (*порывается*).

Графъ (*выпуская её*). Ну, я не буду... садись... (*она садится*). Послушай. Ты меня любишь, сама говоришь, положимъ, отчего же ты не позволишь мнѣ ни одного поцѣлуя, отчего ты мнѣ говоришь вы, когда я тебѣ говорю ты... я не могу тебѣ сказать вы — это было бы смѣшно, я люблю тебя... и вдругъ... вы... (*хохочетъ*.) Отчего не ты...

Дуняша. Оттого, что я дочь станціоннаго, а вы графъ, вотъ и все, вы богаты, а я бѣдна, вы образованы, а я нѣтъ; оттого, что я Дуняша, за которой вы можете во-

лочиться, которой всё говорят ты и которой вы тоже говорите: ты. Это очень натурально. А вот было бы смѣшно, если бь я вамъ вдругъ такъ, здорово живешь, стала говорить ты. Смѣшно (*хохочетъ*). Графъ Сергій Александровичъ, ты былъ сегодня на ученьи? (*хохочетъ*). Что это такое? сказали бы всё, и управитель и староста, да и самъ тятинька, что это такое? Она графу-то ты говоритъ. Что, она его любовница что-ли? Вотъ, что скажутъ! Хорошо? Этого вы хотите?

Графъ. Вотъ, вздоръ. Ты все толкуешь въ дурную сторону.

Дуняша. А товарищи-то ваши: Анкудимовъ, Синельниковъ; какъ его еще? Рѣльскій, да, что скажутъ? А другъ-то вашъ ротмистръ, эдакая фамилия мудреная, никакъ не вытвердишь... Заливскій что-ли?..

Графъ. Заливайскій... ну, что скажутъ? ничего; да, впрочемъ, пусть ихъ, они мнѣ надобли... Ты хоть, когда мы одни бываемъ, скажи мнѣ хоть разъ: Сережа... ну, скажи: Сережа...

Дуняша. Да пожалуй, что-жъ... Сережа...

Графъ. Я... ну...

Дуняша. Ну, я...

Графъ. Люблю... скажи: люблю.

Дуняша. Люблю...

Графъ. Тебя... ну, скажи: тебя; ну, что тебѣ стоитъ сказать: тебя...

Дуняша (*съ чувствомъ*). Сережа! Я люблю тебя!..

Графъ (*хочетъ обнять ее*). Душа моя!..

Дуняша (*вскакивал*). Не тронь!..

Графъ (*съ досадою*). Опять та же исторія! Послушай, это должно кончиться, ты должна быть моею...

Дуняша. Графъ!

Графъ. Ты знаешь, я богатъ, поѣдемъ со мною, въ Петербургъ, въ деревню, куда хочешь, мое состояніе и сердце твое... брось все, если ты меня любишь, какъ говоришь, и будь моею, или оставайся здѣсь, мнѣ все равно, только это должно кончиться, а не-то я съ ума сойду...

Дуняша. Ты и то рехнулся. Развъ я могу быть когда-нибудь твоею женою?..

Графъ. Женою? нѣтъ... не женою...

Дуняша. А? Такъ, вотъ, ты чего добиваешься?

Графъ. Я могу подумать, что ты тоже мѣтишь въ графини и сказать, какъ ты: вотъ ты чего добиваешься?

Дуняша. Нѣтъ, я дорожу хорошей славой, дорожу честью... Что мнѣ твое графство? На что оно мнѣ? Я тебя люблю, а не графа Горностаева...

Графъ. Не вѣрю... не вѣрю... не вѣрю...

Дуняша. Не вѣришь, Богъ съ тобой.

Графъ. Такъ не любятъ! Для любимаго человека всѣмъ жертвуютъ, а ты чѣмъ мнѣ жертвуешь?..

Дуняша. А спокойствіемъ-то?..

Графъ. Много! А я покоенъ? Ни дня, ни ночи я не знаю покоя! Кончимъ! Докажи, что любишь. Сегодня ночью жди меня въ саду...

Дуняша. Въ садъ? Не пойду.

Графъ. Ты не хочешь быть моею?..

Дуняша. Нѣтъ!..

Графъ. И ты смѣешь сказать, что ты меня любишь?

Дуняша. Смѣю и буду всегда говорить одно: люблю тебя, и точно люблю, а ты-то нѣтъ; ты только хочешь насмѣяться, наругаться, и забыть — это не любовь. Поди, Сережа, оставь меня, я тебя не пара, видишь ли, ты ошибаешься, тебѣ не удастся, я боюсь грѣха, боюсь Бога, отца, людей, я честная дѣвушка, Сережа, и, какъ ни люблю тебя, а любовницей твоей никогда не буду. Никогда!..

Графъ (*сильно*). Любовницей ли, иначе ли, а ты будешь моею! (*За сценой слышенъ колокольчикъ*).

Дуняша. Проѣзжающій? Уйди, ради Бога, что подумаютъ?

Графъ. Тѣмъ лучше, пусть думаютъ... (*колокольчикъ ближе*).

Дуняша. Ты жестокъ, Сережа!

Графъ. А ты? нѣтъ?

Дуняша. Подъѣхалъ, кажется... Пойти будить тятиньку... (*Слышно, что подъѣхалъ экипажъ*).

Графъ (*у окна, что надъ столомъ въ маленькой комнатѣ*). А! Блесткинъ, адъютантъ нашей бригады. Скорѣ вернулся: дня три, какъ проѣхалъ въ Москву и ужъ назадъ катить. Молодецъ!

Дуняша (*входя въ маленькую комнату*). Что онъ подумаетъ! что онъ подумаетъ! (*идеть къ главной двери*).

Графъ. Пусть себѣ думаетъ, что хочетъ!..

III.

Тѣ же в БЛЕСТКИНЪ, за нимъ СИДОРЪ, который несетъ чубукъ и кистеть.

Блесткинъ (*вбывая въ шинели и фуражку*). Ей! Кто тамъ?.. Лошадей!.. (*бросаетъ подорожную на столъ*).

Сидоръ (*всторону*). Ну, ужъ, на этой каторожной станціи толку не скоро добьешься.

Блесткинъ (*увидѣвъ графа и Дуняшу*). А! Графъ! Здравствуй, братъ, здоровъ ли?

Графъ (*пожимая ему руку*). Слава Богу... а ты?..

Блесткинъ. Какъ видишь... Ну, красавица, а ты, какъ поживаешь?

Дуняша (*потупивъ глаза*). Ничего-съ.

Блесткинъ. Будто?.. Помнишь, на той недѣлѣ я проѣзжалъ, да еще въ-сумерки, не такъ какъ теперь, тоже тебя засталъ въ компаніи... (*Дуняша бросаетъ графу длинный взглядъ*).

Графъ (*Блесткину съ упрекомъ*). Блесткинъ! Перестань, какъ несовѣстно!

Блесткинъ. Пожалуй, я и замолчу. Гдѣ же твой отецъ, моя милая? Зови его сюда! Право, если бы не ты... его бы можно потормозить немножко...

Дуняша. Онъ сейчасъ придетъ, отлучился...

Блесткинъ. Нельзя ли, милая, поскорѣе...

Дуняша. Сю минуту. (*Идетъ къ двери*).

Сидоръ (*отворяя дверь*). Наше вамъ почтеніе-съ, давненько не видались... (*Дуняша отвѣчаетъ наклоненіемъ головы на его привѣтствіе и проскальзываетъ въ дверь, которую затворяя, онъ говоритъ всторону*). Эка, спесь, подумаешь! Вотъ, что значить офицеры-то на селѣ! Ваше благородіе...

Блесткинъ. Ну, графъ, поздравляю! дѣла-то, видно, наладъ идутъ?

Графъ. Какія дѣла?

Блесткинъ. Не понимаешь? Скажи, пожалуйста! Ну, дѣла съ той, какъ ее зовутъ...

Графъ (*ему тихо*). Перестань, при лакеѣ...

Блесткинъ (*хохочетъ*). Какія деликатности! Сидоры!

Сидоръ. Чего изволите?..

Блесткинъ. Трубку...

Сидоръ. Слушаю-съ. (*Подбываетъ и подаетъ трубку, которую набилъ ранѣе*).

Блесткинъ (*взявъ чубукъ*). Огня! Графъ, пойдѣмъ въ ту комнату. (*Сидоръ выбиваетъ на кремль огонь*).

Графъ. Пожалуй... (*Идутъ въ большую комнату*).

Блесткинъ. Тутъ хоть отдохнуть есть на-чемъ... Что жъ огня?.. (*Садится съ графомъ*).

Сидоръ. Несу-съ (*входитъ въ большую комнату и кладетъ въ трубку горящій трутъ*).

Блесткинъ (*закуривая*). А я все за старую пѣсню.

Графъ! послушай, какъ понимать твои отношенія съ дочерью станціоннаго?..

Графъ. Какъ понимать? Я люблю ее.

Блесткинъ. А? ну, и любимъ?

Графъ. Любимъ...

Блесткинъ. Брависсимо! Значить, дѣло въ шляпѣ?

Графъ. Нѣтъ.

Блесткинъ. Нѣтъ? Плохой же ты кавалеристъ. Въ атаку, чортъ-возьми, въ-штыки!..

Графъ. Непрístupна!

Блесткинъ Э, вздоръ!

Графъ. Но она будетъ моею, еслибъ даже для этого я долженъ былъ жениться...

Блесткинъ. Графъ! Такъ, это правда? Ты уже не въ первый разъ это говоришь. Какая настойчивость...

Графъ. Нѣтъ, не настойчивость — любовь; я боюсь сознаться, что не могу жить безъ нея и убѣждаюсь въ этомъ ..

Блесткинъ. Да во что влюбиться-то?..

Графъ. Хороша, дивно-хороша...

Блесткинъ. Можетъ-быть, положимъ, необразована...

Графъ. Умна... столько природнаго ума... столько жиз-

ни и столько привязанности ко мнѣ; она заставляет уважать себя, любить, и все отвергаетъ...

Блесткинъ. Кромѣ имени...

Графъ. Даже и его...

Блесткинъ. Лукреція...

Графъ. Блесткинъ! Довольно...

Блесткинъ (*вставая*). Довольно...

Сидоръ. Ваше благородіе?..

Блесткинъ. А?

Сидоръ. Коляску прикажете подмазать?

Блесткинъ. Прикажу...

Сидоръ. Слушаю-съ. (*Хочетъ идти*).

Блесткинъ. Постой. (*Графу*). Скажи мнѣ, графъ; близко отсюда квартируетъ Заливайскій, или на томъ концѣ села?

Графъ. Близехонько, чрезъ три избы...

Блесткинъ (*Сидору*). Сходи къ нему...

Графъ. Да тебѣ на что его?...

Блесткинъ. Мнѣ нужно его видѣть, порученіе изъ Москвы.

Графъ. Я ему скажу, мнѣ кстати тоже нужно его видѣть... До свиданья... Ахъ, кстати, не видалъ ли ты моихъ въ Москвѣ?..

Блесткинъ. Нѣтъ, въ домѣ у нихъ я не былъ никогда, а видѣлъ мелькомъ въ театрѣ графиню и княжну, твою невѣсту...

Графъ. Какую невѣсту... я любилъ ее прежде, росли вмѣстѣ... привычка... вотъ и все.

Блесткинъ. А лучше бы ее, чѣмъ...

Графъ. Блесткинъ, прошу тебя...

Блесткинъ. Молчать? Изволь...

Графъ. До свиданія. (*Быстро проходитъ маленькую комнату и уходитъ*).

Блесткинъ. Чудакъ! Еслибъ онъ зналъ! Сидоръ, поди, братецъ, откопай мнѣ станціоннаго, что же это такое?..

Сидоръ. Слушаю-съ. (*Хочетъ идти, Кочерыжскій входитъ*).

IV.

Тѣ же и КОЧЕРЫЖКИНЪ (входить зѣвая, потягиваясь и застегивая форменный сертукъ. Онъ красенъ и не совѣтъ еще трезвъ).

Кочерыжкинъ. Экая, подумаешь, должность каторожная! Ночь, полночь, вставай, да и дѣлу конецъ! Трактъ ужъ такой безпокойный! То и дѣло шмыгъ, да шмыгъ, тирру, да ну, закладывай, да откладывай!.. Посмотримъ, что за птица такая прилетѣла? (Сильно). Нѣтъ лошадей, вотъ и все... (Подходитъ къ столу и садится).

Сидоръ (Блесткину). Пришелъ станціонный, ваше высокоблагородіе...

Блесткинъ. Хорошо, ступай, вели коляску мазать...

Сидоръ. Слушаю-съ. (Идетъ по маленькой комнатѣ къ двери).

Кочерыжкинъ (оглядываясь). Это кто еще? А? Хамъ? ну, проваливай...

Сидоръ (всторону). Никакой амбиціи нѣтъ, а еще въ чинъ состоитъ. (Уходитъ).

Кочерыжкинъ. Не вижу ничего... и гдѣ-й-то очки. (Ищетъ). Нѣтъ! (Кричитъ). Дунька! Гдѣ мои очки? (Опять ищетъ). Нашелъ. (Кричитъ). Дунька! Не надо! (Беретъ подорожную).

Блесткинъ (въ той комнатѣ). Какой бѣдовый! Однако жъ у меня графъ не выходитъ изъ головы. Ну, если онъ съ дуру-то такъ влюбленъ, что дѣйствительно женится на дочери этого антипода? Бѣда! Впрочемъ, кажется, рѣшительныя мѣры, принятыя его друзьями чрезъ мое посредство, отвратятъ это несчастье. Что-то нѣтъ Заливайскаго!..

Кочерыжкинъ (разбирая подорожную). Въ Москву и обратно... (говоритъ) вотъ оно что: обратно... (читаетъ) на четыре... лошади... съ будущимъ... (громко) нѣтъ лошадей! (читаетъ) ротмистру... Гу... сарскаго полка. (Годоритъ). Вотъ оно что? Да, ну, этому есть лошади... (Встаетъ и идетъ къ двери). Ей! Староста! (Отворяетъ дверь). Пронька! Степка! Староста! Куда они запропастились?.. Ей! Вы! Дьяволы!.. Экая должность каторожная какая!

Голосъ за сценой. Кого тамъ надо-тъ еще?..

Кочерыжкинъ. Васъ чертей! Старосту сюда...

Голосъ. Иду, чего орёшь-то, горло дерешь...
 (Звучитъ шумъ шаговъ и слышатся въ дверяхъ голоса)

V.

Тѣ же и СТАРОСТА.

Староста (въ дверяхъ почесываясь). Я староста...

Кочерыжкинъ. Сенька вислоухой вернулся что-ль?

Староста. Сенька вислоухой? Вернулся? Ну, вернулся.

Кочерыжкинъ. Давно?

Староста. Да такъ, къ примѣру, въ обѣдъ...

Кочерыжкинъ. Значитъ лошади есть, акрамя кульерскихъ?

Староста. Акрамя кульерскихъ есть...

Кочерыжкинъ. Чья очередь?

Староста. А Вавъкъ-усану...

Кочерыжкинъ. Вавъкъ-усану? Ну, вели ему лошадей вести...

Староста. А много?..

Кочерыжкинъ. Четверню, да живо у меня, духомъ...

Староста (дѣлая нѣсколько шаговъ до боковой двери). Да это кому надо-то? (Увидя Блесткина). Вашей милости?..

Блесткинъ (въ большой комнатѣ). Да, моей. Нельзя ли поскорѣе...

Староста. За нами дѣло не стоитъ, мы сію минуту. (Идетъ къ двери).

Кочерыжкинъ. Маршъ! живой рукой...

Староста. То есть, примѣрно, духомъ! (Уходитъ).

Кочерыжкинъ (подходя къ боковой двери). Вашему бла... Вашему высокобла... Вашему превосходительству закладають.

Блесткинъ. Спасибо, любезный... спасибо...

Кочерыжкинъ. Ничего-съ, службу знаемъ, предписаніе есть, ревизоръ ѣздить, ничего-съ... (Отходитъ). Прописать подорожную-то... (Садится къ столу и начинаетъ прописывать).

VI.

Тѣ же и ЯМЩИКЪ съ другой ставиці и потомъ ДУНЯША.

Блесткинъ (*все въ большой комнатѣ*). Что же это нейдегъ Заливайскій? Не пойдти ли мнѣ къ нему, пока закладываютъ. (*Переступаетъ порогъ двери въ маленькую комнату. Ямщикъ входитъ и становится у двери*).

Ямщикъ (*жалобно*). Старому ямщику на водку, что изъ милости...

Блесткинъ. На водку?

Ямщикъ. Изъ милости что-нибудь, ужъ какъ вѣзь-то, животовъ не жалѣлъ, ишь дорога-то какая...

Блесткинъ. Ну, скажи тамъ моему человѣку, что я велѣлъ тебѣ дать на водку...

Ямщикъ. Слушаемъ... покорно благодарствуемъ вашу милость... (*Уходитъ*).

Блесткинъ. Рѣшительно пойду! Не надо терять ни минуты.

Кочерыжкинъ. Тьфу! что за дьявольщина! рука трясется что ли, никакъ не ладится. (*Встаетъ и отворяя дверь*). Эй! Дунька! А, Дунька! Эка пострѣль-дѣвка! Дуняшка!..

Голосъ Дуняши. Что ты тамъ, тятинька...

Кочерыжкинъ. Подъ сюда, глупая!.. Подъ!.. (*Дуня входитъ*). Пиши! (*Беретъ ее за руку и ведетъ къ столу*). Прописывай! (*Дуняша садится и пишетъ*). Вотъ такъ-то лучше, знай субурдивацію. (*Отходитъ къ окну и барабанитъ марш*).

VII.

БЛЕСТКИНЪ, КОЧЕРЫЖКИНЪ, ДУНЯША, ГРАФЪ и ЗАЛИВАЙСКИЙ.

Блесткинъ. А! Вотъ ты наконецъ! Заливайскій!

Заливайскій. Блесткинъ! Дуняша!.. (*Обнимаются*). Ну, что?..

Блесткинъ. Добрыя вѣсти!..

Заливайскій. Говори же...

Блесткинъ. Пойдемъ въ ту комнату...

Заливайскій. Пойдемъ...

Блесткинъ. Графъ, извини пожалуйста, намъ нужно съ нимъ кой объ чемъ переговорить.

Графъ. Что за церемонии, между товарищами... (Блесткинъ и Заливайскій входятъ въ большую комнату. Графъ подходитъ къ Кочерыжжину). Ну, что, старина?.. (тихо говорятъ; Дуляша пишетъ).

Заливайскій. Видѣлъ графиню?

Блесткинъ. Видѣлъ.

Заливайскій. Отдалъ письмо мое?

Блесткинъ. Отдалъ.

Заливайскій. Ну?

Блесткинъ. Она въ отчаяніи.

Заливайскій. Я думаю! Послушай, вѣдь это ужасно! Молодъ, хорошъ, богатъ, образованъ, уменъ и вдругъ влюбиться, чортъ знаетъ, въ кого! Еще сію минуту онъ говорилъ, что это намѣреніе неизмѣнно...

Блесткинъ. Жениться?

Заливайскій. Представь мое-то положеніе. Я люблю его болѣе друга, почти какъ сына, онъ моя единственная привязанность; друженъ съ матерью; рѣдкая женщина! поручила его моей опытности; отвѣтственность дьявольская! не знаю, что и дѣлать, ума не приложу; есть ко мнѣ письмо?

Блесткинъ. Нѣтъ.

Заливайскій. Что же она намѣрена дѣлать?

Блесткинъ. Она ѣдетъ сюда.

Заливайскій. Сюда?..

Блесткинъ. И будетъ здѣсь очень скоро. Слушай, мы ѣхали вмѣстѣ, я налегкѣ, они въ двухъ экипажахъ, на двѣнадцати лошадахъ. На послѣдней станціи, пріѣхавъ ранѣе, я взялъ послѣднихъ лошадей, а они, вѣрно, должны будутъ ждать часъ, другой, пока выкормятъ вернувшихся; столько лошадей не всегда застанешь на станціи.

Заливайскій. Ну, слава Богу! По-крайней-мѣрѣ мы общими силами какъ-нибудь спасемъ его!..

Блесткинъ. Однако-жъ пойдемъ туда, или позовемъ его, а то онъ можетъ догадаться...

Заливайскій. И въ-самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, коли на то пошло, надо дѣйствовать открыто... это лучше...

Кочерыжкинъ. Написала? *(Оборачивается и видя, что Графъ тихо и страстно говоритъ съ ней)* Дунька! Аль за-слушалась? У меня не моги! Не твоего поля ягода.. На-писала?

Дуняша *(вставая и подавая подорожную)*. Написала...

Кочерыжкинъ. Поди, подай его... его... высокопревосходительству...

Дуняша *(входитъ въ большую комнату и подавая подорожную Блесткину)*. Извольте получить-съ *(Графъ входитъ также)*.

Блесткинъ. Спасибо, миленькая. *(Она отходитъ къ окну)*. А вѣдь не дурна. Ахъ, да! А прогоны-то!.. *(выходитъ въ маленькую комнату)*. Сколько прогоновъ?..

Кочерыжкинъ *(сидясь къ столу и взявъ счеты)*. Прогоновъ? *(считаетъ)*.

Заливайскій *(выходитъ въ маленькую комнату и говоритъ Блесткину)*. Еслибъ ты зналъ, какъ я радъ, что она ѣдетъ!.. *(Оба подходятъ къ столу)*.

Кочерыжкинъ. Рубль двадцать чѣтыре копѣйки съ денежкой. *(Блесткинъ вынимаетъ кошелекъ и, нагнувшись къ столу, отсчитываетъ деньги. Заливайскій вынимаетъ портсигаръ и закуриваетъ)*.

Графъ *(въ большой комнатѣ страстно обнимая Дуняшу)*. Жизнь моя, ненаглядная!..

Дуняша. Перестаньте! При людяхъ, при тятинькѣ!..

Графъ. Пусть знаютъ все! Хочешь быть моею?

Дуняша. Хочу, но не буду...

Графъ. Матушка не позволить, потомъ простить... Я не могу жить безъ тебя...

Дуняша. Оставьте, ради Бога!.. увидятъ!

Графъ. Пусть видятъ! Не грѣхъ обнять невѣсту...

Дуняша. Полноте, что съ вами!..

VIII.

Тѣ же, СПДОРЪ, потомъ ЯМЩИКЪ, потомъ СТАРОСТА.

Сидоръ (входя). Ваше высокоблагородіе! Лошади готовы!..

Блесткинъ. Хорошо! Возьми трубку... тамъ... въ той комнатѣ.

Сидоръ. Слушаю-съ. (Входитъ въ большую комнату Графъ отходитъ отъ Дуняши. Сидоръ взявъ трубку и уходя, встору). Вотъ оно что! Шурь-мурь, амурь. Пошла въ ходъ, выходитъ: посидѣла у воротъ, выходитъ: сдѣланъ поворотъ... то есть такъ и такъ, и этакъ въ полуоборотъ... (Становится у двери).

Блесткинъ. Ну, прощайте, друзья, будьте здоровы, не забывайте товарища...

Заливайскій. Прощай душа! (цѣлуются). Спасибо за вѣсточку...

Блесткинъ. Графъ, прощай! Гдѣ же онъ? Гдѣ ты? (входитъ въ большую комнату). Да, вотъ оно что! Прощай!

Графъ. Прощай, Блесткинъ. Пожелай мнѣ счастья съ переменной жизни... Я женюсь...

Блесткинъ. Ну, не сію же минуту... объ этомъ мы еще подумаемъ... Прощай! (Цѣлуются).

Ямщикъ (входя и стоя у двери). За смазку, что изъ милости, не пожалеете ли?..

Блесткинъ (кричитъ). Сидоръ! Дай ему за смазку...

Сидоръ (изъ маленькой комнаты). Слушаю-съ... (даетъ денегъ, ямщикъ уходитъ).

Блесткинъ (Дуняшѣ). Прощайте, милая. Чтобы ни случилось, не поминайте Блесткина лихомъ. Авось когда-нибудь увидимся, а какъ, Богъ знаетъ... прощайте... (Кочерыжкинъ давно спитъ на стулѣ).

Староста (входя у двери). Старостѣ-то за хлопоты?..

Блесткинъ (выглядывая въ маленькую комнату). Это за что? Хлопотать — твоя обязанность...

Староста. Я, примѣрно, изъ милости прошу, какихъ лошадей запрягли, такъ это просто, ахти мнѣ!..

Блесткинъ. Сидоръ! Дай старостѣ за хлопоты.

Сидоръ. Слушаю-съ. (*Вынимаетъ кошелекъ и даетъ*).

Блесткинъ (*Дуняшъ*). Вы, кажется умная дѣвушка. Вы поймете скоро, что проѣзжающій проѣзжающему розъ. Иной проѣхалъ въ Москву, проѣхалъ обратно изъ Москвы — онъ въ сущности-то и ничего, а глядишь—много сдѣлалъ. Уѣхалъ, пропалъ, а кашу заварилъ. Завелъ пружину, пошла машина, положилъ основаніе драмѣ, а герои пусть ее разъигрываютъ, какъ знаютъ. Я не вводное лицо, основное, не поминайте жъ меня лихомъ, Дуняша; кажется, васъ зовутъ Дуняшей, не поминайте лихомъ...

Графъ. Что ты хочешь этимъ сказать?

Блесткинъ. Многое и ничего.

Заливайскій. Ты портишь все дѣло...

Блесткинъ. Нѣтъ, я ѣду, разъигрываете драмы и берегите меня для эпилога. Прощай! (*Обнимаетъ Заливайскаго*). Прощай! (*Обнимаетъ графа*).

IX.

Тѣ же и НИКАНОРЪ АНДРЕИЧЪ.

Никаноръ (*вбѣгая*). Здѣсь его сіятельство? (*Къ старостѣ*). А? (*Къ Сидору*). Я спрашиваю, здѣсь-ли его сіятельство? Что? (*Увидя спящаго Кочерыжкина*). Гдѣ его сіятельство? (*Бьетъ его по плечу*).

Кочерыжкинъ (*вскакивая спросонку, громко*). Нѣтъ лошадей! Всѣ въ разгонѣ!

Никаноръ (*увидя графа*). Ваше сіятельство! (*Подходитъ къ двери въ большую комнату*).

Кочерыжкинъ (*опомнясь*). Тьфу! (*Садится*).

Графъ. Что такое? что тебѣ надо?

Заливайскій. Что случилось?

Никаноръ. Пожалуйте, васъ зовутъ.

Графъ. Тревога что-ли?

Заливайскій. Ученъ полковой командиръ назначилъ?

Никаноръ. Никакъ нѣтъ-съ... только очень нужно...

Графъ. Да что же такое?..

Заливайскій. Говори скорѣе.

Никаноръ. Графиня пожаловала.

Графъ. Матюшка!

Заливайскій и Дуняша. Графиня!

Блесткинъ. Скоро!..

Никаноръ. И съ княжной и горничная Маша, цѣлая Марья Петровна, вотъ какую помню (*показываетъ ростъ ребенка*), на рукахъ нянчилъ.

Графъ. Матушка!

Никаноръ. Приѣхала на господскій дворъ, въ домъ взойти изволила, на квартиру къ намъ Федора лакея прислала; прибѣжалъ я къ ней сударынь; постарѣла-таки сердечная, не молоденькая, известно; ручку поцѣловать пожаловала; благовои́е такое, да и говоритъ: ступай-моль, Андреичъ, за графомъ, онъ-моль тамъ, на станціи... Пожалуйте, батюшка, ваше сіятельство...

Графъ. А? Онъ на станціи, она сказала? Теперь я все понимаю... Ступай, Андреичъ... я сію минуту!..

Никаноръ. Вы не извольте мѣшкать, ваше сіятельство. Княжна-то словно маковъ цвѣтъ, лебедь бѣлая, такъ желаетъ васъ повидать, немудрено, сговорены бывши, невѣстой значимшись...

Дуняша. Невѣста! Его невѣста! (*Опускается на стулъ*).

Графъ (*видя ея положеніе*). Ступай!..

Никаноръ. Пойду, доложу его сіятельству: сейчасъ-моль будетъ. (*Быстро уходитъ*).

Графъ. Теперь я все понимаю! Теперь, Блесткинъ, твои слова къ Дуняшѣ болѣе не загадка. А!... Ты проѣхалъ въ Москву, ты проѣхалъ назадъ, кажется, ничего, а на дѣлѣ много, понимаю! Ты обманулъ меня, когда сказалъ, что не видалъ матушки; ты ее видѣлъ.

Блесткинъ. Видѣлъ!

Графъ. Ты ей сказалъ о моемъ намѣреніи.

Блесткинъ. Сказалъ!

Графъ. Ты ей совѣтовалъ ѣхать сюда и помѣшать моему счастью.

Блесткинъ. Отчаяніе влекло ее, не я...

Графъ. Но кто же далъ тебѣ право такъ заботиться обо мнѣ, какъ о ребенкѣ, котораго водятъ на помочахъ? Что за опека такая? Развѣ я тебя просилъ? Кто далъ тебѣ это право?

Блесткинъ. Дружба.

Заливайскій. И я!

Графъ. Ты?

Заливайскій. Я. Ты знаешь, какъ я люблю тебя! Я видѣлъ твою погибель и написалъ графинѣ. Блесткинъ про-
бѣжалъ, я ему отдалъ письмо. Блесткинъ вернулся, графиня
здѣсь, ты болѣе не погибнешь, конечно; вотъ какъ я люблю
тебя, очень просто и естественно.

Графъ. Тревожить счастье человѣка — странная любовь!
Но вы, друзья мои, ошиблись въ расчетѣ. Теперь болѣе,
нежели когда-нибудь это будетъ. Да, я упрошу матушку,
скажу княжнѣ, что люблю другую — и дѣлу конецъ.
Нѣтъ, вы ошиблись, я не ребенокъ, не игрушка, я не позво-
волю играть моимъ счастьемъ, не позволю, чтобъ мнѣ на
него указывали и заставляли находить въ томъ, въ чемъ
я его не вижу. Не позволю, друзья мои! Нѣтъ, трудно
ужъ меня, въ 28 лѣтъ, заставить плясать по чужой дудкѣ.
Никто въ свѣтѣ не властенъ распорядиться моею судьбой!
Я вамъ докажу, друзья мои и благодѣтели, что обойдусь
и безъ вашего челоуѣколюбиваго участія. Если я разъ
сказалъ, что Дуняша должна быть моею, то Дуняша моею
будетъ; да, будетъ!

Заливайскій (сильно). Такъ, нѣтъ же, если на то по-
шло, не будетъ!

Графъ (еще громче). Будетъ!

Заливайскій (также). Нѣтъ!

Блесткинъ (также). Нѣтъ!

Графъ (внѣ себя). Увидимъ! увидимъ!... (Схватывая Ду-
няшу за руку и подымая со стула). Пойдемъ!

Дуняша. Куда? зачѣмъ?

Графъ (переступая порогъ комнаты). Къ отцу. (Подхо-
дитъ къ Кочерыжкину, который оплѣтъ спитъ). Антонъ
Абрамычъ!

Кочерыжкинъ (вскликая, спросонья). Сказалъ разъ:
нѣтъ лошадей! Всѣ въ разгонѣ.

Графъ. Отдай мнѣ дочь, старикъ.

Кочерыжкинъ (протирая глаза). Что? что такое? Дуньку?
мою Дуньку?

Графъ. Я люблю ее...

Кочерыжкинъ. Ахъ ты, грѣховодница! Ахъ ты! Ахъ
ты!...

Графъ. Въ жены, отдай мнѣ ее въ жены!

Кочерыжкинъ. Въ жены? *(Хочетъ)*. Дуньку въ жены?

Графъ. Не смѣйся, старикъ, я говорю серьезно. Она моя законная невеста, передъ Богомъ и людьми! Такъ то, друзья мои! Прощай, Блесткинъ! Счастливый путь! Я тебѣ благодаренъ: ты хотѣлъ сдѣлать одно, а вышло другое! Прощай... бѣгу къ матушкѣ. *(Быстро убѣгаетъ. Дуняша опускается на первый стулъ, Кочерыжкинъ въ недоумѣнннй смотритъ на нее и смѣется. Заливайскій и Блесткинъ значительно смотрятъ другъ на друга. Сидоръ по одну сторону главной двери лукаво смѣется въ руку. Староста по другую бессмысленно почесываетъ голову. Минута молчанія)*.

Сидоръ. Ваше высокоблагородіе, лошади—то давно готовы...

Блесткинъ *(выходя изъ задумчивости)*. Ыдемъ! Прощай!..

Заливайскій. Прощай, душа моя.

Блесткинъ. Напиши, какъ что будетъ.

Заливайскій. Напишу...

Блесткинъ *(переходя, объявшись съ Заливайскимъ, въ маленькую комнату)*. Не говорилъ ли я тебѣ, что будетъ драма... *(Къ Кочерыжкину и Дуняшѣ)*. Героиня, благородный отецъ, ты, Заливайскій, опытный другъ, много лицъ... играйте, только кончайте великолѣпнымъ спектаклемъ, я первый буду хлопать! Прощайте... *(идетъ съ Заливайскимъ къ главной двери)*.

Заливайскій *(задумчиво)*. Завтра второй актъ, у графини... что-то будетъ?

Блесткинъ. Публика длинныхъ драмъ не любитъ и актеры устаютъ; кончай вторымъ актомъ...

Заливайскій. Дай Богъ!

Блесткинъ. Дай Богъ! *(Переступаютъ порогъ въ сѣни)*.

Староста. Дай Богъ въ часъ добрый милости вашей. *(Они скрываются)*.

Сидоръ *(идя за ними)*. Прощай, дядюшка. *(Уходитъ)*.

Староста *(идя за ними)*. Въ часъ добрый, графчикъ, со Христомъ, въ часъ добрый! *(Уходитъ. Слышенъ стукъ отъѣзжающаго экипажа. Кочерыжкинъ, доле смотрѣвшій на нѣмую грусть Дуняши, по уходѣ ихъ, громко хохочетъ)*.

Кочерыжкинъ. Дунька! Слышала? Графиня! Ваше сіятельство! Моя Дунька — ваше сіятельство! (*хохочетъ, но вдругъ перестаетъ и серьезно*). Шашни! Предлогъ одинъ! Ты у меня не моги съ графами якшаться! Амуры, чортъ васъ возьми, затѣяла! Слышь ты, графиня, — маршъ! (*Она тихо и безмолвно встаетъ*) Маршъ, въ избу! (*Она идетъ, наклоня голову, къ двери*). Маршъ! Дунька, ваше сіятельство!.. (*хохочетъ, потомъ къ публикѣ*). Да, нѣтъ... ну я выпимши, оно хорошо, а графъ-отъ, просто, видно, налившись, ну, я, такъ, должность такая каторжная, онъ съ чего? Ну, съ чего? Дуньку въ жены!.. (*Хохочетъ, повторяя*). Дуньку въ жены!..

(*Занавѣсъ спускается, скрывая Кочерыжкина и Дуняшу, переступающую порогъ горницы*).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

В О П А К Т Ъ.

АНТОНЪ АБРАМОВЪ КОЧЕРЫЖКИНЪ.

ДУНЯША, дочь его.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЗАЛИВО-ЗАЛИВАЙСКІЙ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОРНОСТАЕВЪ.

ГРАФИНЯ АННА ЛЬВОВНА ГОРНОСТАЕВА, мать графа.

КНЯЖНА АДЕЛЬ ЧЕРНОЗЕМОВА, сирота, богатая наслѣдница села Продолговатаго и другихъ имѣній покойнаго князя, порученная имъ графинѣ и живущая у ней въ Москвѣ.

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ.

МАША, горничная княгини.

СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ въ деревенскомъ домѣ села Продолговатаго, принадлежащаго княжнѣ Черноземовой.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

УГОВОРЪ, ЗАГОВОРЪ И НАГОВОРЪ.

Комната въ господскомъ домѣ села Продоловатаго. Стѣны выкрашены зеленой краской; въ простѣнкахъ и по стѣнкамъ въ рамкахъ, выведенныхъ краскою подъ-золото, нарисованы пейзажи, въ родѣ декоративной живописи. Главная дверь направо отъ актеровъ, двѣ двери, одна въ глубинѣ, другая ближе къ рамкѣ; нальво одна только, а ближе къ рамкѣ окно, фигурно драпированное сверху зеленымъ штофомъ, обвивающимъ двѣ золоченыя стрѣлы, положенныя крестообразно и исчезающія въ такомъ же золоченномъ вѣнкѣ. Въ двери изъ темнаго краснаго дерева съ инкрустацией, работы домашняго столяра. Мебель разставлена слѣдующимъ порядкомъ: большой диванъ между двухъ дверей, по стѣнѣ, передъ нимъ большой круглый столъ и по креслу съ каждой стороны; у окна длинный столъ и кресло; у рамы съ обѣихъ сторонъ по два кресла и по столику; въ-глубинѣ по стѣнкамъ кресла; мебель вся изъ карельской березы съ рѣзными золочеными украшеніями, обита зеленымъ штофомъ, полинялымъ, какъ и драпировка. Потолокъ представляетъ смѣсь цвѣтовъ, плодовъ, бабочекъ и птицъ, сгруппированныхъ около средняго фантастическаго круга, изъ среды котораго спускается на трехъ цѣпяхъ золоченный амуръ съ распростертыми руками, держащій въ каждой изъ нихъ по пяти вѣтокъ, оканчивающихся цвѣтками, въ которые вставлены зеленыя спермацетовыя свѣчи. По всей комнатѣ разостланъ коверъ домашней фабрикаціи, представляющій огромное количество вѣнковъ изъ разныхъ пейзажной величины цвѣтовъ, перемѣшанныхъ между собою. Стѣны, потолокъ, золота, штофъ, коверъ, все носитъ на себѣ отпечатокъ времени, сырости и запустѣнія. Комната мрачна, вселяетъ грусть, холодна. На столѣ стоитъ старинная лампа, высокая, безобразная, хотя и богатая. По угламъ зеленыя подъ-малахитъ тумбы, на которыхъ стоятъ огромныя жирандолы, стариннаго фасона, со множествомъ вислячаго граненаго хрустала разныхъ формъ и величины.

І.

КНЯЖНА АДЕЛЬ выходитъ изъ боковой двери, въ сильномъ волненіи.

Княжна (одна). Ужасный домъ! Скука, невыносимая скука! Что за идея пришла графинѣ пріѣхать сюда, или лучше, что за идея привезти меня сюда? Положимъ, ей хотѣлось видѣть сына. Можетъ быть, это очень естественно. По-моему, натуральнѣе было бы сыну пріѣхать къ матери

въ Москву, нежели ей, въ ея лѣта, тащиться за пятьсотъ верстъ и тащить меня съ собою. Не могла же, впрочемъ, я остаться въ Москвѣ: дѣвушка, одна, что скажутъ. Нечего дѣлать, ѣдешь; bon gré, mal gré. Это рабство, чистое рабство! Хорошо еще, что такъ случилось: полкъ графа стоитъ въ селѣ, принадлежащемъ мнѣ, такъ я могу сказать, что хотѣла видѣть имѣніе, осмотрѣть его, поговорить съ управителемъ; не будь этой отговорки, моя роль была бы самая жалкая, пустая. Да вообще роль дѣвушки—и дѣвушки не отъ себя зависящей—жалкая роль, роль, которую я еще играю, но скоро перестану. Я хочу воли, самобытности, независимости, свободы: все это дастъ кусокъ кружева, украшенный цвѣтами и называемый vulgairement parlant, чепцемъ. Я надѣну этотъ чепецъ! Хочу! Графъ очень милъ, любезенъ, прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ, il le parle même trop bien, le français, богатъ, партія прекрасная. Графиня, кажется, этого желаетъ. Еще-бы! Люблю ли я графа?—вопросъ, который я себѣ не задавала, впрочемъ—любовь, чувство такое необъяснимое въ наше время, что чѣмъ меньше его анализировать, тѣмъ лучше, чтобъ не разочаровываться и вѣрить въ его существованіе и возможность. Я терпѣть не могу серьезныхъ наукъ, вообще, а психологіи въ-особенности. Самая лучшая наука—умѣть жить по-своему, à sa guise, à sa façon, не подражая и не покоряясь, не подчиняясь никому. До-сихъ-поръ я не жила еще. Зависимость не по мнѣ. Ввѣренная графинѣ, я хотя и не ребенокъ, но должна слушаться, покоряться; но увидимъ. Графиня что-то мрачна. Отъ меня что-то скрываютъ. Болтливость Маши открыла мнѣ причину: романъ, которому я не вѣрю. Cela serait par trop ridicule. Мнѣ не говорятъ и я молчу. Что мнѣ за дѣло. Однакожъ все это, нельзя не сознаться, очень скучно. Неужели мы еще долго пробудемъ въ этомъ ужасномъ домѣ? Что за мебель, что за стѣны... gosoco tout pure! et tout sale... (Смѣется). Садъ заросъ травой... Тогда какъ паркъ и Сокольники!.. Москва и Продолговатое!.. Какое странное названіе! C'est embêtant!.. (Садится на кресло).

II.

КНЯЖНА и МАША (вошедшая равше).

Маша (*робко*). Ваше сіятельство!

Княжна. Сколько разъ я тебя просила: когда я одѣнусь и выйду въ гостинную, забыть о моемъ существованіи и не смѣть входить ко мнѣ и беспокоить всякими пустяками. Это не принято...

Маша. Мы въ деревнѣ, ваше сіятельство, и я осмѣлилась!..

Княжна. Безъ разсужденій...

Маша. Виновата-сь. Меня послалъ къ вашему сіятельству Петръ Ильичъ-сь.

Княжна. Кто это Петръ Ильичъ? Что общаго между мною и какимъ-то Петромъ Ильичёмъ?

Маша. Село Продолговатое...

Княжна. Ты слишкомъ умна для горничной... (*Всторону*). Досадно, что я вынуждена переспросить у ней, кто этотъ Петръ Ильичъ... Ни за-что не спрошу прямо. (*Маша*). Это скучно!.. Что ему нужно?

Маша. Вѣроятно, представившись, заслужить ваше расположеніе...

Княжна (*всторону*). Темно. Рѣшительно, она слишкомъ умна для горничной, но я это люблю...

Маша. Получить довѣренность вашего сіятельства.

Княжна. Довѣренность я могу дать только стряпчему или управителю...

Маша. Объ комъ же я-то говорю, ваше сіятельство...

Княжна (*скрывая досаду*). Ты думаешь, я давно не поняла, про кого ты говоришь? (*Смѣется*). Мнѣ вздумалось, отъ скуки, позабавиться надъ тобой, вотъ и всё... Ступай, но впередъ не бери на себя подобныхъ порученій... На это есть лакеи...

Маша. Въ Москвѣ-сь, а здѣсь одинъ Федоръ и того графиня изволила услатъ къ кому-то изъ офицеровъ.

Княжна. Я не люблю возраженій. Ступай и скажи этому, какъ его зовутъ?..

Маша. Петръ Ильичъ-сь.

Княжна. Скажи этому Петру Ильичу, что я, такъ и быть, его приму.

Маша. Слушаю-съ (*всторону*). Пойду ему скажу: не въ духъ-моль...

Княжна. Постой! (*она останавливается*). Что, онъ — *comme il faut*?

Маша. По-миѣ ничего-съ, ваше сіятельство, живётъ...

Княжна. По-моему, врядъ-ли... Что, онъ благородный...

Маша. Люди говорятъ, что не такъ, чтобы очень во-руеть-съ...

Княжна. Я спрашиваю не объ этомъ...

Маша. Объ чемъ же-съ, ваше сіятельство.

Княжна. Сажать миѣ его или не сажать.

Маша. Будь я на вашемъ мѣстѣ, ваше сіятельство, я бы посадила... Такъ бы ужъ и быть...

Княжна. Значить, я не посажу. Зови его. Впрочемъ, я увижу по фигурѣ... Проси...

Маша (*всторону*). Бѣдовая! Только держись, нашъ братъ, наёмный человѣкъ. (*Уходитъ*).

КНЯЖНА, потомъ ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ.

Княжна. Затруднительное положеніе! Что я буду съ нимъ говорить? И по-русски! Съ этими людьми какъ то-не ловко... Идетъ. Присѣсть или не присѣдать? Не знаю... очень затруднительное положеніе.

Петръ Ильичъ. Матушка, ваше сіятельство, Аделаида Николаевна, позвольте старику принести вамъ свое усерднѣйшее высокопочитаніе. Прошу на первыхъ порахъ любить, да жаловать. Имя миѣ Петръ, по отцу Ильичъ, по прозванію Огуречниковъ...

Княжна. Миѣ... очень... пріятно... съ вами познако-миться (*всторону*). Вѣрно, этимъ людямъ не такъ совсѣмъ говорятъ... *Je suis au bout de mon latin*...

Петръ Ильичъ. Позвольте, матушка, ваше сіятельство, ручку вашу облобызать... (*Подходитъ къ ручкѣ*).

Княжна (*всторону*). Кажется, этихъ людей въ щеку не цѣлуютъ...

Петръ Ильичъ (*поцѣловавъ ручку*). Я, матушка, при батюшкѣ вашемъ-еще управлялъ; царствіе ему небесное, славный былъ князь, тузъ, матушка, тузъ...

Княжна (*вспыхнувъ*). Тузъ? Какъ вы смѣли сказать тузъ? Мой отецъ тузъ?

Петръ Ильичъ. За что гнѣваться изволите, матушка, ваше сіятельство. Тузомъ зовется по-русски знатный баринъ.

Княжна. Можетъ быть! Простите, мнѣ показалось. Пожалуйста никогда не называйте папашу тузомъ, фи!

Петръ Ильичъ (*смѣясь*). Слушаю, матушка, ваше сіятельство, не буду-съ. Проказницы вы все такія же какъ и были; вѣдь я васъ вотъ какою помню, отъ земли не видать было, на рукахъ васъ нянчилъ...

Княжна (*быстро*). Не можетъ быть!..

Петръ Ильичъ. Ей Богу нянчилъ.

Княжна (*всторону*). Какъ это ему позволяли, я не понимаю!..

Петръ Ильичъ. И вотъ теперь привелъ Господь большую видѣть.

Княжна (*всторону*). П ш'embête. Скучно. (*Ему*). Вамъ есть ко мнѣ дѣло?

Петръ Ильичъ. Какъ же, матушка, ваше сіятельство. Не соблаговолите просмотрѣть-съ? (*Подаетъ тетрадь*).

Княжна (*взлѣзъ*). Что это такое?

Петръ Ильичъ. Вѣдомости, ваше сіятельство...

Княжна. Московскія вѣдомости?..

Петръ Ильичъ. Никакъ нѣтъ-съ. Вѣдомости села Продолюватаго.

Княжна. Скажите, здѣсь тоже издаются журналы?..

Петръ Ильичъ. Конторщикъ и журналъ выписываетъ-съ. Онъ въ конторѣ...

Княжна. Ахъ, это чудесно! Пришлите мнѣ, я хочу просмотрѣть...

Петръ Ильичъ. Слушаю-съ (*всторону*). Ого! журналъ требуетъ. Сличать хочеть! (*Кляжеть*). Слушаю-съ, пришлю-съ...

Княжна (*взглянувъ на рукопись*). Это вы писали?

Петръ Ильичъ. Сынишка мой, ваше сіятельство, Ва-нюшка...

Княжна. Только бумага не хороша... Впередъ пожелайста, если вздумаете мнѣ еще посвятить ваше сочиненіе, то на почтовой бумагѣ.

Петръ Ильичъ. Слушаю-съ... (всторону). Только взглянула и говорить сочиненіе. Надо ухо держать остро.

Княжна (кладя тетрадь). Я это прочту послѣ и скажу вамъ мое мнѣніе.

Петръ Ильичъ. Слушаю-съ.

Княжна. Только предупреждаю васъ, я буду строга.

Петръ Ильичъ (всторону). Вотъ тебѣ разъ!...

Княжна. А чѣмъ вы теперь еще занимаетесь?..

Петръ Ильичъ. Навозъ вожу-съ, матушка...

Княжна. Фи! какія гадости! Какъ вы смѣете мнѣ это говорить?

Петръ Ильичъ. Виновать-съ. Впрочемъ, какъ же безъ навоза?

Княжна. Опять!

Петръ Ильичъ (всторону). Должно быть знаетъ новую методу удобривать землю. (Княжнѣ). Какъ вашему сіятельству будетъ угодно.

Княжна (всторону). Странный человекъ! То объ литературѣ, то объ навозѣ.

Петръ Ильичъ. Не угодно ли будетъ, матушка, ваше сіятельство, поля объѣхать, хлѣба посмотреть? Какая рожь, я вамъ скажу, просто на удивленіе...

Княжна. А много васильковъ!

Петръ Ильичъ. Нельзя же и безъ нихъ, ваше сіятельство. У насъ сѣять окуратно, хорошо-съ, а это, такъ сказать, натура сама воспроизводитъ-съ.

Княжна. Очень хорошо. Чѣмъ больше васильковъ, тѣмъ лучше. Пожалуста, чтобы у меня никогда не было ржи безъ васильковъ. Велите мнѣ нарвать васильковъ, я очень ихъ люблю, да побольше...

Петръ Ильичъ. Слушаю, матушка, ваше сіятельство, прикажу-съ.

Княжна. Только поскорѣе. Что это? Кажется идуть? Я слышу голоса.

Петръ Ильичъ (у двери). Это ихъ сіятельство...

Княжна Графиня?..

Петръ Ильичъ. И съ сынкомъ...

Княжна. А?... (*подходитъ къ зеркалу*).

Петръ Ильичъ. Прекрасный, матушка, ваше сіятельство, я вамъ скажу, молодой баринъ.

Княжна (*разсыянно у зеркала*). Да?..

Петръ Ильичъ. Жаль только... одно...

Княжна. Что такое?..

Петръ Ильичъ. Лукавый—знать его попуталъ...

Княжна. Вотъ!

Петръ Ильичъ. Дуняшу, дочь станціоннаго, чай—знать изволите?..

Княжна. Довольно! Не знаю... не хочу знать... *beauté vulgaire*, понимаете?..

Петръ Ильичъ. По... ни... маю-съ... (*всторону*). Хотъ бы слово понялъ.

IV.

Тѣ же, ГРАФИНЯ и ГРАФЪ.

Графиня (*входя, сыну*). Довольно! Мы объ этомъ поговоримъ послѣ...

Графъ. Какъ вамъ угодно...

Графиня. Ты здѣсь, Адель? А мы тебя искали въ саду!..

Княжна. Нѣтъ, жарко... (*всторону*). Всѣ дорожки заросли травой, ужасно весело!

Графиня. Ты, я вижу, занималась хозяйствомъ, это прекрасно...

Графъ. Надо свыкаться, княжна, съ терминами сельскихъ жителей. Знаете ли вы, что такое: копна, стогъ, умо-лотъ, озимое, яровое, скирдъ, снопъ и проч.!

Княжна. Не совсѣмъ, графъ, нѣтъ ли у васъ диксіонера?

Графъ. Есть, княжна, вотъ онъ, живой диксіонеръ... (*указываетъ на Петра Ильича*). *Consultez le...*

Петръ Ильичъ (*обидясь*). Вашему сіятельству, вѣрно, угодно было сказать: комиссіонеръ, а не диксинеръ... какой я диксинеръ... управитель я и комиссіонеръ-съ... (*Всѣ смѣются. Всторону*). Чему нашли смѣяться, сами не знаютъ...

Княжна. *Il est charmant!*

Графиня. Петръ Ильичъ, потрудитесь сказать моему челоуѣку, чтобы онъ сходилъ къ ротмистру Заливо-Заливайскому и отъ моего имени попросилъ бы его зайти ко мнѣ на минуту... мнѣ нужно съ нимъ повидаться и переговорить...

Петръ Ильичъ. Слушаю, матушка, ваше сіятельство...

Графъ (всторону). Рѣшительно тамап мнѣ объявляетъ войну, но настанетъ же когда-нибудь перемиріе и Дуняша будетъ моею!

Петръ Ильичъ (княжнѣ). Вамъ, матушка, я больше, такъ сказать, не требуюсь.

Княжна (присѣдая; графъ и графиня, видя это, смѣются). Нѣтъ, можете идти, только не забудьте васильки и журналъ...

Петръ Ильичъ (всторону). Пошлю-съ крестьянскихъ дѣвокъ... Ну, васильки, натуральное дѣло, а журналъ не-натуральное... (вслушь). Прощенія просимъ-съ... (кланяется).

Княжна (присѣдая). Bonjour! (графъ и графиня смѣются; Петръ Ильичъ уходитъ). Что вамъ такъ смѣшно?..

Графъ. Ваши реверансы...

Графиня. Этимъ людямъ не присѣдаютъ... chère amie.

Княжна. Дамы... а барышни...

Графиня. И барышни тоже не присѣдаютъ...

Княжна. Я не знала... (всторону). Пренеловкое положеніе...

Графъ (всторону). Однако пойти взглянуть на Дуняшу; цѣлое утро прошло въ серьезномъ разговорѣ по поводу моего намѣренія, но партіи равны и неизвѣстно, за кѣмъ останется побѣда.

Княжна (всторону). Что онъ такое говоритъ съ самимъ собою. Какъ странно! Онъ не такъ любезенъ, какъ я воображала? Неужели въ-самомъ-дѣлѣ любовь существуетъ и можетъ творить такія чудеса?.. Онъ, и кто же?.. Нѣтъ! Не можетъ быть!..

Графиня (всторону). Трудная задача! Но надо ее рѣшить, надо, во чтобы то ни стало...

Графъ. Adieu, тамап!

Графиня. Куда же ты?

Графъ. Нужно по службѣ, зайти на конюшни, посмотреть...

Графиня. Я буду ждать тебя обѣдать...

Графъ. Вернусь, maman; bonjour, princesse...

Княжна (*присѣдая*). Bonjour, monsieur.

(Графъ кланяется, уходитъ).

Графиня (*всторону*). Оба молоды, оба хороши, оба богаты, оба знатнаго происхожденія — вотъ это пара... вотъ это союзъ!.. Какъ только подумаю, что эта Дунишка... такъ сердце кровью обливается...

Княжна (*всторону*). Какъ весело! И сынокъ и матушка говорятъ все что-то про себя, смотрятъ сентябремъ; очень весело...

Графиня. Адель, поди сюда!..

Княжна (*всторону, подходя*). Что это значить?

Графиня (*указывая на стулъ*). Садись... (*княжна садится*). Я хочу поговорить съ тобой, chère amie...

Княжна. Я васъ слушаю...

Графиня. Поговорить серьезно, очень серьезно...

Княжна. Я васъ серьезно, очень серьезно слушаю...

Графиня. Ты знаешь, какъ я люблю тебя, mon enfant.

Княжна. Знаю, maman, я никогда не забуду того, что вы для меня сдѣлали. Я лишилась матушки еще въ младенчествѣ, вы замѣнили эту потерю еще при жизни покойнаго раря. Четырнадцати лѣтъ я стала круглой сиротой и вы продолжали быть моею матушкой — я вамъ очень благодарна...

Графиня. Оставимъ это. Дружба съ твоею матерью, съ отцемъ, воля умирающаго, любовь къ тебѣ, чувства такія натуральныя, что говорить о нихъ излишне. Адель! Тебѣ двадцатый годъ...

Княжна (*вставая*). Можетъ быть!

Графиня. Это вѣрно. До сихъ поръ ты отвергала все предложенія... однакожь тебѣ надо выйти замужъ...

Княжна. Почему жъ надо?

Графиня. Потому, потому что назначеніе женщины быть замужемъ, быть матерью, хозяйкой.

Княжна. Можетъ быть, я и буду замужемъ, можетъ быть, буду и матерью, qui sait, но хозяйкой никогда...

Графиня. Ты все шутишь, играешь словами, а общала говорить серьезно...

Княжна. Pardon, я вышла изъ роли! (*Серьёзно, садится*). Смотрите — я снова выхожу на сцену.

Графиня. Прекрасно! Наша сцена большой свѣтъ; декорация—твое имя, красота, богатство, образованность; мебель—мой сорокъ пять лѣтъ, опытъ, связи, любовь матери; при этой обстановкѣ, на этой сценѣ мы обѣ играемъ роли — ты — невѣсты, а я...

Княжна. Вы?..

Графиня. Свахи... роль незавидная, ты скажешь, но я дорожу ею, я ее играю сои атоге, я въ ней натуральна, я артистка, однимъ словомъ я настоящая сваха...

Княжна (*всторону*). Я начинаю понимать, но такъ какъ мы на сценѣ, то... (*ей*) Вы, точно или очень хорошо играете, или не выикнули въ роль, потому что я васъ не понимаю.

Графиня. Не думаю, mais si tu tiens à ce que je mette les points sur les i, я буду говорить яснѣе... Что бы ты сказала, еслибъ сынъ мой предложилъ тебѣ руку и сердце?

Княжна. Не знаю...

Графиня. Однакожь... теперь слово сказано, роли кончены, нравится онъ тебѣ?

Княжна. Очень.

Графиня. Стало-быть ты его любишь?

Княжна. Станный выводъ! Находить достоинства и любить—двѣ различныя вещи! впрочемъ, я не понимаю, что такое любовь; это чувство условное... мы росли вмѣстѣ съ графомъ, или лучше сказать я выросла на его глазахъ, мы знаемъ наши недостатки и качества, привыкли другъ къ другу, хотя послѣднее время и были разны; мы свои, друзья, любимъ ли мы другъ друга — не знаю... Впрочемъ это ничего не значить. Онъ уменъ, образованъ, я тоже не совсѣмъ дура, — умные люди, женясь, не могутъ быть несчастливы. Впрочемъ, въ мужѣ я еще допускаю любовь, даже я бы желала, чтобы мой мужъ любилъ меня, но не былъ бы только влюбленъ! Я допускаю, я понимаю глаголь любить, но глагола влюбляться не понимаю и не допускаю.

Графиня. Все это очень умно, но не очень сердечно...

Княжна. Умно ли, я не знаю, но сердечно, да. Я всегда прямо высказываю мое мнѣніе и взглядъ на вещи...

Графиня. Я вижу, что роль моя не удалась и сваха осталась ни при чемъ.

Княжна (*смѣясь*). При печальномъ интересѣ.

Графиня. Говорятъ: *le trop toujours nuisible*, неужели я должна примѣнить это къ твоему уму? Ты шутишь, когда дѣло идетъ объ участи моего сына, сына женщины, которую ты называешь матерью.

Княжна. Послушайте, татап, вы задавали мнѣ вопросы, я отвѣчала, какъ умѣла, позвольте-же и мнѣ спросить кой-что у васъ.

Графиня. Я слушаю...

Княжна. Графъ меня любитъ?

Графиня. Конечно...

Княжна. Онъ вамъ это говорилъ?

Графиня. Сто разъ.

Княжна. И вы за него мнѣ высказываете его чувства?

Графиня. Это долгъ, обязанности матери...

Княжна. Еще вопросъ: зачѣмъ мы здѣсь, въ этой глуши, въ селѣ Продолговатомъ?

Графиня. Я ѣхала для свиданія съ сыномъ...

Княжна. Который могъ пріѣхать въ Москву...

Графиня. И которому не дали-бы отпуски, потому-что онъ и такъ зимою прожилъ съ нами два мѣсяца...

Княжна. Вы ѣхали къ сыну, положимъ, я къ кому ѣхала?..

Графиня. Со мной; нельзя-же оставить тебя одну въ Москвѣ, къ тому-же случай расположилъ полкъ въ твоёмъ имѣніи очень кстати...

Княжна. Въ имѣніи, гдѣ есть и почтовая станція...

Графиня (*вскакивая*). Станція...

Княжна. Гдѣ дочь станціоннаго красавица...

Графиня (*всторону*). Она все знаетъ!

Княжна. Дочь станціоннаго, которую зовутъ Дуняшей...

Графиня. Можетъ-быть, я не знаю, что ты хочешь сказать?

Княжна. Спросить: что, графъ меня любитъ?..

Графиня. Я понимаю, и до тебя дошла эта клевета? Не вѣрь ей. Онъ любитъ тебя, одну тебя...

Княжна. Очень рада! потому что, согласитесь сами, послѣ всего, что было между нами—влюбитъся, Богъ знаетъ въ кого, дико, неприлично,

Графиня, Стало-быть, я могу надѣяться?

Княжна! Матап! Я пойду за графа. Давнишняя дружба ручается мнѣ за мое счастье, съ-меня довольно. Я пойду за него...

Графиня. Милая Адель! Я могу ему сказать, что ты его любишь?

Княжна. Можете. Но я люблю его по-своему, умно, разумно... какъ говорится съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой...

Лакей (вход). Александръ Ивановичъ Заливо-Заливайскій!..

Графиня. Проси! (лакей идетъ).

Княжна. Постой. Кликни Машу ко мнѣ въ комнату...

Лакей. Слушаю-съ (уходитъ).

Графиня. Отчего ты не хочешь остаться?..

Княжна. Не могу, боюсь влюбиться...

Графиня. Шалунья!

Княжна. Влюбляются-же князья и графы въ танцовщицъ, въ дочерей станціонныхъ и другихъ бурбоновъ, отчего-же и мнѣ, княжнѣ Черноземовой, не броситься на шею къ этому господину, онъ же не изъ важныхъ кста-ти, тоже бурбонъ?.. (хохочетъ и быстро уходитъ. Заливайскій показывается въ главныхъ дверяхъ).

V.

ГРАФИНЯ и ЗАЛИВАЙСКІЙ.

Графиня. А! Александръ Ивановичъ, здравствуйте...

Заливайскій (входя и кланясь). Честь имѣю кланяться.

Графиня. Садитесь... (Садятся).

Заливайскій. Кажется, я спугнулъ птичку — княжна порхнула въ дверь, когда я входилъ въ другую.

Графиня. Она пошла въ свою комнату, не совсѣмъ здорова.—Знаете, Александръ Ивановичъ, съ пріѣзда моего сюда, ровно недѣлю, я стала актрисой; у меня поминутно сцены, то съ тѣмъ, то съ другимъ. Сегодня поутру сцена съ сыномъ, сцена драматическая, передъ вами съ Аделью, сцена высокой комедіи, теперь сцена съ вами — не знаю,

доставеть-ли силъ! Я начинаю изнемогать, твердость меня оставляетъ... я очень страдаю, Александръ Ивановичъ... оттого-то я и просила васъ зайти, посоветуйте, что мнѣ дѣлать.

Заливайскій. Я нахожу, графиня, что въ подобныхъ случаяхъ надо дѣйствовать сильно и рѣшительно...

Графиня. Я готова на все...

Заливайскій. Надо дѣйствовать соединенными, общими силами.

Графиня. Вотъ вамъ моя рука (*подаетъ руку; онъ ее цѣлуетъ*). Что надо сдѣлать?

Заливайскій. Три вещи, уговоръ, заговоръ и наговоръ.

Графиня. Не понимаю.

Заливайскій. Я вамъ объясню. Уговоръ между нами разстроить свадьбу графа съ Дуняшей.

Графиня. Во что-бы то ни стало.

Заливайскій. Несмотря на слѣзы, просьбы и отчаяніе.

Графиня. Несмотря ни на что.

Заливайскій. Силой воли, приказаніемъ матери, графиня.

Графиня. Даже, въ случаѣ отчаяннаго сопротивленія, страхомъ проклятья (*съ трудомъ произноситъ последнее слово и закрываетъ лицо руками*).

Заливайскій (*подавая ей руку*) Уговоръ?..

Графиня (*сжимая его руку*). Уговоръ.

Заливайскій. Чтобы достичь желанной цѣли, надо принять мѣры. Я все обдумалъ... Позвольте мнѣ позвонить... (*Графиня дѣлаетъ утвердительный знакъ; онъ звонитъ*).

Графиня. Что вы хотите дѣлать? (*Лакей входитъ*).

Заливайскій. Я вамъ все объясню (*Лакею*). Сходи сей-часъ-же на почтовую станцію и скажи станціонному отъ имени графини, что ея сіятельству угодно видѣть его дочь и чтобы онъ сей-часъ пришелъ съ ней сюда...

Графиня. Но... къ чему это?

Заливайскій. А нашъ уговоръ, графиня (*Лакею*). Ступай. (*Лакей кланяется и уходитъ*).

Графиня. Объясните мнѣ...

Заливайскій. Сію минуту. Ваши сцены еще не кончены, вамъ предстоитъ еще одна и очень трудная сцена съ

Дуняшей. Она любитъ графа, надо дѣйствовать на ея сердце, требовать жертвы, самоотверженія. Счастье графа зависить отъ ея погибели...

Графиня (*вставая*). Но это ужасно!

Заливайскій. Опять скажу надо дѣйствовать на сердце, сгубить его морально, или видѣть графа женатымъ.

Графиня. На дочери станціоннаго?..

Заливайскій. Стоитъ только на визитныхъ карточкахъ не писать: урожденная Кочерыжкина, а просто графиня Авдотья Антоновна Горностаева; презрѣть всѣ толки, не обращать вниманія на свѣтскія насмѣшки и учтивыя униженія, которыя будутъ встрѣчать жену его въ обществѣ.

Графиня. Лучше умереть!.. Но, Боже мой, этой дѣвушкѣ можно предложить награду, выдать замужъ, отцу дать пенсію, уладить какъ-нибудь...

Заливайскій (*всторону*). Какая мысль! (*Графинѣ*). Конечно, прекрасно, предложите, сами предложите, это будетъ очень эффектно.

Графиня. Ахъ, какое ужасное положеніе! Надобно-же было помѣстить здѣсь полкъ, когда все шло такъ хорошо, когда Сержъ и Адель свыкались болѣе и болѣе...

Заливайскій. А княжна его любитъ?..

Графиня. Да, по-своему, какъ она говоритъ, но она такъ умна, такъ мила; счастье ихъ несомнѣнно...

Заливайскій. Разумѣется, то же воспитаніе, рожденіе, понятія... и вдругъ Дуняша...

Графиня. Этого имени я не могу слышать.

Заливайскій. Признаться, я её тоже не люблю! Что за Лукреція такая! Любовь въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, и любовь такого размѣра, врядъ-ли существуетъ. Рѣшено! Если её вдохновляетъ расчетъ, обѣщайте награду, пенсію, многое; если-же точно она его искренно любитъ, чѣмъ чортъ не шутить, — виноватъ, привычка глупая! то дѣйствуйте на сердце, разрывайте нити, вырывайте съ корнемъ слабые отпрыски, уничтожайте, торжествуйте, графиня...

Графиня. Трудно, однакожь попробую. Но послушайте, назовите мнѣ то, что мы затѣваемъ, что это такое?..

Заливайскій. Заговоръ!

Графиня (*сильно*). Противъ сердца, можетъ быть искренно преданнаго.

Заливайскій (еще сильнѣе). Въ пользу гибнущаго сына.

Графиня (сильно взявъ его за руку). Заговоръ! Заговоръ! Для спасенія сына—матери все возможно!

Заливайскій (также). Браво, чортъ возьми! Виновать, опять черкнулся по привычкѣ! Мы побѣдимъ! Наша возьметъ!..

Графиня (садясь). Я рѣшительно начинаю ослабѣвать... Александръ Ивановичъ! Вы говорили еще про что-то, третье слово, я не помню.

Заливайскій. Наговоръ...

Графиня. Да.

Заливайскій. Это ужъ мое дѣло. Судьба—авторъ нашей драмы дастъ и мнѣ одну блестящую минуту, гдѣ и я вырву замъ одобренія! Роли друзей и резонеровъ на свѣтской сценѣ самыя неблагодарныя роли; ихъ играютъ полезные актеры, но я хочу быть болѣе чѣмъ полезенъ, геніаленъ! Да! Для спасенія друга я готовъ на все!..

Графиня (вставая и подходя). О! Добрый Александръ Ивановичъ! Какъ мнѣ благодарить васъ за вашу любовь къ моему сыну. (Подаетъ ему руку, онъ ее жметъ и держитъ).

Заливайскій. Исполненіемъ нашего уговора, заговора...

Графиня (подавая другую руку, которую онъ беретъ другой рукой). И наговора (Жметъ руки. Молчаніе).

Лакей (входя). Пришли-сь...

Графиня (покидая Заливайскаго). Она!..

Заливайскій. Зови!.. (Лакей уходитъ).

Графиня. Страшно!..

Заливайскій. Смѣлѣе, графиня, смѣлѣе! Они идутъ, садитесь.

VI.

ТѢ же КОЧЕРЫЖКИНЪ и ДУНЯША.

Кочерыжкинъ (дочери). Иди, глупая, чего артачишься-то? Авось, не укусятъ! Иди!..

Дуняша. Я вся дрожу, ноги подгибаются...

Кочерыжкинъ. Все равно, на это не посмотрятъ, что

подгибаются, все равно, на диванъ Дуньку не посадятъ.— Стой-себѣ, иди прямо, гляди на меня... (дѣлаетъ нѣсколько неровныхъ шаговъ).

Графиня (всторону). Не знаю, что сказать...

Заливайскій (всторону). А голубчикъ-то съ утра вензеля пишетъ!

Дуняша. Духъ захватываетъ!.. И ротмистръ здѣсь...

Кочерыжкинъ. Сіятельство ваше! Требовать изволили!

Графиня. Да, подойди, любезный...

Кочерыжкинъ. Съ Дунькой, аль одинъ?..

Графиня. Да, и съ дочерью...

Кочерыжкинъ. Подходи, глупая, проси ручку...

Заливайскій (тихо Дуняшѣ). Будь смѣлѣе, не бойся. (Дуняша подходитъ ближе къ графинѣ; Кочерыжкинъ за ней; Заливайскій въ глубинѣ).

Дуняша. Ваше сіятельство!..

Графиня (взглянувъ на нее). Такъ вотъ ты?.. (Долгое молчаніе. Дуняша опускаетъ глаза. Графиня всторону). И все не хороша! Обыкновенное лице, figure commune, minois de soubrette!

Заливайскій (подойдя сзади, тихо графинѣ, пока Кочерыжкинъ глазѣтъ по-верхамъ). Къ дѣлу, графиня, время дорого, начинайте сцену, а то графъ вернется, эффектъ трескучій, а на дѣлъ-то ничего... (Послѣ отвѣта графини тихо отходитъ въ глубину).

Графиня. Начинаю... начинаю... (всторону). Съ этими людьми надо говорить ихъ языкомъ. (Дуняшѣ). Ты мнѣ приглянулась, милая. (Всторону). Тяжело мнѣ это слово! (Дуняшѣ). Ты такая красивая...

Кочерыжкинъ. Дунька-то? Вылитая моя покойница Пелагея Кузминишна!..

Графиня. Что-же ты, милая, чѣмъ занимаешься!

Кочерыжкинъ. Извѣстно чѣмъ: стряпаетъ, бѣлье моетъ, масло бьетъ, коровъ доитъ; что еще ты, Дунька, дѣлаешь? А?

Графиня. Это похвально, хозяйствомъ заниматься, послѣ пригодится, какъ замужъ пойдешь...

Дуняша. Я... Ваше сіятельство... не пойду замужъ...

Графиня. Отчего-же?..

Дуняша. Мнѣ и съ тятенькой хорошо...

Кочерыжкинъ (*всторону*). Ай-да Дунька!..

Графиня. А жениховъ, вѣрно, много сватается?

Дуняша. Какіе женихи! И дѣвушка бѣдная!..

Графиня. Я дамъ тебѣ хорошее приданое, выходи замужъ, за того, кто тебѣ милъ!..

Кочерыжкинъ (*тихо дочери*). Благодари, глупая!.. кланяйся!.. проси ручку!..

Дуняша. Много вамъ благодарна, ваше сіятельство, только у меня нѣтъ жениха!..

Графиня. Выбери!

Дуняша. Не стану, ваше сіятельство!..

Графиня. Отчего-же?

Дуняша. Оттого, что тотъ, кто мнѣ по мыслямъ, по сердцу, тотъ мнѣ не пара, а за постылаго незачѣмъ идти, и себя крушить, и парня погубить!..

Графиня. Вотъ что? Кого-же ты любишь?

Дуняша. Ваше сіятельство! На что вамъ знать, если не знаете? Не во грѣвъ вашей милости, начто спрашивать, если сами знаете?

Графиня. Хочу убѣдиться!..

Дуняша. Виновата-ли я, что люблю его больше дня свѣтлаго, больше солнца яркаго, больше мѣсяца веселаго, больше жизни моей горемычной?

Кочерыжкинъ (*всторону*). Что-то она такое гордиться!.. не пойму никакъ!.. (*Ей*). Дунька! Что ты мелешь съ-дуру, что ты мелешь?

Дуняша. Видите, сударыня, даже тятенька не знаетъ про мое горе! Виновата-ли я, что и онъ меня любитъ? Не люби онъ меня, я бы также его любила, какъ и теперь! Развѣ грѣхъ любить! Развѣ позорно? Позорно продать себя; позорно грѣхъ учинить, да! Но любить, самой про себя нѣтъ грѣха! Одна я страдаю! Кому какое дѣло!

Графиня. Эти страданья гибельны—однакожъ!..

Дуняша. Одной мнѣ, ваше сіятельство!..

Графиня (*сильно*). А если и ему?..

Дуняша. Боже мой! Боже мой!.. (*Горько плачет*)!..

Кочерыжкинъ (*всторону*). Что за дьявольщина! Ничего не разберу!..

Графиня. Если эти страданья доступны и ему?.. Если сопротивленія доводятъ его до отчаянія, до суицидства,

до забвенія приличій, до забвенія различія рожденія и воспитанія; если эти страданія ведутъ безумца къ погибели, заставляютъ его, наконецъ, чтобъ увѣчать свои желанія, предложить имя, сердце, состоянiе, самую руку...

Дуняша. Предлагалъ, предлагаетъ, требуетъ...

Графиня. И что же?..

Дуняша. Извѣстно что... пара ли я ему! Не пошла, и не пойду!

Графиня. Возможно-ли?.. Добровольно отвергаешь?..

Кочерыжкинъ. Ничего не разберу!..

Дуняша. Статочное ли дѣло?.. Ну, какая я графиня?

Кочерыжкинъ. Что?.. графиня? *(хохочетъ)*. Ты никакъ опять? Аль рехнулась? Дунька? Вы ее не слушайте, матушка, она дура! Ономясь графчикъ-то вашъ приходитъ, да маленечко подь-хмелькомъ, должно быть, — со всякимъ случается, по себѣ знаемъ, — да и говоритъ: давай мнѣ, говорить, Авдотью Антоновну въ жоны, то есть Дуньку-то мою, вотъ эту самую Дуньку въ жоны, я такъ и лопнулъ *(хохочетъ)*, мою Дуньку въ графини... *(хохочетъ)*. Вы ей, матушка, не вѣрьте, она съ-дуру вообразила, а онъ-то подь-хмелькомъ-знатьъ былъ. Ужъ и видно, что глупа, тверезаго съ пьянымъ не распознаеть! *(Хохочетъ)*.

Дуняша *(сильно)*. Чтожъ я-то говорю? Я говорю: какая я графиня!

Кочерыжкинъ. Пришлось говорить, вѣдь графъ-отъ съ той поры, я чай, ужъ прогрезвился *(хохочетъ)*.

Графиня. Такъ ты и ему тоже говорила? А я тебя обвиняла? Сколько благородства! Послушай, Дуняша! Ты сама видишь, что этой свадьбы быть не можетъ, что она гибельна была бы для графа и для тебя, но особенно для него. Ты довольно умна, чтобъ понять всѣ тѣ мелочныя неприятности, которыя влечетъ за собой неровный бракъ; и если ты его точно такъ любишь, какъ говоришь, то ты должна сдѣлать все, чтобъ спасти его. Я говорю спасти, потому что онъ теряетъ спокойствiе, кредитъ, связи, даже честь... Неровный бракъ — страшное, несмываемое пятно, оно вѣдается все глубже, глубже, уничтожаетъ, губить дѣлое семейство и хотя уменьшаясь, но отражается даже на потомкахъ... Страшное, ужасное пятно!..

Дуняша. Что мнѣ дѣлать! Что мнѣ дѣлать!

Кочерыжкинъ. Опять не разберу! Какое пятно? У насъ шорникъ Демьянъ какія ни-на-есть пятна вынолить, у меня на сертукѣ дегтярное вывелъ... вона... (смотритъ на полу) и невидать... обѣ колесо, видно, задѣлъ... славно выводитъ! (Отходитъ въ глубину).

Дуняша. Господи! Научи, что мнѣ дѣлать?

Кочерыжкинъ (показывая Заливайскому на стулъ въ глубинѣ). Можно? (Заливайскій знакомъ говоритъ: можно).

Графиня. Скажи, что ты его не любишь.

Дуняша. Онъ не повѣритъ, низачто не повѣритъ...

Кочерыжкинъ (садясь). Экая должность каторжная, подумаешь, ноги такъ и подкашиваетъ...

Графиня. Скажи, что ты шутила, забавлялась, это у насъ въ свѣтѣ сплошь-да-рядомъ говорятъ, а женское сердце вездѣ тоже...

Дуняша. Не повѣритъ, право-слово не повѣритъ...

Кочерыжкинъ (засыпая). Небель-то покойная...

Графиня. Скажи, что ты узнала, что онъ давно сговоренъ и женится на моей воспитанницѣ княжнѣ Чернозёмовой.

Дуняша. Женится? Сережа женится? Сережа...

Графиня. Скажи, что ты его не любишь, презираешь...

Дуняша. Взаправду женится?..

Графиня. Въ этомъ бракѣ его счастье, съ нею благополучіе, съ тобой погибель; выбирай!.. (Заливайскій подходитъ).

Дуняша. Его счастье, мое счастье... Богъ съ нимъ! Пусть женится... Врядъ ли только она его такъ любить, какъ я? Что мнѣ дѣлать? Научите!

Графиня. Я сама не знаю!..

Заливайскій (становясь между ними). Я знаю...

Дуняша. Богъ съ тобой, Сережа! живи счастливо...

Заливайскій. Я слышалъ всё; Дуняша, твое самоотверженіе тронуло и мою черствую душу, но оно не кончено! Ты любишь графа, но мужемъ быть твоимъ онъ не можетъ и не долженъ. Клянись мнѣ сдѣлать для его спасенія все, чего бы я отъ тебя не потребовалъ!

Дуняша. Для счастья Сережи, клянусь, видить-Богъ, все сдѣлаю...

Заливайскій. Слышитъ мать, слышитъ и отецъ!..

Дуняша. Клянусь!

Заливайскій. Слушай, старикъ! (*Кочерыжкинъ, дремавший, открываетъ глаза*). Твоя дочь честная дѣвушка, помни это! Это слово пригодится. Не вѣрь же когда-нибудь обвиненіямъ и не проклинай Заливайскаго!

Кочерыжкинъ (*хлопая глазами*). Ничего не разберу, что за дьявольщина!..

Заливайскій. Завтра въ шесть часовъ вечера приходи ко мнѣ...

Дуняша (*сильно*). Я?..

Заливайскій. Это необходимо для спасенія графа.

Дуняша (*едва говоритъ*). Приду...

Графиня (*Заливайскому*). Что вы хотите дѣлать? Какимъ еще испытаніямъ подвергнете вы еѣ. Мне стало жаль еѣ.

Заливайскій. А сынъ!..

Графиня. О! Боже мой!.. дѣлайте, что хотите...

Кочерыжкинъ (*вставая со стула*). Ничего не разберу...

Графиня (*тихо Дуняшъ*). Вѣрь мнѣ, я тебя не забуду... скажи, чего хочешь?..

Дуняша (*съ горькой улыбкой*). Мнѣ? мнѣ ничего ненадо .. Дуняша исполняетъ долгъ... ей ничего ненадо...

Графиня. Рѣдкая дѣвушка! (*Кочерыжкину*). Пожалуйста, любезный, если по здѣшнему тракту съ почтой будутъ письма, на мое имя адресованныя, въ село Продолговатое, или на имя княжны, присылай къ намъ тотчасъ, очень одолжишь, я у тебя въ долгу не останусь.

Кочерыжкинъ. Смекаемъ-съ. Слышь, Дунька, просматривай письма, а то я иной разъ подъ-хмѣлькомъ бываю, должность такая каторжная, своя воля, кого я боюсь? не то, что при покойницѣ Палагѣ Кузьминишнѣ, дралась, мѣсто ей покойное.

Дуняша. Пойдемъ, тятинька, неравно проѣзжающій, а дома-то никого.

Кочерыжкинъ. Ты ступай, а я зайду по дорогѣ, въ горлъ пересохло... Прощенія прошимъ... (*Идетъ къ двери*).

Графиня. Прощай, любезный, до свиданія, Дуняша.

Дуняша. Не поминайте лихомъ, ваше сіятельство.

Заливайскій (*тихо Дуняшъ*). Не забудь завтра въ шесть часовъ...

Дуняша. Приду, сказала, безпремѣнно.

Кочерыжкинъ (въ дверяхъ). Ну, иди, что-ли?.. (уходитъ).

Дуняша. Дай Богъ вамъ всякаго благополучія... Дай Богъ вамъ... (Уходитъ, глотая навертывающіяся слезы).

VII.

ГРАФИНЯ и ЗАЛИВАЙСКІЙ.

Заливайскій. Вивать!..

Графиня (сидясь). Сколько въ ней души! Сколько благородства!

Заливайскій. Однако къ дѣлу, мѣшкать ненадо. (Идетъ къ столу, садится и что-то пишетъ).

Графиня. Что вы хотите еще дѣлать? Что значило: завтра въ 6 часовъ. Кому вы пишете? Какую судьбу готовите вы этой дѣвушкѣ? Растолкуйте, объясните...

Заливайскій (пишетъ). Сію минуту, графиня, позвольте мнѣ только кончить...

Графиня. Тяжелое утро! Столько выстрадать, столько почувствовать! Ублажить Адель, урезонить сына, уговорить Дуняшу — рѣшительно я изнемогаю. Кончили-ли вы наконецъ?..

Заливайскій. Кончилъ. (Встаетъ и складываетъ написанное).

Графиня. Что же это такое?

Заливайскій. Записка.

Графиня. Къ кому?..

Заливайскій. Къ графу.

Графиня. Котораго вы видите каждый день...

Заливайскій. Есть вещи, которыя легче повѣрить бумагѣ, чѣмъ сказать, графиня...

Графиня. Вы меня пугаете... Опять сцена...

Заливайскій. Вы напрасно беспокоитесь по поводу простой записки...

Графиня. Что онъ прочтетъ въ ней?

Заливайскій. Приглашеніе на вечеринку, которую я даю завтра въ своей походной квартирѣ, то есть въ избѣ, моимъ товарищамъ...

Графиня. Приглашеніе?.. Это ужъ не записка, а билетъ...

Заливайскій. Лоттерейный, графиня. Если онъ повѣрить, мы съ вами выиграли; если нѣтъ,—нѣтъ.

Графиня. Но вы какъ думаете: онъ повѣритъ?

Заливайскій. Непремѣнно!

Графиня. Но чему? я не спросила...

Заливайскій (подавая ей записку). Прочтите...

Графиня. Посмотримъ. (*Молчаніе. Она читаетъ, лице мѣняется.*) «Милый другъ Сережа, опомнись, не губи себя. Какъ другъ, я обязанъ сказать тебѣ истину въ трехъ словахъ: Дуняша моя любовница.» (*Говоритъ*). Возможно ли? Какъ? И это правда?

Заливайскій. Ложь...

Графиня. Въ такомъ случаѣ это ужасно...

Заливайскій. Можетъ быть!

Графиня. Онъ не повѣритъ.

Заливайскій. Не думаю.

Графиня. Потребуется доказательствъ.

Заливайскій. Будетъ доказательство сильное, неопровержимое!

Графиня. Нѣтъ, это слишкомъ, это преступленіе, я не потерплю... Я разорву записку... (*хочетъ разорвать*).

Заливайскій (*хладнокровно*). Рвите, я другой не напишу. Пусть онъ гибнетъ въ-самомъ-дѣлѣ!..

Графиня (*съ чувствомъ*). Сынъ мой!..

Заливайскій. Разрывайте записку—уничтожайте счастье сына.

Графиня. Но это преступленіе!

Заливайскій. Или хитрость...

Графиня (*сильно*). Страшная хитрость!..

Заливайскій (*еще сильнѣе*). Въ-самомъ-дѣлѣ, въ сравненіи съ погибелью сына...

Графиня (*также*). Сержъ! Мой Сержъ!

Заливайскій (*холодно*). Рвите, графиня, рвите...

Графиня (*посль колебанія тихо*). Не могу...

Заливайскій. А отдать еѣ графу можете?..

Графиня (*шопотомъ*). Могу...

Заливайскій. Должны, графиня. (*Кланяясь*). Честь имѣю кланяться.

Графиня (*подавая ему руку*). Прощайте...

Заливайскій. Я пройду къ княжнѣ, откланяюсь, и садомъ, на село... *(цѣлуетъ руку и уходитъ)*. Отдайте записку, не губите сына, а впрочемъ, какъ знаете, я свое дѣло сдѣлалъ... Мое почтеніе... *(Уходитъ въ боковую дверь)*.

VIII.

ГРАФИНЯ одва, потомъ ГРАФЪ и КНЯЖНА.

Графиня. Необыкновенный человѣкъ! Какая сила воли! Какое знаніе сердца человѣческаго! Мысль страшная, но внушенная благороднымъ чувствомъ дружбы. Такіе друзья рѣдки въ нашъ эгоистическій вѣкъ! Заливайскій отрадное лицо между дѣйствующими въ той длинной, въ той грустной, запутанной комедіи, которую называютъ жизнью. Но вотъ и сынъ, я слышу его шаги! Опять выходитъ на сцену... Грустно, больно и досадно...

Графъ *(входя)*. Странно! Дуняши я не засталъ на станціи... ямщики сказали, что она будто бы пошла сюда... Вздоръ! Этого быть не можетъ! А! вы здѣсь шапан.

Графиня. Ты не встрѣчалъ Заливайскаго?

Графъ. Нѣтъ.

Графиня. Я спросила потому, что, если вы встрѣтились, то эта записка ужъ не нужна.

Графъ. Ко мнѣ? записка? отъ Заливайскаго?

Графиня. Приглашеніе, кажется. Онъ написалъ её при мнѣ здѣсь и просилъ передать тебѣ... возьми.

Графъ. Что бы это значило? *(читаетъ тихо и весь дрожитъ; графиня смотритъ на него съ участіемъ; княжна входитъ въ боковую дверь)*. Ложь! Клевета!.. Не можетъ быть! Заговоръ! *(хохочетъ)*. Смѣшно! дѣти! забавляются! Шутятъ! Такъ шутить безчеловѣчно, жестоко, низко... грѣшно... *(Плачетъ и, роняя записку, падаетъ на стулъ)*.

Графиня *(всторону)*. Его отчаяніе меня терзаетъ, но дѣлать нечего, побѣдимъ волненіе... *(ему натурально и спокойно)*. Что съ тобой? Что ты прочелъ такое?

Графъ *(вскакивая)*. Что я прочелъ? Ничего, такъ, вздоръ, шутки... *(всторону, шопотомъ)*. Шутка, кровавая шутка,

которая может стоять жизни! (громко). Мистификація! Доказательство? Гдѣ? Какое? (хохочетъ). Ужасно смѣшно! Что же вы не смѣетесь? Смѣйтесь... смѣйтесь!..

Графиня (всторону). Сержъ! Что съ тобою? Дитя мое! (Княжна, сперва не понимая, показываетъ нѣмое удивленіе, но, увидя записку на полу, бѣжитъ и подымаетъ ее).

Графъ. Мнѣ душно... я задыхаюсь... злость и боль... бѣшенство и страсть... ревность и мщенье... воздуха. . воздуха! (Графиня бѣжитъ къ окну и отворяетъ его). Воды!.. воды!.. я задыхаюсь... я задыхаюсь... (Княжна читаетъ записку на серединѣ сцены, графъ снова опускается въ изнеможениі на стулъ. Графиня отбѣгаетъ отъ окна къ средней двери).

Графиня. Человѣкъ! человѣкъ! Федоръ!.. Кто нибудь! Человѣкъ!

Княжна (прочтя, смѣется). Я этого ожидала! А онъ, бѣдный, не ожидалъ! (Смѣется еще сильнѣе).

Графъ (подымая голову). Княжна! (Она смѣется, указывая на записку. Лакей входитъ въ глубинѣ).

Графиня (скоро). Воды! воды! (Лакей уходитъ).

Княжна (хохочетъ еще громче). Графу дурно? Это пре-
забавно!

(Занавѣсъ быстро опускается.).

А К Т Ъ III.

(МЕЖДУ ВТОРЫМЪ И ТРЕТЬИМЪ АКТОМЪ ПРОХОДИТЬ ДВА ГОДА.)

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ.

Гостиная въ домъ графа въ Москвѣ. Въ задней занавѣсь, въ срединѣ, амбисто двери окно драпированное, передъ которымъ стоитъ тумба съ большими бронзовыми часами. Отступивъ отъ нея шага на два, модный диванъ, почти посерединѣ сцены; около него два мягкихъ кресла и столъ. Направо и налево по двери. Направо отъ зрителей на авансцену еще дверь въ кабинетъ графа. По правой стѣнѣ между дверьми кушетка; передъ ней столъ и два кресла. Налево по стѣнѣ пианино; передъ нимъ стулъ. Ближе къ стѣнѣ, вкось, маленькой диванъ, два кресла и столъ, заваленный рисунками, красками, кистями и проч. На столъ, передъ кушеткой, лампы, журналы и кипсеки. По обѣимъ сторонамъ окна по этажеркѣ, уставленной разными безделками, и по стулу. На стѣнахъ картины въ золотыхъ рамахъ. На столъ, столцемъ посерединѣ, женская работа.

I.

(ГРАФЪ входитъ справа отъ зрителей, за нимъ НИКАНОРЪ АНДРЕИЧЪ.)

ГРАФЪ и НИКАНОРЪ.

Графъ (въ статскомъ платьѣ). Графиня не вставала?

Никаноръ. Никакъ нѣтъ-съ, (взглянувъ на часы). А пора бы, втораго половина.

Графъ. Она была на балѣ вчера, немудрено, устала...

Никаноръ. Вотъ, развѣ-что на балу-то быть изволили, а то бы пора проснуться; у насъ, у простыхъ людей, почитай что вечеръ въ это время.

Графъ (снимая перчатки). Тò у васъ...

Никаноръ. У насъ, ваше сіятельство, хозяйка въ домѣ первая встала...

Графъ. Опять то .у васъ... да впрочемъ, что ты хочешь сказать.

Никаноръ. Ничего-съ... я такъ только...

Графъ. То-то такъ, недаромъ тебя не любить графиня...

Никаноръ. Да кого она любить, ваше сіятельство...

Графъ. Что такое?

Никаноръ. Акромя самихъ себя...

Графъ. Довольно. Ты себѣ много позволяешь; и будь ты не семидесяти лѣтъ...

Никаноръ. Вы бы ничего не сдѣлали. Батюшка, ваше сіятельство, сами знаете, какова есть ея натура; сами знаете, каково наше житье-бытьё. Конечно, я человекъ старый; при дѣдушкѣ нашемъ казачкомъ служилъ, при батюшкѣ двадцать слишкомъ лѣтъ камендинерскую должность справлялъ, при нашемъ сіятельствѣ вотъ тоже съ хвостикомъ двадцать годочковъ нахожусь, нянчилъ дитяту, пришлось подъ-старость видѣть и женатымъ, пришлось узнать и горе, сердце надрывается! Что-небось, скажете: я-молъ счастливъ? Какъ же? Такъ я и повѣрю! Вижу, родимый, кормилецъ, все вижу.

Графъ. Довольно, довольно! Снявши голову, по волосамъ не тужать, сдѣланнаго не воротишь, ропотомъ не поможешь!..

Никаноръ. А кто виновать? Сами! У насъ баба молчи, когда мужъ говоритъ, а не то далъ потасовку — и какъ рукой сняло... шелковая...

Графъ. А таки-то у васъ... но довольно! Былъ кто-нибудь безъ меня?

Никаноръ. Никакъ нѣтъ-съ.

Графъ. Письма есть?

Никаноръ. Нѣту-съ.

Графъ. Возьми шляпу и перчатки, отдай Яшкѣ, да дай мнѣ позавтракать, усталъ, ѣсть хочется.

Никаноръ (*взявъ шляпу*). Чего прикажете?

Графъ. Чего-нибудь, отбивную котлету, масла, сыру, чего-нибудь, лафиту спроси...

Никаноръ. Въ кабинетѣ кушать будете?..

Графъ. Здѣсь.

Никаноръ. Графиня не любить, если въ гостиной...

Графъ (*сильно*). Графиня любить то, что я люблю!.. Ступай... (*Онъ идетъ*). Лошадь отложить, вели поводить...

Никаноръ (у двери). Далеко развѣ куда ѣздить изволили?..

Графъ. За городъ.

Никаноръ. За городъ? Скажите на-милость?

Графъ. Смотрѣть дачу...

Никаноръ. Что жъ, хороша?..

Графъ. Хороша... и удобна и недорога, даль задатку, кончилъ...

Никаноръ. Какъ же это такъ, а если графинѣ не понравится?

Графъ. (запальчиво). Мнѣ нравится — и довольно...

Никаноръ. По-нашему и довольно бы, разумѣется...

Графъ. Ну, ступай. (Онъ идетъ). Постой-ка, постой... открой окно... жарко...

Никаноръ. Окно открыть?

Графъ. Ну-да, смерть-жарко. Май мѣсяць...

Никаноръ. А если, графиня...

Графъ. Скучно... открывай! (Никаноръ открываетъ окно, въ него видна улица и противоположный домъ).

Никаноръ. Вы, батюшка, ваше сіятельство, въ-случаѣ чего, Боже сохрани, меня не выдавайте на счетъ окна-го, скажите: молъ-самъ открылъ, а лучше того, чтобъ ни намъ, ни вамъ не доставалось, вѣтеръ-молъ разхлабы-снулъ...

Графъ. И досадно и смѣшно! Ты точно ребенокъ боишься жены моей... Послушать отъ тебя — она фурия, тогда какъ она только капризна...

Никаноръ. Да я, ваше сіятельство, ничего...

Графъ. То-то же, ступай!.. Неси мнѣ завтракъ...

Никаноръ. Сію минуту... батюшка, сію минуту. (Уходитъ).

II.

ГРАФЪ (одинъ).

Да, роль моя начинается мнѣ надоѣдать. Два года и два мѣсяца терпѣть такую муку — довольно. Надо кончить; кончить сильно и навсегда, тѣмъ болѣе, что ни что не можетъ исправить моего положенія. Капризы графини становятся

невыносимы съ нѣкотораго времени. Прежде все было легче, она была взыскательна, правда, играла умомъ, жила имъ какъ всегда, потому-что у ней нѣтъ сердца, но теперь ровно четыре мѣсяца характеръ ея такъ измѣнился, что узнать нельзя. Она добра, очень добра, но несмотря на то, всѣ въ домѣ, кромѣ меня, вѣроятно, думаютъ противное. И потомъ эта пустая свѣтская жизнь, которую мы ведемъ, кому не надоѣсть. Безпрестанные выѣзды, танцы, сплетни, толки, моды, все это вскружить хоть какую голову, разстроитъ самыя крѣпкія нервы. Я не выѣзжаю, не могу, не привыкъ, — она сердится... вышелъ въ отставку — думалъ лучше — скучно, дѣлать нечего. Принялся за рисованіе, которое давно бросилъ, но всѣ мои головки выходять на одно лице (*беретъ листъ, рисованный и смотритъ*), лице, которое я такъ любилъ, лице, съ которымъ связано столько воспоминаній, лице очаровательной Дуняши. Дуняша! Боже мой! Какъ я любилъ тебя! А ты? Вотъ женщины! Казалось, небо у нея въ глазахъ, а въ душѣ-то... страшно!.. Любовница другаго! Она! Дуняша въ объятіяхъ Заливскаго! Я видѣлъ, я слышалъ, проклялъ и убѣждалъ... Этого вечера я никогда не забуду! Коварная Дуняша! Этотъ вечеръ рѣшилъ судьбу мою; черезъ часъ я сдѣлалъ предложеніе, черезъ два мы уѣхали, черезъ недѣлю я былъ женатъ на княжнѣ Адель, которой едва успѣли сшить подвѣчное платье. Какъ спѣшили, какъ спѣшили! И для чего? (*Задумывается и смотритъ на акварель, которую держитъ*).

III.

ГРАФЪ, МАША съ подвсомъ, на которомъ въ серебряномъ сервизѣ кофе, потомъ ГРАФИНЯ.

МАША (*идя осторожно*). Какъ-бы не пролить... бѣда, не любить, видишь, мокро, если... (*Ставитъ подносъ на столъ передъ диваномъ, что посрединѣ, и выдвигаетъ скамейку*).

ГРАФЪ (*смотря на акварель*). Гдѣ ты теперь, милая? Кого любишь? Его же или другаго? А я? — Я все еще тебя люблю.

МАША (думая, что онъ ей говоритъ и не разслышавъ).
Чего изволите-съ?

ГРАФЪ (не слушая её, все къ картинкѣ). Нѣтъ, я не люблю тебя, коварная, нѣтъ, презираю, ненавижу. (Бросаетъ картину на столъ и переходитъ на другую сторону сцены).

МАША (всторону). Что это — мнѣ, али про-себя?

ГРАФЪ (увидя её). Что ты здѣсь дѣлаешь?..

МАША (растерявшись). Кофій ставила. Ея сіятельству угодно здѣсь кушать.

ГРАФЪ. Новая прихоть! Ну, поставила и ступай...

МАША. Слушаю-съ.

(Графиня показывается въ дверяхъ въ утренне мѣ изысканно-роскошно мѣ negligee. Маша отступаетъ).

ГРАФИНЯ. Это ты все кофе ставила?

МАША. Боялась пролить, несла осторожно...

ГРАФИНЯ А! У тебя всегда готовъ отвѣтъ... (Мужу).
Bonjour comte...

ГРАФЪ. (На кушеткѣ). Bonjour, madame...

ГРАФИНЯ. (Машѣ) Ступай, ты мнѣ не нужна больше, да не забудь приготовить все, что я приказала для туалета. (Садится къ подносу).

МАША (уходитъ). Слушаю-съ...

ГРАФИНЯ Хотите кофе?

ГРАФЪ, Благодарю васъ, я пилъ чай поутру...

ГРАФИНЯ. Ваше утро очень раннее. Проснувшись я узнала, что вы уѣхали изъ дому въ семь часовъ, вмѣстѣ съ первымъ лучемъ солнца и первой пѣсней птички; вѣроятно, любоваться обновляющейся природой?

ГРАФЪ. Да, за-то ваше утро позднее. Я, вернувшись во второмъ часу, узналъ, что вы еще не вставали.

ГРАФИНЯ (пьетъ кофе). Немудрено, вы знаете, я была на балѣ одна, что очень неприятно. .

ГРАФЪ. Зачѣмъ было ѣздить въ такомъ случаѣ.

ГРАФИНЯ. Если я, какъ вы, брошу знакомство, то и оно насъ броситъ. И такъ изъ 150 домовъ осталось у меня только 100.

ГРАФЪ. Только? Немудрено, что вы такъ слабы здоровьемъ. Такое знакомство уходитъ хоть-кого...

ГРАФИНЯ. Что дѣлать! надо же кому-нибудь поддер-

живать связи, да къ-тому же я люблю общество, я замужемъ и надѣюсь, свободна дѣлать, что я хочу.

Графъ. Совершенно свободны выѣзжать, танцовать до упаду, вставать въ обѣдъ, дѣлать и говорить все, что вамъ угодно.

Графиня. Точно также, какъ и вы свободны уѣзжать изъ дому до зари, рисовать русскія головки, всѣ на одно лице, мечтать, вздыхать о томъ, что было. Недаромъ сказалъ Пушкинъ: А что пройдетъ, то будетъ мило.

Графъ. Что вы хотите этимъ сказать?

Графиня. Что вамъ мило воспоминанье о кругломъ русскомъ лицѣ, въ родѣ тѣхъ головокъ, которыя вы рисуете.

Графъ. Мои головки чисто-фантастическія. Я не пробовалъ писать съ натуры.

Графиня. Иначе сходство было бы поразительное...

Графъ. Съ кѣмъ?

Графиня. Какъ вы недогадливы. Съ героиней вашего романа, героиней, впрочемъ, весьма безнравственной, съ Дуняшей, наконецъ.

Графъ. Я васъ просилъ давно, графиня, забыть это имя и не произносить его при мнѣ; я васъ просилъ также избирать всѣ возможные сюжеты для вашихъ насмѣшекъ, кромѣ моего прошедшаго, котораго я изъ учтивости не сравниваю съ моимъ настоящимъ; я васъ просилъ давно и теперь еще прошу, тогда-какъ могъ бы вамъ приказать это по праву мужа.

Графиня (*вставая быстро*). Приказать?... (*Медленно садится*). Это смѣшно...

Графъ. Кому какъ: вамъ все смѣшно, а мнѣ грустно.

Графиня. Пусть будетъ вамъ грустно, а мнѣ смѣшно, но не въ томъ дѣло. Я хотѣла просить васъ сдѣлать мнѣ одолженіе и бросить, наконецъ, если не совсѣмъ, то хоть на время вашу затворническую, артистическую жизнь и, сдѣлавъ нѣсколько необходимыхъ визитовъ, показаться въ публикѣ со мною, потому что я еще молода и выѣзжать одной мнѣ не совсѣмъ прилично. Свѣтъ смотритъ на такихъ женщинъ особыми глазами, а я бы не желала попасть на-зубокъ, и вы, вѣроятно, этого не захотите и хоть изъ-учтивости исполните мое желаніе.

Графъ. Извините, я разъ навсегда сказалъ вамъ, что не созданъ для свѣта и что выѣзжать не могу, не хочу, и не буду. Танцевъ я не люблю, никогда не танцую, въ карты не играю, слѣдовательно я человѣкъ совершенно лишній на балѣ.

Графиня. Конечно, тамъ негдѣ, да и нельзя рисовать русскія головки...

Графъ. Графиня, вы опять касаетесь чувствительной струны.

Графиня. Извините, однакожъ согласитесь, что жертвовать мнѣніемъ свѣта, даже приличіемъ въ пользу воспоминанія весьма странно, чтобъ не сказать болѣе. Изъ удовольствія воспроизвестъ заветныя черты, никому не интересныя кромѣ васъ, заставить жену играть въ свѣтѣ странную роль, лишать ее знакомства, ослабить и потерять такъ трудно-пріобрѣтенныя связи.

Графъ. Одинъ мой лишній визитъ не уменьшитъ, не умножитъ ихъ, да и зачѣмъ намъ съ вами связи? Онѣ нужны людямъ семейнымъ, для будущности дѣтей, а у насъ ихъ съ вами не было, нѣтъ, да и не будетъ; ровно четыре мѣсяца, какъ я потерялъ всякую надежду, по причинѣ вамъ весьма извѣстной (*указываетъ рукою на дверь, ведущую къ ней, и на другую, ведущую къ нему*).

Графиня. Тише, графъ, вспомните, что случайно вошедшій вдругъ лакей можетъ васъ слышать и понять ваши телеграфическія движенія.

Графъ. Наши люди, графиня, какъ бы мало образованы ни были, не такъ глупы, чтобъ не понять тѣхъ ядовитыхъ стрѣлъ, которыя вашъ геніальный умъ пускаетъ въ мое чувствительное, по словамъ вашимъ, сердце.

Графиня. Вы впадаете въ драму...

Графъ. Не голосомъ, душой. Конечно, наша семейная жизнь похожа на душевную драму.

Графиня. Не совсѣмъ. Такія сцены, какъ сегодняшняя, повторяясь, надоедаютъ, но драмы я еще не вижу. Это скучно, но не грустно. Мы не сошлись характерами, разныхъ мнѣній, это жаль... но развѣ это такое несчастіе? У насъ есть свои занятія, вы любите одно, я другое, и прекрасно, покоримся судьбѣ. Бываетъ хуже; драмы нѣтъ, успокойтесь и довольны объ этомъ. Вчера на балѣ князь

спрашивалъ объ васъ, я дгала очень натурально и онъ, кажется, повѣрилъ. Было весело. Блесткинъ за мной рѣшительно ухаживаетъ, но не бойтесь, онъ неопасенъ. Онъ уменъ, но именно на столько, чтобъ не быть глупымъ, а этого мнѣ мало. Умъ салонный, умъ практичный, все равно, что мыльный пузырь, — лопнетъ, чуть встрѣтитъ серьезное прѣпятствіе. Вотъ вамъ отчетъ о моемъ вчерашнемъ вечерѣ. (*Звонитъ*). Берите примѣръ съ меня и расскажите мнѣ... (*Лакей входитъ*).

Лакей. Чего изволите?..

Графиня. Бери кофе. (*Лакей беретъ и идетъ къ двери*).

Графъ. Да спроси, скоро ли мнѣ дадутъ завтракать?

Графиня. Расскажите мнѣ, гдѣ вы провели утро.

Графъ. За городомъ. Я ѣздилъ смотреть дачу Порѣцкаго въ Сокольникахъ...

Графиня. Дачу? зачѣмъ?

Графъ. Съ вашимъ умомъ дѣлать подобные вопросы? Чтобъ жить.

Графиня. Кому?

Графъ. Намъ...

Графиня. Въ Сокольникахъ? Я буду жить въ Сокольникахъ?

Графъ. Отчего же вамъ не жить въ Сокольникахъ.

Графиня. Въ глуши? Низачто! И притомъ я не видала дачи.

Графъ. Дача прекрасная, удобная и мнѣ нравится.

Графиня. Надо знать, понравится ли она мнѣ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ я не хочу имѣть дачи иначе, какъ въ паркѣ. Въ Сокольникахъ я жить не буду.

Графъ. А я не могу жить въ паркѣ.

Графиня. Въ Сокольникахъ скучно, мало людей, и я не могу.

Графъ. Въ паркѣ весело, слишкомъ много людей, и я не могу.

Графиня. Вамъ все равно рисовать головки, что въ паркѣ, что въ Сокольникахъ. Впрочемъ, объ ней думать слишкомъ рано. А я безъ общества жить не могу. Дача должна быть въ паркѣ.

Графъ. Однако, ужъ половина мая...

Графиня. Май всегда холоденъ, вопреки поэтамъ.

Графъ. Но теперь поэты торжествуютъ, потому-что жарко...

Графиня. Вамъ, можетъ-быть, но не мнѣ... мнѣ даже кажется, что отовсюду дуетъ, мое здоровье такъ слабо, даже и теперь я чувствую струю воздуха...

Графъ. Вѣрно изъ окна...

Графиня. Какъ изъ окна? Изъ какого окна? Развѣ здѣсь открыто окно?..

Графъ. Открыто и давно...

Графиня (*увидя*). Это ужасно! Это жестоко, я могу простудиться.

Графъ. Но до-сихъ-поръ вы и не замѣчали, что оно открыто...

Графиня. Тѣмъ хуже... (*звонитъ*). Я вѣрно буду больна!.. Это безчеловѣчно съ вашей стороны. (*Лакей входитъ*). Закрой окно! (*Онъ закрываетъ*). Плотнѣй, плотнѣй, да вели заложить карету и съѣздить къ доктору, сказать, что я прошу его пріѣхать какъ можно скорѣе, что я вѣрно простудилась; если его нѣтъ дома, спросить гдѣ онъ; отыскать и привезти, слышишь, ступай...

Графъ. Пстой, это ужъ слишкомъ (*беретъ ее за руку и быстро отводя на самую аванъ-сцену, говоритъ шепотомъ*). Опомнитесь, придите въ себя, съ вашимъ ли умомъ изъ нуетаго каприза подымать весь домъ вверхъ-дномъ, посылать за докторомъ, отрывать его, можетъ-быть, отъ постели пациента безнадежнаго, гдѣ дорога каждая минута... для того только, чтобъ исполнить безразсудную прихоть... (*Громко лакею*). Графиня передумала, я напишу, самъ поѣду, ступай... ступай... (*Лакей уходитъ*). Какъ вамъ нестыдно!..

Графиня (*отходя и садясь*). Я знаю только, что я непременно занемогу и тогда уже будетъ поздно.

IV.

Тѣ же и НИКАНОРЪ АНДРЕИЧЪ съ подносомъ.

Никаноръ. Закуска готова, ваше сіятельство...

Графъ. Пора! поставь сюда.

Никаноръ (*ставя и, увидя графиню, всторону*). И она

туть, ну, плохо. (*Низко кланяется*) Съ добрымъ утромъ, ваше сіятельство...

Графиня (*всторону*). Это насмѣшка, а не привѣтствіе. Лукавый старичишка. (*Ему*). Что это вы принесли такое?

Никаноръ. Закусу его сіятельство принести приказъ.

Графиня. Но кажется, графъ, я васъ просила не завтракать въ моей гостиной.

Графъ. Если вы можете пить кофе въ моей гостиной, я могу завтракать въ вашей, потому что гостиная наша.

Графиня. Но очень неприятно сносить мясной запахъ во всякое время.

Графъ. Мало ли что неприятно, я терпѣть не могу запаху кофе не во время...

Графиня. Но я этого не хочу.

Графъ. Мнѣ очень жаль, что вамъ неудобно, но я такъ хочу...

Графиня (*Никанору*). Какъ вы смѣли принести сюда завтракъ?

Никаноръ. Графъ приказать изволилъ.

Графиня. А я запретила, развѣ вы не знаете?..

Никаноръ. Знаю-съ, да графъ...

Графиня. Это ужасно! Еще разъ, какъ вы смѣли принести завтракъ, когда я вамъ запретила входить въ гостиную? Развѣ нѣтъ официантовъ? Они одѣты прилично, а вы, я не знаю, на что похожи.

Никаноръ. На старика, ваше сіятельство...

Графиня. Безъ возраженій!.. Какъ пахнетъ мясомъ! Ужасъ! (*звонитъ*). Впередъ чтобы этого не было.

Графъ. Нельзя ручаться, что впередъ будетъ, какъ я захочу.

Графиня. Но я не хочу, не хочу... (*вошедшему лакею*). Скорѣй горячую плитку и духовъ, очистить воздухъ... Ступай. (*Лакей уходитъ*).

Графъ. Что это? курить духами? Но вы знаете, что я не могу сносить никакого куренья, у меня дѣлается головная боль.

Графиня. А у меня она проходитъ, напротивъ... Вы только любите спорить, vous avez un esprit de contradiction.

Графъ. Какъ бы то ни было, а курить здѣсь не будутъ.

Графиня. Непремѣнно накурятъ. Кто-нибудь можетъ пріѣхать... А вамъ я говорю въ послѣдній разъ, — не смѣть никогда входить въ гостиную, я этого не хочу, слышите?.. Что же вы молчите?..

Никаноръ. Не знаю, что прикажетъ его сіятельство...

Графиня. Какая дерзость? Значитъ мои приказанія для васъ все равно, что ничего? Ступайте, я не хочу васъ видѣть... ступайте же...

Графъ. Остаься Никаноръ Андреевичъ!

Графиня. Графъ! неужели я лишена права даже высать лакея, когда онъ мнѣ не нравится.

Графъ. Вы гоните не лакея, а старика 70-ти лѣтъ, моего дядьку, вѣрнаго слугу моего дѣда и отца, вы гоните моего друга, единственнаго человѣка въ домѣ, который мнѣ искренно преданъ, и котораго я люблю. Остаься Никаноръ Андреевичъ, садись, ничего, садись, когда я говорю *(наильно сажаетъ его)*.

Графиня. Это уже слишкомъ! это невыносимо.

Графъ *(наливши двѣ рюмки вина, подаетъ ему одну)*. Пей, старина, за мое здоровье... Чѣкнемся... я выпью за твое! Будь здоровъ, Никаноръ Андреевичъ!.. *(Чѣкается)*.

Никаноръ *(сквозь слѣзы)*. Многія лѣта вамъ, кормилецъ мой, графъ Сергѣй Александровичъ, многія лѣта! *(Выливаетъ рюмку, оборачиваетъ вверхъ дномъ на головъ и утирая слѣзы ставитъ на подносъ)*.

Графъ. Обними меня, старина!..

Никаноръ *(въ слезахъ)*. Родной ты мой!..

Графъ. Теперь бери поднось, ступай къ себѣ и всегда входи, при комъ бы то ни было, всюду, куда хочешь въ моемъ домѣ, пока я въ немъ хозяйинъ. Ступай. *(Никаноръ беретъ поднось и уходитъ съ нимъ въ боковую дверь)*. Вотъ какъ исправляетъ благоразумный мужъ ошибки капризной и избалованной жены...

Графиня. Вотъ какъ онъ унижаетъ ее передъ лакеемъ, хотите вы сказать.

Графъ. То есть, вотъ какъ вы это хотите понимать. *(Въ это время лакей входитъ съ плиткой и куритъ)*. Вы

имѣете обыкновеніе толковать въ худую сторону всѣ мои поступки...

Графиня. Долгъ красенъ платежемъ, графъ...

Графъ. Что это такое? Куренье?

Графиня (лакею). Поди сюда поближе... (лакей подходитъ).

Графъ. Довольно и такъ, ненужно.. Пуахъ! какая гадость... (лакей отступаетъ).

Графиня. Какъ вы слабонервны... (лакею) Поди же сюда, когда я приказываю. (Та же игра лакея).

Графъ. Я сказалъ ненужно, ступай, довольно.

Графиня. Сюда поди, сюда, сюда...

Графъ. Убирайся, убирайся, слышишь, я тебѣ приказываю... Дышать тяжело!.. Убирайся (подходитъ къ нему и заставляетъ его уйти).

Графиня. Нестерпимый характеръ!

Графъ. Невыносимая атмосфера!.. (вынимаетъ портъ-сигаръ, достаетъ сигару и хочетъ курить).

Графиня (замптивъ). Что это вы такое дѣлаете?

Графъ. Какъ видите, достаю сигару..

Графиня. И будете курить...

Графъ (зажигая спичку). Буду... (Закуриваетъ). Даже ужъ и курю, видите...

Графиня. Курить табакъ въ гостиной...

Графъ. Да, въ гостиной, курить табакъ, я хочу...

Графиня. Это ужасно!.. неприлично! коптитъ штофъ...

Графъ. Пусть коптится.

Графиня. Я не хочу сносить этого, я уйду.

Графъ. Можете ..

Графиня. Прекрасно. Вы меня выгоняете? Какъ вы учтивы? Вотъ что значить отвыкнуть отъ свѣта и рисовать головки. Ваша сфера — быть крестьянскій... Какая-нибудь Дуляшка снесла бы и не такое оскорбленіе!

Графъ (вскакивая). Опять, графиня!.. Это слишкомъ! Я вамъ приказываю молчать!

Графиня (тоже вставая). Графъ!

Графъ. Или оставить меня въ покоѣ...

Графиня (возвышая голосъ). Вы забылись? Говорить со мною такимъ тономъ?

Графъ (топая ногой). Другаго вы не стоите...

Графиня (*сильно*). Я?

Графъ. Вы, да...

Графиня. Помните, что я не какая-нибудь Дулька!.. (*Лакей входитъ*).

Графъ (*внѣ себя*). Молчать!.. Молчать!..

Графиня (*увидя лакея*). Опомнитесь, мы не одни...

Графъ (*обращаясь къ лакею*). Что тебѣ надобно?..

Лакей. Василий Ивановичъ Блесткинъ...

Графъ. Проси. (*Лакей уходитъ*).

Графиня. Я вамъ совѣтую завести у насъ звонокъ, который бы возвѣщалъ приходъ посторонняго лица, для того, чтобы оно случайно не попало въ одну изъ грустныхъ минутъ нашего семейнаго счастья!.. Звонокъ ужъ вышелъ изъ моды, но у насъ, гдѣ самъ хозяинъ врагъ приличій, его должно допустить!..

Графъ. Допустимъ... допускаю же я всё ваши несообразности, происходящія, вѣроятно, отъ слишкомъ большаго знанія приличій...

Графиня. Идутъ... примусь за роль счастливой женщины.

V.

Тѣ же и БЛЕСТКИНЪ.

Блесткинъ (*входя и ловко кланяясь*). Bonjour, comtesse. Здоровье ваше?..

Графиня. Merci... (*садится на стоящій посрединѣ диванъ*).

Блесткинъ. Графъ, здравствуй. Какъ поживаешь?

Графъ. Слава Богу. Садись... (*садится на кресло около стола*).

Блесткинъ (*садясь по другую сторону*). Какое впечатлѣніе произвелъ на васъ вчерашній балъ, графиня?

Графиня. Тоже, что и всегда. Всѣ балы похожи одинъ на другой, съ тою только разницею, что тѣ же лица являютя въ другихъ платьяхъ.

Блесткинъ. И это не всегда. Я дѣлю дамскія платья да два разряда: — на свѣжія и копченыя.

Графиня (смѣясь). Однакожь вчера было больше свѣжидь, чѣмъ коцченныхъ.

Блесткинъ. Но не было ни одного свѣжѣе вашего.

Графъ. Bravo, Блесткинъ! Какіе успѣхи! какая любезность!

Блесткинъ. Ты это говоришь изъ-ревности...

Графиня. Она одна изъ его достоинствъ...

Блесткинъ. Мудрено было бы графу и не имѣть ее, имѣя васъ женой...

Графъ. Bis, bis, Блесткинъ! я въ восхищеніи...

Блесткинъ. А я удивляюсь, какъ ты можешь восхищаться чѣмъ бы то ни было въ присутствіи графини, кромѣ ея самой...

Графъ. Nec plus ultra! Убей меня, скажи мнѣ: вотъ тебѣ сейчасъ повѣсятъ, если ты не скажешь такой фразы, и меня повѣсятъ непременно.

Графиня. Это потому, что ты отвыкъ отъ свѣта, cher ami.

Блесткинъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, тебя нигдѣ невидно...

Графъ. Лѣнь, дома хорошо, знаешь, пріятно, женатъ.

Блесткинъ. Вы его балуете, графиня...

Графиня. Что же дѣлать... Хоть и скучно выѣзжать одной, но для поддержанія знакомства я съ грустью, чуть не со слезами должна разставаться съ моимъ семейнымъ счастьемъ и, облачась въ цвѣты и газъ, выѣзжать на вечера и балы... это очень грустно...

Блесткинъ. Вы добры. Вы предпочитаете грустить среди насъ, чѣмъ заставить насъ, всѣхъ грустить по васъ одной.

Графъ. Прелесть! Допустимъ, что Блесткинъ чувствуетъ, что говорить... остальные лѣвы не таковы... неужели женщины имъ вѣрятъ?...

Блесткинъ. Нѣтъ, но слушаютъ всегда съ удовольствіемъ.

Графиня. Не всѣ ж-т Блесткинъ. Нынче женщины очень хорошо знаютъ цѣну всѣмъ и всему имъ сказанному.

Графъ. Но скажи, пожалуйста, давно ли ты-то лжешь и не краснѣешь?

Блесткинъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ служба требуетъ моего присутствія въ Москвѣ и я рыскаю съ бала на балъ,

изъ дома въ домъ, съ одного конца города въ другой... съ-тѣхъ-поръ, какъ я не говорю болѣе и вѣчно болтаю, съ-тѣхъ-поръ, какъ я сталъ свѣтскимъ кавалеромъ и принадлежностью гостиныхъ.

Графиня. Гдѣ ваше отсутствіе и присутствіе одинаково замѣтны...

Блесткинъ. Теперь мой чередъ удивляться: я умѣю сказать комплиментъ, но бросить фразу, которая въ одно время была бы и злая сатира и тонкая похвала,—выше средствъ моихъ.

Графъ. Позвольте... это все до-того остроумно, что я ничего ровно не понимаю, потому-что не желаю ломать головы, чтобы постичь всю соль вашихъ перифразъ...

Графиня. А самъ солишь... *mon cher ami*...

Блесткинъ. Поваренной солью...

Графъ. Потому, вѣроятно, что я самъ, какъ и соль моя, не такъ рафинированъ, какъ вы и ваша соль.

Блесткинъ. Опять и похвала и сатира.

Графиня. Отплатите намъ тѣмъ же *m-r* Блесткинъ.

Блесткинъ. Имѣя васъ въ виду, я бы никогда однимъ камнемъ не сбѣлалъ двухъ ударовъ и камень мой былъ бы въ затрудненіи, кѣмъ пожертвовать въ пользу кого; не знаю, кому отдать предпочтеніе изъ двухъ...

Графиня. Bravo!.. *(всторону)*. Слабенько...

Графъ. Темно, Блесткинъ, но прекрасно и прекрасно-то только потому, что темно... съ тобой не сговоришь.

Графиня. *Monsieur* Блесткинъ привыкъ, чтобы передъ нимъ склоняли оружіе.

Блесткинъ. Но, побѣдитель графа—я всегда побѣжденъ вами.

Графъ *(подавая ему портъ-сигаръ)*. Ну, побѣдитель, вмѣсто лавровъ не хочешь ли гаванскую сигару?..

Блесткинъ. Благодарю, я выкурю папироску, *(къ графинь)* если вы позволите...

Графиня. Пожалуста, прошу васъ, я такъ люблю табачный запахъ. Графъ курить передъ вами. *(Блесткинъ достаетъ папиросъ)* Безъ церемоніи курите, прошу васъ, и тебя, *cher ami*.

Графъ. Огонь тамъ на столѣ.. *(указываетъ на столъ передъ диваномъ на аванъ-сценѣ)*.

Блесткинъ (вставая). Здѣсь? (Идетъ къ столу. Въ встаетъ). А! нашель! (зажигаетъ спичку и закуриваетъ).

Графиня (проходя мимо графа, тихо). Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ здѣсь, я васъ ровно три раза назвала mon cher, а вы меня ни разу не назвали ma chère, что онъ подумаетъ? (подходитъ къ пианино и садится къ нему).

Графъ (всторону). Къ-чему бы мнѣ половчѣе вклеить это невзбѣжное ma chère. А! ma chère Adele! благо ты у пианино, сыграй что-нибудь...

Блесткинъ. Вчерашнюю польку, графиня, помните... (напѣваетъ мотивъ польки).

Графиня. Трудно съ голосу, но я попробую... (играетъ тихо тотъ же мотивъ — и всторону) назвалъ ma chère, и какъ-то легче стало... по-крайней-мѣрѣ приличіе соблюдено.

Графъ (всторону). Какъ давно я не слыхалъ музыки. Для мужа стоитъ ли играть?

Блесткинъ (у стола). Краски, кисти, карандаши, палитра, цѣлая мастерская.. (Графъ сѣлъ на кушетку, направо и слушаетъ музыку). Кто это изъ васъ занимается рисованіемъ? не вы ли, графиня?

Графиня Нѣтъ, я не рисую....

Блесткинъ. Давно ли графъ рисуетъ акварелью?

Графиня (все играя). Съ тѣхъ поръ какъ вышелъ въ отставку...

Блесткинъ. И бросилъ свѣтъ для жизни семейной и артистической....

Графиня. У него есть талантъ.... (обращаясь къ графу) Serge!.. (графъ подымаетъ голову). Мы говоримъ о твоихъ аквареляхъ....

Графъ (разспянно). Да!.. (задумывается).

Блесткинъ. А proros, объ акварели расскажу вамъ анекдотъ, котораго я былъ свидѣтелемъ. Борскій, знаете, высокій, статскій, хорошо танцуетъ?

Графиня. Знаю.... слышала....

Блесткинъ. Вслѣдствіе слишкомъ свѣтской жизни, надѣлалъ долговъ. Старикъ, провинціалъ, богатый дядя, почти водевильный, пріѣхалъ на-выручку и заплатилъ долги, съ условіемъ, ихъ впередъ не дѣлать, что Борскій, конечно, обѣщалъ...

Графиня. Но врядъ ли исполнилъ.

Блесткинъ. Напротивъ, уменьшивъ кругъ знакомства, онъ принялся снова за брошенную живопись и изъ этого-то вытекаетъ мой анекдотъ...

Графиня (*переставая играть*). Я вся слухъ и вниманіе...

Блесткинъ. На-дняхъ, въ одномъ домѣ сидимъ мы, вдругъ докладываютъ: пріѣхалъ такой-то... проси, войти старичекъ, провинціалъ, дядя Борскаго, не помню его фамилію, слово за слово, то, другое, зашла рѣчь и о племянникѣ. Дядюшка и говоритъ: онъ теперь остепенился, все рисуетъ, уроки беретъ, учитель ѣздитъ; я ему и говорю: видишь, братецъ, какъ хорошо, съ пользой по-крайности, ну, конечно, не будешь Рафаэль, такъ будешь акварель....

Графиня (*хохочетъ*). Ah! charmant... не Рафаэль... а акварель....

Блесткинъ. Какъ мы послѣ хохотали, вы можете себя представить.... (*смѣются*).

Графъ (*выходя изъ задумчивости*). Чему это вы смѣетесь...

Графиня. Развѣ ты не слыхалъ анекдота?

Блесткинъ. Про Рафаэль и акварель...

Графъ (*желая поправиться, но ничего не понимая*) Да, да, какъ же... да... это очень смѣшно (*смѣется*).

Блесткинъ (*взявъ со стола листъ рисованный*). А ты будешь и акварель и Рафаэль вмѣстѣ, сказалъ бы дядюшка Борскаго. А шутки въ сторону, какъ это хорошо!...

Графъ. Стоитъ ли смотрѣть такую дрянь...

Графиня (*тихо ему, проходя на другую сторону къ кушеткѣ*). Что правда, то правда... Давно я съ вами не со-глашалась, но въ этой истинѣ пришлось сознаться...

Графъ (*тихо и сердито*). Опять, даже и при чужихъ?...

Блесткинъ. Какое знакомое лице! Гдѣ я видѣлъ эту дѣвушку?

Графъ. Нигдѣ. Это не портретъ, фантазія...

Графиня. Или точиѣе, воспоминаніе...

Блесткинъ. Воспоминаніе? чего? *mettez moi sur la voie, comtesse...*

Графъ. Не вѣрь ей, она шутитъ...

Блесткинъ. Нѣтъ, позволь... чѣмъ болѣе я смотрю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что это лице мнѣ знакомо...

Графиня. Еще-бы!...

Блесткинъ. Вы меня интересуете... кто бы это?..

Графъ. Охота-жъ напрасно ломать себѣ голову.

Графиня. Что значить свѣтъ! Его красавицы изгладили въ васъ всякое воспоминаніе о прежнихъ граціяхъ...

Блесткинъ. Женщины вездѣ прекрасны...

Графиня. Но не одинаково... о вкусахъ не спорятъ, иные любятъ красоту чисто-русскую, красоту сельскую...

Графъ (*хочетъ взять у него рисунокъ*). Оставь ты мою головку въ покоѣ...

Блесткинъ (*не отдавая*). Нѣтъ, погоди, дай вспомнить. Сельская красавица. (*Вспомнивъ*). Ахъ, Боже мой!

Графиня. Наконецъ-то!

Блесткинъ. Село Продолговатое, почтовая станція... такъ и есть, дочь смотрителя... какъ-бишь ее звали...

Графъ. Это все равно...

Графиня. Звали Дуняшей...

Блесткинъ. Именно такъ... Дуниша, помню. — Такъ, вотъ твое воспоминаніе, графъ? Романъ юности...

Графиня. Смѣшной и странный романъ.

Графъ. Кто жъ не увлекался, кто жъ не обманывался, кто жъ не былъ влюбленъ...

Блесткинъ. Кто жъ не предавался поэзіи, кто жъ не мечталъ и не плакалъ, не писалъ стиховъ и не рисовалъ головокъ...

Графиня. Кто жъ не былъ жалокъ и смѣшенъ, вы хотите сказать.

Блесткинъ. Кто жъ послѣ самъ не смѣялся надъ своими заблужденіями...

Графъ. Что я и дѣлаю теперь, я смѣюсь надъ моими заблужденіями (*притворно смѣется*).

Графиня. И рисуетъ образъ забытой страсти, смѣхаради.. который и я раздѣляю... (*смѣется*).

Блесткинъ. Это меня весьма удивляетъ. Обыкновенно жеңы не любятъ воспоминаній и мужья ихъ не рассказываютъ.

Графиня. Вы напрасно ставите меня и графа въ разрядъ людей самыхъ обыкновенныхъ. У Сережи нѣтъ ничего тайнаго отъ меня...

Блесткинъ. Оттого-то вы такъ счастливы...

Графъ. Именно, вотъ угадаль-то... (*всторону*). Какъ отраднo звучало мое имя въ устахъ Дуняши: Сережа, я люблю тебя... Она лгала такъ звучно.

Блесткинъ. Вы задумались, графиня?

Графиня. Я? нѣтъ. .

Блесткинъ. Ты мечтаешь, Сережа?..

Графъ. О томъ, какъ я былъ глухъ, два года тому назадъ.

Блесткинъ. Когда хотѣлъ жениться на Дуняшѣ?..

Графиня (*удивленная, всторону*). Жениться?

Блесткинъ (*тихо графу*). Скажи мнѣ, правда это, я слышалъ, что она была въ дружбѣ съ Заливайскимъ, въ то самое время, когда ты думалъ назвать ее женой?..

Графъ (*взявъ его за руку*). Довольно, Блесткинъ...

Блесткинъ. Что съ тобой?..

Графъ. Къ-чему вспоминать то, что, къ счастью, прошло.

Графиня (*также*). Жениться?

Блесткинъ (*всторону*). Счастье-то ихъ нѣсколько сомнительно, какъ я замѣчаю... драма-то не кончена, должно быть?.. Тѣмъ лучше, терзайтесь, ангелы мои, а я иногда, какъ вводное лицо, на васъ посмотрю, да посмѣюсь, я обыкновенно смѣюсь, когда вижу драму, такая-ужь у меня странная натура. (*Взглянувъ на часы*). Однако пора. (*Вслухъ*). Честь имѣю кланяться...

Графиня. Куда же вы, такъ скоро?..

Блесткинъ. Званъ обѣдать... прощай, графъ...

Графъ. Прощай...

Графиня. Надѣюсь, до свиданія...

Блесткинъ (*идетъ къ двери, графъ за нимъ*). При первой свободной минутѣ. (*Графу*). Къ-чему эти проводы, пожалуйста безъ церемоніи. (*Уходитъ, графъ за нимъ, на минуту*).

VI.

ГРАФИНЯ, потомъ ГРАФЪ.

Графиня. Пустой человекъ! Мнѣ нравится эта вѣчная веселость и довольство самимъ собою. Какъ ничтожны всѣ эти свѣтскіе красавцы, которые воображаютъ себѣ, что они интересны, потому что хороши, ловки, образованны, т. е.

начитаны и умѣютъ правильно болтать по-французски. Какъ ничтожны женщины, которыя довольствуются этою блестящею наружностью и увлекаются ею! Я создала себѣ идеалъ современнаго мужчины, но онъ далеко не подходитъ къ тѣмъ, кого величаютъ этимъ именемъ. Неужели графъ думалъ жениться на Дуняшѣ? Черта высокая! Но не женился—недостало характера. На это надо слишкомъ крѣпкую волю. Нѣтъ, онъ дальше всѣхъ отсталъ отъ моего идеала.

Графъ (*входя быстро, и въ сильномъ волненіи*). Довольны ли вы вашимъ утромъ, графиня? Довольно ли вы меня помучили, довольно ли натѣшились моимъ страданіемъ? Вы думаете, онъ ничего не понялъ? Ошибаетесь. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ мнѣ внизу у лѣстницы тономъ сердобольнаго утѣшенія, перевернули всю мою душу, возмутили всю желчь мою, разбудили засыпавшее негодованіе...

Графиня. Что съ вами? вы въ-бреду, у васъ жаръ, горячка!..

Графъ. Кровь отлила отъ сердца и бросилась въ голову, по милости вашей. Однакожь это не можетъ долго такъ продолжаться. Надо кончить эту комедію.

Графиня. Онѣ трудно играютъ даже на сценѣ, а въ жизни и подавно.

Графъ. Можетъ-быть, но я прошу васъ объ одномъ: оставьте меня въ покоѣ, забудьте о моемъ существованіи, не терзайте меня, живите вашимъ умомъ и пощадите мое больное сердце. Смотрите на меня какъ на необходимую, хотя и вышедшую уже изъ моды мебель, которую ни перемѣнить, ни передѣлать, ни подновить, ни улучшить нельзя и я вамъ буду очень благодаренъ.

Графиня. Къ-чему же поведетъ этотъ странный взглядъ.

Графъ. Къ спокойствію моей матери, которымъ я дорожу. Вспомните, что она была и вашею второю матерью. Она дѣлала для васъ все, что могла,—погубила сына, желая устроить вашу будущность. Она васъ высоко цѣнила, если рѣшилась соединить судьбу вашу съ моею, и ошиблась. Она не знаетъ своей ошибки, — видитъ рай въ нашемъ домѣ; не терзайте-жъ меня, иначе я открою ей глаза.

Графиня. Угрозы? вы знаете, я не боюсь ихъ. Это

смѣшно. Конечно, я далеко не совершенство; но vous, finissons, въ чемъ вы смѣете упрекнуть меня?

Графъ. Въ чемъ? Поняли вы мое бѣдное, измученное, разбитое сердце?

Графиня. Вольно же вамъ было дарить мнѣ его уже измученнымъ и разбитымъ...

Графъ. Опѣнили вы его?..

Графиня. Вполнѣ... на сколько оно стоило, разумѣется.

Графъ. Старались вы залечить его язвы?

Графиня. Нѣтъ, изъ гордости и самолюбія. Не княжнѣ Черноземовой склеивать грязные черепки разбитаго Дуляшей сердца.

Графъ. Не колкости и сарказмы привязываютъ мужа, а свисхожденіе и уступчивость, женственность, которой въ васъ нѣтъ! Природа ошиблась, создавъ васъ женщиной. Вы обладаете всѣми наклонностями мужчины.

Графиня. Природа ошиблась два раза, создавая васъ и меня. Во мнѣ нѣтъ женской сентиментальности, можетъ быть; но вамъ за-то она дала наклонности женщины. Вы слабы, малодушны, нервны, раздражительны и, извините, ничтожны. Любить, то есть нѣжничать, вздыхать и охать стыдно мужчинѣ. Вѣкъ идилий прошелъ.

Графъ. Для васъ его никогда и не было. Любили ли вы меня когда-нибудь, да и способны ли вы любить кого бы то ни было?

Графиня. Способна ли я любить, вопросъ, который я оставляю нерѣшеннымъ, потому что не могу знать будущаго, но, кому лучше знать, какъ не вамъ самимъ, любила ли я васъ когда-нибудь или нѣтъ.

Графъ. Никогда!..

Графиня. А вы меня? Но это еще не резонъ. Любовь всегда основана на взаимности, напротивъ... и я могла бы любить васъ, еслибъ было за что. Одинъ разъ навсегда я вамъ скажу мое мнѣніе о любви возможной. Человѣкъ обязанъ выйти изъ обычной колеи, имѣя на то всѣ средства, данныя заботливымъ правительствомъ. стать выше другихъ, вырваться впередъ изъ толпы обыкновенныхъ людей службой, или талантомъ и тогда только, гордый своимъ величіемъ, можетъ положить къ ногамъ женщины свое имя, славу и сердце, на которое бросится женщина и ко-

торое она оцѣнить. Такого человѣка можно любить. Въ любви къ такому человѣку не стыдно сознаться жѣнщинѣ съ умомъ и вкусомъ. А писать стихи и романсы, танцовать польки, говорить остроты и любезности, какъ Блесткинъ, рисовать головки всѣ на одно лице, мечтать, вздыхать, чуть не плакать, а главное — въ своемъ ничтожествѣ обвинять другихъ — не достойно современнаго человѣка. Вотъ мое мнѣніе, графъ, сказанное прямо, не въ укоръ, а только въ оправданіе...

Графъ (*запальчиво*). Я давно оставилъ школу и лекцій слушать не намѣренъ, понимаете?

Графиня. Учиться, впрочемъ, никогда не поздно.

Графъ. Но поздно вамъ меня учить. Я этого не хочу. Мнѣніе же ваше можете оставить при себѣ, я право не заплачу.

Графиня. Еще-бы! Этого только недоставало къ довершенію всего.

Графъ. Если я заплачу, бѣда ваша, я ужасенъ когда плачу.

Графиня. Боятся только люди съ слабыми характерами... но я попробую не испугаться ни вашихъ глазъ, ни вашего голоса, вѣдь я вамъ равная...

Графъ. Что это? Опять намень? Я уже запретилъ вамъ разъ...

Графиня. А по какому праву? что за цензура мыслей? Я имѣю голосъ и вѣсъ, я не дочь станціоннаго...

Графъ (*вѣль себя*). Хуже! вдвое хуже! У той было сердце...

Графиня. Только эластическое...

Графъ. А у васъ гранитное, черствое, злое... (*схватываетъ ее за руку*). Вы змѣя подъ цвѣтами, отравляющая жизнь мою!..

(*Лакей входитъ*).

Графиня. Слишкомъ драматически, герой! пустите руку... вы забылись...

Графъ. Больно вамъ? А мнѣ не больно развѣ?... (*хочетъ*).

Лакей. Ея сіятельство (*уходитъ*).

Графиня. Матап! Пустите руку!..

Графъ (*схватывая и другую ея руку въ свою другую*). Смѣйтесь, сію минуту смѣйтесь... Она не должна ничего

знать... Я вамъ приказываю смѣяться! (*Стучитъ ногами*).
Слышите? Смѣйтесь... ха, ха...

Графиня (*притворно смѣется очень громко*).

VII.

Тѣ же и ГРАФИНЯ-МАТЬ.

Графиня-мать (*входя въ шляпку и очень богатою нарядомъ, весело*). Bonjour, mes chers enfans. Какъ поживаете! Весело? Смѣтаетесь? Въ добрый часъ пріѣхала, впрочемъ у васъ всѣ часы одинаковы.

Графъ. Да, тамап, вы правы, всѣ одинаковы...

Графиня-мать (*цалуя сына*). Ну, и слава Богу. (*Къ графиню*). А ты, мое дитя, блѣдна что-то... (*цалуетъ её*). Не больна-ли?

Графиня. Нѣтъ, устала послѣ бала.

Графиня-мать. Я слышала, дѣлая визиты, что ты была вчера очаровательна... Ну, что бы захватить показаться?— я дома была, играла въ карты... проиграла... А ты, мой затворникъ, дома просидѣлъ?

Графъ. Вечеръ дома, ночь въ клубѣ...

Графиня. А утро за городомъ...

Графиня-мать. Вѣрно, нанялъ дачу?..

Графъ. Нанялъ...

Графиня. Въ паркѣ, говорить, прекрасная...

Графиня-мать. Лучше-бы въ Сокольникахъ, воздухъ чище...

Графиня. И я тоже говорю, а Serge хочетъ въ паркѣ, общество лучше, говорить...

Графъ. Такъ я найму въ Сокольникахъ, непременно.— Это рѣшено и подписано!

Графиня-мать. Однакожъ сядемъ, друзья мои, я устала. Хоть и грустно, и должно сознаться, что старѣю... (*Садится посерединѣ дивана*).

Графиня. Вотъ, фантазія,—вы еще такъ хороши...

Графиня-мать (*приглашая её жестомъ сѣсть возлѣ себя*). Хороша, когда ты подлѣ меня съ одной стороны (*тотъ же жестъ графу*); а ты съ другой. Вотъ, теперь (*смотря поочередно на сидящихъ около нея графа и графиню*), любуюсь

одной и другимъ, цалуя одну (*цалуетъ графиню*) и другаго (*обнимаетъ одной рукой графа и граціозно склоняя голову на плечо его*), я—молодью... теперь и я хороша, и я молода, и я счастлива...

Графиня. *Добрая шатап...*

Графъ (*всторону*). Еслибъ она только знала!

Графиня-мать (*графинь*). Ты объдаешь дома?..

Графиня. Конечно.

Графиня-мать (*сыну*). А ты?

Графъ. Дома, и, надѣюсь, съ вами.

Графиня-мать. Значить, я могу отпустить карету.

Графиня. Безъ-сомнѣнія.

Графъ. Я хотѣлъ васъ просить объ этомъ...

Графиня-мать (*звонитъ*). А вечеромъ ты мнѣ дашь лошадей доѣхать до театра?

Графъ. Нужно-ли спрашивать!—Съ удовольствіемъ.

Графиня-мать. Да онѣ у васъ смирны-ли?

Графиня. Очень, даже слишкомъ.

Лакей (*входя*). Чего изволите?

Графиня-мать. Скажи моему человѣку, чтобы ѣхалъ съ каретой домой, а вечеромъ, въ 10 часовъ, пріѣзжалъ въ театръ и тамъ отыскалъ бы человѣка графини Линде и взялъ у него мой салопъ,—повнимаешь?

Лакей. Слушаю-сь, понимаю-сь...

Графъ. Смотри не перевери,—въ 10 часовъ, въ театръ, графиня Линде.

Лакей. Понимаю-сь, салопъ чтобъ взялъ у человѣка графини Линдиной...

Графъ. Линде...

Лакей. Это все одно-съ...

Графиня. Ну, хорошо, ступай! (*Лакей уходитъ*). (*Графиня-мать, отдавъ приказаніе, встала, сняла шляпу, подошла къ столу направо и взяла акварель*).

Графиня-мать (*всторону*). Опять это лице! Какое сходство! Неужели образъ бѣдной Дуняши все еще его преслѣдуетъ, несмотря на семейное счастье! (*Увидя подходящаго сына*). Это твоя работа?..

Графъ. Моя, шатап...

Графиня-мать. Недурно... фантастическая, оригинальная, Русская головка...

Графиня (*всторону*). Хитритъ:—будто не знаетъ...

Графиня-мать (*кладетъ рисунокъ на столъ, всторону*). Судьба этой дѣвушки у меня на совѣсти. Бѣдная! Какое самоотверженіе! Еслибъ онъ только зналъ!

Графиня. Что съ вами, маман? О чемъ задумались?

Графиня-мать. Нѣтъ, я, такъ... (*всторону*). Эта тайна умереть со мною!

Графъ. Отчего вы вдругъ такъ стали прустны? Это меня беспокоитъ.

Графиня-мать. Я? (*Всторону*). Какъ-бы поправиться? (*вслушь*). Свѣжее личико этой головки навело меня на грустную мысль и заставило призадуматься... Отчего для полноты вашего счастья, вамъ недостаетъ...

Графъ. Чего?

Графиня. Чего?

Графиня-мать. Такого свѣжаго личика.

Графиня. Что вы хотите этимъ сказать?

Графиня-мать (*обнимая ихъ*). Друзья мои! Когда я буду бабушкой?

Графиня (*краснѣя, скрываетъ голову на грудь матери*). Маман!

Графъ. Я потерялъ всякую надежду на это счастье. (*Всторону*). Еслибъ она знала!..

Графиня-мать (*всторону*). Вывернулась изъ бѣды...

Лакей (*въ дверяхъ*). Александръ Ивановичъ Заливайскій! (*Графиня подымаетъ голову*).

Графъ. Кто?

Лакей. Заливайскій, Александръ Ивановичъ.

Графъ. Быть не можетъ! Бѣги, проси, (*лакей исчезаетъ*). Я самъ бѣгу къ нему. (*Бѣжитъ къ двери*).

Графиня. А я отъ него. (*Бѣжитъ къ противоположной двери, графъ уходитъ*).

Графиня-мать. Куда-же ты?

Графиня. Поправиться, сейчасъ выйду. (*Всторону*). Странно, одно его имя меня приводитъ въ трепеть. (*Вслушь*). Я сію минуту... (*скрывается*).

Графиня-мать. Не знаю, отчего я все дрожу... Одно его имя, произнесенное неожиданно, заставило меня вздрогнуть, какъ электрическая искра. Между нами страшная тайна, на совѣсти его и моей по большому пятну, мы оба

отдадимъ когда-нибудь отчетъ въ судьбѣ Дуняши... Идутъ... прежде всего ненадо забывать, что я мать. Это слово мой щить, моя кольчуга, она тверда и неприступна!...

ХІ.

ГРАФИНЯ-МАТЬ, ГРАФЪ и ЗАЛИВАЙСКІЙ.

Графъ (входитъ обнявшись съ Заливайскимъ). Я все еще не приду въ себя; какими чудесами? Обними ты меня еще...

Заливайскій (обнимая его). Взялъ да пріѣхалъ взглянуть на твое житье-бытье... Графиня, здравствуйте!... (целуетъ у нея руку).

Графиня-мать. Давно-ли вы въ Москвѣ?

Заливайскій. Чась.

Графиня-мать. Надолго?

Заливайскій. Не знаю. Я проѣздомъ..

Графъ. Куда?

Заливайскій. Въ Петербургъ, по дѣлу... но гдѣ же графиня?

Графиня-мать. Она придетъ сію минуту.

Графъ. Сядемъ однакожъ. (Садится). Скажи, гдѣ ты остановился?

Заливайскій. На Тверской, въ Парижѣ.

Графъ. Отчего не у меня? Что за церемоніи? Слава Богу, — комнатъ пустыхъ много, — есть гдѣ помѣститься.

Заливайскій. Извини пожалуйста... я не зналъ, я думалъ...

Графиня-мать. Это только отговорки.

Заливайскій. Богъ-знаетъ, давно не видались, думалъ, женясь, не измѣнился-ли ты... все бываетъ; можетъ-быть сердить за прошлое.

Графиня-мать. Какъ вамъ не стыдно...

Заливайскій. Да къ тому жъ, съ дороги, надо было поприодѣться, вотъ я, пріѣхавъ, взялъ номеръ, выбрился, извините пожалуйста, одѣлся, взялъ перваго извощика; что за потрясающій экипажъ! — и къ вамъ.

Графъ. Надѣюсь, съ мыслью, болѣе не возвращаться въ свой номеръ.

Заливайскій. Если позволишь.

ГРАФЪ (звонитъ). Ну, расскажи же намъ, ты откуда?
ЗАЛИВАЙСКІЙ. Изъ деревни...

ГРАФЪ. То есть изъ села Продолговатаго?

ЗАЛИВАЙСКІЙ. Нѣтъ...

ГРАФЪ. Нѣтъ? Изъ какой же деревни?..

ЛАКЕЙ (входя). Чего изволите?

ГРАФЪ. Вели съѣздить на Тверскую въ гостинницу
Парижъ. (Заливайскому) Который номеръ?

ЗАЛИВАЙСКІЙ. Десятый...

ГРАФЪ (лакею). Въ десятый номеръ, гдѣ остановился
Александръ Ивановичъ, и сказать его человѣку Степану...
(Заливайскому.) Съ тобой-вѣдь тотъ же Степка?..

ЗАЛИВАЙСКІЙ. Все тотъ же и также глупъ.

ГРАФЪ (лакею). Сказать ему, чтобы забралъ все вещи
барина и ѣхалъ сюда. Понялъ?

ЛАКЕЙ. Слушаю-съ...

ГРАФЪ. Ступай... (Во время этихъ приказаній Заливайскій
тихо говорилъ съ графиней-матерью). Такъ ты изъ какой
же деревни? (Лакею ушелъ).

ЗАЛИВАЙСКІЙ. Изъ своей. Я въ безсрочныхъ...

ГРАФЪ. Вотъ какая исторія!

ГРАФИНЯ-МАТЬ. А что, Александръ Ивановичъ, узнали
вы Сережу въ статскомъ?

ЗАЛИВАЙСКІЙ. Конечно! ты нисколько не измѣнился...
Ахъ какъ я радъ васъ видѣть... Ну, скажи ты мнѣ, ты
теперь очень счастливъ, не правда ли...

ГРАФЪ. Счастливъ ли я? Очень, братецъ.

ГРАФИНЯ-МАТЬ. Спросите у меня!

ЗАЛИВАЙСКІЙ. Любимъ женой, счастливъ, ну, и слава
Богу, надежды наши сбылись. Чортъ возьми! Графиня из-
вините пожалуйста; мы можемъ теперь покаяться въ нашей
хитрости?.. Не правда-ли?

ГРАФИНЯ-МАТЬ. Конечно... все прошло, все забыто...

ГРАФЪ. Что вы хотите сказать?

ЗАЛИВАЙСКІЙ. Мы тебя надули-вѣдь, другъ ты мой,
мастерски надули, чортъ-возьми... опять... все забываю!

ГРАФЪ. Что такое? объясните...

ЗАЛИВАЙСКІЙ. Дуняшу помнишь?

ГРАФЪ. Помню ли я ее?

ЗАЛИВАЙСКІЙ. Забылъ? Я такъ и думалъ. Теперь,

когда все кончено, когда ты женатъ и счастливъ, я долженъ сказать тебѣ въ ея оправданіе, впрочемъ, и похвалу...

Графъ. Что такое? не мучь меня...

Заливайскій. Что она никогда не была моей, то есть... моей любовницей, извините Графиня...

Графъ. Возможно-ли? Но этотъ вечеръ?...

Заливайскій. Комедія, фокусъ-покусъ, пуфъ...

Графъ. Эта пляска, эта пѣсня, эти поцалуи, наконецъ, которые она тебѣ дарила?

Заливайскій. Интермедія... дивертисментъ!

Графъ. Для потѣхи, не правда-ли, для потѣхи?...

Графиня-мать. Для твоего спасенія, сынъ мой, для будущности, для счастья...

Заливайскій. Это дѣло сдѣлали я, да графиня. Задумали-загадали, съ одной развели, съ другой повѣнчали... Нашъ былъ уговоръ и заговоръ, мой былъ наговоръ.—Знай нашихъ, чортъ-подери!... ой, не буду...

Графъ. И она пѣла, и она плясала, и она цаловала другаго, желая спасти меня, и она жертвовала собой для моего счастья, и она публично сама себя лишила добраго имени, спасая меня!..

Заливайскій. Да, другъ мой, да, разыграла пантомину, вѣдь я былъ балетмейстеромъ-то!

Графъ. Значитъ, она любила меня, и какъ любила! а я повѣрилъ, а я проклялъ ее!.. Дуняша!.. Ангелъ мой! Прости меня!.. Дуняша!.. *(Рыдаетъ)*.

Графиня-мать. Serge! Что съ тобой? Помилуй, эти слезы...

Заливайскій. Да что ты шутишь, или смѣешься?

Графъ *(сильно схвативъ ихъ за руки)*. Друзья мои! Что вы надѣлали! что вы надѣлали! Для счастья моего вы погубили Дуняшу бѣдную, вы отняли у нея доброе имя, растерзали сердце, навлекли на нее мое проклятье, все это вы сдѣлали для моего счастья, не такъ ли!.. Ошиблись, друзья мои, ошиблись... Узнайте, матушка, я долго молчалъ, я долго страдалъ, но есть предѣлъ всякому терпѣнію! узнай и ты мой добрый другъ... что здѣсь, подъ этой крышей, гдѣ всѣ, свѣтъ, люди, мать родная,—и та

видить счастье и благополучіе, рай земной, — здѣсь адъ, со всѣми его пытками. Я мученикъ, я страдалецъ! И вы сгубили Дуняшу... что вы надѣлали! Что вы надѣлали!.. (закрываетъ лице руками и падаетъ на кушетку).

Графиня-мать (опускаясь на диванъ съ другой стороны сцены). Что я слышу? Онъ несчастливъ? Этотъ портретъ... Я изнемогаю...

Заливайскій (пораженный). Что я надѣлалъ? Погубилъ ее, погубилъ его, все семейство!.. Я, который желалъ сдѣлать добро!.. Господи!.. Суди меня! Суди мою совѣсть! Рѣшай, Господи!.. (Молчаніе).

Графъ (быстро вставая). Гдѣ Дуняша?

(Графиня-мать вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ Заливайскому).

Графиня-мать (тихо ему). Вы её видѣли?

Заливайскій. Нѣтъ...

Графъ. Гдѣ Дуняша?.. Все тамъ же?.. Нѣтъ? Гдѣ она?

Заливайскій. Не знаю!..

Графиня-мать (тихо). Вы знаете, гдѣ она?

Заливайскій. Нѣтъ.

Графиня-мать (всторону). Слава Богу!..

Графъ. Кто же знаетъ? — гдѣ она и что съ нею?.. Вы, матушка?

Графиня-мать. Я ничего не знаю. (Всторону). Новая ложь!..

Графъ. Но все равно, я найду её, хоть на краю свѣта! Бѣдная страдалица! Я найду тебя и на колѣняхъ выпрошу твое прощаніе. Я могъ повѣрить, я повѣрилъ! Но кто же могъ думать, что это заговоръ, что орудіе этого заговора другъ единственный, старій, и мать, родная мать! Конечно! Я разрываю нить, связывающую меня съ графиней. Она капризна, безъ души, безъ сердца, горда, самолюбива, я не могу жить съ ней болѣе. Я сбрасываю эти цѣпи, онѣ слишкомъ тяжелы для меня и для нея. Пусть буду я виноватъ во всемъ, пусть свѣтъ обвиняетъ меня, а не ее, мнѣ все равно, я ѣду, ѣду сію минуту. Ей! человекъ! Ёду къ ней — моей Дуняшѣ! Она проститъ меня! Ангель мой! Какъ я виноватъ передъ тобою. (Вошедшему лакею). Никанора въ кабинетъ. (Лакей уходитъ). Сей-часъ указъ объ отставкѣ

ему въ руки—и за почтовыми лошадьми! Прощайте, друзья мои! Бѣду къ Дуняшѣ!.. Я не виню васъ, я вамъ прощаю, вы не знали, что губите два сердца, жившія одно для другаго! Прощайте, прощайте! (*Бѣжитъ въ дверь на авансцену*).

ГРАФИНЯ—МАТЬ. Сережа! Выслушай меня... Бросить мать!.. О!.. Я не пушу тебя! (*Убѣгаетъ за нимъ въ ту же дверь*).

ХИ.

ЗАЛИВАЙСКІЙ, потомъ ГРАФИНЯ АДЕЛЬ.

Заливайскій. Что дѣлать? По смущенію графини я замѣтилъ, что она знаетъ о существованіи Дуняши. Послѣ того страшнаго вечера она занемогла. Сережа уѣхалъ съ невестой и матерью, я тоже спѣшилъ за ними на эту свадьбу. Тогда же взялъ я отпускъ и прямо проѣхалъ въ деревню, гдѣ получилъ безсрочный. Гдѣ Дуняша, что съ нею, я не знаю. Тамъ ли, нѣтъ ли. Что дѣлать? Подождемъ! О! какъ я золъ въ эту минуту на себя, на всѣхъ, на эту женщину особенно, которая дѣлаетъ его несчастнымъ!

Графиня (*измѣнивъ туалетъ*). Извините, Александръ Ивановичъ, хозяйку, принимающую васъ позднѣе всѣхъ. Я не ждала васъ, не была одѣта.

Заливайскій. Тряпки сгубили не одну женщину, или лучше сказать, не одна женщина сгубила себя, занимается тряпками и забывая для нихъ свой долгъ и свои обязанности.

Графиня. Что значать эти слова и тонъ, которымъ вы ихъ говорите; я къ нему не привыкла.

Заливайскій. Извините, я человекъ простой, не модный, льстить не умѣю. Я другъ вашего мужа, я люблю его, графиня, и потому имѣю право говорить вамъ — женѣ его, прямо то, что чувствую. Не уходите вы наряжаться, взойди я при васъ, какъ я ни глупъ, а въ первыя пять минутъ понялъ бы ваши отношенія къ мужу и степень вашего семейнаго счастья, я понялъ бы, и чортъ меня возьми, конечно не сказалъ бы того, что теперь перевернуло всю его душу!..

Графиня. Я васъ не понимаю, извините...

(Графиня — мать вошла и стоитъ неподвижно у двери на аван-сценѣ).

Заливайскій. Вы носите фамилію Горностаева по милости моей, я далъ вамъ эту фамилію, отнявъ у другой дѣвушки ея доброе имя, принявъ на душу страшный, тяжкій грѣхъ; все это доказываетъ вамъ, какъ высоко цѣнилъ я васъ, что я сдѣлалъ для счастья Сережи и вы не оправдали ни моего желанія, ни моего довѣрія. Дѣвушка, которую я погубилъ въ пользу вашу, которую очернилъ ложнымъ вымысломъ передъ людьми и графомъ, которую онъ проклялъ, любила его сильно и пламенно; любить, можетъ быть, и теперь, любила до самоотверженія; такъ любила, что, сознавая себя недостойной носить его имя, которое онъ предлагалъ ей, согласилась добровольно разыграть при немъ недостойную для себя роль. Она пришла ко мнѣ и при всѣхъ моихъ товарищахъ плясала, пѣла, целовала даже меня, чтобы разочаровать Сережу и тѣмъ спасти его. Эта пѣсня, полная слезъ, слышется мнѣ еще въ эту минуту, я вижу ея страдающее лице... Эта дѣвушка умѣла любить, графиня! Эту дѣвушку звали Дуняшей!

Графиня. Дуняша!

Заливайскій. Простая, бѣдная дѣвушка, дочь станціоннаго смотрителя, безъ воспитанія, безъ образованія, но съ душой возвышенной и благородной, не могла быть женою графа, и ею пожертвовали въ пользу прекрасной, благородной, образованной княжны, и что же? Эта княжна внесла въ семейство одно горе, одно отчаяніе! Она своими капризами, холодностью, своеравіемъ уничтожила все очарованіе семейной жизни. Того-ли отъ нея ожидали, того-ли надѣялись? Графъ страдалъ молча два года, но теперь, когда узналъ истину, терпѣніе его лопнуло и онъ сознался въ своемъ несчастіи, сознался мнѣ и матери.

Графиня. Графинѣ?!.

Графиня-мать Мнѣ! (Графиня вскрикиваетъ).

Заливайскій. Вы были здѣсь? Вы слышали?.. (Отходитъ въ глубину и склонивъ голову садится).

Графиня-мать. И эта мать, которая была и вашею второю матерью, оскорбленная вами, требуетъ у васъ отчета въ несчастіи роднаго сына.

Графиня. Зачѣмъ вы скрыли отъ меня намѣреніе графа жениться на Дуняшѣ? вспомните, я у васъ спрашивала: любить-ли онъ меня, и вы мнѣ отвѣчали—да.

Графиня-мать. Вспомните и вы, что на вопросъ мой: любите-ли вы Серезу? вы отвѣчали тоже: да. Сказаннаго не воротить! Вспомните, что вы клялись передъ престоломъ Божіимъ сдѣлать счастье мужа, клялись исполнять свои обязанности, клялись—и нарушили священную клятву!

Графиня. Графиня!..

Графиня-мать. Чѣмъ вы отплатили за мое довѣріе, за любовь мою! Я ввѣрила вамъ будущность сына, а вы ее уничтожили! Для васъ я погубила Дуняшу, я приняла этотъ грѣхъ на душу, грѣхъ, который не даетъ мнѣ покоя... Смотрите, какъ судьба этой дѣвушки отразилась на лицѣ моемъ! Въ этихъ морщинахъ и въ этой сѣдинѣ... вся ея грустная повѣсть! Эта сѣдина отголосокъ совѣсти, эта сѣдина безмолвный упрекъ той, за кого погибла Дуняша!..

Графиня. Это ужасно! Я виновата, я сознаю свою ошибку; но что со мною? (*Схватываетъ себя за талию*). Странное чувство... чувство незнакомое... Мнѣ дурно... (*Опускается на кресло*).

Заливайскій (*подбѣгая*). Что съ вами, графиня?.. Воды! спирту!..

(*Графиня-мать подходитъ тоже къ ней*).

Графиня. Прошло... Мнѣ лучше, но пошлите за докторомъ. (*Всторону*). Неужели онъ сказалъ правду, докторъ?

Заливайскій. Пошлю, сію минуту! (*Хочетъ идти*).

ХІІІ.

Тѣ же в НИКАНОРЪ АНДРЕИЧЪ.

Никаноръ (*входя изъ боковой двери на аванъ-сцену съ письмомъ на поднось*). Письмо отъ его сіятельства...

Графиня. Письмо?..

Графиня-мать. Отъ сына?

Заливайскій. Кому?..

(*Никаноръ, молча подноситъ его графинѣ*).

Графиня. Ко мнѣ? (*Машинально беретъ письмо*).

Графиня-мать. Ступай Никаноръ Андреичъ...

Заливайскій (ему тихо). Да вели, любезный, пожалуста, поскорѣе съѣздить за докторомъ графини.

Никаноръ (хладнокровно). Хорошо, батюшка, велю... (всторону). Насилу-то мы съ бариномъ за умъ взялись... ей Богу!.. (Уходитъ въ ту же дверь).

Графиня (развернувъ письмо). Не могу, темно въ глазахъ... (Заливайскому). Отъ васъ секретовъ быть не можетъ... Прочтите, прошу васъ.

Заливайскій (читаетъ). «Графиня! Дуняша оклеветана, обезчещена и проклята. Я ѣду къ ней выпросить себѣ прощеніе, возвратить ей доброе имя, снять съ нея проклятіе; ѣду сію минуту... надолго... навсегда... прощайте, будьте счастливы, не обвиняйте меня, я не зналъ, я былъ обманутъ! Не проклиняйте Дуняши! довольно съ нея! Будьте счастливы. — Сергѣй Горностаевъ».

Графиня (быстро вставая и твердо). Что надо дѣлать? Я готова на все! Располагайте мною. Обязанность прежде всего. Требуйте, приказывайте, я на все согласна...

Графиня-мать. Удержать его нельзя. Я пробовала, умоляла: и мнѣ — матери онъ сказалъ: ѣду.

Заливайскій. Но куда онъ ѣдетъ? Вотъ, главное...

Графиня-мать. Въ Продолговатое ..

Графиня. Что намъ дѣлать? Что намъ дѣлать...

Графиня-мать. Ѣхать за нимъ!

Графиня. Ёду!

Заливайскій. И я!.. всюду, чортъ возьми!

Графиня-мать. Пошлите за лошадьми, онъ уѣдетъ, а мы за нимъ.

Заливайскій (у окна). Ему закладываютъ дорожный дормезъ, готовьтесь и вы, укладывайтесь — черезъ часъ и мы можемъ Ѣхать...

Графиня. Я готова...

Графиня-мать. Но я боюсь этой встрѣчи, мы не поспѣемъ вовремя!

Заливайскій. Дуняша тамъ?..

Графиня-мать. Да, но я боюсь за сына, эта встрѣча можетъ стоить ему жизни...

Графиня. Жизни!.. Ёдемъ сію минуту...

Заливайскій. Вы меня пугаете!

Графиня-мать. Еслибъ вы знали!.. Дуняша...

Заливайскій. Говорите, ради Бога, говорите...

Графиня-мать. Сошла съ ума!..

Графиня. Отъ любви къ нему!.. О!.. Мнѣ не будетъ прощенія! Я погибла!.. (Слышенъ стукъ отъѣзжающаго экипажа). Уѣхаль? За нимъ! за нимъ! Скорѣй! лошадей!.. (Опять схватываетъ талию). Онъ проститъ меня!.. проститъ... карету!.. карету!.. ѣдемъ, ѣдемъ!.. (Бѣжитъ къ двери, Заливайскій за ней. Она ослабѣваетъ и среди сцены падаетъ на его руки).

Графиня (громко и долго звонитъ). Человѣкъ!.. Маша!.. Доктора!.. Помогите!.. Заливайскій!

(Маша въ однихъ дверяхъ, лакей въ другихъ).

ДУРОЧКА.

(Вглубинѣ, противъ зрителей большой двухъ-этажный домъ. Во второмъ этажѣ средняя балконная дверь, выходящая на широкую терасу, съ балюстрадой. Съ терасы по обѣимъ сторонамъ идутъ двѣ лѣстницы одинаковой съ нею ширины и съ такою же балюстрадой. По нимъ сходятъ на сцену, которая представляетъ садъ. Въ пространство, образуемое двумя лѣстницами, большая клумба, полная цвѣтовъ, между которыми стоитъ пьедесталъ съ утвержденнымъ на немъ бассейномъ и фонтаномъ изъ настоящей воды. На правой клумбѣ флигель въ видѣ павильона, тоже двухъ-этажный; въ нижнемъ этажѣ дверь, въ верхнемъ балконъ. На левой клумбѣ такой же флигель, такая же дверь и такой же балконъ. За домомъ видны сельскій пейзажъ: село на горѣ, лѣсъ, закатъ солнца. Вечеръ. На аван-сценѣ съ обѣихъ сторонъ роскошные кусты сирени бѣлой и лиловой въ цвѣту. У кустовъ съ каждой стороны зеленыя садовыя скамейки и стулья. На терасѣ по угламъ померанцовыя деревья, по лѣстницѣ тоже, черезъ нѣсколько ступеней. На балюстрадѣ алебастровыя вазы. На долѣ посрединѣ гербъ князей Черноземовыхъ, по угламъ статуи).

I.

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ (вбѣгал запыхавшись).

Батюшки мои! Оказія какая! Графъ ѣдетъ! Ей, вы! Люди! Кто тамъ есть!.. Никого не найдешь, день праздничный! Слава Богу, Ванюшка-то зорокъ больно, увидалъ издали,

прибѣжалъ, кричитъ: тятинька, баринъ ѣдетъ! я отъ станціоннаго-то благимъ матомъ, шапку въ зубы и давай бѣжать, на старости лѣтъ. Ужъ-индо потъ прошибъ! Дома-тъ отпереть по-крайности, принять, встрѣтить. Ей! Кто тамъ есть?.. Домна Савишна! Домна Савишна! Ну, какъ! и она по должности на погребъ ушла?.. Иванъ Васильевъ... мальчишки-то куда запропастились!.. Домна Савишна!.. Иванъ Васильевъ!..

Голосъ издали. Кто тамъ?..

Петръ Ильичъ. Иди сюда!.. Ей!.. Поворачивайся!..

Голосъ. Иду!.. Сей-часъ!..

Петръ Ильичъ. Домна Савишна!..

II.

САДОВНИКЪ, ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ, нѣсколько работниковъ, потомъ
ДОМНА САВИШНА.

Садовникъ (*изъ глубины, около дома*). Что такое? кто зоветъ? Это вы, Петръ Ильичъ!

Петръ Ильичъ. Баринъ ѣдетъ, васъ не докличешься. Баринъ ѣдетъ!

Садовникъ. Ой-ли? Взаправду? кто сказалъ?

Петръ Ильичъ. Ванька видѣлъ на селѣ... Домна Савишна!..

Садовникъ. Домъ-то отперли что-ли? Значитъ ѣдетъ, коли Ванька видѣлъ.

Домна (*на балконѣ справа*). Что-й-то? Не пожаръ ли? Раскричались! Я-было соснуть хотѣла... только вотъ легла...

Петръ Ильичъ. Баринъ ѣдетъ!..

Домна. Что вы? Чай съ Никаноромъ Андреичемъ?

Петръ Ильичъ. Ключъ отъ дома, старая! Только спишь!..

Домна. Спишь! Много тутъ наспишь!..

Петръ Ильичъ. Ключъ! живой рукой!..

Домна (*отдѣляя отъ связки*). Ну, сей-часъ, ишь, спишь, говорить!..

Петръ Ильичъ. Да, ну, бросай что-ли!..

Домна (*бросая*). На, лови! Спишь, говорить!.. На... (*Садовникъ поймалъ*).

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ. Ну, бѣги Иванъ Васильевъ, отпирай, я пока вздохну маленько.

(Домна скрывается).

САДОВНИКЪ. Мигомъ, Петръ Ильичъ! (бѣжитъ направо). Мигомъ!

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ. Стой!.. постой!

САДОВНИКЪ (останавливается). Что еще?.. Когда стоять-то?

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ. Ступай тутъ, черезъ терась, ближе... дверь-то отопри стеклянную...

САДОВНИКЪ (бѣжитъ по лѣстницѣ). Только бы успѣть, пока не прѣхали.

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ (крича на верхъ). Бѣги черезъ залу, по вѣтой лѣстницѣ, прямо въ переднюю...

(Садовникъ исчезъ въ домъ).

РАБОТНИКИ (входя съва).

1.
Прѣхаль!..

2.

Чай, ужъ на дворѣ!

3.

Скоро-больно!

(Всѣ вмѣстѣ).

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ (работникамъ). Эй! молодцы, бѣгите, встрѣчайте барина (толкаетъ ихъ на лѣстницу, они бѣгутъ). Да смотрите у меня, ручку цаловать... На-лету ловить... Ну, скорѣй.. (Работники уходятъ къ верху въ домъ).

ДОМНА (выходя справа изъ флигеля). Пойду и я побѣгу... (Переваливается). Ишь изъ женщинъ-то никого нѣтъ! Всѣ туда же, праздникъ справляютъ... Никаноръ-то Андрейчъ съ нимъ ли?

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ. Ну, иди что-ли, переваливайся, тебѣ бы только спать...

ДОМНА (по лѣстницѣ). Наладилъ только одно: спать, да спать. Что жъ, должность-то хоть кого уходить... спать!

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ. Да ну, ползи...

ДОМНА (у двери). Не молоденькая!.. ползи! Слава Богу! шестой десятокъ, люди говорятъ, а все служу, должность справляю... да, а то спишь, говорить... (Уходитъ въ домъ).

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ. Что бы это значило? Никакого пи-

сабя не было, что-моль такъ и такъ, тогда-то выйду, тогда-то прійду, и вдругъ, какъ снѣгъ на голову. Приготовились бы по-крайности. Плохо! Нѣтъ ли какого сумленія? Доносъ неравно дворовые смастерили. Народъ продувной, избалованный! Посмотримъ, что будетъ, какъ за дѣло возмется. Чай въ хозяйствѣ-то мало толку смыслить; ни хуже, ни лучше, все равно, какъ супруга его, не въ укоръ будь сказано; подысь, годка два тому, только напужала сперва наперво, а тамъ и обнаружилась: ни уха, ни рыла, сказать по нашему, не смыслить. Пошелъ бы самъ встрѣчать да неводится, таковъ ужъ обычай, что управляющій послѣдній приходитъ... Чтой-то? Голоса? Идутъ никакъ. Отойдемъ къ сторонкѣ. *(Отходитъ)*.

(Графъ въ дорожномъ платьѣ показывается на террасѣ въ сопровожденіи Никанора Андреевича и многихъ лицъ, работниковъ, Домны и другихъ трехъ или четырехъ женщинъ, которыя всѣ повязаны платками, въ ситцевыхъ платьяхъ и шейныхъ бу-мажныхъ платкахъ.)

III.

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ, ГРАФЪ, НИКАНОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ, ДОМНА, САДОВНИКЪ и народъ.

Графъ *(остановясь на террасѣ, къ людямъ)*. Спасибо, друзья мои, спасибо. *(Сходитъ съ лестницы, Никаноръ за нимъ)*. Ступайте, я не держу васъ, занимайтесь своимъ дѣломъ, служите гоеножѣ вашей, ступайте. *(Сходитъ на сцену съ Никаноромъ, Домна и садовникъ тоже спускаются съ лестницы, народъ за ними, и постепенно расходится въ разные стороны)*.

Петръ Ильичъ *(восторону)*. Что-то не весель. Вѣрно былъ доносъ.

Графъ *(Никанору)*. Зачѣмъ ты привезъ меня въ господскій домъ?

Никаноръ. Что-жъ? Да вы кто жъ такой, прости Господи?

Графъ. Я тебѣ сказалъ, что хочу остановиться въ той

самой избѣ, въ которой жилъ два года тому назадъ, когда еще былъ гусаромъ.

Никаноръ. Мало ли что бы вы хотѣли, да нельзя. *(Они у самой аван-сцены. Домна осталась и стоитъ въ глубинѣ нальво, садовникъ въ клубѣ, съ ножомъ, очищаетъ кусты. Петръ Ильичъ справа у двери флигеля).*

Домна *(всторону)*. Постарѣлъ мой старикъ-то! и здравствуй сказать не пришлось.

Петръ Ильичъ *(всторону)*. Съ Никаноромъ-то надо поучтивѣе, выходить...

Словникъ *(всторону)*. У меня, кажись, все въ порядкѣ. — Я не знаю...

Графъ. Въ этой избѣ я былъ такъ счастливъ!..

Никаноръ. Полно вамъ кручиниться-то! счастливъ вишь былъ! Господамъ и счастливыми быть въ избѣ неприходится.

Графъ. Въ этой избѣ я любилъ, мечталъ и страдалъ.

Никаноръ. Что было, то прошло. Оглянитесь.. люди смотреть, нехорошо...

Графъ *(выходя изъ задумчивости)*. Правда... *(осматривая садъ)*. Какъ здѣсь хорошо. Какой воздухъ! Все цвѣтеть! Не то, что въ Москвѣ! Природа улыбается... а Дуняша улыбается ли? Гдѣ она? Здѣсь ли? Нѣтъ ли? Боюсь спросить... У кого бы? Развѣ у управителя?..

Никаноръ. Что жъ? Спросъ не бѣда!..

Графъ *(садовнику)*. Любезный!.. Какъ тебя зовутъ?

Садовникъ. Иваномъ, ваше сіятельство...

Графъ. Ну, Иванъ, любезный другъ, позови ко мнѣ управителя...

Садовникъ. Слушаю-сь. *(Подходя къ Петру Ильичу)*. Васъ спрашиваютъ... *(Никаноръ отходитъ)*.

Петръ Ильичъ. Вашему сіятельству мое нижайшее почтеніе.

Графъ. А! Вы были здѣсь? Мы старинные знакомые...

Петръ Ильичъ. Много чести, ваше сіятельство...

Графъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами...

Петръ Ильичъ. Что прикажете, ваше сіятельство...

Графъ. Удалите этихъ людей...

Петръ Ильичъ. Слушаю-сь. Иванъ Васильевъ! ступай,

братецъ , въ ранжерею , земляники его сіятельству пригото-
товъ... (Иванъ Васильевъ тихо уходитъ).

Графъ. Кто эта женщина? Знакомое лице!

Петръ Ильичъ. Не здѣшняя-съ. Матушкѣ вашей при-
надлежитъ-съ. Съ ней тогда еще, два года тому назадъ,
изъ Москвы пріѣхала, да и занемогла. Въ ту пору свадьба
вашего сіятельства здѣсь порѣшилась, уѣхать скоро изво-
лили, а ее больную и оставили-съ. Оправилась, волею Бо-
жіею, графинѣ-матушкѣ вашей отписали-съ, а онѣ ее въ
должность ключницы опредѣлили и изволили. Съ-тѣхъ-порѣ
здѣсь и проживаетъ.

Графъ. Какъ ее зовутъ?

Петръ Ильичъ. Домна Савишна, ваше сіятельство.

Графъ. Никаноръ Андреичъ, твою жену тоже никакъ
зовутъ Домной?

Никаноръ. Это она и есть, ваше сіятельство.

Графъ. Что же ты къ ней не подойдешь до-сихъ-порѣ?

Никаноръ. А послѣ можно наздороваться, а теперь при
вашемъ сіятельствѣ неприлично.

Графъ. Вздоръ какой! подойди, милая, подойди... Ты ее
очень любишь, Андреичъ?

Никаноръ. Еще бы! сорокъ слишкомъ годочковъ въ
супружествѣ значимшись, да не любить!

Графъ. Сорокъ лѣтъ! Обнимитесь, молодые мои, обни-
митесь...

Никаноръ. Обнимемся, Домна Савишна!

Домна. Никаноръ ты мой Андреичъ, батюшка, при-
велъ Господь свидѣться! (обнимаются).

Графъ. Поцалуйтесь, мои милые.

Никаноръ. Поцалуемся Домна Савишна!

Домна. Не грѣшно, батюшка, не грѣшно... (цалуются).

Никаноръ. Все-ли вы здоровы?

Домна. Слава Богу! все ли вы? (цалуются).

Никаноръ. Понемножку, матушка. Все ли у васъ
благополучно?

Домна. Несовсѣмъ, батюшка. Телка бурая стельна
была, скинула, пестрая бычка дала (цалуются).

Графъ. И вы въ эти сорокъ лѣтъ никогда не ссори-
лись?

Домна (кланяясь). Никогда, батюшка!

Никаноръ. Худой славы другъ отъ друга не слыжали, косова взгляда не видали. Извѣстно, взявъ сиротой, она меня уважала, а я ее любилъ...

Графъ (всторону). Счастливые! Они знали, что такое счастье... а я?..

Петръ Ильичъ (всторону). Каковъ почетъ Никанору-то! Видно въ сильной милости. Надо приглубить. (Вслушь Никанору). А мы съ вами и не поздоровались, Никаноръ Андреичъ. Заспесивились! старыхъ друзей не узнаете!

Никаноръ. Я человекъ маленькій, Петръ Ильичъ, куды ужъ намъ съ суконнымъ рыломъ въ гусиной рядъ ходить? (цалуются).

Графъ. Ну, ступай, Никаноръ Андреичъ, съ женой... ступай...

Никаноръ. Шивель-то вамъ не надѣтъ-ли? Свѣжо становится...

Графъ. Пожалуй. (Надѣваетъ плащъ, который все время былъ на рукъ у Никанора).

Никаноръ. Комнату которую займете?

Графъ. Все равно.

Никаноръ. Что кушать станете?

Графъ. Послѣ...

Домна. Сливки майскія, желтыя, густыя...

Графъ. Послѣ... послѣ...

Никаноръ. Пойдемъ, Домна Савишна...

Домна. Пойдемте, Никаноръ Андреичъ, пойдемте... (уходятъ въ дверь направо во флигель).

Петръ Ильичъ. Что это вы къ намъ одни, ваше сиятельство?

Графъ. Жена несовсѣмъ здорова, а матушка осталась съ ней.

Петръ Ильичъ. Такъ-съ. Оно неприятно-съ, конечно...

Графъ. (Садясь). Скажите мнѣ, здѣсь прежде была почтовая станція...

Петръ Ильичъ. И теперь существуетъ-съ.

Графъ. А?.. что-жь... станціонный живъ?..

Петръ Ильичъ. Слава Богу-съ..

Графъ. Здоровъ?

Петръ Ильичъ. Ничего-съ, здоровъ.

Графъ. А... а дочь его?..

Петръ Ильичъ. Сынъ-съ...

Графъ. Развѣ у него есть сынъ?.. я не зналъ...

Петръ Ильичъ. Только и есть, что сынъ-съ, и тому только девять дней, вчера окрестили, я и восприемникомъ былъ-съ.

Графъ. Я не понимаю... онъ былъ старъ и вдовъ...

Петръ Ильичъ. Да вы, ваше сіятельство, вѣрно, старого станціоннаго помнитъ изволите, по фамилиі Кочерыжкина...

Графъ. Ну-да, его... да...

Петръ Ильичъ. У насъ теперь другой, молодой такой, славной...

Графъ. А гдѣ же тотъ?..

Петръ Ильичъ. Здѣсь же проживаетъ, испиваетъ больно, должность исправлялъ плохо, прислали другаго-съ, а онъ, по милости матушки вашей, ея сіятельства, на ея коштѣ здѣсь во флигель существованіе имѣеть, мѣщину, отвѣсное получаетъ, жалованье тоже, да все въ кабаки садить-съ, такого устройства человекъ-съ.

Графъ. Такъ онъ здѣсь? Онъ живъ? Я очень радъ... а дочь его... Дуняша?..

Петръ Ильичъ. При немъ-съ!

Графъ (*съ восторгомъ*). Жива? Здорова? Здѣсь? Гдѣ? За-мужемъ?

Петръ Ильичъ. Кто-жъ ее возьметъ! помилуйте!..

Графъ. Отчего же?

Петръ Ильичъ. Она какая-то, признаться, словно не въ умѣ...

Графъ (*всторону*). Убита горемъ, угнетена судьбою!

Петръ Ильичъ. Знать, ужъ это отъ поведенціи...

Графъ. Что такое?

Петръ Ильичъ. Сами знать изволите, офицеры испортили... дѣвкѣ голову вскружили... кто ее возьметъ-съ...

Графъ (*сильно*). Это ложь! Клевета!.. Она ангелъ чистый и безгрѣшный, слышите вы? Скажите это всѣмъ!

Петръ Ильичъ. Слушаю-съ! Буду всѣмъ говорить: ангелъ-молъ она.

Графъ (повелительно). Ни слова болѣе про нее! Я ее уважаю, уважайте и вы!

Петръ Ильичъ. Буду уважать-сь (всторону). Ужъ онъ не думаетъ ли вспомнить старое? Вотъ оно-что! видно съ супругой-то несовсѣмъ въ-ладахъ! да неужли Москва-то клиномъ сошлась, не нашелъ лучше Дуньки?..

Графъ. Вы говорите, они живутъ здѣсь (указываетъ на лѣвый флигель).

Петръ Ильичъ. Точно такъ-сь. — Живутъ по милости ея сіятельства.

Графъ. Я бы хотѣлъ ихъ видѣть...

Петръ Ильичъ. Прикажете позвать?

Графъ (быстро). Да, да, прошу васъ, позовите; только не говорите ей моего имени... ступайте, ступайте...

Петръ Ильичъ. Сю минуту. (Идя къ двери налево всторону). Вотъ онъ зачѣмъ пріѣхалъ-то! На душѣ легче стало. (Уходитъ).

Графъ. Я ее увижу! Увижу Дуняшу! Что сказать ей! чѣмъ возратить то, что у ней отняли? Чѣмъ оправдаться. Какъ она должна презирать меня! Я могъ повѣрить! слабый человекъ! Илуть? (увидя Петра Ильича). Это вы? Одни?

Петръ Ильичъ. Одинъ-сь. Никого нѣту-сь. Старикъ-то, чай, по-натурѣ въ питейный домъ зашелъ, а дочку-то, должно быть, дѣвки въ лѣсъ съ собой затащили. Вѣдь сего-дня семикъ, ваше сіятельство, вѣнки завиваютъ, въ воду бросаютъ, ворожатъ, и прочее такое...

Графъ. То-то я въ ближайшемъ отъ села лѣсу, проѣзжая, замѣтилъ пеструю, веселую толпу и не могъ себѣ дать отчета, что бы это такое было... А скоро они вернутся?

Петръ Ильичъ. Да ужъ пора бы-сь, солнце почитай совсѣмъ сѣло... Впрочемъ, не послать-ли мальчика сказать?

Графъ. Нѣтъ, ненадо, все равно, я её увижу...

Петръ Ильичъ. Какъ вашему сіятельству угодно...

Графъ. Прощайте!..

Петръ Ильичъ (кланяясь). Прощенія просимъ-сь. (Идя къ двери направо, всторону). И начто ему эту дуру? Мало-ли окромя ея есть! Сказалъ бы только, какъ тутъ и была!

Удружить наше дѣло! Такія услуги не забываются!.. А-то Дунька! Что нибудь не спроста... Да подслушаемъ, небось. (*Уходитъ*).

IV.

ГРАФЪ одинъ, потомъ КОЧЕРЫЖКИНЪ.

Графъ. Не знаю, отчего я боюсь встрѣчи съ Дуняшей. Увидѣть её послѣ двухъ лѣтъ разлуки, послѣ всего того, что было, ужасно! Два года и сколько перемиръ! Два года, сколько горя и ей и мнѣ! Увидѣть Дуняшу здѣсь, въ этомъ саду!.. Ужасный садъ! Здѣсь я, увѣренный въ измѣнѣ Дуняши, сдѣлавъ предложеніе княжнѣ. Эти самыя деревья были тогда такъ же веселы, цвѣты такъ же прекрасны, такъ же душисты. Природа улыбалась тогда; она не знала, что я добровольно сковывалъ свою свободу, накликалъ на себя горе и отчаяніе... Теперь, когда я возвращаюсь сюда убитый, уничтоженный, полный раскаянія, съ слезами въ голосъ, съ тоской въ груди, эта жестокая природа все такъ же весела, такъ же нарядна, такъ же прекрасна! Ужасный домъ! Въ одной изъ твоихъ комнатъ я получилъ записку Заливайскаго! Ты былъ свидѣтелемъ моего отчаянія, ты видѣлъ слѣдствія этого страданія, ты слышалъ этотъ страшный заговоръ, ты видѣлъ слезы Дуняши, и теперь, когда все кончено, все погибло, ты не измѣнился, ты все тотъ же мрачный, дикій, безмолвный, безотвѣтный... Ужасный домъ! Что это? Голосъ? голосъ знакомый... голосъ старика станціоннаго? Отецъ Дуняши!.. Страшно!.. Я весь дрожу...

(*Кочерыжкинъ входитъ справа около дома, пѣтый съ полуштофомъ въ рукѣ; на немъ сюртукъ — весь въ лохмотьяхъ*).

КОЧЕРЫЖКИНЪ (поётъ).

Кабы бабъ молока, молока,
 Была бъ баба молода, молода!
 Ай люли, люли, люли!
 Была бъ баба молода!..

(*Плещетъ*).

Графъ. Вотъ до чего довело его горе...

КОЧЕРЫЖКИНЪ.

Кабы бабъ киселя, киселя,
 Была бъ баба весела, весела!..
 Ай люли, люли, люли!
 Была бъ баба весела!..

(Пляшетъ).

Графъ. Сердце надрывается, а ему весело...

КОЧЕРЫЖКИНЪ.

Кабы бабъ сапоги, сапоги,
 Пошла бъ баба въ три ноги, въ три ноги!
 Ай люли, люли, люли!
 Пошла бъ баба въ три ноги!

(Пляшетъ).

Графъ. Подойти къ нему...

Кочерыжкинъ. Выпилъ маленько! Черезъ-край хватилъ... ничего... Русскому здорово... Нѣмцу смерть... выпьешь — весело становится...

Графъ. Здравствуй, старина...

Кочерыжкинъ. Ась? Кто меня зоветъ?..

Графъ. Неужели не узнаешь?..

Кочерыжкинъ. Я-то?.. Выпилъ маленько... въ глазахъ рябитъ (*протираетъ глаза*). Ну-ка я посмотрю... Кто ты таковъ? (*всматривается*).

Графъ. Узнаешь?

Кочерыжкинъ. Лице миѣ твое знакомо, а признать не могу...

Графъ. А помнишь станцію...

Кочерыжкинъ (*громко*). Станцію? Нѣтъ станціи! Тютю станція, улетѣла! Я нехорошъ сталъ, человекъ пьющій... другаго прислали... Ну, чтожъ, прислали!.. Тьфу!..

Графъ. Помнишь гусарскую стоянку, нашу молодежь?..

Кочерыжкинъ (*громко*). Гусары! помню. Гусары! Разбойники! Душегубцы! Одинъ былъ напущій!.. Чтобъ ему ни дна, ни покрышки... Тьфу!

Графъ. Онъ не виноватъ, онъ самъ былъ обмануть!..

Кочерыжкинъ. Сгубилъ мою дѣвку, сгубилъ мою Дуньку!..

Графъ. Онъ не хотѣлъ, не думалъ, его обманули...

Кочерыжкинъ. Да ты-то кто такой... заступаешься?

Графъ. Горностаевъ... помнишь?..

Кочерыжкинъ. Графа-тъ? Дуньку въ жены прочилъ? Вотъ вы кто такой... Хороша графиня!..

Графъ. Скажи мнѣ, гдѣ она, гдѣ Дуняша?

Кочерыжкинъ. Я почему знаю, — здѣсь гдѣ-нибудь таскается. Погубили дѣвку!

Графъ. Что она здорова-ли по-крайней-мѣрѣ?..

Кочерыжкинъ. Ничего... не узнаешь, забирается... одна была и ту отняли... станція была и ту отжилили... ничего!.. Дуньку опозорили!.. глаза бы не смотрѣли... горько стало, спился Кочерыжкинъ, викауда негодится!.. Тьфу!..

Графъ. И всему этому я причиной?..

Кочерыжкинъ. Нѣтъ, не ты! Тотъ — усастый-то..

Графъ. Заливайскій?..

Кочерыжкинъ. Онъ, разбойникъ, онъ сгубилъ Дуньку, онъ спомлъ Кочерыжкина.

Графъ. Онъ погубилъ и меня!..

Кочерыжкинъ. Чортъ съ нимъ! Выпью на сонъ граду-щій (*пьетъ изъ полуштофа*).

Графъ. Этотъ старикъ разрываетъ мою душу! Но Дуняша? Гдѣ Дуняша? Неужели она его оставляетъ безъ присмотра? Впрочемъ ктожъ его остановитъ?

Кочерыжкинъ. Ноги подгибаются... сядемъ лучше (*идетъ къ скамейкѣ нальво*).

(*Голосъ Дуняши за сценой*).

Попрыгунья пташечка

Пѣла у окна...

Графъ. Эта пѣсня, этотъ голосъ...

Голосъ.

Беззаботно дѣвица.

Во селѣ жила...

Кочерыжкинъ (*садясь*). Дунька горло деретъ!

Графъ. Она!.. Я ее увижу .. ее, мою Дуняшу!..

VIII.

Тѣ же и ДУНЯША.

(Она входитъ справа около дома. На ней старое платье, очень ветхое, платокъ на шею надѣтъ прямо, волосы, хотя давно не чесаны, но не распущены. Она та же, какая была. Идетъ тихо, не замѣчая никого, по сценѣ, къ скамьи направо. Въ оркестръ очень слабый аккомпаниментъ пьсни перваго акта).

Дуняша. (Тихо поетъ).

Перестала пташечка
Гроико распѣвать,
Стала радость — дѣвушка
Горе — горевать...

(Умолкаетъ и садится).

Графъ. Вотъ она, моя радость! Грустна, молчалива...

Дуняша. Мой вѣнокъ утонулъ, а другіе вѣнки поплыли. Знать умру я не дождавшись Сережи?..

Графъ. Она меня не видитъ? Боюсь подойти... боюсь поразить нечаянностью!..

(Петръ Ильичъ на балконъ справа во флигель).

Петръ Ильичъ. Посмотримъ, что изъ этого будетъ?..

Дуняша. Онъ повѣрилъ! Нѣтъ! Не можетъ статься! Сережа вернется...

Графъ. Кажется она произнесла мое имя? Она все еще любитъ меня! (Кочерыжкинъ спитъ на скамьи).

Дуняша. Они говорятъ: Дунька дура... нѣтъ, я не дура, я знаю, что онъ не повѣрилъ... какая я дура... я люблю Сережу...

Графъ. Опять... не могу терпѣть болѣе! (Бросается къ ней) Дуняша!..

Дуняша (вскакивая). Ай! Чужой!.. (бѣжитъ направо).

Графъ. Дуняша! Это я, твой Сережа, взглядишь въ меня... смотри... Это я...

Дуняша (подходя къ нему). Кто?

Графъ. Что съ тобой? Ты не узнаешь меня?..

Дуняша. Мой вѣнокъ потонулъ...

Графъ. Какой взглядъ!.. Дуняша, взгляни еще!..

Дуняша. Я умру, не дождавшись Сережи...

Графъ. Страшная мысль запала мнѣ въ голову...

Дуняша. Я люблю Сережу, а они говорятъ:— я дура...

Графъ. Возможно-ли!..

Дуняша. Говорятъ:— сумасшедшая...

Графъ. О! Боже мой! Боже мой!...

Дуняша. Не вѣрь имъ... нѣтъ... не вѣрь..

Графъ (*въ отчаяннѣйш. видѣ*). Она сошла съ-ума! Отъ любви ко мнѣ! Что они надѣлали. Боже мой!

Петръ Ильичъ. Ничего не понимаю.

Графъ. Что дѣлать!.. Все кончено! Двухлѣтнее сумасшествіе, хоть и тихое, неизлечимо. Попробую однакожь, можетъ быть, я успѣю... сердце надрывается... Дуняша..

Дуняша. А! Это ты! Ты не знаешь моего Сережи?..

Графъ. Что сказать ей?.. Знаю...

Дуняша. Онъ далеко... тамъ... да...

Графъ. Стану потакать... да... тамъ...

Дуняша. Счастливъ?... весель?..

Графъ. Весель... счастливъ... (*всторону*) очень!.. очень счастливъ!

Дуняша. Забылъ Дуняшу, женатъ... знаешь, ему сказали, что Дуняша любитъ другаго; Дуняшѣ сказали притворись, что любишь другаго. Дуняша притворилась, Сережа повѣрилъ...

Графъ. Да, тогда; но теперь...

Дуняша. Повѣрилъ... проклялъ!..

Графъ. Боже мой! Какъ я страдаю!..

Дуняша. И пошла Дуняша домой... осмѣяли... опозорили... прокляли... люди пальцами показывали... отворачивались...

Графъ. Бѣдная, несчастная!

Дуняша. Домой пришла... отецъ сказалъ:— Дунька въ графини мѣтила, а съ простымъ связалась!.. Прочь Дунька! Прибилъ больно... Убѣжала Дуняша... долго бѣгала, схватя голову... огонь такой въ ней... все кричатъ: дура... куда не придетъ — сумасшедшая. Сошла съ ума Дуняша! Нѣтъ, она не сумасшедшая, она только любила Сережу, а онъ повѣрилъ, а онъ проклялъ... она не дура, нѣтъ...

Графъ. Онъ не зналъ, что это была выдумка, заговоръ; за-то, когда убѣдился въ невинности Дуняши, когда постигъ ея самоотверженіе,—онъ бросилъ все и пріѣхалъ къ ней, выпросить ея прощеніе, котораго не стоить, снять съ нея проклятіе...

Дуняша. Сережа не вѣрить?

Графъ. Нѣтъ, онъ знаетъ, что Дуняша невинна, онъ здѣсь...

Дуняша. Здѣсь?..

Графъ. Близко.

Дуняша. Близко?

Графъ. Пріѣхалъ обнять свою Дуняшу и вдругъ ему говорятъ, что она сошла съ ума...

Дуняша. Неправда... я не сумасшедшая.

Графъ. Нѣтъ, Дуняша узнаетъ Сережу.

Дуняша. Сережу?.. *(Слышенъ стукъ подъѣхавшаго за домомъ экипажа)*.

Петръ Ильичъ. Никакъ кто-то пріѣхалъ? Али громъ?

Графъ. Она узнаетъ его; онъ не вѣрить; видишь, вотъ онъ передъ тобою...

Дуняша. Гдѣ? *(Смотритъ на него пристально)*.

Графъ. Кажется, она приходитъ въ себя...

Дуняша. Гдѣ же Сережа?

Графъ. Здѣсь! Смотри на меня, прямо... въ глаза... Вспомни, тогда я былъ гусарь...

Дуняша. Гусарь...

Графъ. Тамъ на станціи.

Дуняша. Станція...

Графъ. Помнишь твою любимую пѣсню: *(напѣваетъ)* попрыгунья пташечка...

Дуняша. Пѣла у окна.

IX.

Тѣ же и ЗАЛИВАЙСКІЙ, ГРАФИНЯ-МАТЬ, ГРАФИНЯ, показываются на терасѣ.

Заливайскій *(наверху)*. Вотъ онъ! Наконецъ мы нашли его.

Петръ Ильичъ. Что я вижу?

Графъ. Беззаботно дѣвица...
 Дуняша. Во селѣ жила...
 Заливайскій (сходя съ лѣстницы). Погодите, я сойду прежде...

Графъ. Эту пѣсню ты пѣла Сережѣ...

Дуняша. Да...

Графъ. Мнѣ...

Дуняша. Ты Сережа?.. (Заливайскій подходитъ).

Графъ. Да, я...

Дуняша (приходя въ себя). Постой... помню... эти волосы... эти глаза... этотъ голосъ...

Графъ. Ты узнаешь меня...

Дуняша. Ты не вѣришь... ты не проклинаешь Дуняши...

Графъ. Нѣтъ... нѣтъ...

Дуняша. Сережа!.. Бросается къ нему, но увидя Заливайскаго вскрикиваетъ). А!..

Графъ. (пораженный). Заливайскій! Здѣсь!

(Графиня-мать сходитъ съ одной стороны лѣстницы, графиня съ другой).

Дуняша (указывая на Заливайскаго). Вотъ онъ! Вотъ онъ... Пой Дуняша! Слышишь?.. Пой Дуняша!..

(Поетъ).

Перестала пташечка

Громко распѣвать:

Стала радость-дѣвушка

Горе горевать.

Вотъ онъ! Вотъ онъ!

Графъ. Она приходила въ себя, оживала... ты явился — и она опять помѣшалась, навсегда теперь... ты опять погубилъ ее!

Заливайскій (пораженный). Я?.. Опять я!..

Дуняша. Вотъ онъ! Пляши, Дуняша... (Въ оркестръ тихо плясовая, она пляшетъ).

Графъ. Я не могу свосить болѣе...

Дуняша. Вотъ онъ! Цалуй меня, Дуняша, при Сережѣ... и Дуняша цаловала его... Вотъ онъ!.. И Сережа повѣрилъ... и Сережа проклялъ Дуняшу... и Сережа уѣхалъ...

забылъ... и Дуняша сошла съ ума... Онъ женатъ... счастливъ .. (Увидя подходящую графиню)... А!... Женщина!.. Отняли Сережу... у дуры... Дуняша дура, Дуняша сумасшедшая, проклята... убита...

(Поетъ и пляшетъ и съ пляской приближается къ двери лѣваго флигеля, но увидя отца вскрикиваетъ).
Тятинька! (Музыка въ оркестръ затихаетъ) Уйду!
(Убѣгаетъ во флигель лѣваго, закрывъ лице руками).

Кочерыжкинъ (просыпаясь). Тьфу! Какой сонъ! Кабакъ сгорѣлъ!..

(Заливайскій дѣлаетъ машинально нѣсколько шаговъ лѣво отъ зрителей; графъ опустил голову. Дѣйствующіе отъ зрителей въ слѣдующемъ порядкѣ: слѣва Кочерыжкинъ на скамейку, близъ него Заливайскій, за нимъ дальше вглубинѣ графиня-мать, графъ посерединѣ; правѣй, тоже вглубинѣ, графиня, Петръ Ильичъ на балконтъ).

Петръ Ильичъ. Убей Богъ! ничего не понимаю.

Графъ (поднявъ голову и увидя графиню) Вы?... Здѣсь?..

Заливайскій (увидя старика). Отецъ Дуняши!..

Графиня (подходя къ нему). И вы и я бѣжали за прощеніемъ; вы за прощеніемъ Дуняши, я за вашимъ... Виновата, очень виновата! Я была обманута, какъ и вы; я не вѣрила въ возможность любви и ошиблась! Я не поняла души вашей; я слѣжала васъ несчастливымъ! Простите, я у ногъ вашихъ!..

Графъ (желая поднять ее). Графиня!

Графиня (не вставая). Въ ту минуту, когда я узнала тайну вашего прошедшаго, — этотъ разговоръ, когда я узнала, что Дуняша лишилась разсудка въ любви къ вамъ, въ эту минуту я почувствовала новое, незнакомое мнѣ чувство—и оно-то влекло меня сюда, и оно-то мнѣ дало надежду на ваше прощеніе...

Графиня-мать. Что говорить она?

Графъ. Встаньте... Между нами нѣтъ ничего общаго...

Графиня. Есть, Serge! Ты самъ меня поднимаешь, когда я тебѣ скажу одно только слово... Это слово—разгадка моихъ капризовъ, моей настойчивости: это слово—залогъ будущаго счастья, связь вѣчная, неразрывная между нами... Это слово:—мать...

Графъ. Что я слышу...

Графиня-мать. Возможно-ли?..

Графиня. Я мать твоего ребенка!..

Графъ. Адель!.. *(подымает ее)*.

Графиня. Сережа!

Графиня-мать *(подходя)*. Наконецъ-то, я буду бабушка!..

Графъ. И вы здѣсь, шатап?.. И вы слышали?..

Графиня-мать. Богъ, посылая горе, посылаетъ и радость!

Графъ. У меня будетъ ребенокъ! У меня будетъ дочь!..

Графиня. Которую я назову...

Графиня-мать. Дуняшей! *(Графъ обнимаетъ жену и мать)*.

Петръ Ильичъ. Чортъ меня возьми! если я хоть что-нибудь понимаю!

Кочерыжкинъ *(Заливайскому, который не переставалъ смотреть, вставая)*. Что смотришь-то?.. Давай пятиалтыновой на косушку...

Заливайскій. Это вмѣсто проклятій!.. Возьми, старикъ! *(Отдаетъ ему кошелекъ)*. Я твой вѣчный, неоплатный должникъ...

Кочерыжкинъ. Фу, ты! Денегъ сколько!.. Есть на что выпить... Такъ напьюсь, что, кажется, никогда больше не стану... напьюсь до смерти... *(Идетъ въ глубину)*.

Заливайскій. И тутъ не впопадъ!

Кочерыжкинъ. Пойду въ заведеніе. *(Уходитъ, около дома)*.

Графиня-мать *(подходя съ графомъ и графинею)*. Друзья мои! Я виновница несчастія Дуняши, я и обязана заботиться объ ея участи. Я возьму ее въ Москву, поручу опытному доктору; сдѣлаю все, что можно для ея спокойствія—в будущность ея еще можетъ быть прекрасна.

Графъ. Врядъ-ли! Ея сумашествіе неизлечимо. Она погублена навсегда...

Графиня-мать *(всторону)*. Знаю... но она не чувствуетъ своего положенія... тогда какъ я понимаю, я страдаю за нее, за себя... за всѣхъ... за всѣхъ *(идетъ неровными шагами къ скамьѣ нальво отъ зрителей; садится и закрываетъ*

лице руками. *Заливайскій на аванъ-сценъ, графъ направо съ графиней).*

Заливайскій (графу). Другъ мой, Сережа! Не проклинай Заливайскаго! Графиня, забудьте обо мнѣ... я злодѣй... не правда-ли? Забудьте злодѣя...

Графиня. Вы были увлечены... увлеченіе всегда опасно... Но я забываю все, я начинаю жить новою жизнью, я перерождаюсь! Отъ будущаго я ожидаю многого!

Заливайскій. А я ничего отъ него не ожидаю...

Графъ. Заливайскій! Знаешь ты, что такое чувство отца...

Заливайскій. Не знаю...

Графъ. Это чувство, въ моемъ положеніи, шагъ къ счастью!

Заливайскій. Поздравляю! и вѣрю въ возможность этого счастья, потому что не я тебя къ нему подвинулъ.

Петръ Ильичъ (на балконъ). Убей Богъ! ничего не понимаю. *(Исчезаетъ).*

Заливайскій. Однакожъ графиня устала съ дороги, ей нуженъ отдыхъ... Пойдемте въ комнаты...

Графъ (подавая руку жень). Пойдемъ, Заливайскій. *(Грустно склонивъ голову, идетъ съ женой къ правой лѣстницѣ терасы, Заливайскій къ лѣвой. Дуняша выходитъ изъ двери лѣваго флигеля. Графъ, увидя ее). Она! Опять она! Уйдемъ скорѣе... (Быстро идетъ къ лѣстницѣ, но входитъ по ней тихо... Заливайскій по другой сторонѣ тоже входитъ).*

Дуняша. Мой вѣнокъ потонулъ *(Идетъ тихо къ аванъ-сценѣ и замѣтивъ графиню-мать, сидѣвшую до того времени, а теперь подходящую).* Кто ты? *(Схватываетъ ее за руку и быстро подходит къ рампѣ).* Кто ты? *(Смотритъ долго).*

Графиня-мать. Дуняша! Милая Дуняша...

Дуняша. А!... Мать... мать Сережи... онъ повѣрилъ, онъ уѣхалъ... Онъ счастливъ, онъ женатъ... а я дура... сумашедшая... мой вѣнокъ потонулъ... потонулъ... *(Графиня-мать стоитъ безмолвно, пораженная, уничтоженная; Кочерыжкинъ входитъ справа).*

Кочерыжкинъ. Экое горе какое! Цаловальника въ городъ черти унесли; а жена баба глупая, заведеніе-то втюкъ на крюкъ... *(Идетъ пошатываясь къ двери флигеля. Графиня мать и Дуняша на аванъ-сценѣ. Заливайскій съ лѣ-*

вой стороны, облокотясь на уголъ лѣстницы, графъ съ правой, въ такомъ же положеніи; графиня на серединѣ терасы. Луна выплыла изъ-за тучи и ярко освѣщаетъ картину. Въ оркестръ музыка).

ГРАФИНЯ (говоритъ подъ музыку).

Все—что съ неба, ненапрасно!
На него ты уповай!

(Указывая на небо).

Небо ясное прекрасно!
Съ неба счастья ожидай.

ГРАФЪ (задумчиво любуясь луной).

Съ неба горести всѣ наши!

ЗАЛИВАЙСКІЙ. (Тожь смотря на небо).

Съ неба радость бытія...

ДУНЯША. (На аванъ-сценѣ).

Нѣтъ Сережи для Дуняши!

КОЧЕРЫЖКИНЪ (у двери почти).

Мало выпилъ нынче я!

(Дѣйствующіе остаются въ своихъ положеніяхъ, когда занавѣсъ скрываетъ ихъ отъ зрителей).

СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА

ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ.

Соч. Шарля Олиффа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Огіо.

I.

Отъездъ — Океанъ бушуетъ. — Цивилизати — Огромная бойня свиней. — Свиной газъ. — Двойной бракъ. — Луивилль. — Паденія Огіо. — Дурные четверть часа. — Пещера Маммута. — Разбойничій вертепъ. — Грозящая опасность. — Неудачный большой проектъ.

Пощадимъ читателя отъ подробнаго разсказа о множествѣ случаевъ, какъ бы ни были они потрясающи, сопровождавшихъ нашъ переѣздъ чрезъ неизмѣримый океанъ и притомъ въ суровое зимнее время. Не станемъ описывать страшнаго урагана, напавшаго на насъ трое сутокъ, до такой степени, что мы всѣ, моряки и пассажиры, приходили уже къ убѣжденію, что нашъ прекрасный корабль Европа, съ англійскою королевскою почтою, не достигнетъ мѣста своего назначенія, порта Гамсфакса,

на берегахъ Сѣверной Америки. Не будемъ вызывать изъ памяти нашей высокой и вмѣстѣ ужасной картины—поверхности разъяреннаго океана. Вообразите какую-то водяную долину, въ центрѣ которой нашъ злосчастный корабль, при неслыханныхъ успіяхъ, боролся съ несокрушимымъ почти могуществомъ волнъ, преграждающихъ ему путь; потомъ справа и слѣва, подъ потопнымъ дождемъ, длинную цѣпь горъ свинцоваго цвѣта, поднимаемыхъ, подъ вліяніемъ бури, какъ-бы землетрясеніемъ. Однимъ словомъ,—чтобы избѣгла Европа совершеннаго разрушенія—казалось невозможнымъ.

Положимъ, въ настоящую минуту мы и вы избѣжали столь грозныхъ бѣдъ; посѣтивъ Бостонъ (послѣ скажемъ нѣсколько словъ объ немъ), вы мысленно перешли Аллеганскія горы и сошлись опять съ нами въ очаровательномъ городѣ, получившемъ отъ Американцевъ имя прелестной царицы запада. Городъ этотъ, *Цинциннати*, расположенъ въ плодоносящемъ штатѣ Огіо, гдѣ воздѣлываютъ пшеницу, лучшую во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ.

Не напрасно данъ ему царственный титулъ; этотъ привилегированный городъ пользуется всѣми выгодами, какія только можетъ желать всякій другой городъ, достигшій высшей точки благополучія и сляшкомъ довольный удивленіемъ иностранцевъ. Торговля его цвѣтуща въ высшей степени, улицы и публичныя площади расположены въ прелестной симметріи, наполняющей даже излишнее изящество Филадельфіи; положеніе его восхитительно. Городъ походитъ на амфитеатръ, поднимаясь снизу вверхъ на обширномъ выпукломъ холмѣ, тянущемся въ рѣку Огіо, которая, кажется, обвиваетъ три четверти его окружности. Въ 1827 г. въ посѣщеніе Г-жи Троллопъ народонаселеніе Цинциннати содержало только 24000 душъ. Впослѣдствіи, меньше чѣмъ чрезъ двадцать пять лѣтъ, я нашелъ въ немъ 109 тысячъ жителей. Главный источникъ его богатства состоитъ почти въ баснословномъ количествѣ ежегодно вывозимаго свинаго мяса. Послѣ виргинскихъ окороковъ окорока Цинциннати занимаютъ первое мѣсто у публики американской. Здѣсь убиваютъ свиней по 300 т. штукъ въ годъ, а въ 1837 г. эта цифра возвысилась до 700, 900; бьютъ ихъ зимою и весною. Въ эту эпоху несчастные жители домовъ, смежныхъ съ бойнями, терпятъ величайшее мученіе отъ музы-

ки sui generis, безъ-умолку раздрающей ихъ уши, потому что жертвы падаютъ доживами за одинъ разъ. Такъ какъ слой жира, одѣвающій ихъ мясо, очень толстъ, то половина его употребляется на выдѣлку превосходнаго горючаго матеріала, который получаютъ простою прессовкою. Часть этого матеріала служитъ потомъ для перегонки свѣтильнаго газа; но послѣдняя операція, какъ можно предполагать, производится въ тѣсныхъ границахъ, по недостатку матеріала. Однако Цинциннати ярко освѣщается каждый вечеръ обыкновеннымъ образомъ.

Городъ имѣетъ обсерваторію, подъ управленіемъ ученаго Директора астрономѣ Мичеля, члена—корреспондента Парижской Академіи наукъ. Есть католическій соборъ, богато украшенный внутри. Я замѣтилъ тамъ образъ Св. Петра Мурилло, подаренный бывшему епископу лейоцеца, кардиналомъ Фешемъ, дядю Наполеона I-го. Надъ главнымъ алтаремъ находится рѣдкое произведеніе Вандика, присланное королемъ Людовикомъ Филиппомъ. Въ то время, какъ я былъ въ ближайшей католической церкви, тамъ двѣ брачныя четы принимали вмѣстѣ благословеніе, отъ одного пастора, у одного и того же алтаря; то были нѣмцы.

Въ Штатѣ, въ которомъ находится Цинциннати, я посѣтилъ *Клевландъ*, богатый портъ на озерѣ Ери, имѣющій 15,000 душъ; въ 1831 торговые обороты его простирались до десяти милліоновъ піастровъ. Также останавливался я нѣсколько времени въ городѣ Ери, въ другомъ портѣ, на озерѣ того же имени... Здѣсь былъ построенъ въ 1812 флотъ коммодора Пѣрри, заслужившій титуло побѣдоноснаго, оставшееся за нимъ въ исторіи, а семьдесятъ двѣй до окончательнаго снаряженія флота, лѣсъ, какъ матеріаль его, размахивалъ еще своими вѣтвями и шумѣлъ листьями въ глубинѣ ближайшихъ роцъ. Между небольшими городами Ери и важнымъ торговымъ Питсбургомъ ходятъ дилижансы stagecoaches. Питсбургъ выгодно расположенъ при слияніи рѣкъ Мононгагелы и Аллегана,—точно тамъ, гдѣ Огіо беретъ начало. Знаменитые желѣзные и литейные заводы устроены внѣ Питсбурга, въ видѣ полулуны, въ пяти миляхъ отъ центра города; народонаселеніе послѣдняго съ работниками на заводахъ простирается до 100 т. душъ.

Близъ Питсбурга ежегодно выдѣлывается огромное количество виски, нисколько неуступающаго ирландскому. Этотъ алкогольный напитокъ извѣстенъ на всемъ протяженіи Штатовъ подъ именемъ Mononghabela—whiskey, потому что его добываютъ перегоняя особенный родъ пшеницы, растущей на берегахъ рѣки Мононгагелы.

Цинциннати въ 500 миляхъ отъ Миссиссипи. Какъ ни спѣшилъ я отдать первый поклонъ, въ первый разъ «отцу водѣ,» идя внизъ по Огіо, но остановился въ Луивиллѣ, самомъ значительномъ городѣ Кентукки; въ немъ 47 т. жителей—и онъ также настоящею извѣстностью своею обязанъ вывозу свиней. Огіо едва успѣетъ омыть набережныя Луивилля, какъ уже запираетъ его и съ того и другаго конца цѣпь скалъ, остроконечныя вершины которыхъ походятъ на гигантскую пилу, пока поверхность воды стоитъ на своей обычной высотѣ. Оттого происходитъ рядъ пѣнящихся водопадовъ, которые тянутся во всю ширину рѣки. Никакое судно, ни большое, ни малое, ни паровое, ни парусное не смѣетъ пройти этими водопадами, хотя Огіо течетъ безъ всякаго возвышенія, въ обыкновенномъ уровнѣ. Вотъ почему въ скалистомъ берегу, съ неимоверными трудами, съ огромными издержками, выкопали очень глубокой каналъ, кривою линіею, въ три мили длины, отъ начала и конца пороговъ, на рѣкѣ Кентукки.

Неудивительно, каждый стимеръ, приходящій къ какому-либо входу въ каналъ, обязанъ платить 100 піастровъ (125 руб. сер.) за право плаванія; однако многіе капитаны, изъ экономіи, часто соглашаются лучше подвергнуть судно опасности крушенія, болѣе или менѣе вѣроятной, лишь-бы глаза не замѣтили водопада, при разлитіи рѣки, нежели заплатить за право проѣзда. Этого плана именно и держался капитанъ парохода, на которомъ я ѣхалъ, когда его судно находилось у набережной Луивилля.—Говоря строго, не было большой опасности, пока уровень рѣки стоялъ на 4-хъ или 5-ти метрахъ выше верхнихъ точекъ, сверхъ плотины. Только мы пустились въ этотъ проходъ, воды такъ быстро начали понижаться, что испуганные пассажиры по шипѣвію воды и появленію небольшихъ подводныхъ камней, высывающихся кругомъ, могли предугадывать минуту, въ которую мы очутимся на самомъ опасномъ пунктѣ потому, что самыя скалы едва покрыты были водою.

Такъ какъ въ это время, изъ предосторожности не выпускаютъ паровъ, то для выполненія самой трудной части работы требуется не больше четверти часа. Если нашъ стимеръ былъ въ этомъ отношеніи счастливѣе другаго парохода, погибшаго за мѣсяць съ людьми и багажемъ, то, безъ сомнѣнія, обязанъ онъ своей особенной легкости, которая, говорили мнѣ, была чрезвычайна.

Въ 180 миляхъ ниже водопадовъ, о которыхъ сказано выше, влѣвъ замѣчаютъ устье рѣки Зеленой, на берегу которой (но довольно далеко отъ Огіо) находится пещера *Маммотъ*, одна изъ натуральныхъ и самыхъ замѣчательныхъ чудесъ Соединенныхъ Штатовъ. Это огромное подземелье было уже изслѣдовано на пространствѣ 20 миль; но полагаютъ, что это только треть его настоящаго протяженія. Оно содержитъ 226 аллей и много рѣкъ, изъ которыхъ одна, *Эхо Рей-веръ*, довольно глубока и можетъ поддержать огромнѣйшій изъ стимеровъ запада. Кое-гдѣ видны остатки домиковъ, занимаемыхъ когда-то *слабогрудными*, которымъ совѣтовали жить въ пещерѣ Маммотъ и пользоваться постоянно тихою и неизмѣняющеюся ея температурою. Теперь американскіе врачи оставили совершенно этотъ методъ леченія. Больныхъ этого разряда посылаютъ нынѣ въ Гаванну, или въ С. Августинъ, во Флориду; мнѣ показалось такихъ больныхъ очень много въ Соединенныхъ Штатахъ и больше мужчинъ. Другая рѣка этой темной области, называемая *«Стиксъ»*, содержитъ, подобно озеру Дид-зеа (Мертвое море), огромную породу рыбъ, рѣдко попадающуюся и въ оставахъ въ музеяхъ. Эта рыба рѣшительно безъ глазъ; черепъ ея въ-особенности представляетъ гладкую поверхность. Одинъ бостонскій ученый, разсѣкавшій эту рыбу, не могъ найти у ней ни малѣйшихъ признаковъ оптическихъ нервъ. Въ этомъ подземельи собираютъ также довольно количество азото-кислаго кали. Путешествуя при свѣтѣ факеловъ, по лабиринтамъ этой знаменитой пещеры, безпрестанно слышишь свистъ отъ мириады населяющихъ ее летучихъ мышей. Судя по густотѣ этихъ пронзительныхъ криковъ, изъ которыхъ каждый приводитъ на память свистокъ паровоза, вѣроятно, въ этомъ удивительномъ племени млекопитающихъ многіе принадлежатъ къ огромному классу *vesperilio*, т. е. къ роду ужасныхъ вампировъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ плаванія, когда мы оставили берега Зеленой рѣки, мы очутились прямо противъ входа въ другую пещеру, называемую *вертепомъ разбойника*. Хотя она не такъ знаменита какъ маммотская, но какъ натуральный феноменъ заслуживаетъ вниманіе туриста. Извѣстность ея относится къ тому времени, когда, вначалѣ нашего столѣтія, жилъ въ ней одинъ страшный разбойникъ Масонъ, долгое время съ шайкою злодѣевъ. Этотъ дерзкій бандитъ, бичъ всей береговой страны обширнаго Огіо, захватывалъ по сигналу своихъ сторожевыхъ грузы съ товарами, проходившіе мимо пещеры; какъ лютый звѣрь, онъ бросался на несчастный экипажъ и всѣхъ предавалъ смерти. На нашемъ стимерѣ находился толмачъ, старый матросъ, который увѣрялъ, что въ молодости онъ самъ лично попалъ Масону, спокойно плывъ на своемъ легкомъ челнокѣ; но ужасъ его скоро прошелъ, потому что бандитъ потребовалъ отъ него только монеты во сколько-нибудь иностранныхъ червонцевъ, какіе онъ отнималъ у нѣкоторыхъ пугешественниковъ. Гнусная жизнь его была прекращена однимъ его товарищемъ, который убилъ его изъ карабина, въ надеждѣ получить 500 долларовъ (625 руб. сереб.), обѣщанныхъ губернаторомъ Миссиссипи первому, кто принесетъ его голову.

Далеко оставили мы за собою вертепъ разбойника и каждый горячо занимался мыслью о рѣкѣ Миссиссипи, въ которую скоро должно было войти, какъ вдругъ корабль затрясся отъ самаго сильнаго удара; въ то же время разсыпались въ-дребезги двѣ state-rooms каюты перваго класса и разлетѣлись четыре койки въ нихъ находившіяся. Къ счастью, никого не было тамъ въ эту минуту, хотя приключеніе произошло въ девять часовъ вечера. Никогда не забуду раздирающихъ криковъ женщинъ, собравшихся въ довольно-значительномъ числѣ въ залу, въ ожиданіи ужина. Всѣ пассажиры были убѣждены, что насъ прошибъ подводный пень (*chicot*) и слѣдовательно мы неминуемо потонемъ. Но другая причина была этого событія: на одномъ концѣ бакбарднаго колеса, именно, въ точкѣ прикрѣпленія отскочила одна спица; потомъ она начала бить въ бокъ несчастнаго стимера подобно *gies* или древней *balista*. — Еслибы вышибенная часть была пониже, хотя на четыре дециметра, мы бы погибли; къ счастью, она пришлась выше уровня рѣки. Безъ сомнѣнія, несчастье произошло отъ

чрезмѣрной быстроты, съ которою мы шли. Для самаго неопытнаго вояжера было очевидно, что машинистъ воспользовался паромъ до *plus ultra*: потому что чашки, тарелки и проч., поставленныя на столахъ для обѣда, участвовали въ общемъ потрясеніи чрезвычайно. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы бѣжали, какъ говорятъ, съ другимъ стимеромъ, когда произошелъ уларъ. Эта проклятая страсть къ скачкамъ, кажется, врожденна у капитановъ и машинистовъ пароходовъ запада.

На сѣверномъ пунктѣ встрѣчи Огіо съ Миссиссипи видѣнъ небольшой городъ, начатый но неконченный, представляющій, судя по обитаемой части, всѣ припадки преждевременнаго уничтоженія: это мѣстность *Каиро*,—имя, во Франціи звучавшее въ устахъ всѣхъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Тогда разбирали акціи на предпріятіе—построить городъ, величиною съ Новый Орлеанъ, въ великолѣпнѣйшемъ мѣстоположеніи, какое только можно избрать для коммерческаго города. Спекулянты такъ серьезно взялись за проэктъ, что и въ Америкѣ и въ Европѣ быстро собрали фонды, для начатія гигантскихъ предположенныхъ работъ и, помнится, сами Ротшильды живо имъ интересовались. Но едва выстроили основаніе новаго города, какъ замѣтили, что надобно его бросить, оставить какъ дитя, родившееся мертвымъ. Заранѣе и не подумали о грозной опасности этой гордой замышленной столицы, что она потонетъ при нечаянномъ разлитіи вдругъ и Огіо и Миссиссипи. Вода въ послѣдней рѣкѣ часто, въ нѣсколько часовъ, поднимается на 20 метровъ. Значитъ, вслѣдствіе такихъ періодическихъ и частыхъ наводненій, страна, описанная нами, чрезвычайно нездорова. Воды, испаряясь, осаждаютъ на всей поверхности почвы удушающую грязь, изъ которой выходятъ, особенно при солнцѣ, газы, наполненные смертоносными испареніями. Къ тому же, на границахъ слиянія Огіо съ Миссиссипи царствуютъ эпидемически злокачественныя лихорадки. Правда, эта плачевная страна вполне достойна орды кочующихъ буяновъ, которые съ *bowknife* (родъ большаго обоюдо-остраго кинжала), говорятъ, иногда среди своихъ перѣздовъ посѣщаютъ мирныхъ жителей. И вотъ теперь мѣсто, гдѣ льстились основать городъ, столь же богатый во всѣхъ отношеніяхъ, каковъ нѣкогда былъ соименный ему, въ Египтѣ, при устьѣ Нила. Было нѣкоторое сходство въ неудачномъ предпріятіи, затѣянномъ главными спекулянтами, въ дѣ-

ль Каиро, сходство съ системою, представленною Финансбюрою, такъ-сказать, Лау, во время регентства, вскорѣ послѣ смерти Людовика XIV. Последнее предпріятіе имѣло также отношеніе къ рѣкѣ Миссиссипи. Оно уже заслужило въ исторіи имя мыльнаго пузыря Миссиссипи.

Подъѣзжая къ Каиро невольно вспомнишь стихъ Горация: мучится родами гора;—родится смѣшной мышенокъ.

II.

Миссиссипи.

Первый взглядъ на Миссиссипи.—Страшные кивжалы.—Кладбище.—Натура рѣчныхъ пней.—Островъ убійць. С. Луи. Разнородное его населеніе.—Навоо.—Мормоны и Алкоранъ.—Икарія.—Утагъ и его сераль.—Волшебная смѣна временъ года.—Вѣчные лѣса.—Ночная встрѣча освѣщенныхъ стимеровъ.—Колоссальныя лягушки.

Выходя изъ Огіо въ обширную Миссиссипи, вы имѣете предъ глазами вдругъ три штата: справа Иллиное, слѣва Кентукки, — предъ собою Миссуру. Съ этой точки, если итти вверхъ по рѣкѣ, до города С. Луи 900 миль. Такой промежутокъ составляетъ самую живописную часть величественнаго «отца водъ». Въ другомъ мѣстѣ, нигдѣ вы не встрѣтите snags, или рѣчныхъ пней, въ такомъ множествѣ.

Каждый читатель изъ самыхъ первыхъ началъ геологій знаетъ, что вся береговая страна, не только Миссиссипи, но даже Миссури и другихъ притоковъ, состоитъ изъ глинистой земли, чрезвычайно мягкой. Такъ какъ ложе этихъ рѣкъ часто измѣняется, то воды, удаляясь отъ одного берега, отходятъ къ противоположному и быстро подмываютъ его.

Во многихъ мѣстахъ, у самыхъ береговъ, растутъ огромной толщины кедры и другія вѣковыя деревья. Бываетъ время, когда корни ихъ уже не имѣютъ достаточно земли для своей поддержки; тогда эти огромныя деревья падаютъ въ рѣку и плаваютъ по волѣ тока воды, нѣкоторое время, потомъ повируются законамъ тяжести, вьзнутъ своими широко-распустившимися корнями въ густомъ илѣ, покрывающемъ дно рѣкъ. При-

томъ, Миссиссиппи течетъ отъ сѣвера къ югу, съ быстротою пяти миль въ часъ, то каждый пенъ такихъ деревъ принимаетъ соответствующее направленіе. Спусти недѣлю, не больше, безпрестанный токъ воды обвастриваетъ вершину и превращаетъ ее въ какой-то гигантскій, ужасный кинжалъ.

Изъ сказаннаго выходитъ, что стимеры, идущіе вверхъ по рѣкѣ, въ которой находится *шико*, подвергаются безконечно больше опасностямъ, нежели тѣ, которые спускаются внизъ; хотя въ рѣдкихъ случаяхъ послѣдніе терпятъ время-отъ-времени *snags*—боковые удары. Пока Миссиссиппи стоитъ очень высоко, видно очень мало этихъ *шико*, высовывающихся изъ его уровня, а это дѣлаетъ ихъ вдвое опаснѣе для плавающихъ.

Нѣсколько часовъ ѣхали мы по Миссиссиппи, носомъ къ Санъ-Луи, какъ капитанъ, обратившись къ группѣ путешественниковъ, собравшейся на палубѣ, сказалъ громко: «ну, вотъ мы на кладбищѣ». Осматриваясь кругомъ, я замѣтилъ сотни *шико*, выставившихъ свои обнаженные острыя вершины, разбросанныя по всей поверхности; издали эта картина представляеть какъ-бы обитель покойниковъ; но плачевное прозваніе дано этой части Миссиссиппи потому, что здѣсь погибло множество пароходовъ, со всѣмъ экипажемъ. Теперь понятно, какъ бываютъ эти крушенія; у стимеровъ Миссиссиппи, собственно говоря, почти не бываетъ килъ; выпуклая ихъ нижняя поверхность никогда не обшивается мѣдью, для того, чтобы судно могло сохранить первоначальную легкость еловаго лѣса, входящаго, большею частію, въ его постройку и чтобы влекло какъ можно меньше воды. Если *snags* коснется почти плоскаго килъ, стимеръ тотчасъ получаетъ пробойну; въ нее врывается вода съ такою быстротою, что судно идетъ ко дну часто прежде, — нежели штурманъ успѣетъ повернуть его къ тому или другому берегу.

Конечно, по множеству несчастій, въ поясъ рѣки, между Каиро и Санъ-Луи, многія мѣста на правомъ и на лѣвомъ берегу извѣстны подъ зловѣщими именами, такъ напр. странное названіе «чайнаго стола демонскаго» дано одной скаль, замѣчательной формы, по возвышенію надъ рѣкою Миссури на 150 футовъ. Это столбъ незначительной толщины до трехъ четвертей своей высоты; погомъ онъ чудовищно расширяется и, оканчиваясь плоскостью, такъ точно представляеть фигуру

круглаго стола объ одной ножкѣ, какъ-будто былъ высѣченъ человѣческими руками.

На противоположномъ берегу, въ Илиное, 10 миль сѣвернѣе, видна другая скалистая масса, стоящая обративъ на себя вниманіе путешественниковъ, именно «булочная печь сатаны». Дѣйствительно, эта любопытная скала, высотой въ 100 футовъ, чулно имѣетъ видъ хлѣбной печи; въ центрѣ ея со стороны обращенной къ рѣкѣ, природа произвела странное отверстіе—входъ въ пещеру, которой фантастическое названіе гармонируетъ съ самою скалою. Въ полумили внизъ отъ Санъ-Луи мы обогнули островъ унылой и пустой, названіе котораго, кажется, не доставитъ матеріи пріятнымъ размышленіямъ. Это «кровавый островъ» въ родѣ булонскаго лѣса, для дуелистовъ окружныхъ странъ. Законы штата Миссури иногда строго преслѣдуютъ варварское обыкновение дуелей; то, желающіе укрыться отъ судебнаго преслѣдованія, сходятся на этомъ островѣ, какъ на нейтральной землѣ, по причинѣ положенія его на срединѣ рѣки.

Во время пріѣзда моего въ Санъ-Луи дѣятельно занимались поправкою разваливъ цѣлаго квартала города, недавно сгорѣвшаго. Въ отраду отъ нездоровости климата, холеры, почти періодически посѣщающей окрестности, каждое лѣто. Санъ-Луи одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сообразить: этотъ городъ одинъ поглощаетъ двѣ трети торговли всей обширной республики. Теперешнее народонаселеніе, 56 тысячъ душъ, дѣлится на три различныя категоріи: американцевъ, французовъ и индѣйцевъ. Американцевъ теперь больше; индѣйцы постепенно исчезаютъ, но мѣсто ихъ, по всему вѣроятію, съ избыткомъ наполнится нѣмецкою колоніей, которой образчики уже имѣются. Въ Санъ-Луи именно, вояжеры, отправляющіеся въ Калифорнію, запасаются въ послѣдній разъ, если хотять ѣхать въ эту далекую страну по Over-Land, т. е. отваживаясь на трудности, почти неодолимыя, ожидающія смѣльчаковъ у скалистыхъ горъ и у кровожадныхъ людей.

Санъ-Луи есть главная складочная богатой компаніи Гудзонава залива, для дорогихъ мѣховъ, собираемыхъ на обширномъ театрѣ охоты. Огромное количество буйволовыхъ шкуръ, такого драгоцѣннаго пособія зимою, замѣны плашей на обширномъ пространствѣ штатовъ, все идетъ къ потребителямъ чрезъ

Санъ-Луи. Однако онъ не столица штата Миссури, въ которомъ находится. Такой важный титулъ предоставленъ рождающемуся городу Джефферсъ-сити, по его положенію, совершенно центральному. У іезуитовъ есть въ Санъ-Луи домъ, чрезвычайно богатый, онъ почти равняется дому, основанному, въсколко лѣтъ назадъ, дамами Сасге-Соеиг.

Изъ Санъ-Луи, подвигаясь въсколко вверху по Миссиссипи, ежедневно бываютъ случаи посѣтить небольшой городокъ въ Илиное, *Новоо*, гдѣ секта Мормоновъ давно уже основала свою главную квартиру. — Тамъ видны еще остатки ихъ величественнаго храма; — прекрасное зданіе, довольно помѣстительное для 3000 человекъ; но оно было превращено въ пепель, по злому умыслу, 9-го Октября 1848 года; оно стоило полмилліона долларовъ (560 т. руб. сер.). За четыре года до пожара, основатель мормонизма Джоэ Смитъ былъ убитъ чернью въ темницѣ Новоо. Джоэ (Іосифъ) Смитъ — уроженецъ штата Вермона; въ слишкомъ еще молодыхъ лѣтахъ ему пришло въ голову подражать Магомету и учредить новую секту. Безъ особеннаго труда онъ увѣрилъ своихъ приверженцевъ, что получилъ отъ неба алкоранъ; ему достаточно было для этого представить имъ большую книгу въ 4°, на Греческомъ языкѣ. Конечно, онъ напередъ увѣрился, что изъ множества послѣдователей, ни одинъ не понимаетъ ни слова, даже не знаетъ азбуки этого языка.

Когда Мормоны перемѣнили свое мѣстопробываніе, богатѣйшій городъ слѣдѣлся владѣніемъ и жилищемъ начальниковъ великаго магистра икарійцевъ, Кабе. Сами же злополучные икарійцы выселились на дикіе берега рѣки Язоо и Арканзаса, еще далѣе къ югу, чѣмъ Новоо. Прибывъ въ эту пустынную страну на вербованные обманомъ, тогда какъ во Франціи пользовались они всѣми удобствами, говоря сравнительно, они могли, при видѣ своего новаго жилища, сказать съ Мильтономъ: (потерянный рай) «Привѣтствуемъ васъ, ужасныя мѣста!» Жалкіе слѣпцы надѣялись здѣсь видѣть рай земной, о мнимомъ существованіи котораго написалъ ихъ корифей три огромные тома въ 12°. Что касается Мормоновъ, всѣ эти сектанты, въ числѣ 11 т., живутъ на землѣ, называемой *Утахъ*, лежащей на многія сотни лѣ къ западу отъ Миссиссипи, почти у соленого озера (*Salt-Lake*). Новый штатъ, составленный ими недавно,

управляется губернаторомъ, примѣрнымъ и ревностнымъ послѣдователемъ одного изъ главныхъ пунктовъ ученія Мормоновъ, именно, утверждающаго неограниченное многоженство. У этого достойнаго президента, какъ говорили намъ, двадцать четыре жены и увѣряютъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ прогуливался въ коляскѣ, съ шестнадцатью супругами, изъ которыхъ четырнадцать кормили грудью дѣтей своихъ. Пакелботъ, прибывшій въ Ливерпуль послѣ моего возвращенія, привезъ извѣстіе, надѣлавшее шума и въ Ньюйоркѣ, что Мормоны возмутились противъ американскихъ властей въ своей новой колоніи Утахъ, которая, какъ извѣстно, недавно включена, какъ штатъ, въ общій составъ Соединенныхъ Штатовъ. Другая добродѣтель этихъ сектантовъ есть униженіе себя, но, какъ бы сказать, униженіе навыворотъ; потому что они и всѣ и каждый признаютъ себя святыми.

Въ томъ же штатѣ (Иллиное), гдѣ лежитъ Новоо, есть другой городокъ, стоющій упомянуть объ немъ, *Галена*, славный свинцовыми копями, отъ которыхъ получилъ свое имя Галена, какъ извѣстно, техническій терминъ въ Химіи, означающій сѣрнистый свинецъ. Этому топографическому положенію Галены обязанъ (большею частію) теперешней знаменитости своей городокъ Чикаго, на озерѣ Мичиганѣ.

Какъ скоро минуешь устье Огіо, спускаясь внизъ по отцу водъ, къ Новому Орлеану, почти нигдѣ не видишь береговъ, ни вправо, ни влѣво, исключая окрестностей Мемфиса, Виксбурна и Натчеда, а сѣвернѣе — Трехъ мысовъ, названныхъ *Clicasau-Blufs*—оба берега великой рѣки почти въ-уровень съ водою. Безполезно прибавлять, что нигдѣ незамѣтно этихъ достойныхъ уваженія развалинъ, сообщающихъ въ Европѣ столько интереса странамъ, которыми проѣзжаетъ путешественникъ. Потому многіе туристы обманываются, въ первый разъ глядя на эти берега — и называютъ ихъ дрянными и однообразными. Можетъ быть, имъ не приходитъ въ голову, что это самое отсутствіе разнообразныхъ, прелестныхъ пейзажей, гораздо очевиднѣе выставляетъ истинную прелесть Миссиссипи, его дикое повелительное величіе. Впрочемъ, встрѣчается весьма много разнообразныхъ развлеченій даже и для этихъ неговорчивыхъ людей, недоступныхъ душевно для высокихъ чувствованій, какія способна внушить картина безграничной рѣки.

По-мѣрѣ того, какъ стимеръ разсѣкаетъ волны, вамъ кажется, благодаря извилистому теченію Миссиссипи, что вы постоянно вѣзжаете въ новое широкое и глубокое озеро, окаймляющее тамъ-и-тутъ зеленѣющій островъ. Отъ Каиро и до Новаго Орлеана такихъ острововъ насчитываютъ 122; ихъ называютъ просто по номерамъ, считая островъ № 1-го на сѣверѣ. Такая номерація очень полезна, особенно при извѣщеніи о какомъ-нибудь несчастіи, случившемся на одной части рѣки; часто вы читаете въ газетахъ «такой-то стимеръ взорвало у острова № 24 или 67-го.»

Когда мы поравнялись съ островомъ № 94, то были свидетелями одного приключенія, каковыя вѣроятно повторяются часто, судя по мелкому грунту Миссиссипи: прекрасной наружности быкъ боролся противу быстрого тока рѣки, въ которую онъ, какъ очевидно было, недавно упалъ. Онъ пасся на самомъ берегу, отвѣсно поднятомъ въ 6 метровъ, и, по догадкамъ нашего капитана, земля вдругъ осыпалась подъ его ногами. Черезъ пять минутъ, какъ мы замѣтили его, онъ долженъ былъ утонуть. Отчего же, вы спросите, можетъ быть, люди вашего стимера не потрудились вытащить изъ воды это благородное животное?—Не одинъ американскій капитанъ допустилъ бы потонуть и двадцати быкамъ, кромѣ особенной пользы, лишь бы не остановить ни на минуту машины съ высокимъ давленіемъ; даже не сталъ бы тратить времени на натуральное человѣколюбіе, если бы увидѣлъ и подобнаго себѣ въ борьбѣ со смертію.

Есть множество и другихъ острововъ на высотѣ Миссиссипи, повыше Каиро, но каждый съ особеннымъ названіемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ названій довольно странны, напр. на пути въ Санъ-Луи у кладбища я замѣтилъ островъ «удавленія собакъ», островъ «Вельзевула» и проч. Другое развлеченіе для туриста, утомленнаго явною однообразностью Миссиссипи, заключается въ необходимости стимера останавливаться, разъ по крайней-мѣрѣ въ сутки, для запаса горючимъ матеріаломъ у какого-нибудь одинокаго *wighwam*. Пока производится операція, путешественники, если угодно, могутъ полюбоваться на длинную кайму лѣса, истинно вѣковаго, въ которомъ порхаютъ по сучьямъ облака разноцвѣтныхъ птицъ, похожихъ на одушевленные частички радуги.

По-временамъ, взгляды на верхушку желѣзной трубы несчаст-

наго потонувшего стимера, взорванного вчера, или третьего дня, вамъ доставляетъ множество серьезныхъ и даже плачевныхъ размышленій, но по-крайней-мѣрѣ-они служатъ дѣйствительно развлеченіями тому, кто слишкомъ страдаетъ сплиномъ и скукою.

А что еще больше сообщить потрясеніе людямъ пристрастнымъ къ нему, какъ не чувствительныя измѣненія климата, замѣчаемыя по мѣрѣ приближенія къ каждой новой широтѣ? Когда я оставлялъ Санъ-Луи, стоградусный термометръ показывалъ 3° ниже 0; не было никакой растительности, не было зелени, ни одного листочка; окружныя поля лежали подъ толстымъ сѣновымъ саваномъ; однимъ словомъ, тамъ зима вполне царствовала. Но спускаясь по рѣкѣ, едва мы достигли 38° широты, натура вездѣ намъ улыбалась, съ возрастающею граціею для глазъ. Сначала появлялась изумрудная весенняя зелень, собственно, потомъ роскошная июньская растительность какъ въ Турени и всѣ эти атмосферныя и зеленые переходы совершались въ короткое время одной недели, сколько длилось путешествіе отъ Санъ-Луи къ Новому Орлеану.

Ночной мракъ съ своей стороны привелъ множество случаевъ къ развлеченію туриста—наблюдателя. Самая обыкновенная встрѣча большого парохода, а часто и двухъ, которые, поднимаясь по рѣкѣ, опережаютъ другъ-друга. Что за волшебство—эти ослѣпительные огненные дворцы среди глубокой ночи! Съ одного до другаго конца у нихъ тянется одна блестящая зала и сверху ея другой этажъ для разнаго употребленія. Двойной рядъ оконъ, на каждой сторонѣ корабля, представляетъ взорамъ чудную иллюминацію, потому, что, лишь только упадетъ ночная тѣнь, всѣ внутреннія комнаты освѣщаются до утреннихъ часовъ. Этотъ блескъ увеличивается еще огнемъ двухъ боковыхъ очаговъ, дверь къ которымъ, всегда отворенная, параллельна боку судна; потомъ онъ, горя синеватыми снопами углекислаго газа, бросается въ двѣ трубы, очень часто поддерживаемыя въ раскаленномъ состояніи. Прибавьте къ этому подергивающій шумъ машины съ высокимъ давленіемъ и вамъ покажется, будто какой-нибудь огромный левиафанъ ближеть къ вамъ, съ трепетными своими вздохами.

Ночью, оглябая нѣкоторыя части нижняго Миссиссипи, человекъ, стоящій на палубѣ думаетъ, что слышитъ на берегу

быстрые перекаты длиннаго паровоза. Такъ и я думалъ, проѣзжая по берегу Теннессе; какъ дежурный офицеръ, угадывая мысль мою, объяснилъ мнѣ, что эти звуки происходятъ отъ кваканья особеннаго рода лягушекъ, огромнаго размѣра, населяющихъ мириадами береговья болота большихъ рѣкъ запада. Это было, помнится мнѣ, по-сосѣдству съ тою странною лягушекъ, которую послѣ показывали намъ на слѣдующее утро, какъ вертепъ славнаго Пирата Бандита-Мурреля, повѣшеннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, судьба котораго похожа на указанную нами судьбу Масона на Огіо.

Не станемъ говорить о другомъ родѣ ощущенія болѣе физическаго, нежели нравственнаго, каковое мы дважды испытали во время плаванія внизъ по Миссиссиппи! Напр. васъ вдругъ пробуждаетъ, среди почи, внезапный, потрясающій шумъ, съ необыкновеннымъ металлическимъ звономъ, въ которомъ преобладаетъ бряцанье цѣпей: оно извѣщаетъ васъ, что машина съ высокимъ давленіемъ рѣшительно стала. Что такое случилось? Дежурный верѣдко объясняетъ вамъ, что стимеръ ударился сильно носомъ объ выпавшую часть берега, потому что штурманъ не можеть ясно различить ложъ рѣки въ такомъ чрезвычайно густомъ туманѣ; сотрясеніе цѣпей въ этомъ случаѣ совершенно походить на то, какое происходитъ отъ столкновенія или удара о другой стимеръ; но эта послѣдняя причина вообще приводитъ съ собою большія несчастія по-крайней-мѣрѣ для одного парохода.

III.

Миссиссиппи.

Продолженіе.

Рѣка Арканзасъ.—Испанскій мохъ.—Сахарный тростникъ. Хлопчатый кленъ. Малопитательные напитки.—Упрямые пассажиры.—Причины взрывовъ Машины съ высокимъ давленіемъ.—Прогулка на пороховой заводъ. Пантеры. Медвѣди. Крокодилы. Шелковые пауки.

Уже мы переплывали рѣку Арканзасъ, вливающуюся въ Миссиссиппи, проѣзжавши 2000 миль, какъ замѣтили первые слѣды того, что называютъ испанскимъ мохомъ.

Это—тайнобрачное растеніе, висящее прелестными фестонами на вѣтвяхъ древнихъ кипарисовъ, украшающихъ весь берегъ, на далекое протяженіе къ югу. Жители мѣсть, обильныхъ этимъ чуднымъ мохомъ, употребляютъ его различно: сначала совершенно сушатъ, потомъ, самымъ легкимъ процессомъ освобождаютъ отъ товчайшей кожицы, составляющей его кору. Тогда онъ удивительно походитъ на обыкновенный волосъ; я видѣлъ, луизианскія хозяйки набивали такимъ очищеннымъ мохомъ матрацы и сбывали ихъ довольно много подтою же широтою. Близъ устья Арканзаса встрѣчаются первыя плантаціи сахарнаго тростника, рядомъ съ небрежною обработкою того дерева, которое такъ богато сахаромъ, именно—сахарнаго клена.

Сахарный тростникъ разводится въ огромномъ размѣрѣ, главнымъ образомъ въ Луизианѣ. Назадъ тому десять лѣтъ, ежегодно выдѣлывали тамъ сахару 60 милліоновъ килограммовъ (3,065,630 пуд.) Теперь та же мѣстность производитъ 6,310,055 пудовъ. Благодаря глубокому слою черноватой, жирной земли, отложенной древними періодическими наводненіями Миссиссиппи на своихъ берегахъ, тростникъ растетъ тамъ безъ удобренія. Жалко, впрочемъ, что сахарный клень не привлекаетъ уже на себя вниманія плантаторовъ, живущихъ на берегахъ этой рѣки, обыкновенно пользующихся климатомъ, способнымъ къ его воздѣланію. Дѣйствительно, клень содержитъ отъ 25 до 30% на 100 сахару въ своемъ соку, тогда какъ тростникъ даетъ его отъ 16 до 18%. Если бы пальмы разведены были здѣсь изобильно, сахару добывалось еще больше; сокъ пальмовый даетъ 50% на 100 частей сахару, способнаго кристаллизоваться.

Для европейца, путешествующаго по Миссиссиппи, еще болѣе интересенъ тотъ моментъ, когда взору его представится хлопчатникъ, *gossypium*; этимъ удовольствіемъ наслаждались мы на высотѣ мѣстечка Колумбія въ штатѣ Арканзасѣ. По-мѣрѣ, какъ судно идетъ внизъ, на обоихъ берегахъ чаще и чаще появляются прекрасныя хлопчатныя плантаціи, изъ которыхъ каждая окружена лиллипутскими хижинами негровъ, широко расположенными. Въ Америкѣ теперь не обрабатываютъ той красной хлопчатой бумаги, изъ которой китайцы и другіе азіатскіе народы готовятъ навку на панталоны. Новый Свѣтъ слу-

жить для всей Европы большою таможенною хлопчатой бумаги, называемой *наси*, хотя это скромное деревцо переселено изъ Индія въ Соединенные Штаты только въ 1787 г. Чтобы судить объ удивительной производимости хлопчатой бумаги, вспомнимъ только, что количество бумаги, свозимой каждый годъ изъ американской республики въ Европу, простирается среднимъ числомъ не менѣе до 256 милліоновъ пудовъ.

Изъ этой огромной пропорціи одна Англія беретъ треть для своихъ фабрикъ. Хотя съ неудовольствіемъ она пользуется заморскою хлопчатою бумагою, однако и американцы также неохотно отвѣчаютъ на запросы Великобританіи, по причинѣ надобности удовлетворять и свои фабрики. Конечно, англичане могутъ слѣлать лучшей оборотъ, при новооткрытыхъ сокровищахъ въ колоніяхъ Австраліи, въ тонкомъ льнѣ и другихъ матеріяхъ, которыми мануфактуры заламаншскія замѣняютъ хлопчатку во многихъ случаяхъ.

Если иностранецъ садится въ первый разъ за столъ на стимерѣ Миссиссипи, его поражаетъ желтый цвѣтъ воды въ графинахъ. Точно, вода здѣсь кофейнаго, молочнаго, или другаго цвѣта. Число пассажировъ всегда очень значительно; посему очищать цвѣтную воду Миссиссипи отъ постороннихъ матерій и большею частію отъ охряной глины, была бы операція длинная и трудная; однако питье рѣдко беспокоитъ, лишь бы желудокъ предварительно находился въ хорошемъ состояніи. Въ этомъ случаѣ, когда, какъ говорятъ «въ воздухѣ бываетъ холера», прежде питья хорошо подлить въ воду нѣсколько капель водки, если прежде вскипятили воду для чаю и кофе и проч.

Всеобщее употребленіе машинъ съ высокимъ давленіемъ на Миссиссипи и притокахъ ея надобно приписать тинистому свойству воды. Еслибы употребляли аппараты съ низкимъ давленіемъ, которыхъ механизмъ гораздо сложнѣе, то нѣкоторыя трубы и отверстія тотчасъ затянуло бы пескомъ и тонкою землею, смѣшанною съ водою, которая отягчаетъ ее. Отсюда слѣдуетъ, что машина съ низкимъ давленіемъ, не только заняла бы внутри стимера слишкомъ много мѣста, или значительная тяжесть ея была бы несоразмѣрна съ легкостью, условіемъ *sine qua non*, постройки судовъ, назначаемыхъ для «отца водъ»; наконецъ третья причина заставляеть американ-

цевъ употребляютъ почти исключительно машины, высокаго давленія, для внутренняго плаванія, такъ что онѣ стоятъ гораздо меньше другихъ; въ этомъ соображаются, конечно, съ однимъ самымъ любимымъ правиломъ: «ходи скоро, дѣлай много и покупай дешево.»

Ужасные взрывы, болѣе частые, въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, нежели въ другихъ странахъ свѣта, не всегда происходятъ, какъ бы вы предположили а ргіогі отъ известковыхъ или другихъ накипей, образующихся такъ легко на днѣ пароваго котла. Часто несчастные случаи обязаны началомъ своимъ легкомыслію самихъ пассажировъ. Если на томъ или другомъ берегу рѣки глазъ встрѣчаетъ любопытный предметъ; если стимеръ остановится на минуту у берега, толпа пассажировъ тотчасъ побѣжитъ на эту сторону и нарушаетъ, такимъ образомъ, равновѣсіе стимера. Капитанъ всѣми легкими своими кричитъ: перейдите, господа, на ту сторону, если вамъ угодно, но они упорно глухи къ его крику. И вотъ, пока они наклоняютъ судно и насыщаютъ свои взоры, часть котла, самая поднятая, не получая воды, накаливается выше мѣры и нерѣдко до-красна отъ внѣшняго жара. Какъ скоро судно приходитъ въ свое положеніе, вода въ котлѣ становится въ-уровень и по-необходимости входитъ въ прикосновеніе съ раскалившеюся частию металла. Тогда вырывается съ силою большая масса пара, котель слишкомъ сильно напрягается и тотчасъ происходитъ ужасный разрывъ въ мѣдныхъ стѣнкахъ. Признаемся, что и машинисты иногда заслуживаютъ сильное порицаніе за то, что въ такихъ печальныхъ событіяхъ, по нерадѣнію, не держатъ въ котлѣ предписаннаго количества воды.

Машинисты еще болѣе достойны порицанія за страсть, во время пути, обгонять другіе встрѣчные стимеры. Нерѣдко кладутъ тогда они въ печь, кромѣ множества антрацита (обыкновеннаго угля) известное количество свиного сала и другихъ веществъ напитаанныхъ терпентиннымъ масломъ, съ цѣлію произвести сильнѣйшій огонь и жаръ.

Многіе кочегары неспособны къ своей важной должности. Это невѣжество играетъ важную роль въ несчастіяхъ, бывающихъ на Миссиссипи и ея притокахъ. Еслибы владѣльцы стимера постановили за правило, подвергать строгому экзамену желающихъ управлять судномъ, то число бѣдствій уменьшилось

бы значительно. Съ 1 по 15 апрѣля 1852 г. погибло 393 чел. вслѣдствіе взрывовъ на Огіо и Миссиссипи.

Съ іюля 1850 до іюня 1851 г. погибло или брошено за негодностію, внутри Соединенныхъ Штатовъ 115 стимеровъ, по слѣдующимъ обстоятельствамъ : 35 отъ бурь (на озерахъ), 30 отъ огня, 18 отъ столкновеній, 32 отъ снѣговъ. Эти случаи лишили жизни 995 человекъ, изъ которыхъ 367 погибли на озерахъ и 628 на рѣкахъ. Но для американца, особенно погруженнаго въ коммерческіе расчеты, потеря 995 долларовъ произвела бы больше огорченія.

Рѣшительно, кто теперь путешествуетъ по рѣкамъ и берегамъ запада Соединенныхъ Штатовъ, если только хочетъ сообразить предстоящія опасности, справедливо можетъ допустить, что онъ квартируетъ въ первомъ этажѣ такого дома, подвалъ котораго занятъ обширною пороховою кладовою, съ огнемъ, издающимъ вблизи искры.

Если слѣданные расчеты вѣрны, то число стимеровъ, погибающихъ ежегодно на великой западной рѣкѣ (Миссиссипи) можно раздѣлить на три равныя части. Именно : треть ихъ тонетъ отъ снаговъ или шико, другая отъ взрывовъ пароваго котла и наконецъ третья отъ различныхъ случаевъ. Послѣдній родъ несчастій довольно нерѣдокъ, какъ видно и это понятно, потому-что въ постройку этихъ пироскафовъ входитъ лѣсъ только еловый и другихъ легкихъ деревьевъ. Такія деревянныя постройки такъ сухи и съ тѣмъ вмѣстѣ такъ удобосгораемы, что малѣйшая искра дѣйствуетъ на нихъ какъ греческій огонь, отъ кормы до кормы, прежде нежели экипажъ соберется съ духомъ, чтобы бороться съ огнемъ. Такіе ужасные пожары начинаются иногда въ большой замѣ первой каюты, гдѣ, по глупой привычкѣ, огромную чугунную печь держатъ постоянно раскаленною, развѣ, кромѣ середины лѣта.

Городъ Начецъ, на который Шатобрианъ набросилъ магическій покровъ своей поэзіи, лежитъ въ штатѣ Миссиссипи въ 280 миляхъ къ сѣверу отъ Новаго Орлеана. Въ одной части его, называемой Начецъ Нагорный, видны развалины форта Розалия, упоминаемые знаменитымъ авторомъ Аталы. Нижняя часть города, называемая Начецъ подъ холмомъ, была много лѣтъ вертепомъ злодѣевъ, сходящихся сюда, кажется, съ самыхъ противоположныхъ концовъ свѣта. Однако замѣтилъ, что съ того времени, какъ лѣтъ десять назадъ, разразился

ужасный ураганъ падъ Начедемъ и его окрестностями, испытанными, менѣе нежели въ четверть часа, самыя губительныя опустошенія, разбой, грабительство и даже пьянство постоянно уменьшились, или потому, что тромбъ казался злодѣямъ божественнымъ гнѣвомъ, или опасеніе новыхъ несчастій, совершенно матеріальныхъ, дало имъ мысль перенести въ другое мѣсто свое жилище. Какой-нибудь ученикъ Пифагора подумалъ бы, что по системѣ переселенія душъ они перешли въ тѣла пантеръ и червыхъ медвѣдей, опустошающихъ нѣкоторые сосѣдніе лѣса; или, что молодые крокодилы, которые въ нашихъ глазахъ грѣлись на солнцѣ, на толстыхъ пняхъ срубленныхъ деревъ, разбѣянныхъ по всей странѣ, и также огромныя шелковые пауки равно многочисленныя, суть только превращенія Али-Баба, бѣжавшихъ изъ Начеца.

Кромѣ Начеца, мѣста внизъ по Миссиссипи, отъ Санъ-Луи до Новаго Орлеана, особенно важны слѣдующія: *Мемфисъ*, на Теннессе и *Виксбургъ*; потомъ *Байу-Сара* и наконецъ — *Красная Палка*, теперь столица или главный городъ штата Луизианы. Названіе этого города обязано своимъ происхожденіемъ кровавому избіенію индѣйцевъ первыми колонистами.

IV.

Новый Орлеанъ.

Плоскія суда. — Роскошный обѣдъ. — Безразличіе въ туалетныхъ вещахъ. — Новый Орлеанъ. — Сходство его фигуры съ луною. — Его опасность быть поглощеннымъ отцемъ водъ. — Его плотины. — Отель С. Шарль. — Благородная французенка. — Дельта Миссиссипи. — Мысль о длинѣ ея теченія.

Никогда вы не встрѣтите парусныхъ судовъ, которыя-бы поднимались вверхъ по Миссиссипи; чрезвычайная быстрота воды противопоставила-бы имъ неодолимое препятствіе; зато послѣднее обстоятельство благоприятствуетъ большимъ плоскимъ судамъ, идущимъ въ обратномъ смыслѣ; имъ не нужны никакія весла кромѣ руля: благодаря быстротѣ рѣки они мо-

гутъ снять и паруса свои. Эти плоскія суда, теперь перевозятъ только дрова, на различныя станціи стимеровъ, гораздо благороднѣе и выгоднѣ служили до 1817 г. когда на Миссиссипи явился первый стимеръ. Каждое плоское судно имѣло груза 100 тоннъ (6000 пудовъ); потому неудивительно, если они, перевозятъ товары отъ Новаго Орлеана до главныхъ конторъ на самыхъ далекихъ пунктахъ, употребляютъ цѣлый годъ на путь туда и оттуда.

Съ того времени ходъ дѣлъ совершенно измѣнился. Теперь буквально тысячами считаютъ стимеры, которые ѣздятъ взадъ и впередъ по Миссиссипи и его притокамъ. Большею частію они довольно просторны и везутъ достаточное количество коммерческихъ продуктовъ, даже рогатый крупный скотъ. Напр. на моемъ стимерѣ главный грузъ составляли 72 огромные быка, назначенные въ С. Луи и которыхъ мы высадили въ Мемфисѣ.

Цѣны на этихъ пароходахъ для пассажировъ перваго класса очень умеренны, если только дѣло идетъ о большихъ разстояніяхъ; но когда вы хотите отправиться въ какое-нибудь мѣсто, на послѣднюю станцію стимера, постоянно вамъ надобно платить столько же, какъ и за весь путь. Столъ безъ различія включается въ плату за проѣздъ. Противъ качества кушавій — что труднѣе всего — ничего нельзя сказать; столъ, особенно на самыхъ большихъ судахъ Миссиссипи, роскошный. Часто, между-прочимъ, васъ подчуютъ блюдомъ медвѣдя, котораго мясо довольно вкусно, въ видѣ то окорока, то филе, то бифштекса; потомъ вы очень нерѣдко встрѣтите копченый языкъ буйвола, такъ уважаемый лакомками въ атлантическихъ городахъ Америки. Но другія жизненныя удобства не всегда по вкусу воляжеровъ. Это замѣчаніе относится частнымъ образомъ къ нѣкоторымъ стимерамъ на Огіо и Миссури. Напр. иной французъ или англичанинъ, конечно, можетъ и поворчать, если утромъ, входя въ уборную, чтобы умыться, найдетъ одно полотенце для всѣхъ пассажировъ. Но заморскій джентельменъ стѣсненъ въ своемъ туалетѣ, если, къ счастью забывши собственный несесеръ, онъ на длинномъ столѣ замѣтитъ одну зубную щетку для всѣхъ.

Видъ Новаго Орлеана очарователенъ для тѣхъ, которые приближаются къ нему, спускаясь по Миссиссипи. Такъ какъ время стояло прекрасное (солнце уже вышло съ частъ), то ка-

питану вздумалось доставить удовольствіе многимъ своимъ молодымъ путешественницамъ—и великолѣпный стимеръ описалъ нѣсколько круговъ и зигзаговъ, пока съ юга открылась нашему взору чудная панорама богатой столицы. Уже довольно вблизи города, такъ что совершенно различаешь сходство его формы съ луною, обозначаемое обширною и прекрасною излучиной Миссиссипи, превращенной въ натуральный портъ, вольно вспоминаешь Бордо, только та разница, что Миссиссипи у Нового Орлеана по-крайней-мѣрѣ, втрое шире Гаронны у Бордо. Многие америкайцы, говоря о Новомъ Орлеанѣ, не иначе называютъ его, какъ луннымъ городомъ, какое имя онъ носитъ съ самаго своего основанія.

Мѣсто, на которомъ онъ построенъ, четыремя футами ниже уровня рѣки, потому и надобно было построить плотину, въ видѣ вала, о двухъ скатахъ, имѣющаго наверху очень тупой уголъ. Эта преграда защищаетъ городъ отъ вторженія воды, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, которые къ несчастію нерѣдки. Плотинамъ необходимо было устроить даже на 100 миль впереди Нового Орлеана; на томъ и другомъ берегу рѣки земля ниже уровня воды и прорывы обнаруживаются очень часто; отсюда ужасныя наводненія со всеми плачевными бѣдствіями. Если прогуливаешься въ окрестности луннаго города, на каждомъ шагу удостовѣришься въ значительномъ пониженіи почвы. Случайно входя въ улицу, ведущую къ рѣкѣ, думаете, что сотни стимеровъ, косвенно стоящихъ у плотины, носомъ къ городу, идутъ къ тому мѣсту, гдѣ вы находитесь, и не задумываясь вы сторонитесь, чтобы пропустить ихъ.

На главномъ кладбищѣ Нового Орлеана все гробы помѣщаются наверху земли, въ нишахъ, устроенныхъ въ толстыхъ стѣнахъ; каждое такое вмѣстилище носитъ имя печи. Если бы вздумали погребать обыкновеннымъ образомъ въ могилахъ, то на самой поверхности почвы нашли-бы много воды, въ которой пришлось-бы буквально топить покойника. Поэтому неудивительно, если воздухъ на кладбищѣ Нового Орлеана почитается городскими врачами не очень здоровымъ.—Какъ слѣдствіе луизианской сырости, въ Новомъ Орлеанѣ неизвѣстны полземные пещеры; погреба, замѣняющіе ихъ, расположены, напротивъ, подъ землею—и много ступеней ведутъ насъ въ этажъ, который по-нашему называется первымъ.

Судебныя мѣста въ Новомъ Орлеанѣ показались мнѣ также неимѣющими своего достоинства во время своихъ засѣданій; то же я замѣтилъ и въ другихъ городахъ, посѣщенныхъ мною. Человѣку, привыкшему во Франціи и Англій видѣть торжественность, хотя-бы въ обыкновенномъ присутствіи чиновника, производящаго дѣло, какъ-то неловко не встрѣтить этой торжественности при входѣ въ ассизный судъ. Приведу одинъ случай: главный судья сидитъ въ присутствіи въ простомъ дневномъ платьѣ; также одѣты генераль прокуроры и адвокаты.

Въ британскомъ судопроизводствѣ требуется общій приговоръ присяжныхъ для осужденія, потому часто процессъ обсуживается два и три раза при несогласіи судей. Но въ Соединенныхъ Штатахъ каждый губернаторъ имѣетъ право миловать обвиненнаго; если же послѣдній подвергается малѣйшему подозрѣнію, то чернь вырываетъ его изъ тюрьмы и вѣшаетъ тотчасъ на первомъ-же деревѣ.

Часто американцы даютъ прозваніе своимъ главнымъ преступникамъ. Знаменитые изъ нихъ при моемъ посѣщеніи были: Гомпкинсъ кривой, Жакъ бродяга, Ларденеръ страшный, Гильомъ Бристольскій, Жидъ-Янке и проч.

Народонаселеніе этого знаменитаго города полагается въ 105 тысячъ душъ; съ 1840 г. оно почти не увеличивалось. Такая странность вѣрнѣе всего происходитъ отъ нездороваго климата, производимаго чрезмѣрными жарамы, продолжающимися больше полгода. Это неудобство, особенно губельное для европейца, есть слѣдствіе атмосферы испареній, болѣе или менѣе удушливыхъ, которыя, распространяясь отъ сѣверныхъ болотъ къ востоку и западу, блуждаютъ по городу, подобно хищнымъ птицамъ и, кажется, заранѣе выбираютъ жертвы для жестокой желтой лихорадки.

Одинъ значительный кварталъ въ городѣ, называемый первымъ муниципальнымъ (всѣхъ округовъ три), занятъ исключительно французами, такъ что если иностранецъ заблудится въ уллицахъ этого квартала, ему стоитъ спросить дорогу только по-французски. Одна французенка изъ высшаго дворянства, маркиза Повталба, значительно скрасила большую военную площадь противъ новаго католическаго собора въ первый об-

цинѣ, постройкою длиннаго рода террасы изъ прелестныхъ домовъ.

Между изящными гостинницами, которыми американскіе города такъ справедливо гордятся, на первомъ планѣ, безъ возраженія, стѣдуетъ поставить гостинницу С. Шарль, въ Новомъ Орлеанѣ. Куполь ея, составленный по образцу пантеона въ Парижѣ, только въ меньшемъ размѣрѣ, былъ главнымъ пунктомъ въ городѣ, открывающимся взорамъ прїѣзжаго съ какой-бы ни было стороны. Въ гостинницѣ двѣ тысячи номеровъ, или отдѣльныхъ комнатъ. Теперь лунный городъ не имѣетъ уже этой, такъ-называемой діадимы; нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего отъѣзда отъ Луизианы, я прочелъ въ новомъ журналѣ, что эта блестящая гостинница разрушена страшнымъ пожаромъ, которые такъ часты въ Соединенныхъ Штатахъ.

Во время моего пребыванія въ этой южной странѣ, почтенный отецъ Матвій, проповѣдникъ трезвости, производилъ въ Новомъ Орлеанѣ чудеса среди нѣмцевъ, ирландцевъ и другихъ колонистовъ. Думаю, неизлишне будетъ здѣсь упомянуть о странномъ изъявленіи ему, при торжественномъ случаѣ почести, со стороны нѣкоторыхъ его почитателей. На почетномъ обѣдѣ, къ которому приглашенъ былъ этотъ любезный пасторъ знаменитостями города, Меръ, американецъ, всталъ и, обратившись къ большому собранію гостей, произнесъ: господа! предлагаю гостъ великому Миссиссипи челоѣчества, почтенному «отцу водъ» въ присутствіи нашего драгоценнаго гостя!»

Несмотря на ревность, которую обнаруживалъ этотъ пламенный миссіонеръ вездѣ, гдѣ только онъ проходилъ въ Новомъ Свѣтѣ, нельзя было и надѣяться, что Луизиана скоро приметъ правило, сообщенное штатомъ Мень всѣмъ другимъ провинціямъ. Законъ его запрещаетъ съ крайнею строгостію продажу всякаго спиртнаго напитка, кромѣ случаевъ медицинскіхъ. Ромъ, можжевельовка, виски, французская водка, всѣ крѣпкіе напитки, до которыхъ американцы слишкомъ большіе охотники, изгнаны безъ милосердія. Питейные дома въ штатѣ всѣ закрыты и если иныя предаются неумѣренности, то развѣ въ самыхъ потаенныхъ частяхъ своихъ домовъ, тамъ, куда полиціи нечасто приходитъ въ голову направлять

своей зоркой глазъ. Но что касается Луизианы, торговля спиртными напитками для Нового Орлеана весьма важна и нелегко ее уничтожить. То же можно сказать о сильной сѣверной метрополи, о городѣ Нью-Йоркѣ.

Безъ-сомнѣнія, нѣтъ надобности объяснять образованному читателю, что Новый Орлеанъ лежитъ далеко отъ такъ — называемаго собственно устья Миссиссипи; это разстояніе около 30 миль, хотя наши европейскіе географы увѣряютъ насъ, что Новый Орлеанъ морская пристань, въ собственномъ смыслѣ слова. Устье «отца воды» заслуживаетъ вниманіе туриста; его то называютъ знаменитою дельтою Миссиссипи, о періодическомъ передвиженіи котораго геологи европейскихъ университетовъ каждый годъ даютъ столько объясненій слушателямъ своихъ курсовъ. Всѣ путешественники, проходившіе дельтою въ Мексиканскій заливъ, знаютъ, что прошедши четыре устья Миссиссипи, можно отличить, даже потерявши землю изъ виду, бѣловатую струю великой рѣки, которая, такимъ образомъ, продолжаетъ величественно катить свои мутныя воды въ синеватое нѣдро залива, пока не смѣшается съ нимъ.

Чтобы составить самое точное понятіе о длинѣ судоходной части Миссиссипи, лучше всего раскрыть карту Европы и вообразить необычайной токъ воды, начало котораго находилось бы у Стокгольма въ Швеціи, а конецъ въ Средиземномъ морѣ у Марсели, чрезъ всѣ, если возможно, земли и моря, лежащія на пути.

Чудная эта рѣка, по которой мы спустились внизъ, открыта была францисканскимъ миссіонеромъ (отцомъ Геппениномъ). Настоящее имя рѣки есть только легкое измѣненіе индѣйскаго слова *Меча-Зеебе*, которымъ ее первоначально обозначили чудные дѣти этихъ вѣчныхъ лѣсовъ.

Нѣкоторые приписываютъ это открытіе Фердинанду Сото и одному изъ спутниковъ Пезарро; какъ-бы ни было, неопровержимо то, что ни одинъ европеецъ не переѣзжалъ Миссиссипи прежде отца Геппенина. Этотъ миссіонеръ первый извѣстилъ испанцевъ и англичанъ о существованіи ніагарскаго водопада.

V.

Алабама.

Мобиль. Коровы лакомки — Поспѣшный стимеръ. Скалы Алакраны. — Мексиканскій заливъ. — Мысь С. Антонія (Куба). Марко-Поло. Алгвазилъ и кабалястическіе знаки. Поспѣшная прогулка въ гондолахъ; благовонныя улицы. Дѣвичій табакъ. Дамы, которыя курятъ.

Еслибы хотѣли отыскивать этимологию имени города прекраснѣйшаго и самаго цвѣтущаго въ штатѣ Алабамѣ (Мобиль), то достаточно было-бы походить по его главнымъ улицамъ, особенно вдоль его warfs или набережныхъ и замѣчать необыкновенное коммерческое движеніе, открывающееся на всѣхъ его пунктахъ. Приѣзжая изъ Луизианы въ штатъ Алабамы (они не очень далеки другъ отъ друга), кажется, дышешь гораздо легче. Простая возвышенность почвы, на которой построены городъ Мобиль, какъ-бы освѣжаетъ взоры въ высшей степени и невольно станешь сравнивать ее съ плоскимъ и однообразнымъ положеніемъ Новаго Орлеана, только-что оставленнаго. Хотите-ли пройти за городомъ? Затрудненіе будетъ только въ выборѣ; повсюду, куда только достигаешь взоръ, вездѣ зеленія густыя рощицы, луга, испещренные цвѣтами, съ бархатною богатою травою, — рѣзкій контрастъ съ болотами и топями, которыя непременно встрѣтитъ всякій, кто отваживается на прогулку въ окрестностяхъ Новаго Орлеана. Отсюда слѣдуетъ, что климатъ на югѣ Алабамы (по инд. значить: здѣсь мы отдыхаемъ) гораздо здоровѣе климата южной части Луизианы: эти факты подтверждаются благополучіемъ, которымъ тамъ наслаждаются — и лучшимъ здоровьемъ.

Мобиль лежитъ въ глубинѣ залива, имѣющаго 30 миль длины. Хотя заливъ шириною почти съ милю, но судоходенъ только въ довольно тѣсной срединѣ своего ложа. Свиа, торчащая въ водѣ и окаймляющія каждый берегъ этого ложа, всю ливну, извѣщаютъ суда, плущія вверхъ или внизъ, о томъ, чтобы они не отваживались ни вправо ни влѣво отъ этихъ гра-

ницъ. Притомъ въ этомъ проходномъ токѣ могутъ плавать суда, сидяція на 8 футовъ въ водѣ, отнюдь не больше. Также и большія суда обязаны держаться на рейдѣ на концѣ залива, какъ бы ни было сильно волненіе въ Мексиканскомъ заливѣ, недалеко находящемся. Прибывши въ эту часть залива, на пути въ Гаванну, я не могъ не восхищаться прекрасною картиною многочисленнаго собранія огромныхъ судовъ, изъ коихъ многія назначены въ Гавръ, Бордо и Марсель. Посредствомъ небольшихъ стимеровъ они выгружаютъ свои заморскіе товары и принимаютъ на себя тюки хлопчатой бумаги, главнаго продукта Алабамы. Сахаръ также вывозится отсюда въ значительномъ количествѣ.

Во время пребыванія въ Мобилиа я замѣтилъ, что нѣкоторые купцы употребляютъ для очищенія своихъ большихъ сахарныхъ бочекъ довольно странный способъ. Разъ, вечеромъ я шелъ по главной набережной и замѣтилъ, что три или четыре коровы плутъ изъ разныхъ кварталовъ, поодиначкѣ, къ нѣкоторымъ большимъ бочкамъ, изъ которыхъ днемъ вынули сахаръ и, вѣроятно, съ намѣреніемъ положили ихъ на катки, въ облегченіе достигаемой цѣли. Каждая корова спѣшила всунуть голову и съ рогами въ бочку, чтобы облизать внутренность ея; значить, самая твердая часть сиропной корки снималась безъ убытку; хозяину оставалось на завтра, безъ труда, сполоснуть бочку кипящею водою.

Теперешнее народонаселеніе Мобилиа состоитъ изъ 16 тысячъ душъ. Городъ основанъ французами въ 1790 году; съ тѣхъ поръ три раза перемѣнялъ онъ своихъ владыкъ. Англичане овладѣли имъ въ 1763 году; испанцы въ 1786 году; наконецъ 1818 г. эти уступили его Соединеннымъ Штатамъ. По завладѣніи имъ англичанами значительная часть Алабамо-французской колоніи присоединилась къ французамъ Луизианы. Только сорокъ лѣтъ спустя, въ 1803 г., послѣдній этотъ штатъ купленъ у Франціи за 15 милліоновъ долларовъ, т. е. за 18 милліоновъ руб. сереб.

Чтобы отплыть на бригъ или гальотѣ съ парусами, употребляющемъ 8 или 9 дней на проѣздъ изъ Мобилиа въ Гаванну, только одинъ разъ совершаютъ этотъ переѣздъ поперегъ мексиканскаго залива. Стимеръ съ королевской почтой Западной Индіи бросаетъ якорь 20-го или 25-го каждаго мѣсяца у оконечности Мобилиа, если только не задержитъ его буря или

противный сильный вѣтеръ; но несмотря ни на какое удобство, останавливается здѣсь только на два часа, ровно сколько нужно, чтобы слать Веракруцкую почту и чтобы принять съ малаго мобильскаго стимера почту Соединенныхъ Штатовъ. Исполнивъ это, онъ спѣшитъ поднять якорь и повернуть корму къ острову Кубъ.

Обычай требуетъ, чтобы маленькій стимеръ спускался каждый день до оконечности залива отъ 20-го до 26-го мѣсяца; потому что англійскій пакетботъ никогда не уклоняется отъ пункта своего направленія, какъ предписано ему: не дуть у Мобили, ни подъ какимъ предлогомъ, времени своей остановки. Я былъ счастливѣе одной группы до тридцати вояжеровъ, которая въ прошломъ мѣсяцѣ пропустила поѣздъ, хотя спускалась въ заливъ два два сряду, чтобы наблюдать, не покажется ли онъ. «Тереза», на которомъ удалось мнѣ переѣхать мексиканскій заливъ, есть пакетботъ, принадлежащій компаніи, которая однако спустила несчастную «Амазонку». Только шесть лѣтъ, какъ стимеры Западной Индіи начали приставать къ оконечности Мобили; одна причина, довольно важная, заставила компанію начертать этотъ дорожникъ, именно для того, чтобы избѣжать страшныхъ скалъ *Алакранскихъ*, на которыхъ шесть, или семь лѣтъ назадъ, погибли два ихъ великолѣпные паровые пакетбота: Твидъ и Фортъ со всѣмъ грузомъ и со всѣми людьми. Плывъ на всѣхъ парусахъ къ Мексикѣ, или обратно, стимеры на оконечности Мобили встрѣчаютъ вершину треугольника, тогда какъ подводные камни Алакранъ лежатъ почти геометрически на основаніи этой фигуры, еслибы опустить отвѣсную линію изъ ея вершины.

Воды мексиканскаго залива показались мнѣ синеватѣе волъ Средиземнаго моря. Ночью эта широкая волнистая лента, отъ борозды судна, принимаетъ желтый блестящій отливъ отъ множества ругосомъ и другихъ рыбъ изъ фосфоросвѣтящихся, населяющихъ въ-особенности тропическія моря. Благодаря быстрому бѣгу «Thames», мы увидѣли берега Кубы на третій день послѣ того, такъ потеряли изъ-виду маякъ мобильскій. Еслибы Христофоръ Колумбъ обогнулъ мысъ С. Антонія, замѣченный нами ворава на горизонтѣ, то не умеръ бы съ убѣжденіемъ, что Куба былъ только полуостровъ—продолженіе восточнаго берега Азіи, какъ съ такимъ же убѣжденіемъ описали его Марко-Поло и Сиръ Джонъ-Мандевиль, въ зависи-

мости отъ имперіи Великаго Татарскаго Хана; наконецъ, такъ какъ начертанъ онъ на картѣ Тосканелли.—Короче, еслибы знаменитый адмиралъ, во время своего третьяго путешествія не воротился съ дороги, среди урагана, въ то время, какъ огибалъ с.-западные берега этого знаменитаго острова, онъ бы въ справедливой гордости обнялъ точную идею громадности своихъ открытій. Сходя въ гробъ, онъ вѣрилъ, что услужилъ человѣчеству только открытіемъ прямого пути отъ запада Европы на востокъ Азіи; ему совершенно было неизвѣстно, что онъ открылъ новую часть свѣта.

Портъ Гаванны прекраснѣйшій изъ всѣхъ, какіе я имѣлъ случай посѣщать въ Новомъ Свѣтѣ, исключая несравненную бухту НьюЙорка. Слово *Гаванна*, которымъ его обозначаютъ, вполне прилично ему; на древне-испанскомъ языкѣ оно значитъ: «портъ преимущественно». Входъ въ него по шире входа въ марсельскій портъ, но онъ вдругъ увеличивается и расширяется;—тогда онъ является огромнымъ озеромъ, которое, на разстояніи почти мили фарватера, изгибается къ юго-западу; а самый городъ, съ точки зрѣнія птичьяго полета, кажется красиво лежащимъ на одномъ островѣ, или на полуостровѣ, съ очень узкимъ перешейкомъ. У лѣвой оконечности бухты, входя, мы имѣли предъ глазами величественную крѣпость *Моро*, которая стоитъ названія непокоримой, потому что, несмотря на ничтожно слабый гарнизонъ, ее брали приступомъ не меньше, какъ говорятъ, 60 тысячъ человѣкъ.

Глаза пассажировъ съ верхней палубы гораздо охотнѣе устремляются на правый берегъ. Едва обогнешь Фаролу, или маякъ, на оконечности плотины, какъ является Гаванна, подобно роскошно-воодушевленной картинѣ какой-нибудь волшебной страны. Не ставя еще ноги на землю, всѣ наперерывъ кричатъ: «какъ этотъ городъ стоилъ бы быть главнымъ на островѣ Кубъ, предъ которымъ расточали такъ много названій самыхъ лестныхъ, наприм. Царицы антильскихъ острововъ» «Жемчужины американскихъ морей», «самаго драгоцѣннаго камня въ вѣнцѣ испанскихъ королей!» Кромѣ лѣса мачтъ, разубранныхъ флагами и лентами, свидѣтельствующихъ о множествѣ собравшихся въ портъ судовъ, всѣхъ иноземныхъ націй, глазъ очарованъ еще картиною множества изящныхъ судовъ съ занавѣсами зеленаго или краснаго шелка, которыя, подобно венеціанскимъ гондоламъ, быстро летаютъ взадъ и впередъ, по

всей водной поверхности. Я имѣлъ самый благопріятный случай любоваться на полной свободѣ совокупнымъ этимъ восхитительнымъ зрѣлищемъ. Въ четыре часа пополудни мы, оставивши мексиканскій заливъ, отправились въ гаванскій портъ, и никогда, подъ сводомъ неба, не имѣлъ онъ болѣе блестящаго дня для человѣка.

Гаванна, какъ великолѣпный городъ, навѣрное стѣитъ, чтобы путешественникъ, желая насладиться счастьемъ взглянуть на него, потрудился вступить въ борьбу съ препятствіями, натурально мѣшающими ему достигъ своей цѣли. Я разумно сплетни, какимъ подвергаются лица, пріѣзжающія изъ Соединенныхъ Штатовъ на берега Кубы.

Едва наше судно бросило якорь, насъ посѣтилъ алгвазилъ, или полицейскій чиновникъ, съ переводчикомъ. Увѣрившись, что паспорта совершенно правильны, онъ далъ позволеніе каждому пассажиру высадиться на берегъ, только безъ багажа.

Тогда берутъ гондолу и отправляются въ таможенную, снова за разрѣшеніемъ на свои вещи; тамъ билетъ, полученный отъ алгвазила, представляютъ тремъ почетнымъ лицамъ, сидящимъ за своимъ столомъ, каждый въ особой комнатѣ; каждый изъ этихъ господъ ставитъ проворно свой какой-нибудь іероглифическій знакъ, что соблюдается строго; наконецъ, вы сѣдете возвратиться на бортъ корабля. При видѣ этихъ таможенныхъ знаковъ на вашемъ билетѣ, алгвазилъ уже не сомнѣвается позволить вамъ взять свой багажъ. Кромѣ отерочки, происходящей отъ этихъ нескончаемыхъ формъ, надобно еще не раздражаться довольно высокою платою за три пути въ гондолахъ.

Если подѣхать къ Гаваннѣ отъ береговъ Сѣверной Америки, то она съ своею окружною страной, украшенная тропическою растительностію, представляется въ столь отличномъ видѣ, отъ всего, что вы видали прекраснѣйшаго, даже въ южныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, что, кажется, чувствуете себя перенесенными какъ-бы къ антиподамъ великой американской республики. Но въ минугу высадки на берегъ, глазъ не такъ скоро успѣетъ насладиться восторгомъ, какъ обоняніе отнимаетъ у него уже всѣ его права; едва сдѣлаете нѣсколько шаговъ по городу, какъ чувствуете опьяненіе; такъ буквально улицы набальзамированы чрезвычайно благовонными эссенціями. Этою ароматическою атмосферою обязанъ онъ частію испареніямъ пріаностей благовоній при-тропическаго пояса, для ко-

торыхъ Гаванна служитъ обширною таможеню, а въ-особенности есть произведеніе *дѣйственной*, такъ-сказать, квинтъ-эссенціи сигарнаго табаку. Нигдѣ, по увѣренію знатоковъ, нельзя оцѣнить въ-дѣйствительности истиннаго благовопія этого наркотическаго вещества, всемірно извѣтнаго, какъ на островѣ Кубѣ. Но какія бы ни брали предосторожности удержать этотъ эфирный запахъ, напрасно; часть его освобождается и пропадетъ при переѣздѣ, даже только чрезъ мексиканскій заливъ, или отъ Флориды до Соединенныхъ Штатовъ. Неумивительно, если при такихъ рѣдкихъ свойствахъ табаку Кубы, дамы и дѣвицы Гаванскія курятъ, не сигары, такъ-называемыя, но сигаретты, приготовляемыя изъ почекъ или стручковъ тончайшаго качества этого растенія; въ табакѣ они то же, что цвѣтки рекоѣ въ чаю. Знаменитыя сигары, подъ именемъ регалиасъ, приготовляются въ самыхъ городскихъ лавкахъ, и какъ дверь магазина всегда отворена, по причинѣ сильнаго жара, то пріятныя испаренія, о которыхъ сказано выше, безпрепятственно разливаются по всей улицѣ.

VI.

Гаванна.

Ураганы. — Крашеные дома. — Коляски, называемыя летучими. — Пазео или Елисейскія поля въ Гаваннѣ. — Испанская вѣжливость. — Итальянская опера. — Великолѣпный спектакль на открытомъ воздухѣ: — Испанскія сальфиды. — Взглядъ чрезъ окно съ рѣшеткою.

При первой прогулкѣ по городу чужестранецъ замѣчаетъ улицы довольно узкія, но очень опрятныя. Потомъ бросается въ-глаза незначительно возвышенное положеніе домовъ, обыкновенно двухъэтажныхъ, конечно, изъ полезной предосторожности противъ землетрясеній и урагановъ, жертвою которыхъ часто бывала Гаванна вмѣстѣ съ другими пунктами острова. У многихъ домовъ фасады росписаны лазурью, блестящими цвѣтами, или смѣсю мѣдныхъ солей съ кобальтомъ; у нѣкоторыхъ цвѣтъ желтый, чижевый, добываемый изъ хрома и окиси серебра.

Богатый городъ Гаваннч является подъ различными видами, сообразно времени дня, въ которое наблюдаютъ его; по-моему, каждый его день имѣеть три самые несходные періода. Отъ зари до десяти часовъ утра на улицахъ и площадяхъ замѣтна необычайная живость. Длинный рядъ телѣжекъ спѣшитъ съ первую зарею на рынокъ и везетъ фрукты и цвѣты; тамъ и тутъ множество работниковъ негровъ спѣшать къ своимъ занятіямъ; любопытно взглянуть, какъ старательно закутываются они въ свои плащи и въ самое теплое время года, чтобы утренняя прохлада не отняла у нихъ испарину, коей подвергаются они ночью въ своихъ тѣсныхъ жилищахъ.

По мѣрѣ увеличенія свѣта и теплоты, множество негоціантовъ, въ бѣлыхъ полотняныхъ одеждахъ, въ шляпѣ изъ панамской соломы, идутъ скорымъ шагомъ во всѣ кварталы, одни къ своимъ конторамъ, другіе на бортъ какого-нибудь корабля. Къ одиннадцати часамъ и нѣскольکو раньше вполнѣ прекращается вѣтеръ съ моря, возбуждаемый пассатными вѣтрами, который дѣлаетъ утро сноснымъ, во всякое время года. До четырехъ или до пяти часовъ вечера весь городъ въ какомъ-то расслабленіи. На улицѣ встрѣчаешь только рабовъ коммисіонеровъ, катающихъ бочки или тачки съ товарами, или разнощика съ водою, котораго возгласы какъ-бы освѣжаютъ самый слухъ. «Вотъ, кричитъ онъ, вода холоднѣе горваго льда!» По-временамъ бредетъ колонистъ или его управляющій одиноко по тротуару и всѣми силами старается воспользоваться тѣнью, бросаемою рядомъ домовъ.

Когда солнце перестало посылать свои вертикальные лучи, сцена чудно измѣняется. Бѣлые торговцы и негоціанты, рѣдко видимые среди бѣлаго дня, снова наполняютъ всѣ улицы и всѣ набережныя. А самую пріятную декорацию этого третьяго акта составляютъ изящные экипажи, *volantes*, теперь-только разбѣгающіе по всѣмъ направленіямъ города. Въ этихъ-то экипажахъ дамы и дѣвицы благороднѣйшихъ гидалговъ отправляются дѣлать визиты или покупки. Форма корпуса этого экипажа похожа на большой парижскій кабріолетъ, только ресоры его огромны, а два колеса, величиною наравнѣ съ цѣлымъ кузовомъ, устраиваются сзади корпуса. Въ широкое отверстіе, сдѣланное поперекъ назадъ, по причинѣ жара и закрываемое по произволу, ясно видны прелестныя фигуры дамъ, которыя ѣздятъ почти всегда втроемъ. Очаровательная

шелковая мантилья темнаго цвѣта прикрываетъ часть ихъ прически; она замѣняетъ шляпку, которую гаванки почти никогда не носятъ; потомъ это изящное покрывало небрежно падаетъ на ихъ плеча. Кучеръ всегда сидитъ на одномъ изъ двухъ муловъ, запряженныхъ въ экипажъ; костюмъ его самый забавный. Извѣстно, до какой степени негры пристрастны къ яркимъ живымъ цвѣтамъ; нашъ кучеръ разукрасилъ себя золотымъ и серебрянымъ позументомъ и ни разъ не опускалъ случая прицѣпить стальные блестящія шпоры. Однако эти кучера вполне знаютъ свое ремесло. Хотя многія улицы слишкомъ тѣсны для встрѣчныхъ двухъ экипажей, но приключеній, даже при поворотахъ, почти никогда не бываетъ. Если встрѣтятся два экипажа, тотчасъ одинъ останавливается изъ учтивости или по-необходимости. Иногда, впрочемъ, слышится серебряный голосокъ госпожи, приказывающей своему автомедону отнюдь не уступать дороги сопернику.

Сдѣлавши визиты, выполнивши закупки и другія надобности внутри города, многіе экипажи отправляются въ Пазео или на общественное гулянье. Оно находится тотчасъ за городомъ; по всеобщему оживленію, въ дворянскіе часы его можно сравнить съ Casina Флоренціи, хотя въ просторѣ и не сравнится съ нимъ. Рѣдко встрѣтите тамъ кавалеровъ красующихся, какъ водится, на огненныхъ бѣгунахъ; эти господа обыкновенно бродятъ, съ сигарою во рту, какъ можно ближе къ экипажамъ. Если кто изъ нихъ указываетъ товарищу своему на мимо-проѣзжающую красавицу, вскрикиваетъ, какъ и часто бываетъ, ахъ, какое восхитительное созданіе! Обычай требуетъ, чтобы дама, если она слышитъ привѣтствіе, отвѣчала: «Благодарю васъ, сеньоръ!» Кодексъ гаванскихъ приличій простирается еще далѣе. Когда напр. дама Кубы услышитъ отъ знакомаго ей кавалера обыкновенную фразу: «сеньора, я у вашихъ ногъ,» можетъ и должна сказать ему: «А я, сеньоръ, цѣлую ваши руки.» Немногія эти слова произносятся съ такою граціею, съ такимъ достоинствомъ, какія составляли отличія кастильскихъ дамъ во времена рыцарства.

Обѣдаютъ въ большомъ гаванскомъ свѣтѣ обыкновенно съ наступленіемъ ночи, которая въ тропическихъ широтахъ, какъ извѣстно, наступаетъ скорѣе, чѣмъ въ странахъ близкихъ къ полюсу. Послѣ стола отправляются въ театръ, — и онъ стоитъ вниманія. Для городской оперы, со времени предпоследняго

генералъ-капитана, нанята отличная итальянская труппа (примадонны: Стефанони и Бозио, теноръ и басъ Сальвои Марини). Въ четыре мѣсяца самыхъ сильныхъ жаровъ театры по необходимости празды, тѣмъ больше, что всѣ знаменитости ѣздятъ подышать бальзамическимъ воздухомъ въ садахъ своихъ виллъ. Въ это время итальянская труппа отправляется въ Филадельфію, Ньюйоркъ, Бостонъ, иногда въ мексиканскую столицу.

Гаванская опера, устроенная за стѣнами, прекрасный театръ по внутренней отдѣлкѣ; зала въ ней просторная, совершенно освѣщается вѣншимъ воздухомъ, и убрана со вкусомъ, которому могъ бы подражать не олимпъ европейскій театръ. Гаванская публика претендуетъ на право тонкаго знатока музыки и довольно холодно приняла даже шведскаго соловья — Женни Линдъ.

Во время прекрасныхъ вечеровъ интересные спектакли на открытомъ воздухѣ соперничаютъ съ театромъ такономъ (или оперою). Особенно волшебный видъ принимаетъ военная площадь, въ минуты военного концерта. Подъ громадной высоты пальмами, изъ породы королевскихъ, стоящими въ центрѣ великолѣпной площади, отборный оркестръ играетъ, въ теченіи двухъ часовъ, лучшія піесы европейскихъ репертуаровъ. Но самая существенная часть этого зрѣлища, многочисленныя группы кавалеровъ и дамъ, неустающихъ въ прогулкѣ вдоль четырехъ сторонъ этого обширнаго зеленѣющагося квадрата. Въ это время мужчины бываютъ въ вечернемъ туалетѣ, т. е. въ суконномъ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ; шляпа изъ панамской соломы замѣняется также черною суконною французскою, или англійскою шапкою.

Дамы одѣты блистательно, какъ-бы для королевскаго бала: почти всѣ съ открытыми плечами, ослѣпительны своимъ золотомъ, жемчугомъ и брилліантами. Нѣкоторыя даже любимыцы публички влетаютъ иногда въ свои черныя, блестящія какъ атласъ волосы нѣсколько свѣтящихся насѣкомыхъ, встрѣчаемыхъ только подъ тропиками и которыхъ блескъ равняется блеску сапфира, рубина и изумруда. Платье для вечераго туалета, исключительно бѣлое, кружевное или богатое шелковое, желтое, розовое; на него сверху набрасывается черная мантилья и располагается съ такою граціей, которая, какъ говорятъ, составляетъ секретъ испанокъ. Въ минуты чрезвы-

чайнаго жара, многія изъ этихъ гурій, во время военнаго концерта, сидятъ въ своихъ экипажахъ, образующихъ богатую кайму площади; никогда не дадутъ онѣ отдыха вѣеру, который держатъ въ рукѣ. Часто у нихъ завязываются разговоры съ какимъ-нибудь caballero, который отдѣляется отъ группы гуляющихъ, чтобы изъяснить дамѣ свое почтеніе. Нужно-ли прибавить еще что-нибудь къ очарованію елисейской сцены, которую представляетъ военная площадь, во все время музыки. Это развѣ ослѣпительное сіяніе звѣздъ, мириадами разсыпанныхъ надъ головою зрителей.

Жители Кубы не преувеличиваютъ, если говорятъ, что каждая ихъ тропическая звѣзда сияетъ какъ луна, луна какъ солнце, а самое солнце свѣтитъ какъ пламеняющее небо.

По окончаніи концерта генералъ капитанъ съ семействомъ оставляетъ балконъ и отправляется въ свой домъ, находящійся на одной сторонѣ этой прелестной военной площади; экипажи со скоростью, какъ-бы электрическою, увозятъ дамъ, къ себѣ домой, или на балъ. Что касается мужчинъ, тѣ, которые не хотятъ отправиться съ женами и дочерьми, идутъ въ До-шнуса,—знаменитую кофейню, не только потому, что она первая въ городѣ, но и по огромному производству въ ней мороженаго изъ гуауача; его вывозятъ въ отдаленныя страны. Ступа до самаго поздняго часа ночи работаютъ это мороженое; и тѣ, которые поворачиваютъ на углу двухъ улицъ, составляемыхъ кофейнею, вдыхаютъ въ себя бальзамическіе пары, безпрестанно выходящіе изъ ея открытыхъ дверей и воротъ. До полночи и дальше въ Гавани весело и шумно. Пока вы, бродя тамъ и-сямъ, удивляетесь газу, освѣщающему улицы и магазины, глаза ваши часто развлекаются при видѣ какого-нибудь собранія сеньоръ, сидящихъ у себя дома или покачивающихся на butacas,—родъ американскаго кресла, называемаго rocking-chair. Иногда совершенно нехотя, глазъ самъ вызываетъ на это любопытство; потому что во многихъ домахъ комнаты, даже пріемныя, расположены въ нижнемъ этажѣ и проходящій съ улицы видитъ все, что происходитъ въ домѣ, въ огромныя окна съ рѣшетками, но безъ стеколъ. Въ часъ покоя тамъ запираютъ эти большія дверныя окна, какъ называютъ ихъ, только сторами. Наблюдатель могъ-бы замѣтить еще снаружи великолѣпную вызолоченную или посеребренную оконницу, которая, странное дѣло, входитъ въ число

мебели не одной залы нижняго этажа, и страннѣе еще, госпожа дома садится у ней въ тотъ часъ, когда ожидаетъ гостей. Удаляясь отъ этого послѣдняго поста наблюденія въ свою отель, нельзя, наконецъ, не очароваться мелодіей гитары какого-нибудь отчаяннаго вздыхателя, съ аккомпаниментомъ, въ которомъ онъ изливаетъ свои чувствованія подъ балкономъ своего идола.

VII.

Матаизасъ.

Жесткія постели.—Скорпіоны.—Ужасные пауки.—Акаразасъ.—Креольскій десертъ.—Троическая смиренница и ея пажъ.—Мавзолей Христоро Колумбу.—Хорошій климатъ для больныхъ грудью.—Лечение желтой горячки.—Матаизасъ.—Несносный жаръ.—Сахарная плантація. Ромъ. Шампанское.—Химики и повара.—Огромный вывозъ сахара.

Входя въ спальню въ первый разъ, тотчасъ звонятъ (какъ со мной случилось) и прямо бранятъ явившагося слугу, что онъ забылъ принести постель; но негръ или негрятка только показываютъ два ряда своихъ зубовъ слоновой кости и смѣются отъ удивленія, когда вы снова требуете матрацъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, гаванскія кровати и въ гостиницахъ и въ частныхъ домахъ не имѣютъ ни матрацевъ, ни пологотъ, ни одѣялъ. Есть только изголовье или подушка, что-то въ-родѣ одѣяла для ночи,—и все это лежитъ на четверугольномъ кускѣ какой-нибудь очень толстой матеріи, плотно прибитой гвоздями къ доскѣ деревянной кровати. Со всѣхъ угловъ балдахина висятъ мустикеры, — тонкая и узкая ткань, конечно скорѣе вредная для здоровья: потому что мѣшаетъ движенію воздуха, кругомъ человѣка, запертаго въ этомъ странномъ ложѣ.

Безъ-сомнѣнія есть степени въ качествѣ кроватей; постель жителя Кубы съ небольшимъ удобствомъ жизненнымъ, шелковая, сырцовая, похожая на ту, изъ которой дѣлаютъ одѣяла; а дерево хотя и грубо, но расписано, или лакировано. У богача полотно, на которомъ онъ спитъ, совершенно бѣлое; всѣ подпорки и столбикъ изъ краснаго или пальмоваго дерева, искусно раскрашены. Изъ-за бланкетъ благородный гидалго уклады-

васть свою особу на какую-нибудь дорогую матерію, атласную, муаре, на сукно съ золотомъ и серебромъ; дерево его кровати розовое палисандровое, благовонное кедровое, артистически сдѣланное и расписанное. Часто, ложась въ постель, находятъ скорпіона, забившагося въ ножное одѣяло и матрацную матерію. Впрочемъ эти случаи, должно быть, рѣдки, потому что, во все время пребыванія моего въ Гаваннѣ я не видалъ ни одного скорпіона въ квартирѣ, хотя каждый вечеръ подозрительно осматривалъ свою постель, по предостереженію отъ другихъ. Но нельзя также отозваться объ отвратительномъ черномъ паукъ, величиною съ неаполитанскую тарантулу; эта гнусная масса тащится иногда по стѣнѣ или по потолку.

Всѣхъ этихъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся забываешь, если при входѣ въ квартиру увидишь *alcaçazas*, съ самую свѣжею, въ сильнѣйшіе лѣтніе жары, водою, холодною, какой только можно пожелать. Алкараза—сосудъ глиняный или фарфоровый но, обожженный, безъ всякой стеклянной глазури. Незатертые ничѣмъ его поры, хотя невидимые для глаза, даютъ ему способность охлаждать всѣ вливаемые въ него жидкости отъ испаренія, подобнаго человѣческому, которое поддерживаетъ нашу кровь на высшей степени температуры, нежели какую имѣютъ самыя горячія широты жаркаго пояса. *Alcaçaza* употребляется ежедневно и для охлаждения вина.

По ежегоднымъ вычисленіямъ незамѣтно, чтобы народонаселеніе Гаванны значительно увеличивалось. Настоящая цифра, съ предмѣстьемъ Регла, лежащемъ на противоположномъ берегу залива, простирается почти до 220 тысячъ душъ. Въ это число включается довольноя масса креоловъ.

Въ иныхъ семействахъ креоловъ есть обычай, которые соблюдаютъ только у испанцевъ чистой крови. Напр. въ высшемъ кругу всѣ гости встаютъ изъ-за стола послѣ втораго блюда, по-крайней-мѣрѣ послѣ мясныхъ и овощныхъ блюдъ, потомъ прогуливаются, разговариваютъ, минутъ двадцать, въ открытой галлерей во флигелѣ дома и возвращаются въ столовую. Гости едва вѣрятъ, что они въ той-же залѣ, въ которой сей часъ обѣдали; не только они не чувствуютъ ни малѣйшаго запаха поданныхъ прежде кушаній, но напротивъ, обоняютъ самыя рѣдкія благовонія отъ множества цвѣтовъ и роскошныхъ фруктовъ, покрывающихъ теперъ столъ. Дядя

Фруктамъ всегда встрѣчается гуауапа (крушина); знаменито приготовляемое изъ него мороженое, какъ сказано выше; тина, величиною съ небольшою ананасъ и почитаемая весьма здоровою; *zaritalla suave*—родъ дикаго яблока, очень пріятнаго вкуса; наконецъ *tateu*, вкусомъ столь похожій на амброзію, что природные С. Домингцы, у которыхъ онъ растетъ въ изобиліи, воображаютъ его пищею блаженныхъ душъ въ томъ мірѣ.

Для дамы-креолки необходимъ маленькій пажъ, какъ лакей; когда она идетъ въ церковь, кромѣ огромнаго молитвенника онъ носить за госпожей коверъ. Здѣсь церкви не имѣютъ ни стульевъ, ни скамей, по примѣру католическихъ церквей въ Англіи и въ Соедин. Штатахъ. Многія дамы стоятъ на колѣняхъ на своихъ коврахъ цѣлую обѣдню; за нѣкоторыми пажъ носитъ толстую подушку, или роль складнаго стула, на которыхъ сеньора можетъ садиться въ случаѣ усталости.

Церковь С. Франциска, одна изъ самыхъ знаменитыхъ въ Гаванѣ, была недавно присоединена къ таможенѣ, какъ добавочное депо складки. Внутренній ея упадокъ внушилъ правительству эту мысль тѣмъ болѣе, что другія духовныя зданія, разбросанныя въ городѣ, слишкомъ многочисленны и слишкомъ обширны, въ сравненіи съ количествомъ вѣрныхъ, ихъ посѣщающихъ. Иные скажутъ, что благочестіе жителей болѣе или менѣе охладѣваетъ и носить на себѣ слѣды климата, все ослабляющаго. Какъ ни безразсудно такое мнѣніе, большинство народа не перестаетъ жаловаться на присвоеніе у него церкви. «С. Франциско, говорятъ они, защитникъ отъ урагановъ; если не отдадутъ церкви того, что ей посвящено, патронъ лишитъ насъ покровительства и стихія истребятъ насъ всѣхъ въ первый же день.»

Впрочемъ, соборъ ихъ долженъ бы исполнѣ вознаградить ихъ за потерю всякаго другаго храма; въ-самомъ-дѣлѣ, онъ есть надгробный памятникъ тому, кто, почти четыре вѣка назадъ, открылъ ихъ очаровательный островъ. Это не простая гробница, какія безирестанно имѣютъ подлѣ глазами счастливыя гаванцы; нѣтъ, прахъ Христофора Колумба дѣйствительно покоится здѣсь. Знаменитый мореплаватель скончался въ Валла-лолидѣ, какъ всякому извѣстно, 20 Мая 1506 года. Прахъ его покоился тамъ же до 1526 г., въ которомъ перенесли его въ фамильную гробницу, въ Севилью. Десять лѣтъ спустя, эти

драгоцѣнные останки перевезены на отдаленный островъ Испаньолу, столько любимый адмираломъ при жизни: тамъ онъ хранился съ должнымъ уваженіемъ до 1795 года, когда островъ С.-Доминго испанцы уступили французамъ. Въ январѣ 1796 года прахъ Колумба торжественно ввезенъ въ Гаванну. Едва показалась на морѣ эскадра, которая везла его, пушечные выстрѣлы гремѣли торжественно до тѣхъ поръ, пока она обогнула «Моро»; при входѣ въ портъ сняли свинцовый густо позолоченный гробъ и передали генераль-губернатору Кубы, который съ блестящею свитою ждалъ его на набережной. Кортежъ, въ главѣ котораго былъ архіепископъ съ духовенствомъ, направился потомъ къ собору. Въ настоящее время бранные останки адмирала покоятся не въ гробѣ, но въ урнѣ изъ бѣлаго мрамора, поставленной въ нишѣ съ правой стороны главнаго алтаря. На пьедесталѣ, нѣсколько выдавшемся впередъ урны, слѣланъ бюстъ, говорить, очень похожій, а надъ нимъ вырѣзана епитафія, на испанскомъ языкѣ: «Останки и изображеніе великаго Колумба! Да возмогутъ они храниться въ этой урнѣ тысячи вѣковъ!» Если Гаванна когда-нибудь и лишится множества знаменитыхъ своихъ именъ, которыя все совмѣщаются въ прозваніи «Царицы антильскихъ острововъ» и все зависятъ отъ торговаго ея богатства—какъ слѣдствія ея отличнаго мѣстоположенія, она не потеряетъ блестящаго своего значенія, пока не перестанетъ быть хранилищею сокровища, которымъ владѣетъ теперь ея соборъ. Конечно, этотъ монументъ гению является издали взорамъ иностранца въ блестящемъ и торжественномъ величіи, какъ древняя Помпеева колонна на берегахъ Александріи.»

Климатъ Гаванны, какъ острова Мадейры, славится врачевнымъ пособіемъ людямъ, страдающимъ сухоткою или чахоточнымъ расположеніемъ. Больные живутъ здѣсь отъ праздника Всѣхъ Святыхъ до конца марта. Лѣто рѣдко проходитъ безъ появленія множества случаевъ желтой лихорадки. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною на мѣстѣ, эта ужасная болѣзнь обнаруживается такими признаками:—1) сильною болью во всей задней части головы; 2) почернѣніемъ ногтей; 3) выступленіемъ крови изъ носа, изъ всѣхъ поръ и десенъ. Если послѣдуетъ смерть, весь трупъ покрывается густою желтою краскою, какъ-будто кожа облита азотною кислотою (крѣпкою волкою); отсюда и прозваніе лихорадки. Обыкновенно она про-

должается три дня, даже когда губить свою жертву. Что касается до способа леченія отъ ней, одинъ опытный гаванецъ увѣрялъ меня, что европейцы напр. справляются съ ней, если успѣютъ захватить во время: 1) деревяннымъ масломъ, въ большомъ количествѣ, вышивая его фунтъ, если можно; 2) промывательнымъ изъ отвара проскурняка; 3) достаточнымъ кровопусканіемъ. Этими средствами совершенно спаслась примадона, упомянутая мною, когда постигла ее желтая лихорадка, вскорѣ по прїѣздѣ въ Гаванну.

Матанзасъ самый важный городъ въ Кубѣ, послѣ столицы, по крайней мѣрѣ по коммерческимъ сношеніямъ этого острова съ Франціей и Англійей; населенность его изъ 18-ти тысячъ душъ, гораздо слабѣе другихъ двухъ большихъ городовъ острова; т. е. Пуерто-Принципе и С.-Яго де-Куба; послѣдній лежитъ на южномъ берегу.

Сентября 18-го 1832 года больше половины С.-Яго разрушено ужаснымъ землетрясеніемъ и почти все народонаселеніе, испуганное чрезвычайными ударами, жило въ палаткахъ на морскомъ берегу.

Издали Матанзасъ представляетъ очаровательную картину; но, разсматривая его вблизи, немного предметовъ найдется достойныхъ вниманія, развѣ его великолѣпныя казармы, его публичная площадь, особенно его обширный и глубокій заливъ. Хотя положеніе его не слишкомъ южнѣ Гаванны, но жаръ въ немъ въ тысячу разъ удушливѣе и еще больше ночью, нежели днемъ.

Въ окрестностяхъ этого города разбросано много сахарныхъ плантацій. Туристу стоитъ посѣтить одну (чѣмъ пренебрегать не должно) и онъ можетъ имѣть полное свѣдѣніе обо всемъ процессѣ добыванія заморскаго сахара. Такъ-какъ теорія этихъ различныхъ операцій извѣстна теперь всему свѣту, то было бы излишне входить въ подробности фабрикаціи. Потому я не стану объяснять, какъ сначала давятъ тростникъ между двумя большими вертикальными цилиндрами, какъ кипятятъ выжатый сокъ въ три различные приема съ древесною золою и известью; не скажу также ни слова о томъ, какъ двусахарокислый поташъ (щелочь отъ древесной золы) и известь разлагаются потомъ сѣрною кислотою и

проч. Жители Кубы употребляютъ древесину тростника какъ удобрение, подъ именемъ *megasse*. Мелассъ, или некристаллизованный сахаръ, послѣ перегонки, даетъ родъ очень хорошаго рома, *рака*, какъ называется у нихъ. Но самый лучший ромъ получается и въ Кубѣ и въ Ямайкѣ перегонкою *tosco-vado* или грубаго сахара. Многимъ, можетъ быть, неизвѣстно, что тотъ же сахарный, островной песокъ входитъ (конечно, въ самомъ маломъ количествѣ) въ средство для усиленія бужета натурального шампанскаго.

Несмотря на предохраненіе сирона сахарнаго тростника отъ вреднаго вліянія болѣе или менѣе соленыхъ морскихъ вѣтровъ, по опыту многихъ ученыхъ парижанъ, плантаторы въ Матанзасѣ располагаютъ, впрочемъ, свои сахарные заводы близости къ заливу Флориды. Правда, они не пускаются за черту, на которой почва хотя слегка напитывается солью; потому что соль отъ прикосновенія къ сахару, что знаетъ и самый неопытный поваръ, вполне нейтрализуется, равно и сахаръ; тогда именно образуется новая соль, называемая сахарокислою содою.

Вкругъ сахарной плантаціи господствуетъ необыкновенная живость, особенно во время уборки; сборъ производится крайней-мѣрѣ два раза въ годъ; я самъ былъ тому свидѣтелемъ. По дорогѣ къ плантаціи бродятъ толпы негровъ въ панталонахъ, не болѣе, похожихъ на наши банные кольсоны. Смотря какъ они дружно, все въ-разъ топчутъ ногами тростникъ, съ широкими вилами или косами въ рукахъ, невольно принимаешь ихъ, по однообразію ихъ движеній, за огромную одушевленную машину, особенно, если прислушаешься къ дикому ихъ пѣнію, непрерывающемуся ни на минуту. Въ недалекомъ разстояніи отъ нихъ бѣгаетъ многочисленная толпа негритянокъ, также поющихъ, съ обѣдомъ, въ легкихъ корзинкахъ, для работниковъ. Справа и слѣва раздается у васъ въ ухахъ хлопанье бича, ржаніе муловъ, мычаніе быковъ—и все это принадлежитъ одной плантаціи. Нѣтъ надобности прибавлять, что самый непріятный предметъ здѣсь—бѣлый надзиратель за невольниками, невыпускающій изъ рукъ своего страшнаго кнута.

Количество сахару, которое ежегодно вывозится изъ Гаванны и Матанзаса, главнѣйшихъ пунктовъ сбыта этой важной

отрасли торговли, простирается въ настоящее время отъ 4 до 5 милліоновъ квинталовъ. Почти все это потребляетъ Великобританія, слѣдовательно двойную пропорцію противъ всей Франціи.

VIII.

Куба:

(Продолженіе).

Роскошная растительность.—Поля покрытыя ананасами, кофейными, кокосовыми деревьями, бананами и проч.—Королевская пальма.—Хлѣбное дерево.—Тапиока.—Желѣзная дорога въ Кубѣ.—Артезіанскій колодезь.—Цвѣтныя тропическія птицы.—Безголосыя собаки.—Потомки древнихъ жителей Кубы. Два вора.

Ни что не въ состояніи дать вамъ тоннаго понятія о чрезвычайной плодородности почвы Кубы и объ удивительномъ разнообразіи ея растительнаго царства. Идя отъ Гаванны къ Матавасу, на каждомъ шагу встрѣчали мы новую сцену и красота одного пейзажа, или другаго, казалось, становилась выше всякаго сравненія. Во многихъ мѣстахъ довольно припоминаешь картину дѣвственнаго лѣса въ Бразиліи, такъ прекрасно исполненную покойнымъ графомъ Кларакомъ, по сходству растительности, представленной тамъ и теперь находящейся предъ глазами. Немного подалее, на полѣ, которому нѣтъ конца, ни направо ни налево, мы нашли только ананасы. Потомъ мы проникли въ неизмѣримыя долины, по мѣстамъ гористымъ, покрытыя деревьями кофейными, ананасовыми, хлопчато-бумажными, кокосовыми, съ плодами; а тамъ дальше, на возвышенной почвѣ, видѣлась прекрасная куна царственныхъ пальмъ; иногда встрѣчаешь, даже у воротъ Гаванны, прекрасную *исею*, (каучукъ). Если сдѣлать надрѣзъ на стволѣ ея перочиннымъ ножичкомъ, эластическая камедь тотчасъ выходитъ въ видѣ бѣлой жидкости, которая, окисляясь на воздухѣ, темнѣетъ и становится вязкою.

Дерево, которое производитъ тапиоку, также растетъ на различныхъ пунктахъ острова; съ дрожжами извлекаемыми изъ корня этого растенія, называемаго маниокъ, жители Кубы готовятъ свой хлѣбъ, называемой у нихъ cassave; но чтобы сдѣлать экстрактъ изъ этихъ дрожжей, надобно высушить корни подъ сильнымъ прессомъ; потому что вытекающая изъ нихъ жидкость есть сильный ядъ. Что касается до тапиоки, онъ получается изъ тѣхъ же дрожжей, самымъ простымъ процессомъ дробленія.

Среди всѣхъ этихъ тропическихъ продуктовъ часто встрѣчаютъ родъ хлѣбнаго дерева, растущаго въ Восточной Индiи. Въ Кубѣ находятъ огромный дикiй виноградъ, которому столько удивляются въ прибрежныхъ лѣсахъ Миссиссипи; подобно колоссальному змѣю, онъ сначала обвиваетъ стволъ того или другаго вѣковаго дерева, во всю его длину; потомъ, перебросившись на вершину сосѣдняго дерева, обвиваетъ его спирально только въ противоположномъ смыслѣ, сходя внизъ, нѣрѣдко нагибаетъ онъ два почтенные ствола до такой степени, что рѣшительно можетъ ихъ уничтожить. По другимъ сторонамъ вашей дороги густыя сандалныя деревья обширно разстилаютъ отъ себя тѣнь.

Растеніе, польза котораго не уступаетъ пользѣ отъ всѣхъ исчисленныхъ нами, по услугамъ уже оправданнымъ и еще доставляемымъ всему человѣчеству, смиренный картофель. Онъ былъ найденъ, какъ извѣстно, Колумбомъ, на островѣ Кубѣ, когда великiй мореходецъ присталъ къ нему въ первый разъ. Островъ Куба славится картофелемъ и табакомъ, и всѣмъ извѣстно, что оба эти растенія принадлежатъ въ Ботаникѣ къ одному и тому же семейству пасленовидныхъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ одного береговаго пункта этого счастливаго острова бьетъ невзякаемый источникъ воды, совершенно прѣсной, изъ соляной массы, его окружающей. Жители Кубы и даже экипажи нѣкоторыхъ иностранныхъ судовъ нѣрѣдко запасаются водою у этихъ артезианскихъ колодезѣвъ новаго рода.

Изъ Гаванны въ Матаanzasъ идетъ желѣзная дорога на 80 миль; но туристъ, сѣвшiй въ вагонъ, нисколько не теряетъ; для него не мелькаютъ тѣню сельскія красоты, о которыхъ мы говорили; потому что поѣздъ движется довольно медленно.

но, останавливается въ различныхъ мѣстахъ поѣскольку часовъ; и на всей дорогѣ ни одинъ пейзажъ не укроется отъ взора ни вправо, ни влево. Эта желѣзная дорога, соединяясь съ Корденьями, устроена очень хорошо. Въ случаѣ какого нибудь несчастія и директоры и чиновники наказываются строго, если только будетъ доказано, что несчастіе произошло отъ невнимательности съ ихъ стороны. Притомъ, вагоны внутри прекрасны и чрезвычайно опрятны. Васъ никогда не беспокоитъ непріятный кашель вокругъ, что въ привычкѣ у мужчинъ Соединенныхъ Штатовъ, во всѣхъ слояхъ общества.

Вы не увидите тамъ сапоговъ болѣе или менѣе грязныхъ у вашихъ спутниковъ, которые, по-американски, положили бы ноги на спину вашей скамьи или рядомъ съ вами. Жители Кубы предвидѣли подобныя неудобства, потому что многіе американцы въ наше время часто посѣщаютъ ихъ островъ; вотъ, почему они въ каждомъ вагонѣ вывѣшиваютъ объявленія съ покорнѣйшею просьбою и съ учтивою настойчивостью, чтобы путешественники не грязнили ногами ихъ *assientos*, скамеекъ, покрытыхъ подушками. Соображая различныя удобства на желѣзной дорогѣ Матаanzas, нельзя пожаловаться и на довольно высокія цѣны за мѣста.

Для путешественниковъ, которые послѣ меня посѣтятъ островъ Кубу, полагаю, полезно сказать объ одномъ важномъ затрудненіи, постигшемъ меня во время переѣзда изъ Гаванны въ Матаanzas, потому только, что я заранѣе не взялъ у полиціи особаго позволенія на путешествіе внутри острова. Я полагалъ, что паспортъ, данный мнѣ алгвазиломъ, наканунѣ моего отправленія, достаточенъ. Ничего не бывало. Безъ посредства англійскаго консула въ Гаваннѣ, доставившаго мнѣ случай представиться генераль-капитану Конде Алкои (генералу Ронкали), меня не только осудили бы на тяжелый штрафъ, но и не позволили бы мнѣ выѣхать изъ острова по моему желанію.

Судя строго, я не находилъ эти полицейскія мѣры суровыми, потому что наканунѣ произошло большое нападеніе флибустьеровъ, которымъ пиратъ-Лепецъ, къ несчастію, первый положилъ начало; колоніальное правительство ихъ ждало. Какъ не скажешь, въ чувствѣ справедливаго негодованія: доколѣ же первенствующія образованныя націи Европы, сложивъ руки,

будутъ терпѣть эти жестокия нападенія, неоднократныя, американскихъ буканьеровъ на островъ Кубу? Въ настоящее время разбой раскинулись ужасно широко. Шайка негодяевъ, не давно составившаяся подъ именемъ «одинокой звѣзды», уже распространилась до четырехъ главныхъ пунктовъ. Она растетъ подобно огромному дереву: смерти, которое какъ *Волуп Урас* острова Явы заразить всю нравственную атмосферу націи, если не поспѣшатъ ее уничтожить. Конечно — дѣло Англіи взяться за корень и, нисколько не разсуждая, уничтожить ужасную гидру раздора, кроющуюся подъ его тѣнью. Но если, когда-нибудь эти воры, въ большемъ размѣрѣ успѣютъ завладѣть «жемчужиною Антильскихъ острововъ», то гордому Альбіону придется трепетать за «изумрудъ» своихъ владѣній на Антильскихъ островахъ: мы говоримъ о Ямайкѣ, гдѣ морскіе разбойники легко могутъ высадиться въ 24 часа, послѣ выхода ихъ съ острова Кубы.

Испанія желаетъ удержать эту очаровательную колонію не столько по получаемымъ доходамъ, а болѣе по ея географическому положенію. Недаромъ Кубу называютъ «ключемъ Мексиканскаго залива.» Торговля этого острова, нѣкогда запертая для всѣхъ иностранцевъ, открыта свободно съ 1824 г., нѣсколько спустя послѣ экспедиціи герцога Ангулемскаго въ Кадиксъ. Испанская казна почти не получала дохода отъ этой колоніи прежде 1824. Тѣмъ не менѣе, при свободной торговлѣ, островъ Куба, производящій на пятнадцать милліоновъ рублей серебромъ въ годъ, стоитъ Испаніи содержанія гарнизона изъ 25,000 человекъ, значительной эскадры и множества гражданскихъ чиновниковъ всякаго рода.

Генеральное бюро почтъ въ Гаваннѣ подчинено особенному вѣдомству, которое заслуживаетъ особенно объясненія. Когда иностранецъ освѣдомляется: есть письмо или нѣтъ на его имя, напрасно будетъ онъ обращаться съ вопросами къ чиновникамъ, которые часто никакого языка не знаютъ, кромѣ своего, то есть, испанскаго. Я, со дня прибытія въ Гаванну, обладая несовершеннымъ знаніемъ страны, принимался спрашивать главныхъ чиновниковъ почты по-французски, англійски и итальянски; но успѣха не было. Единственное средство удостовѣриться въ томъ, что васъ интересуетъ, пробѣжать терпѣливо огромный списокъ вывѣшиваемый въ наружной комнатѣ,

тотчасъ по приходѣ въ портъ всякаго иностраннаго судна. Несмотря на глубокое вниманіе, съ какимъ натурально каждый читаетъ этотъ списокъ, часто вы не выходите изъ сомнѣнія и запутанности пробъжавши его; потому что испанскіе чиновники пишутъ на-угадъ, множество собственныхъ именъ, которыя едва могутъ разобрать на оберткѣ иностраннаго письма. Слѣдовательно, при всей обязательности они коверкаютъ имена, такъ что ихъ совершенно не узнаешь.

Изъ птицъ, обитающихъ теперь въ рощахъ и въ саваннахъ Кубы, можно назвать попугаевъ, калибри и flamingo gese. Если издали посмотрѣть на два десятка этихъ фламинго, то въ первую минуту почтешь ихъ батальономъ солдатъ, въ англійскомъ мундирѣ съ бархатнымъ отливомъ; и это оправдывается еще болѣе при видѣ одного фламинго, котораго инстинктъ влечетъ впередъ своей толпы, остановившейся среди долины. Кромѣ аиста, который вдвое больше французскаго, вы найдете туземцевъ острова Кубы: зеленого дятла, утку, куропатку, голубя, такъ любимаго всѣми лакомками, по причинѣ аромата, сообщаемого его мясу пряностями, которыми онъ питается. Что касается до соловья, его нѣтъ въ Кубѣ, какъ и въ другихъ странахъ Новаго Свѣта, хотя первымъ испанскимъ мореходцамъ не разъ слышалось его мелодическое пѣніе. Знаменитый Колумбъ обманывался также въ существованіи на этомъ очаровательномъ островѣ коровы. Гумбольдтъ доказалъ, что черепъ, найденный знаменитымъ адмираломъ; по верхней точкѣ, называемой *алфа* и *омега*, не принадлежалъ, какъ онъ полагалъ, поколѣнію коровъ, но колоссальной породѣ тюленей и моржей, которыхъ очень много въ ближайшихъ мѣстахъ. При этомъ исчисленіи мы не должны забыть *безгласную собаку*; которая никогда не лаетъ; утинъ—родъ кролика, очень любимаго и *гуана*, которая похожа и на змѣю и на ужа и которой мясо очень нѣжно на вкусъ.

Въ ущельяхъ въ некоторыхъ горъ Кубы часто находили частички золота и жемчужныя раковины, подобныя раковинамъ паріи, которыя ловятся въ значительномъ количествѣ на южномъ берегу. Племя Монтеросъ, потомковъ первоначальнаго племени жителей Кубы, кажется наследовало кроткій и мирный характеръ своихъ предковъ. Мы не имѣемъ надобности вспоминать, какъ въ 1512 году король Фердинандъ принялъ под-

данство «перла Антильскихъ острововъ» и что это не стоило ему ни одного человѣка съ самаго открытія. Испанцы того времени не имѣли надобности призывать на помощь въ этомъ завоеваніи жестокія орудія истребленія туземцевъ, къ которымъ такъ безжалостно прибѣгали они во многихъ другихъ обстоятельствахъ. Мы говоримъ о кровожадной породѣ собакъ экзотическихъ, извѣстныхъ подъ именемъ собакъ—крово-пійць.

Первоначальные жители Кубы вѣрили въ существованіе другой жизни; они воображали, по словамъ Петра Мартира, что эхо, выходящее изъ глубины нѣкоторыхъ пещеръ, было только голосомъ ихъ усопшихъ братій, которые просили пищи. Открытіе этой прелестной колоніи послѣдовало семью днями позже открытія Гвангани, первой земли, къ которой присталъ Колумбъ въ архипелагѣ Новаго Свѣта; слѣдовательно, она была извѣстна прежде Доминго и Ямайки. Теперь повятно, почему безсмертный мореходецъ оканчивалъ свои письма къ Фердинанду и Изабеллѣ изъ глубины свѣжихъ и цвѣтистыхъ роцъ своего любимаго острова Кубы словами: «Монархи! въ этомъ зеленѣющемъ раю можно жить до послѣдней минуты своего бытія.»

Что касается народонаселенія испанцевъ и жителей Кубы, оно наблюдаетъ законы, говоря вообще, очень удовлетворительно. Митрополія обязана этимъ благополучіемъ живой дѣятельности генерала Ронкали. При нѣкоторыхъ генераль-капитанахъ, его предшественникахъ, часто происходили убійства на улицахъ Гаванны, среди бѣлаго дня. Конечно, и теперь бываютъ убійства; во время моего пребыванія въ этомъ городѣ одинъ былъ лишенъ жизни въ главной улицѣ, днемъ, человѣкомъ, который по чувству мщенія принялъ его за другаго. Также меня поразилъ одинъ необыкновенный случай при самомъ выѣздѣ изъ Гаванны съ Соединенные Штаты. Мы выхолили уже изъ порта на всѣхъ парахъ, какъ увидѣли, что за нами гонится гондола отъ правительства и кричитъ, чтобъ мы остановились, въ то время, какъ мы огибали плотину Фаролы. Тотчасъ алкадь съ двумя полицейскими вскочилъ на палубу и между множествомъ пассажировъ началъ отыскивать двухъ молодыхъ прикащиковъ, которые въ это утро убѣжали отъ одного столичнаго негоціанта и унесли съ

собою двадцать пять тысяч рублей серебромъ. Нашъ капитанъ клялся веѣмъ на свѣтѣ, что у него нѣтъ воровъ на кораблѣ, но аргусы Фемиды продолжали свои мелочные розыски. Не прошло четверти часа, они напали на слѣдъ двухъ промышленниковъ въ глубинѣ трюма, между огромною складкою антрацитоваго угля; воры думали скрыться среди этой удрушающей массы.

ПРИВИДѢНІЕ.

РАЗСКАЗЪ М. Я. ПОДАРЕВСКАГО.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, я посѣтилъ страну, преждее названіе которой теперь почти забыто, такъ что напрасно искалъ бы кто-нибудь границъ ея на самой подробной картѣ Европы. Она населена народомъ доселѣ мало извѣстнымъ. Объ немъ существуютъ разныя преданія. Въ этой странѣ господствуетъ нынѣ могущественное потомство Рудольфа Габсбургскаго, перешедшаго вершину тирольскихъ горъ и овладѣвшаго однимъ изъ могущественнѣйшихъ престоловъ Европы. Многочисленны владѣнія этого знаменитаго дома: отъ древнихъ жилищъ Дакіанъ почти до предѣловъ Рима простирается наслѣдіе его; 12-ю языками говорятъ вассалы могущественнаго государя; на одной головѣ покоится діадима цезарей, вѣнецъ Стефана, корона лонгобардскихъ королей и бесчисленное множество княжескихъ и графскихъ коронъ. Въ большемъ числѣ титуловъ заключается также корона Лузиньяновъ и королевства Лодомеріи, о географическомъ положеніи котораго и жителяхъ его я кое-что здѣсь упомяну.

Лодомерію или Владимірію составляютъ нѣсколько десятковъ селеній, лежащихъ по Россійской границѣ и простирающихся по прямой линіи отъ Дружкополя къ Бродамъ. Нѣсколько дворянъ составляютъ великихъ вассаловъ этого королевства. На-

роль, населяющій эту страну, называется *Рутены*. Онъ происхожденія славянскаго. Здѣсь были прежде и славянскія учрежденія; но они измѣнились вмѣстѣ съ названіемъ народа, который изъ независимаго сдѣлался только владѣльцемъ земли. Оттого въ каждомъ селеніи поставленъ каменный крестъ, въ память такого преобразованія и учреждено празднованіе этой новой народности, называемое *Святый Май*.

Слѣды славянскаго быта замѣтны здѣсь въ первой встрѣчной деревушкѣ. Въ одной изъ нихъ, на развалинахъ стариннаго замка, построенъ прекрасный новый домъ, среди сада и изящныхъ строеній; внутри его собрано все, что только можетъ доставить роскошь; но не роскошь богача,—а знатока и артиста. Можно бы заключить, что это жилище какого-нибудь лорда, или дача космополита,—совсѣмъ нѣтъ; потому что хотя мѣсто стариннаго зданія занялъ прекрасный домъ въ новомъ вкусѣ, но обычаи остались прежніе: славянское гостепрѣимство господствуетъ понынѣ и домъ всегда полонъ гостей, благодаря радушію и щедрости хозяина. Послѣ этого неудавительно, что я былъ тамъ частый гость и не разъ, среди длинныхъ осеннихъ вечеровъ, для меня незамѣтно проходило время.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ мы усѣлись возлѣ каміна и разговаривали о новомъ сочиненіи подъ заглавіемъ *«небылицы»*. Всѣ находили въ этомъ произведеніи много фантазій, а хозяйка дома, не по философскому взгляду, но по прямому убѣжденію, оспаривала существованіе многихъ такъ-называемыхъ сверхъестественныхъ случаевъ, говоря, что если разобрать большую часть изъ нихъ, то они имѣютъ основаніемъ, или незамѣченныя прежде событія, или слишкомъ живое воображеніе, а иногда и болѣзненное состояніе челоуѣка. Каждый изъ насъ, въ подкрѣпленіе мнѣнія Шекспира, что есть вещи въ природѣ, о которыхъ и не снлось нашимъ философамъ, что-нибудь рассказывалъ въ этомъ родѣ. Одинъ изъ собесѣдниковъ, богатый негоціантъ сообщалъ намъ слѣдующій разсказъ:

Сустя нѣсколько лѣтъ, говорилъ онъ, я вель торговлю деревомъ съ домомъ Бресслеръ и К° въ Штетинѣ. Хозяинъ этого дома Августъ Гильке навѣщалъ меня ежегодно для расчетовъ. Сношенія наши, близкое знакомство, породили между нами дружбу, неизмѣющую связи съ денежными интересами.

Оттого Гилке не скрывалъ отъ меня ничего; разсказывалъ объ успѣхѣ своихъ дѣлъ, въ увѣренности, что я буду радъ благопріятнымъ послѣдствіямъ его торговыхъ операцій. Въ доказательство значительной закупки товаровъ онъ показывалъ мнѣ контракты и письма. Одно изъ нихъ заключало въ себѣ весьма выгодныя предложенія богатаго владѣльца въ Помераніи, барона Феллеръ. Послѣдній слѣлался главою маіората, хотя старшій братъ его былъ еще живъ. Этимъ наслѣдованіемъ имѣнія и титула онъ обязанъ слѣдующему случаю.

Это было въ 1813 году, когда звѣзда Наполеона стала померкать; когда въ сѣвѣгахъ Россіи погибло многочисленное войско его и онъ, съ остатками своей арміи, подвигался къ берегамъ Рейна. Узнавши объ этомъ пораженіи, вся германская молодежь, возбужденная прокламаціями славнаго тогда партизана маіора Шилля, рвеніемъ прекрасной королевы и разсказываемою вездѣ богатырскою смертію принца Людовика, бросилась въ ряды защитниковъ угнетеннаго отечества. Двое молодыхъ людей, баронъ Феллеръ и товарищъ его, сынъ пастора, Эрнестъ Клейстъ поспѣшили вступитъ въ военную службу. Самая тѣсная дружба соединяла ихъ съ дѣтства: одинъ вкусъ, однѣ надежды; слѣдовательно неудивительно, что они вмѣстѣ начали и военное поприще.

Кому неизвѣстны подробности этой знаменитой войны? Кто не знаетъ, что со времени похода на Италію, никогда не блисталъ болѣе славными дѣйствіями геній Наполеона? Онъ удерживалъ побѣжденные войска; смѣлыми движеніями удвоилъ свои силы, свободно подвигаясь къ берегамъ Рейна. Во всѣхъ сраженіяхъ этой знаменитой кампаніи принимали участіе наши два друга. Оба были уже офицерами въ гусарскомъ полку и счастливая будущность открывалась предъ ними.

Они находились недалеко отъ Рейна, въ странѣ древняго рыцарства, гдѣ почти на всякомъ шагу старинный замокъ и о каждомъ изъ нихъ страшное преданіе. Авангардъ корпуса Блюхера встрѣтилъ сильный французскій отрядъ и началась упорная борьба, продолжавшаяся до вечера. Полкъ, въ которомъ служили молодой баронъ и Эрнестъ, три раза въ этотъ день сражался. Эрнестъ былъ слегка раненъ саблею и представленъ къ наградѣ.

Солнце клонилось уже къ западу, когда оба друга проѣзжали

поле сраженія, искавши мѣста, гдѣ стоялъ походной госпиталь, для оказанія пособія Эрнесту. Множество труповъ и раненыхъ покрывало поле; юноши съ сожалѣніемъ смотрѣли на страданія столькихъ жертвъ, когда изъ-за кустовъ послышался имъ подавленный болѣзнію крикъ:

— Бога ради!.. добей меня!.. они повернули въ ту сторону, откуда слышался голосъ и увидѣли офицера французскихъ драгуновъ, лежавшаго на землѣ. Сильный ударъ въ голову раздробилъ ему черепъ; изъ раненой груди кровь струилась ручьями, онъ останавливалъ ее травою, которую рвалъ подлѣ себя. Это былъ человѣкъ пожилыхъ уже лѣтъ, съ благородными чертами лица, на которомъ замѣтны были слѣды прежнихъ ранъ. Съ самоотверженіемъ стараго солдата онъ видѣлъ приближавшійся конецъ; чувствовалъ, что всякая помощь, оказываемая ему, была напрасна и, желая избѣгнуть скорѣе мученій, просилъ, чтобъ его добила. При видѣ этого лица, обезображеннаго конвульсіями, этой борьбы со смертію, сожалѣніе тронуло обоихъ юношей и баронъ тотчасъ сказалъ своему другу:

— Эрнестъ, надо скорѣе позаботиться о помощи.

— Я не того желаю отъ тебя, кричалъ французъ, добей меня, ради Бога! избавь отъ мученій! но молодой офицеръ повторилъ порученіе другу и когда Эрнестъ быстро поскакалъ за отысканіемъ помощи, баронъ слѣзъ съ коня, платкомъ старался унять кровь раненому, призывалъ его къ терпѣнію, увѣряя, что помощь вскорѣ прибудетъ; но французъ казался нечувствительнымъ на это увѣщаніе, потому что, махнувъ рукою, сказалъ наклонившемуся надъ нимъ молодому офицеру:

— Слушай, юноша! это не первая кампанія моя, не первая и рана: я понимаю хорошо; знаю, что для меня нѣтъ уже спасенія; если только имѣешь человѣческое чувство—освободи меня отъ страданій; я буду благословлять тебя.

Юноша вздрогнулъ отъ этого.

— Я не палачъ, не убійца, говорилъ онъ, чтобъ убивалъ беззащитныхъ; я хочу спасти тебя.

— Какъ ты простъ! сказалъ французъ.—Я десяти оказалъ бы подобную услугу, а ты боишься добить одного! Когда бы ты зналъ, что я налѣзалъ въ твоёмъ отечествѣ, сколько твоихъ земляковъ отправлялъ на тотъ свѣтъ, можетъ-быть даже кого-нибудь изъ твоихъ родныхъ ...рузей!..

Отъ этихъ словъ кровь закипѣла въ жилахъ молодого офицера, потому что у него была двоюродная сестра, очень имъ любимая, которая, попавшись въ руки французовъ, вслѣдствіе испытанныхъ отъ нихъ угрозъ и оскорбленій, отъ страха лишилась ума. Какъ бѣшеный, онъ подскочилъ къ своему коню, дрожащею рукою схватилъ пистолеть, какъ вдругъ кто-то удержалъ его сзади за плечо. Обернувшись, онъ увидѣлъ Эрнеста, который, удивившись его отчаяннымъ взглядамъ, вскричалъ:

— Что ты дѣлаешь? Сейчасъ явятся носильщики.

Вскорѣ глухой шумъ колесъ и пронзительный стонъ раненыхъ возвѣстилъ приближавшуюся помощь и охладилъ безразсудное намѣреніе юноши. Французъ съ усмѣшкою почти смотрѣлъ на барона, когда онъ доставалъ пистолеть; но, видя, что Эрнестъ не допустилъ злодѣянія и съ помощію прибывшихъ людей, положивъ его на носилки, помогалъ нести въ госпиталь, онъ впалъ въ бѣшенство: бранилъ, проклиналъ Эрнеста, наконецъ, лежа уже на носилкахъ, приподнялъ голову и закричалъ:

— Чтобъ тебѣ погибнуть отъ пріятельской руки! и упалъ отъ изнеможенія; носильщики двинулись впередъ.

Встревоженные душевно оба друга долго ѣхали въ молчаніи и поздно ночью разсуждали объ этомъ происшествіи. На другой день все двинулось впередъ, а черезъ нѣсколько дней перешли большую рѣку и были уже во Франціи, порабошавшей такъ долго ихъ отечество. Почти ежедневно происходило сраженіе и всякій разъ подвигались вглубь страны значительныя союзныя войска; когда же съ высоты Монтъ-Мартра увидѣли Парижъ, радость прусской арміи была неописанна, потому что они наиболѣе имѣли обидъ для отмщенія. Оттого-то вождь ихъ домогался триумфальнаго вшествія для своего войска, но Великодушный Императоръ Александръ I не хотѣлъ согласиться на это; тогда Блюхеръ объявилъ, что если ему не позволятъ пройти чрезъ заставы Парижа, то онъ войдетъ въ него насильно, при пламени пожара. Если Блюхеръ, этотъ старый вождь, упоенный счастіемъ, не имѣлъ мѣры въ радости, какія же чувства должны быть молодой его арміи? Слѣдовательно неудивительно, что и наши два пріятеля, упоен-

ные побѣдою, среди удовольствій, забыли о раненомъ драгунскомъ офицерѣ.

Долго пробыли они въ Парижѣ, гдѣ молодой баронъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца. Сдѣлавшись такимъ образомъ главою семейства, утѣшеніемъ огорченной матери и опекуномъ младшаго своего брата, онъ предполагалъ оставить службу и поселиться въ родительскомъ замкѣ. Представивъ это намѣреніе своему другу, баронъ уговаривалъ его возвратиться вмѣстѣ съ нимъ на родину. Эрнестъ одобрялъ такое намѣреніе; относительно же себя, долго не соглашался выйти въ отставку. Хотя прежде онъ никогда не думалъ сдѣлать карьеру въ военной службѣ, но теперь, имѣя уже и порядочный чинъ, и почетный орденъ, онъ не хотѣлъ оставить службы, потому что когда для молодаго наследника значительнаго имѣнія военная служба была какъ бы развлеченіемъ, сынъ бѣднаго пастора видѣлъ въ ней одно только средство къ жизни.

Съ невыразимою горестію услышалъ баронъ это намѣреніе своего друга; онъ употреблялъ все, что могъ, чтобы склонить его оставить службу, потому что къ отношеніямъ ихъ дѣтства, къ товариществу въ училищахъ, присоединилось еще новое, соединявшее ихъ зѣвно соучастіе въ сраженіяхъ. Долго противился этимъ убѣжденіямъ Эрнестъ, но видя глубокую печаль своего друга и убѣдившись, что товарищество его было какъ бы условіемъ благополучія для барона, далъ наконецъ слово подать въ отставку. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія во Франціи оставили Парижъ; но какъ они не хотѣли разстаться съ своими походными лошадьми, то путешествовали медленно.

Однажды вечеромъ, увидѣвъ, среди множества акацій, гостиницу, они остановились возлѣ нея, чтобы дать отдохнуть лошадямъ и вскорѣ за бутылкою Юаннисберга, сѣя передъ домомъ, разговаривали съ хозяиномъ гостиницы. Послѣдняя кампанія была предметомъ ихъ разговора, оттого оба юноши вспомнили, что недалеко отсюда мѣсто, гдѣ они подавали помощь раненому драгунскому офицеру. Обоиъ пришла мысль посѣтить еще разъ поле сраженія, гдѣ отличался Эрнестъ и тотчасъ же привели ее въ исполненіе. Взяли проводника, который, не зная, что говорить съ очевидцами здѣсь происходившей битвы, рассказывалъ имъ самыя мелкія объ ней по-

дробности. Послѣ краткой прогулки, узнали мѣсто, гдѣ сражался полкъ ихъ; недалеко къ кустъ деревьевъ, изъ за котораго французъ просилъ ихъ помощи; наконецъ мѣсто, гдѣ Эрнестъ, представленный корпусному начальнику, получилъ похвалу и обѣщаніе награды. Проводникъ, хотя изъ разговора ихъ могъ догадаться, что они были дѣйствующими лицами этой драмы, продолжалъ однакожъ свой рассказъ и указывая пальцемъ на возвышеніе, бывшее предъ ними, сказалъ:

— Тамъ стояли французскія колонны.

Взглядъ обоихъ юношей, слѣдя по направленію руки, остановился на небольшомъ замкѣ, который, какъ будто повисъ на крутой скалѣ. Лучи заходящаго солнца отражались на желѣзной крышѣ и маленькихъ стеклахъ узенькихъ оконъ башни, надъ которою, скрывая отъ вѣтра, вертѣлся флюгеръ. Это не были развалины, но больше казалось пустое жилище, потому что узкая прорѣзанная дорога, идущая по горѣ, во многихъ мѣстахъ была завалена камнями и поросла травою. Дворъ замка былъ обведенъ каменною стѣною; оставшаяся одна половина воротъ, повиснувъ на своей ржавой петлѣ, увисло скрывѣла, какъ будто бы досадуя на то, что не можетъ удержать непрошенныхъ посѣтителей. Стекла оконъ во многихъ мѣстахъ были уже выбиты; стѣны поросли растеніями; остроконечная крыша строенія просвѣчивала кое-гдѣ скважинами; въ долинѣ паслись козы и овцы; два мальчика, вѣроятно, пастухи этого небольшого стада, разстывшись на травѣ, играли съ собаками. Должно быть, это слѣды послѣдней кампаніи, подумали оба пріятеля и спрашивали проводника:

— Вѣроятно, французы разрушили этотъ замокъ?—Почему такое прекрасное строеніе и въ такомъ прекрасномъ мѣстѣ досихъ-поръ стоитъ пустымъ?

Не человѣческая рука разрушила его, отвѣчалъ проводникъ. Я помню еще ребенкомъ, когда замокъ былъ обитаемъ; но нынѣшній владѣлецъ не могъ жить въ немъ потому, что здѣсь происходили страшныя явленія. Долго не обращалъ на это вниманія хозяинъ замка, пока жена и одиночка-дочь его не заболѣли отъ страха; тогда онъ оставилъ прекрасную страну нашу и поселился гдѣ-то въ пескахъ Лузаціи.

Этотъ рассказъ о привидѣніяхъ заинтересовалъ бы всякаго.

а тѣмъ болѣе бывшаго воспитанника вѣмецкаго университета, начитаннаго фантастическихъ повѣстей и сказокъ, котораго идеаль—богатыри и приключенія, представляющаго себѣ какой-то идеально-рыцарскій міръ съ своимъ страннымъ вооруженіемъ, суровою и грозною фізіономією германцевъ среднихъ вѣковъ.

Съ любопытствомъ оба юноши стали разспрашивать проводника о подробностяхъ этихъ необыкновенныхъ происшествій въ замкѣ; онъ рассказывалъ имъ, что съ незапамятныхъ временъ жилъ здѣсь Видамъ изъ Гохберга, который, возвратившись изъ крестовыхъ походовъ, засталъ свою молодую жену, ложно извѣщенную объ его смерти, супругою другаго. Итакъ Видамъ, привыкшій на войнахъ съ невѣрными малые и большіе споры рѣшать мечемъ, недолго разсуждая, собралъ вассаловъ, овладѣлъ замкомъ счастливаго соперника, убилъ его собственною рукою, а жену заключилъ въ тюрьмѣ замка, гдѣ она умерла съ-голоду; потомъ, въ раскаяніи, желая умоливать небо, сдѣлался монахомъ. Говорятъ, будто бы съ тѣхъ поръ тѣнь несчастной жертвы бродитъ по заламъ замка; пронзительнымъ воплемъ взываетъ о помощи и страшитъ дерзкихъ, которые отваживаются здѣсь поселиться.

— Какъ только смеркнется, продолжалъ проводникъ, никто не смѣетъ приблизиться къ замку, потому что никому это не проходило даромъ.

Въ то время, какъ онъ говорилъ это, солнце скрылось за гору и юноши замѣтили, что два пастуха посиѣшно сгоняли разбѣжавшихся животныхъ и, оглядываясь на замокъ, спускались съ горы.

Какая-то странная мысль пришла, вѣроятно, обомъ нашимъ друзьямъ въ голову; они взглянули другъ-на-друга, какъ люди привыкшіе читать въ глазахъ одинъ у другаго, и Эрнестъ сказалъ:

— Слушай, Вильгельмъ, мы сражались до-сихъ-поръ съ людьми, а теперь войною съ духами окончимъ наше военное поприще.

— Ты угадалъ мысль мою, Эрнестъ, сказалъ баронъ; это будетъ новый предметъ для разговоровъ въ длинные зимніе вечера. Пойдемъ въ гостиницу, соберемъ какъ слѣдуетъ и проведемъ ночь въ старомъ замкѣ: тамъ мы увидимъ тѣнь

жены Видама; можетъ-быть, она удостоитъ насъ своимъ посѣщеніемъ.

Проводникъ, съ улыбкою недовѣрчивости слушаая разговоръ молодыхъ людей, шелъ за ними до самой гостиницы; но когда они, пришедши, объявили хозяину и прислугѣ о своемъ намѣреніи, всѣ очень испугались: хозяинъ умолялъ обоихъ друзей оставить это опасное предпріятіе. Старый Ганцъ, бывшій гусарскій сержантъ, слуга Эрнеста, со слезами на глазахъ просилъ его отстать отъ своего намѣренія, потому что онъ, рожденный въ Великихъ горахъ, съ дѣтства слышалъ сказокъ о страшныхъ привидѣніяхъ, зналъ наизусть балладу о золотомъ оселкѣ въ Кинау, о Кунегундѣ изъ Кенста и совершенно былъ увѣренъ въ томъ, что рассказываетъ. Но напрасны были просьбы его и хозяина гостиницы: Эрнестъ приказалъ принести корзину, положить въ нее двѣ свѣчи въ подсвѣчникахъ и двѣ запасныя; потомъ холодный ужинъ; когда же услужливый трактирщикъ поставилъ нѣсколько бутылокъ вина, Эрнестъ, взглянувъ на ихъ подписи, сказалъ шутя:

— Совсѣмъ не этого, потому что намъ предстоитъ посѣщеніе прекрасной дамы. Дюжину хорошаго *liebfrauen milch* положить въ корзину.

Хозяинъ вздохнулъ при такихъ неумѣстныхъ, по его мнѣнію, шуткахъ. Это не ускользнуло отъ вниманія Эрнеста, который умышленно прибавилъ:

— Но, можетъ-быть, прекрасное привидѣніе захочетъ также подкрѣпить себя нашимъ военнымъ ужиномъ? Для дамы нужно что-нибудь послаще, такъ надо еще бутылку строгвейну.

Оба юноши шутили весело со всего, смѣясь надъ суевѣріемъ; а старый Ганцъ, ворча подъ носъ, вкладывалъ въ корзину, кромѣ ужина и разныхъ напитковъ, двѣ трубки и киветъ съ табакомъ, колоду картъ и пару заряженныхъ пистолетовъ; наконецъ наши путешественники, взявши корзину, при блѣдномъ свѣтѣ лѣтней зари отправились втроемъ въ замокъ.

Заваленная камнями дорога во многихъ мѣстахъ непріятна была для прохода по ней; съ большимъ трудомъ прошли ее и остановились на подворьи. Эрнестъ взялъ корзину изъ рукъ стараго гусара, который лучше желалъ-бы, какъ говорилъ, ударить во флангъ наполеоновой гвардіи, чѣмъ идти въ эти заколдованныя мѣста. Въ большихъ и высокихъ сѣняхъ зажгла свѣ-

чу и по каменнымъ крутымъ лѣстницамъ взшли наверхъ; тотчасъ, безъ сопротивленія, баронъ отворилъ двери налѣво и они очутились въ большой залѣ. Огромный каменный каминъ весь въ рѣзбѣ, вверху котораго четверугольный гербъ; нѣсколько выше вставленный въ стѣну портретъ какого-то рыцаря, вѣроятно, крестоносца, потому что на панцырѣ былъ нарисованъ крестъ, а у пояса висящія четки. Длинные перья шишака осѣнили лице этого вятзя, а въ небольшомъ пространствѣ отодвинутаго щита свѣтилось двое глазъ, какъ два карбункула. Былъ-ли это портретъ самого Видама? Подобная мысль пришла въ голову обомъ юношамъ; они долго всматривались въ мужественную осанку этого лица, а потомъ, обойдя кругомъ пустую залу, вошли въ нѣсколько-меньшую, повидимому библіотеку, потому что воокругъ были полки и на нихъ лежало нѣсколько книгъ и свертковъ пергамена.

— Здѣсь можно бы намъ переночевать, говорилъ Эрнестъ своему другу; но съѣсть не на чемъ; поищемъ далѣе.

И, обходя кругомъ, увидѣли узенькія запертыя двери, которыя съ трудомъ отворили и когда переступили порогъ, то Эрнестъ, поднявши свѣчу вверхъ, воскликнулъ, обрадовавшись:

— Вотъ, наконецъ, то, что намъ надо! и указалъ на нѣкоторую мебель, стоявшую въ комнатѣ.

Мебель эта состояла изъ чернаго дубоваго стола, отличной работы; нѣсколько высокихъ креселъ; небольшая скамья, между двумя узкими окнами, въ углу довольно высокая кровать, округленная бронзовою балюстрадою. Все въ этой комнатѣ носило на себѣ печать древности: ветхіе обои представляли какую-то миеологическую сцену; на выпукломъ потолкѣ блѣстала позолота; посрединѣ висѣла бронзовая лампа; окна были закрыты тщательно ставнями, прикрепленными желѣзными прутьями; удушливый воздухъ наполнялъ комнату; видно было, что здѣсь давнымъ-давно никто не жилъ. Все это произвело печальное впечатлѣніе на барона, потому что онъ совѣтывалъ другу искать другаго пріюта; но Эрнестъ смѣялся, видя обращеніе друга и говорилъ весело:

— Настоящее мѣсто наиболее соответствуетъ нашему походу, потому что крѣпко закрытыя окна, старинная мебель, наконецъ ненарушимость, въ какой они до-сихъ-поръ сохранились, все это заставляетъ думать, что, вѣроятно, здѣсь жестокій Видамъ заключилъ свою несчастную жену; страхъ болѣе

сберегалъ это мѣсто отъ уничтоженія, чѣмъ затворы и замки. Сядемъ-ка смѣлѣе...

Скрывая нехотѣніе, баронъ помогаль своему другу устанавливать столъ, стулья и провизію. Наконецъ оба усѣлись одинъ противъ другаго; двѣ свѣчи горѣли на столѣ, пистолеть лежалъ подъ-рукою у каждого. Они, наполнивъ стаканы виномъ, заѣли пѣсню, которая разносилась по заламъ замка. Кто не знаетъ, что пѣснями нѣмецкіе студенты любятъ разнообразить свои веселыя пирушки? Такъ долго пѣли оба друга; послѣ каждой пѣсни опорожняли бокалы; наконецъ въ знакъ дружбы, пожали другъ-другу руку. Эрнестъ воскликнулъ:

— Вивать!

— Вивать! повторилъ баронъ и, осушивъ сполна бокалы, обнялись по-братски.

— Помнишь ли, Вильгельмъ, сказалъ Эрнестъ, какъ раненый французъ, котораго мы спасали, окончилъ рядъ злословій своихъ желаніемъ, чтобъ я погибъ отъ пріятельской руки. Но отъ чьей-же?— Не отъ твоей, другъ мой, потому что прежде-бы мѣръ кончился, чѣмъ мы, какъ враги, могли-бы вооружиться; отъ чьей-же руки мнѣ погибнуть, спрашиваю?

Онъ задумался, и потомъ съ веселостію, которую удвоили частыя тосты, вскричалъ:

— Чортъ-возьми его пустыя слова! мы съиграемъ партію въ ланцкнехтъ.

И такъ попеременно, то разговаривая, то попивая, они играли.

Спустя нѣсколько времени Эрнестъ взглянулъ на часы.

— Полночь приближается, сказалъ онъ, это часъ привидѣній; можетъ-быть, однакожъ, покажется намъ прекрасная жена Видама.

Отодвинувъ карты, онъ оперся рукою на столъ и съ фантазіей пьянаго вызывалъ духовъ, припоминалъ случаи кампаній, роскошь Парижа и слова его были всякій разъ прерываемы; нѣкоторыя выраженія непонятны — это былъ почти второй періодъ опьяненія, что не укрылось отъ вниманія барона. Послѣдній, имѣя голову крѣпче своего друга, съ прискорбіемъ видѣлъ, что онъ начинаетъ терять присутствіе духа; нарочито предлагалъ ему разные вопросы, на которые сперва отрывисто отвѣчалъ Эрнестъ, а потомъ постепенно отвѣты становились рѣже; наконецъ, не получалъ никакихъ. Баронъ посмотрѣлъ

на него и увидѣлъ, что онъ, опершись головою на ручки кресель, заснулъ. Имъ овладѣлъ страхъ, увидѣвъ себя одного въ этомъ старомъ зданіи; всматриваясь тревожно кругомъ, баронъ снялъ со свѣчи, взвелъ курокъ пистолета и погрузился въ раздумье. Наступила торжественная тишина. Ее прерывало только ускоренное дыханіе Эрнеста и крикъ ночной птицы гдѣ-то вдали. Баронъ, опершись на руку, сидѣлъ неподвижно; потомъ показалось ему, что слышитъ какой-то шорохъ въ библиотекѣ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу; инстинктъ самосохраненія побудилъ его искать обороны; дрожащею рукою онъ схватилъ пистолетъ и съ бьющимся сердцемъ ожидалъ привидѣнія. Но, вотъ, шаги все ближе и ближе... раздался выстрѣлъ...

Уже взошло солнце и лучи его, съ трудомъ пробиваясь черезъ густоту акацій, заглядывали съ любопытствомъ въ окна гостинницы, въ которой Ганцъ и остальная прислуга ожидали возвращенія смѣлыхъ юношей. Прежде всѣхъ поднялся проворный хозяинъ; заботясь о своихъ гостяхъ, онъ пошелъ разбудить Ганца и узнать, возвратился-ли баронъ съ пріятелемъ; но какое было его удивленіе, когда получилъ отвѣтъ, что ихъ до-сихъ-поръ нѣтъ. Онъ задумался нѣсколько, потомъ сказалъ:

— Ганцъ! послѣ вкуснаго ужина и моего *liebfrauenmilch*, вѣроятно, наши храбрецы заснули крѣпко. Вотъ то-то будутъ шутить по возвращеніи надъ страхомъ нашимъ! Но всё-таки я тѣмъ временемъ прикажу приготовить завтракъ для нихъ.— Ганцъ съ товарищемъ чистилъ въ это время любимыхъ лошадей двухъ пріятелей.

Часы проходили. Заботливый хозяинъ часто поглядывалъ на гору замка; старый Ганцъ не менѣе сталъ беспокоиться. Начиная съ двухъ часовъ, онъ, заложивши вазалъ руки, не спускалъ глазъ съ изгибающейся дороги къ замку; но когда пробило 8, а юношей еще не было, онъ воскликнулъ:

— Это что-то необыкновенное, я пойду въ замокъ!

Хозяинъ, видно, раздѣлялъ его опасенія, потому что объявилъ, что будетъ ему сопутствовать. Тотчасъ-же Ганцъ и слу-

га барона, привѣсивъ сабли, зарядили пистолеты; хозяинъ взялъ старую винтовку, двухъ прислужниковъ, одного съ топоромъ, а другаго съ вилами и такъ отправились въ замокъ.

Они прошли узкою дорожкой, которой извороты зналъ хорошо Ганцъ, потому что проходилъ ее два раза. Остановившись на дворѣ замка, они построились въ военный порядокъ. Ганцъ съ пистолетомъ въ рукахъ и саблю на темлякѣ, шелъ въ авангардѣ; берейторъ барона и двое слугъ составляли корпусъ; а похоть заключалъ прозорливый хозяинъ гостинницы. Въ такомъ порядкѣ прошли они лѣстницу и тотчасъ растворенная налѣво дверь указала имъ дорогу розысканія. Такимъ образомъ, пройдя залу, очутились въ библиотекѣ; по краткомъ осмотрѣ ея Ганцъ открылъ небольшія двери. Повернули замокъ; но двери немного отворились, потому что какая-то тяжесть внутри завалила ихъ. Старый гусарь толкалъ ихъ сильнѣе; двери съ шумомъ ударились объ стѣну и вдругъ крикъ ужаса и удивленія испустили присутствующіе, потому что у дверей, плавая въ собственной крови, лежалъ убитый Эрнестъ; его-то тѣло завалило входъ въ комнату. Посрединѣ ея стоялъ столъ съ остатками ужина; возлѣ опрокинутого стула лежалъ баронъ, блѣденъ какъ мертвецъ. Ганцъ подскочилъ къ нему, посмотрѣлъ на голову, потомъ разорвалъ платье; но на головѣ, равно какъ и на груди не было никакой раны; онъ положилъ руку на сердце и убѣдившись по слабому биенію его, что баронъ еще живъ, закричалъ:

— Воды, воды, скорѣе! это только обморокъ!

Всѣ засуетились около больного и стали приводить его въ чувство; потомъ, когда онъ открылъ глаза, старый Ганцъ испугался еще болѣе, потому что это былъ взглядъ сумасшедшаго. Сдѣлали наскоро носилки, четверо понесли барона внизъ, а одинъ изъ слугъ побѣжалъ впередъ въ гостинницу, чтобъ послать скорѣе за докторомъ и увѣдомить мѣстное начальство ближайшаго городка о случившемся происшествіи.

Лекаръ и полицейскіе чиновники прибыли почти въ одно время, а съ ними множество любопытныхъ, потому что вѣсть о происшедшемъ случаѣ въ замкѣ быстро разнеслась по округу. Больному пустили кровь; ослабленный обильнымъ истеченіемъ ея, онъ заснулъ; между-тѣмъ чиновники отправились въ замокъ и тамъ, осмотрѣвъ тѣло несчастнаго Эрнеста, убѣдились, что пуля попала въ правый бокъ его, прошла сквозь

сердце и раздробила руку; но ни что не показывало имъ убійцы. Ожидали пробужденія больного, чтобы узнать отъ него объ этомъ.

Къ вечеру баронъ пробудился; онъ посмотрѣлъ спокойно на сидѣвшаго возлѣ его кровати Ганца; когда-же докторъ, входя, отворилъ двери, больной, увидѣвъ въ сосѣдней комнатѣ множество людей, спрашивалъ о причинѣ такого сбора. Этотъ вопросъ убѣдилъ доктора, что разсудокъ воротился больному; но боясь испугать его, чтобъ болѣзнь не возвратилась опять, медикъ отвѣчалъ, что желаютъ узнать отъ него о страшномъ случаѣ, который привелъ его въ безпамятство. Больной, вѣскольکو подумавъ, съ большею основательностію просилъ, чтобы ввели полицейскихъ чиновниковъ и присутствующихъ. Вся комната тотчасъ наполнилась людьми. Баронъ началъ съ извѣстныхъ намъ случаевъ, т. е. эпизода офицера драгуновъ, потомъ похода въ замокъ, затѣмъ ужина, попойки и свадьбы Эрнеста.

— Я сидѣлъ тогда проникнутый страхомъ, говорилъ баронъ, фантастическія видѣнія представлялись мнѣ въ мысляхъ и колеблемый удивительными какими-то грѣзами я заснулъ. Не знаю, какъ долго продолжалось усыпленіе, когда показалось мнѣ, что слышу шорохъ въ библіотекѣ, потомъ шага, наконецъ существо, изнуренное, блѣдное, будто заморенная голодомъ жена Видама появилась на порогѣ. Лице ея было впавшее и блестящій взглядъ ея глазъ, устремленныхъ недвижно на меня, казалось, проникалъ мнѣ въ самую душу и леднилъ кровь... Платье ея, монашескаго покроя, было подпоясано шнуромъ, а волосы въ безпорядкѣ покрывали плечи. Она тихо приближалась къ столу; одною рукою взяла свѣчу, другою дотронулась до меня, ударивъ по плечу.

— Ступай за мной, сказала она. Я, какъ-бы побуждаемый непонятною силою, не шелъ; но, лучше сказать, кинулся вслѣдъ за ней. Черезъ пустыя залы и комнаты я спустился внизъ, гдѣ-то въ подземелье, прошедши которое, потомъ очутился въ гробницахъ замка. Привидѣніе, все въ бѣломъ, подняло свѣчу вверхъ и я увидѣлъ множество великолѣпныхъ гробовъ, блестящихъ рѣзьбою и золотомъ; потомъ, протянувъ руку, указало мнѣ на одинъ гробъ, стоявшій въ сторонѣ, скромнѣе прочихъ; я приблизился къ нему; бѣлое существо

скинуло покрывало—я я увидѣлъ знакомаго намъ драгунскаго офицера. Онъ всталъ изъ гроба и могильнымъ голосомъ спросилъ:

— Узнаешь-ли меня? Испуганный взглядъ мой долженъ былъ явственно говорить, что я узнаю его, потому, что послѣ краткаго молчанія, онъ вскричалъ;

— Ты не хотѣлъ добить меня!.. колебался!.. а знаешь-ли, кто я таковъ?—Я оскорбитель твоей невѣсты, теперь сумасшедшей, бѣшеной!.. и адскій смѣхъ вырвался изъ груди француза. Кровь хлынула мнѣ въ голову. При этомъ воспоминаніи, желая отмстить, я поднялъ пистолетъ, взвелъ курокъ... тогда гулъ выстрѣла потрясъ своды стараго замка и пробудилъ меня отъ усыпленія. Безпокойными глазами взглянулъ я около себя: какое-же зрѣлище, о Боже, представилось глазамъ моимъ! Предо мною лежалъ Эрнестъ, блѣденъ, окровавленъ, съ усиленнымъ сжимая раненую грудь, потомъ заметался, и голосомъ, котораго никогда не забуду, вскричалъ:

— Сбылись зловѣщія слова француза!.. и сталъ мертвъ, а меня оставилъ разсудокъ; потомъ я не знаю, что слѣдалось далѣе...

Здѣсь онъ остановился, съ безпокойствомъ посмотрѣвъ на присутствующихъ. Докторъ и Гандцъ приблизились къ кровати.

— Кто меня сюда принесъ? спрашивалъ несчастный баронъ; гдѣ я?.. что вы за люди?.. кричалъ онъ и металъ кругомъ бѣшенный взглядъ. Потомъ съ пронзительнымъ крикомъ вскочилъ съ постели; когда его схватили, онъ кусалъ, царапалъ держащихъ его, такъ что должны были связать несчастнаго.

Разсказъ этого невольнаго убійства былъ единственною минутою здраваго разсудка для барона. Съ-тѣхъ-поръ бѣшенство не оставляло его и въ такомъ состояніи привезли его въ родительскій замокъ, гдѣ старанія медиковъ на столько принесли ему облегченія, что изъ бѣшенаго онъ слѣдался безвреднымъ сумасшедшимъ.

Сиустя 25 дѣтъ послѣ этого происшествія, торговля дѣла привели Августа Гильке въ домъ барона Фелдери, брата и наследника несчастнаго убійцы Эрнеста. Хотя Гильке и бывалъ

прежде въ округѣ, гдѣ жилъ баронъ и слышалъ не разъ разсказываемую трагическую повѣсть о старшемъ братѣ его, но никогда не заводилъ съ нимъ объ этомъ разговора, не желая огорчать его неприятными воспоминаніями.

Обыкновенно посѣщенія Гильке были зимою, какъ во время вырубкн лѣса; когда, однако-же, кончился контрактъ и баронъ сдѣлалъ новыя предложенія, то онъ прибылъ лѣтомъ и гостилъ долѣе обыкновеннаго. Хозяинъ проводилъ своего гостя по саду, который былъ прекрасенъ и обширенъ, разсказывая ему о предполагаемыхъ улучшеніяхъ; Гильке восхищался прекрасными видами и старательнымъ содержаніемъ парка. Разговаривая такимъ образомъ, они пришли къ мѣсту, гдѣ садъ сходился съ лѣсомъ и Гильке увидѣвъ большой павильонъ, обвитый распущенными вѣтвями, не могъ скрыть своего удивленія, потому что бывая прежде еще въ домѣ барона не замѣчалъ его вовсе. Онъ спросилъ съ любопытствомъ: «кто живетъ въ этомъ красивомъ домикѣ?» — Баронъ отвѣчалъ неохотно, отрывисто и поворотилъ въ другую сторону. Это не мало удивило Гильке. Онъ заключилъ, что, вѣроятно, прекрасное уединеніе скрываетъ какое-либо сокровище, которое бережетъ ревность барона. Поэтому, изъ вѣжливости, онъ не предлагалъ ему болѣе вопросовъ и молча шелъ за нимъ по дорожкѣ, обсаженной тѣнистыми деревьями. На одномъ поворотѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ передъ ними, стоялъ большой вязъ и подтѣнію его сидѣлъ кто-то согнувшись и палочкою чертилъ по песку. При видѣ его баронъ невольно смѣшался, не зная, итти ли ему впередъ, или нѣтъ; но какъ здѣсь вела одна только дорожка, то нельзя было миновать ее.

Баронъ и Гильке шли молча оба; послѣдній имѣлъ время разглядѣть сидѣвшаго подъ деревомъ. Это былъ человекъ среднихъ лѣтъ, съ длинною бородою и огромными усами, закрывавшими половину лица его; военная фуражка прикрывала коротко-остриженные волосы на головѣ; на немъ былъ богато-вышитый гусарскій доломанъ. Онъ сидѣлъ на деревянной скамейкѣ и, какъ я сказалъ уже, что-то чертилъ по песку. Подлѣ него стоялъ толстый, повидимому, довольно здоровый еще старецъ, длинныя усы котораго и тщательно зачесанные бакенбарды были бѣлы какъ снѣгъ; высокій носъ его изрытъ морщинами и шрамомъ. Когда баронъ подошелъ, онъ снялъ

фуражку, вытянулся, вверилъ взглядъ въ него и въ этомъ положеніи ожидалъ, вѣроятно, вопроса. Баронъ, поспѣшно удаляясь, спросилъ его:

— Въ какомъ положеніи? — И указалъ на чертячаго по песку.

— Спокоенъ, отвѣчалъ старикъ, не измѣняя своего положенія. Вдругъ сидѣвшій подъ деревомъ приподнял голову, бросивъ безпокойный взглядъ на барона.

— Что-жь, Карлъ? спросилъ онъ, скоро-ли пріѣдетъ Эрнестъ, скажи мнѣ?

— Скоро, скоро, другъ мой, отвѣчалъ баронъ. — Онъ пишетъ ко мнѣ, что его задерживаютъ дѣла въ Берлинѣ, но теперь уже исполнилъ ихъ и пріѣдетъ обнять тебя.

Радостная улыбка блеснула на лицѣ спрашивающаго; онъ быстро вскочилъ со скамейки и обратился къ старикку:

— Слышишь-ли! закричалъ онъ, возвращается!.. мой милый Эрнестъ возвращается!.. Слѣдовательно это неправда, что говорили, будто онъ погибъ; чѣмъ его убилъ другъ... О! мы пойдемъ опять на войну... храбрый Блюхеръ поведетъ насъ... возьмемъ Парижъ... побьемъ французовъ...

И, будто мечемъ, размахивалъ палкою; потомъ надвинулъ фуражку на ухо и, ставъ въ военную позицію, началъ маршировать. Старикъ, привыкшій къ этому зрѣлищу, наблюдательнымъ глазомъ слѣдилъ шаги его. Баронъ, печально вздохнувъ, отворотился, а Гильке смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на бѣднаго сумасшедшаго. Минута радости была непродолжительна, потому что сейчасъ-же несчастный страдалецъ опять сѣлъ на прежнее свое мѣсто, опустилъ голову на грудь, немного подумавъ, а потомъ удивительно пріятнымъ голосомъ запѣлъ какую-то пѣсню; но такъ печально, что встревоженный баронъ, схвативъ за руку своего гостя, сказалъ:

— Пойдите скорѣе, я не могу слышать этого пѣнія. — И оба пошли поспѣшно, молча до-тѣхъ-поръ, пока слышались грустные напѣвы; а потомъ, когда въ отдаленіи затихло пѣніе, баронъ остановился; онъ утеръ катившіяся съ лица поты и, обратясь къ своему компаніону, сказалъ:

— Знаете-ли, кто этотъ несчастный?

— Догадываюсь, отвѣчалъ Гильке.

— Слѣдовательно, вамъ извѣстна печальная исторія его?

— Мнѣ рассказывали ее со всѣми подробностями; но я никакъ не рѣшился спросить васъ объ этомъ.

— Уже 25 лѣтъ онъ находится въ такомъ положеніи, какъ вы видите, продолжалъ печально баронъ; но я никакъ не могу привыкнуть къ этому несчастію. Всякій разъ, какъ только онъ увидитъ меня, всегда спрашиваетъ о своемъ другѣ; я отвѣчаю—что пріѣдетъ; потомъ онъ еще болѣе предается какой-то невольной грусти, всегда пагубной для его здоровья. Оттого доктора совѣтуютъ мнѣ избѣгать свиданія съ нимъ. Вы теперь понимаете уже причину нерѣшимости моей, когда я увидѣлъ его сидящаго подъ деревомъ. Онъ полюбилъ этотъ небольшой павильонъ, на который вы обратили вниманіе; въ немъ я помѣстилъ его съ старымъ слугою, неоставляющимъ его никогда.

— Этотъ старикъ, спросилъ Гальке, не тотъ-ли самый сержантъ, о которомъ говорятъ, что нашелъ его въ безпамятствѣ въ Рейнскомъ замкѣ?

— Онъ самый, отвѣчалъ баронъ.—Это одно только существо, которое любитъ и слушаетъ несчастный Вильгельмъ; оттого-то, какъ старикъ заболѣлъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, братъ мой, не видя его, впалъ въ бѣшенство и въ этомъ состояніи находился, пока больнои не выздоровѣлъ. Но добрый Гандъ уже слишкомъ старъ; когда его не станетъ, я не знаю, въ-самомъ-дѣлѣ, кто мнѣ замѣнитъ его...

И въ грустномъ раздумьи шелъ баронъ далѣе, потомъ прибавилъ:

— Но несповѣдимы судьбы Божіи, а намъ съ покорностію надлежитъ покоряться Его святой волѣ.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО О ФРАНКЛИНѢ.

СЪ КАРТОЮ НОВѢЙШИХЪ ОТКРЫТІЙ НА СѢВЕРѢ.

Въ 1845 году Сиръ Джонъ Франклинь съ судами «Эребомъ» и «Терроромъ» предпринялъ третью экспедицію для открытія *сѣверозападнаго прохода*. Ему сопутствовали капитаны Фитцъ-Джемсъ и Крозьеръ.

По инструкціи, Франклину предписывалось отправиться изъ Баффинова залива въ проливъ Барровъ, потомъ отъ мыса Вокера идти къ сѣверозападу и достигнуть Берингова пролива; если же, на этомъ пути, встрѣтятся препятствія — пытаться идти туда черезъ каналъ Веллингтоновъ.

20 іюня 1845 встрѣтилъ эту экспедицію въ Баффиновомъ заливѣ китоловъ Мартинъ; Франклинь имѣлъ съ нимъ свиданіе и сказывалъ ему, что имѣетъ провизіи на пять лѣтъ, а еслибъ встрѣтилась надобность, то ея хватитъ и на семь лѣтъ. 26 іюня еще видѣлъ Франклина китоловъ Донпетъ и, съ-тѣхъ-поръ, не было о немъ никакихъ уже извѣстій.

Наконецъ завѣса, девять лѣтъ скрывавшая судьбу отважнаго мореплавателя и его товарищей, раскрылась..... Опасенія насчетъ ихъ были не напрасны. Всѣмъ извѣстно содержаніе письма доктора Ре къ секретарю Англійскаго Адмиралтейства отъ 29 іюля 1854 г. изъ залива Репюльсъ *. Мы не будемъ приводить здѣсь всего письма, а припомнимъ только, что Ре встрѣтилъ на берегу залива Пелли Эскимосовъ, отъ которыхъ узналъ, что отрядъ бѣлыхъ людей погибъ отъ голода въ 1850

* Къ югу отъ залива Ботін.

году на американскомъ берегу близъ устья рѣки, которую Эскимосы называютъ Ду-ко-ги-ка-ликъ (рѣка Бакъ). Тамъ найдены были тридцать труповъ и еще пять на соседственномъ островѣ, — вѣроятно, первыя жертвы голода; прочіе лежали подъ палаткой, подъ опрокинутой шляпкой, и нѣсколько тѣлъ разбросано было по разнымъ мѣстамъ. Въ числѣ людей, погибшихъ на островѣ, надобно полагать и начальника, или по крайней-мѣрѣ офицера. У него на ремнѣ чрезъ плечо былъ телескопъ и тутъ же лежало двуствольное ружье.

Судя по искаженіямъ труповъ и остаткамъ пищи въ котлахъ, Эскимосы полагаютъ, что бѣлые люди, для поддержанія своего существованія, въ послѣдней крайности, прибѣгали даже къ людоедству.

На землѣ найдены были изломанные часы, компасы, зрительныя трубы и ружья, серебряныя ложки и вилки. Въ порохѣ, повидимому, у путешественниковъ не было недостатка: Эскимосы нашли его въ пороховницахъ и ссыпали въ одну кучу.

Здѣсь должно замѣтить, что ни одинъ изъ этихъ Эскимосовъ не видалъ бѣлыхъ людей, и даже не былъ на мѣстѣ ихъ гибели, но все это узнали они и приобрѣли вещи отъ другихъ дикарей, видѣвшихъ бѣлыхъ людей на пути и потомъ нашедшихъ ихъ трупы.

Въ числѣ добытыхъ докторомъ Ре отъ Эскимосовъ предметовъ находятся: серебряная тарелка съ вырѣзаннымъ на ней именемъ Сира Джона Франклина, нѣсколько серебряныхъ ложекъ и вилокъ съ вензелями Франклина, капитана Крозьера и другихъ офицеровъ, звѣзда ордена Гвельфовъ, которую имѣлъ Франклинъ, и проч. Всѣ эти вещи несомнѣнно свидѣтельствуютъ о гибели Франклина и его спутниковъ. Остается рѣшить: какую степень довѣренности вообще заслуживаютъ показанія Эскимосовъ.

Въ бывшемъ особомъ собраніи Лондонскаго Географическаго Общества, путешественникъ Ре объявилъ доктору Скорезби и капитанамъ Келлету, Макъ-Клюру и Осборну, что не имѣетъ повода сомнѣваться въ справедливости показаній Эскимосовъ.

Докторъ Скорезби полагалъ, «что когда суда Франклина затерты были льдами и не было возможности изъ нихъ выйти, знаменитый путешественникъ, конечно, долженъ былъ на что-нибудь рѣшиться. По всей вѣроятности, экипажъ, оставивъ суда, избралъ разныя дороги; Франклинъ, съ своею партією

направился къ Американскому материку, по которому нѣкогда путешествовалъ».

Полковникъ Сабинъ выразилъ слѣдующее мнѣніе: «Сиръ Джонъ Франклинъ не проникалъ въ Веллингтоновъ каналъ; но, исполняя въ-точности данную ему инструкцію, направился на юго-западъ къ мысу Вокеру, а оттуда къ берегу Америки, и на этомъ-то пути былъ затертъ льдами».

Капитанъ Осборнъ также думаетъ, «что Сиръ Джонъ Франклинъ, слѣдуя инструкціи, пустился на юго-западъ къ мысу Вокеру и, встрѣтивъ тамъ льды изъ Мельвилева пролива, вошелъ въ каналъ Пилля, отдѣляющій Сѣверный Сомерсетъ отъ Земли Принца Валлійскаго. Тутъ, по мнѣнію его, должны быть послѣдніе слѣды экспедиціи».

Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, докторъ Ре вспомнилъ, что въ августѣ 1851 г., обозрѣвая южный и восточный берега земли Викторіи, онъ нашелъ отломокъ шлюпочной мачты и кусокъ дерева съ дирою, чрезъ которую должна была проходить цѣпь. Оба эти дерева были съ клеймомъ стрѣлы, обыкновенно употребляемымъ на англійскомъ королевскомъ флотѣ. Имѣя въ виду, что теченіе моря направляется тамъ вдоль береговъ, отъ сѣвера къ югу, докторъ Ре заключаетъ о существованіи широкаго канала между Сѣвернымъ Сомерсетомъ и Землею Викторіи, что подтверждается и новѣйшими открытіями.

Прибавимъ къ этому, что капитанъ Коллинсонъ, о путешествіи котораго скажемъ мы ниже, въ частномъ письмѣ упоминаетъ, что въ 1852 г. онъ нашелъ въ проливѣ Дева также кусокъ дерева съ знакомъ, употребляемымъ въ королевскомъ флотѣ, который, по его мнѣнію, долженъ принадлежать экспедиціи Франклина.

Скажемъ наконецъ, что, по показаніямъ Эскимосовъ, которыя весьма поздно были сообщены китоловами Пондскаго залива (въ Бафиновомъ морѣ), два корабля были четыре года затерты льдами на западной сторонѣ Сѣвернаго Сомерсета, тогда какъ, въ одинъ изъ этихъ же годовъ, другіе два корабля (капитана Джемса Росса) зимовали на восточной сторонѣ Сомерсета.

И такъ, по всей вѣроятности, Сиръ Джонъ Франклинъ, оставивъ въ 1846 г. островъ Бичи, проникнулъ въ каналъ Пилля южнѣе Птичьего мыса (Car Bird), посѣщеннаго въ 1849 г. капитаномъ Джемсомъ Россомъ. Зима 1846—47 г., отличавшаяся

необыкновенною жестокостію, заточила на нѣсколько лѣтъ во льды суда Франклина, какъ это случилось съ капитаномъ Макъ-Клоромъ на островѣ Беринга (Земля Бенкса), въ заливѣ Милосердія, и, подобно этому капитану, Франклинъ принужденъ былъ рѣшиться на отчаянное предпріятіе — идти къ американскому берегу, съ слабою надеждою добывать себѣ въ пути какую-нибудь пищу. Мѣсто, на которомъ «Эребъ» и «Терроръ» были затерты льдами, должно находиться въ большомъ разстояніи отъ порта Фюри, на восточномъ берегу Сѣвернаго Сомерсета, гдѣ даже въ 1852 г. найдены были капитаномъ Кевнеди въ цѣлости запасы, оставленные въ 1825 г. капитаномъ Парри. Сиръ Джонъ Франклинъ зналъ это, и, конечно, воспользовался бы ими, еслибъ не былъ отъ нихъ въ значительномъ разстояніи. Съ другой стороны, еслибъ суда Франклина направились къ западу отъ мыса Вокера, то экипажи, по оставленіи ихъ, скорѣе пустились бы къ рѣкѣ Мекензія или Мѣдной, которыя изслѣдованы были прежде самимъ Франклиномъ, чѣмъ по рѣкѣ Бакъ, гдѣ рѣдко попадаетъ какая-нибудь птица. Выходитъ, что Франклинъ направился изъ пролива Пиля къ рѣкѣ Бакъ только потому, что она представляла ему самый кратчайшій путь, для достиженія нѣкоторыхъ учрежденій компаніи Гудзонскаго залива, какъ н. п. крѣпости Чѣрчилъ или Юркской факторіи.

Если эти предположенія справедливы, то ни одна изъ трехъ экспедицій, отправленныхъ въ 1848 г. изъ Англіи, не могла достигнуть до несчастныхъ путешественниковъ, находившихся во льдахъ пролива Пиля.

Суда, посланные на помощь со стороны Берингова пролива, очевидно, не могли такъ далеко проникнуть; экспедиція Сира Джона Ричардсова по Американскому матеріку, между рѣками Мекензія и Мѣдною, удалялась слишкомъ на западъ; наконецъ экспедиція Сира Джемса Росса нашла проливъ Баррова до того наполненнымъ льдами, что должна была зимовать у острова Леопольда.

Много различныхъ предположеній доставлено было Англійскому Адмиралтейству на-счетъ экспедицій Франклина, но всѣ они оказались болѣе или менѣе ошибочны. Одинъ только человекъ постигъ истину, и, несмотря на предстоящія опасности, предлагалъ свои услуги идти черезъ сѣверо-американскія

пустыни, для отысканія отважнаго путешественника. Онъ хотѣлъ посѣтить тѣ самыя мѣста, на которыхъ, какъ теперь оказывается, надобно искать послѣднихъ слѣдовъ Франклина и его товарищей.

Вотъ что писалъ въ февралѣ 1848 г., къ лордамъ Адмиралтейства, докторъ Кингъ, который находился старшимъ лейтенантомъ у капитана Бака въ путешествіе его для изслѣдованія сѣвернаго материка Америки въ 1833, 34 и 35 годахъ.

«Капитану Франклину предписанъ былъ старинный путь Сира Эдуарда Парри чрезъ проливы Ланкастера и Баррова въ проливъ Беринговъ.

«Такимъ образомъ экспедиція Франклина въ 1845 г. должна была пустаться въ опасный проходъ между островомъ Мельвила и Землею Бенкса, чрезъ который Сиръ Эдуардъ Парри въ теченіе двухъ лѣтъ тщетно старался проникнуть. Послѣ немовѣрныхъ усилій, нашедъ себя принужденнымъ отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ пройти далѣе на западъ, Сиръ Эдуардъ Парри говоритъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «мы оставались въ настоящемъ положеніи при сильномъ восточномъ вѣтрѣ трицать шесть часовъ, и, во все это время, льды не подвинулись отъ берега ни на одну сажень къ западу; очевидно, что въ ту сторону не было для нихъ свободнаго прохода. Въ этой части Полярнаго моря плаваніе бываетъ возможно только тогда, когда случайно очищаются проходы между берегомъ и ледяными полями, и потому-то для успѣха необходимо, чтобъ продолжался берегъ. Но какъ съ Мельвилевымъ островомъ берегъ оканчивается, то надлежитъ искать его въ какой-либо широтѣ, направляясь къ материку Сѣверной Америки».

«Если предположить, что Сиръ Джонъ Франклинь, подобно капитану Парри, остановленъ былъ непреодолимыми препятствіями между островомъ Мельвила и Землею Бенкса, и если, слѣдуя мнѣнію своего предшественника, онъ направился къ Американскому материку: то долженъ былъ, смотря по очертанію береговъ Земли Бенкса, повернуть свои суда къ Землямъ Волластова и Викторіи. Въ этомъ-то направленіи должно искать потерпѣвшихъ кораблекрушеніе экипажей, которые на шлюпкахъ могли достигнуть западной стороны Сѣвернаго Сомерсета, если не слишкомъ много были отъ него удалены.

«Дабы избавить отъ четвертой зимовки уцѣлѣвшихъ еще людей Франклина, при ихъ истощенныхъ запасахъ, я рѣшаюся на смѣлое путешествіе по сѣвернымъ пустынямъ Америки, на путешествіе, вызываемое только крайностію обстоятельствъ. Я предлагаю ѣхать достигнуть или западныхъ береговъ Сѣвернаго Сомерсета, или восточныхъ Земли Викторіи, что признано будетъ удобнымъ, до истеченія наступающаго лѣта; словомъ, исполнить въ нѣсколько мѣсяцевъ то, что не могло быть сдѣлано въ два года.

«Надежда моя совершить это трудное предпріятіе основывается на знаніи какъ мѣстностей, чрезъ которыя будетъ лежать путь, такъ и племенъ тамъ обитающихъ, на возможность мою переносить суровость климата и всѣ трудности, сопряженныя съ такимъ путешествіемъ. Бросивъ взглядъ на карту Сѣверной Америки отъ пролива Берингова до Баррова, увидимъ, что для достиженія Сѣвернаго Сомерсета существуютъ два пути морскіе и одинъ береговой. Изъ двухъ первыхъ, проливомъ Беринга проникнуть туда невозможно; это старый, выцѣпленный вопросъ. Что касается пути изъ пролива Баррова, то и онъ также крайне-сомнителенъ; довольно припомнить, что въ теченіе лѣта 1832, Сиръ Джонъ Россъ нашелъ его совершенно покрытымъ льдомъ. И такъ только отъ берегового пути можно ожидать счастливаго результата.

«Чтобы достигнуть западной части Сѣвернаго Сомерсета, гдѣ, вѣроятно, можно отыскать Франклина, прямой для этого путь — рѣка Бакъ, и хотя добраться до нея не легко по странѣ дикой и пустынной, по которой подвозъ жизненныхъ припасовъ крайне-затруднителенъ, но зато она представляетъ кратчайшую дорогу, для осведомленія о несчастныхъ путешественникахъ. По этой самой рѣкѣ я добрался до Полярнаго моря, когда служилъ лейтенантомъ въ экспедиціи для отысканія Сира Джона Росса. Изъ этой экспедиціи осталось въ живыхъ только двое насъ, и я считаю обязанностію предложить свои услуги. Если рѣшится послать суда чрезъ проливъ Барровъ, и посредствомъ шлюпокъ отыскивать по берегамъ пропавшую безъ вѣсти экспедицію, если даже эти поиски увѣнчаются успѣхомъ, я бы желалъ, чтобъ и мой проектъ былъ приведенъ въ исполненіе. Но если онъ будетъ отринутъ и прочія предпріятія не удадутся, то будетъ сожалѣть объ этомъ не только Англія, но и весь образованный свѣтъ: потому-что послѣдствіемъ непріятія мо-

его проекта можетъ случиться гибель несчастныхъ путешественниковъ.

«Мнѣ по опыту извѣстно, что западные берега Сѣвернаго Полярнаго моря обыкновенно свободны отъ льдовъ. Многократно повторяя объ этомъ при отправленіи экспедиціи 1845 г., я полагаю, что мнѣніе мое имѣло нѣкоторое вліяніе на дѣйствія Сира Джона Франклина. Если этотъ мореплаватель, слѣдуя вдоль восточнаго берега Земли Викторіи, нашелъ себя въ затруднительномъ положеніи, то, вѣрно, искалъ, если имѣлъ возможность, убѣжища на западномъ берегу Сѣвернаго Сомерсета. Попытки, которыя будутъ сдѣланы изъ проливовъ Берингова или Баррова прямо къ Землѣ Бенкса, хотя и заслуживаютъ похвалы, но мало обѣщаютъ пользы. Первое предпріятіе основывается на предположеніи, что Франклинь, обогнувъ Землю Бенкса, удержанъ былъ между ледянымъ мысомъ и рѣкою Мекензія. Второе основано на гипотезѣ, что Сиръ Джемсъ Россъ, достигнувъ Земли Бенкса, направитъ свой путь къ Землямъ Викторіи и Воластона, для открытія тамъ новаго прохода. Но весьма сомнительно, чтобъ Сиръ Джемсъ Россъ могъ съ восточной стороны достигнуть Земли Бенкса, которую и Сиръ Эдуардъ Парри за непроходимымъ льдомъ видѣлъ только издали. Тѣмъ менѣе возможно новой экспедиціи проникнуть до Земли Викторіи, которая остается для насъ *terra incognita*. Симпсонъ, обозрѣвавшій американскій берегъ между рѣкою Мѣдною и рѣкою Касторъ и Полмуксъ, достигнувъ отдаленнѣйшей точки къ востоку, замѣчаетъ, что для продолженія этого обозрѣнія нужна была новая экспедиція отъ мѣста болѣе восточнаго, нежели Медвѣжье озеро. Здѣсь ясно, что онъ имѣетъ въ виду обширную рѣку Бакъ, свободную отъ льдовъ, — единственный путь для достиженія страны, гдѣ пропавшая экспедиція можетъ быть отыскана, и гдѣ, можетъ-быть, существуетъ проходъ, котораго ищутъ уже триста лѣтъ» **.

Отдавая полную справедливость замѣчаніямъ и предположеніямъ доктора Кинга, нельзя не пожалѣть, что Англійское Адмиралтейство, посылая Сира Джона Ричардсона для оты-

* Вначалѣ 1848 г. Земля Викторія не была еще посѣщена докторомъ Ре; о существованіи ея знала только отъ Деза и Симпсона.

** Сѣверо-западный проходъ открытъ капитаномъ Макъ-Клоромъ въ 1850 г.

сканія Франклина между рѣками Мекензія и Мѣдной, не снарядивъ другой, сухопутной экспедиціи, для поисковъ въ окрестностяхъ устья рѣки Бакъ и Земли Ботіи. Какъ бы то ни было, основательное предложеніе доктора Кинга отринуто. Нѣкоторые морскіе офицеры объявили Адмиралтейству, что дѣйствительно западный берегъ Сѣвернаго Сомерсета можетъ быть мѣстомъ крушенія судовъ Франклина, но что въ семь случаевъ экспедиція Сира Джемса Росса скорѣе достигнетъ до желаемой цѣли, нежели путешествіе, предпринятое берегомъ, которое, сверхъ-того, не можетъ, по малымъ своимъ средствамъ, принести существеннаго пособія экипажамъ «Эребу» и «Террору». — Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было посылать доктора Ричардсона?

Мы должны еще прибавить, что, несмотря на полученный отказъ, докторъ Кингъ возобновилъ съ новымъ жаромъ представленіе свое, достойное всякаго вниманія. «Это была бы счастливейшая минута въ моей жизни (между-тѣмъ я имѣлъ уже честь быть избраннымъ изъ многихъ желающихъ для отысканія Сира Джона Росса), еслибъ Гг. Члены Адмиралтейства дозволили мнѣ пуститься вновь по старой дорогѣ, — рѣкѣ Бакъ, чтобы добраться по ней до Полярнаго моря и спасти жизнь хотя нѣсколькихъ изъ погибшей экспедиціи. Сдѣланное мною при отысканіи Сира Джона Росса можетъ служить лучшимъ речательствомъ въ томъ, что можно сдѣлать и для отысканія Сира Джона Франклина.»

Экспедиція Сира Джемса Росса не имѣла успѣха, какъ это предвидѣлъ докторъ Кингъ: она оставила островъ Леопольда въ 1849 безъ всякаго результата, а несчастные путешественники пропадали безъ-вѣсти уже съ 1845 года. Еслибъ докторъ Ре, обозрѣвавшій въ 1851 г. восточный берегъ Викторіи, провикъ далѣе на сѣверъ, или еще лучше, еслибъ достигъ западной стороны Сомерсета, то, конечно, открылъ бы недавніе слѣды экспедиціи. Также точно капитанъ Кеннеди и лейтенантъ Белло весною 1852 г., когда ихъ судно «Принцъ Альбертъ» зимовало въ заливѣ Батти, еслибъ отправились къ сѣверному магнитному полюсу, то могли бы узнать тогда еще о гибели экипажей «Эреба» и «Террора.» Упомянувъ о Белло, нельзя не отдать справедливости этому достойному молодому офицеру французскаго флота, который такъ много подавалъ

о себѣ надежды и преждевременно погибъ въ 1853 г. во льдахъ Веллингтонова канала.

Вотъ что писалъ Белло въ журналѣ своемъ на шкунѣ «Принцъ Альбертъ» во время путешествія съ капитаномъ Кеннеди въ 1851 и 52 г. для отысканія Сира Джона Франклина:

«Что касается меня, то я увѣривъ, что между Эскимосами Ботинъ Феликсъ найдутся люди Сира Джона Франклина, или по-крайней-мѣрѣ слѣды ихъ путешествія. Могло случиться, что партія людей, потерявшая своихъ офицеровъ, не зная ни разстояній, ни очерка береговъ, ни положенія порта Фюри, гдѣ еще съ 1825 г. хранилась провизія, оставленная Сиръ Эдуардомъ Парри, когда судно его отъ напора льда выброшено было на берегъ, предпочла остаться съ дикарями».

Какое-то злополучіе сопровождало все экспедиція для отысканія и спасенія Франклина; такъ и капитанъ Кеннеди не могъ осуществить предположенной имъ цѣли. Отправясь съ офицеромъ Белло, вначалѣ Марта 1852 г., въ береговое путешествіе, когда погода стояла туманная и вся страна до того покрыта была снѣгомъ, что трудно было различать гдѣ берегъ и гдѣ море; онъ миновалъ каналъ Пиля, не замѣтивъ его, и искалъ впереди себя море, которое имъ было уже пройдено. Одинъ хронометръ остановился, другой инструментъ разбился, нѣсколько дней въ дорогѣ по обстоятельствамъ было потеряно, и путешественники, находившіеся уже далеко отъ своей шкуны, при недостаткѣ въ провизіи, не рѣшились идти далѣе къ югу. Итакъ, оставивъ первоначальное предположеніе достигнуть до магнитнаго полюса, капитанъ Кеннеди, безъ всякой пользы, поворотилъ къ мысу Вокеру, а отсюда къ порту Леопольда, т. е., взялъ путь совершенно противный настоящему направленію, которое могло бы привести его къ открытію слѣдовъ экспедиціи Франклина.

Англійское Адмиралтейство поступило весьма благоразумно, поручивъ компаніи Гудзонскаго залива снаряжить окончательную экспедицію къ устью рѣки Бакъ, для полученія всѣхъ возможныхъ свѣдѣній о гибели Франклина и его товарищей и для преданія землѣ непогребенныхъ тѣлъ. Компанія поспѣшила возложить это порученіе на состоящихъ въ ея службѣ Гг. Джемса Андерсона и Грина Стюарта. Эскимосы, встрѣченные ими въ окрестностяхъ устья рѣки Бакъ, подтвердили прежнее показаніе ихъ доктору Ре объ участи Франклина и

его спутниковъ. Андерсонъ и Стюартъ пріобрѣли отъ нихъ нѣкоторыя вещи, очевидно, принадлежавшія экспедиціи Франклина. Но тщетно искали они, для погребенія, трупы несчастныхъ, бѣдственно погибшихъ путешественниковъ. Не удалось имъ также открыть никакихъ бумагъ, которыя, безъ сомнѣнія, доставили бы любопытныя указанія пути, по которому слѣдовали «Эребъ» и «Терроръ» съ тѣхъ поръ какъ Франклинъ оставилъ проливъ Барровъ и, по всѣмъ соображеніямъ, устремился въ каналъ Пиля и потомъ Викторіи, гдѣ суда «Эребъ» и «Терроръ», по утверженію Эскимосовъ, были затерты и раздавлены ледяными громадами. Въ подтвержденіе сего, какъ мы сказали выше, капитанъ Коллинсонъ нашелъ въ проливѣ Деза, близъ залива Кембриджскаго, кусокъ дерева, который, по имѣющемуся на немъ знаку, долженъ былъ принадлежать одному изъ судовъ Франклина.

Теперь—когда нѣтъ уже надежды увидѣть въ живыхъ кого-либо изъ несчастныхъ путешественниковъ—разсмотримъ, что слѣдали они и не принадлежитъ ли имъ также честь разрѣшенія давнишней задачи о *сѣверозападномъ проходѣ* изъ Атлантическаго въ Восточный океанъ?

Дѣло въ томъ, если проливы Пиля и Викторіи соединяются съ проливомъ Деза, который посредствомъ пролива Дельфинъ и Уніонъ сообщается съ Полярнымъ моремъ, свободнымъ для плаванія вокругъ сѣверныхъ береговъ Америки, то Франклинъ, слѣдуя каналами Пиля и Викторіи и достигнувъ весною 1850 года окрестностей устья рѣки Бакъ, гдѣ найдены были обломки отъ его судовъ, тогда же и прежде всѣхъ разрѣшилъ задачу о существованіи *сѣверозападнаго прохода*. Такъ полагаетъ Сиръ Родригъ Мурчисонъ, бывшій президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, и съ нимъ соглашаются: старинный гидрографъ адмиралъ Бофоръ, Сиръ Джонъ Ричардсонъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ изслѣдователей полярныхъ странъ, докторъ Гаукъ, президентъ Географическаго Общества въ Нью-Йоркѣ, Гриннелъ и многіе другіе.

Впрочемъ это предположеніе нисколько не уменьшаетъ славы Макъ-Клора, который въ 1850 году, отправясь изъ Берингова пролива, обошелъ Полярнымъ моремъ берега Сѣверной Америки и открылъ почти надъ мысомъ Парри каналъ Инвестигатора или Принца Валлійскаго, соединяющійся съ проливомъ

Мельвила, Баффиновымъ заливомъ и слѣдовательно съ Атлантическимъ океаномъ.

Намъ остается коснуться еще одного предмета, который возбуждалъ во всей Англiи самыя прискорбныя чувства. По показанiямъ Эскимосовъ, сообщеннымъ докторомъ Ре, несчастныхъ путешественниковъ, засыпанныхъ полярными снѣгами, упрекають въ людоедствѣ. Но можно ли въ этомъ случаѣ полагаться на слова грубыхъ, невѣжественныхъ дикарей? Между многими защитниками спутниковъ Франклина, вотъ какъ объясняется Карлъ Диккенсъ:

«Положимъ, что офицеры англійскаго флота, по воспитанiю и нравственнымъ свойствамъ, равные тѣмъ, которые участвовали въ несчастной экспедици 1845 г., имѣли случай въ другое время начальствовать надъ несравненно-меньшимъ числомъ людей, нежели экипажи «Эребъ» и «Терроръ»; что они, проникнувъ въ тѣ же полярныя страны и подвергаясь тому же суровому климату, терпѣли тѣ же труды и лишенiя; что изнуренiе ихъ доходило до-того, что, едва двигаясь, они падали на каждомъ шагу; исхудавшiя ихъ лица до-того были искажены, одежда такъ изношена, что они боялись смотрѣть другъ на друга. Не имѣя никакой провизiи, они ѣли свои башмаки, ружейные футляры и даже часть одежды, которою могли еще пожертвовать, чтобъ не замерзнуть отъ стужи; наконецъ, что они принуждены были употреблять въ пищу остатки кислаго и протухлаго мозга, находимаго въ сухихъ, бѣлыхъ костяхъ волчьей падалины, попадавшей имъ на дорѣгѣ; испытавъ всѣ постепенности возрастающаго голода, они дошли до такого истощенiя, что перестали даже чувствовать страданiе; однимъ словомъ, такъ близки были къ смерти, что ожидали ее уже спокойно, не прибѣгая къ усилiямъ отъ нея избавиться; доведенные до этой ужасной крайности, окруженные на голомъ снѣгу трупами своихъ товарищей, они ни-разу не подумали прибѣгнуть къ постыдному средству продолжить свою жизнь людоедствомъ. Если эта картина справедлива, можно ли послѣ того вѣрить нелѣпицѣ, взводимой Эскимосами на товарищей Франклина, — этой баснѣ, почерпнутой изъ рассказовъ одного отъ другаго? И если начальникъ этихъ людей, которыхъ страданiя мы описали, былъ начальникомъ же и экспедици 1845 г., если это былъ самъ Франклинъ, доведенный до самой послѣдней крайности, можно ли полагать, чтобъ человѣкъ такихъ

свойствъ не могъ впустить своимъ подчиненнымъ терпѣнія и силы для перенесенія страданій, которыя онъ имѣлъ уже случай испытывать; не найдемъ ли мы сильнѣйшаго нравственнаго убѣжденія считать за вѣлѣность грубая сказки презрѣнныхъ дикарей!»

«Но если представленное нами въ видѣ предположенія дѣйствительно все случилось? — Франклинъ именно былъ начальникомъ экспедиціи, столь ужасно страдавшей на американскомъ берегу, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто экипажей, избранныхъ въ 1845 г. изъ наилучшихъ людей, онъ имѣлъ во время путешествія своего по сѣверному американскому берегу только трехъ офицеровъ и одного англичанина*. Остальная часть его экипажа состояла изъ охотниковъ канадскихъ и индѣйцевъ. Изданное имъ подробное описаніе этого путешествія принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ и трогательныхъ разсказовъ. Представимъ здѣсь образчикъ изъ его книги:

«У меня—говоритъ Франклинъ—остались кожа да кости, и подобно всѣмъ моимъ товарищамъ, я жестоко страдалъ отъ такого холода, на который бы и не смотрѣлъ, еслибъ имѣлъ прежнюю силу и пользовался обыкновеннымъ здоровьемъ..... Я вѣшелъ съ намѣреніемъ увидѣть Севъ-Жермена и поторопить его работу (онъ дѣлалъ лодку); и хотя онъ былъ отъ насъ не далѣе трехъ миль (4½ верстъ), я, при всѣхъ моихъ усиліяхъ, употребивъ три часа времени, не могъ до него дойти; по слабости моей, я безпрестанно вязнулъ въ глубокомъ снѣгу и возвратился совершенно истощенный и разбитый отъ частаго паданія. Всѣ мои товарищи точно такъ же были слабы. Охотники канадскіе чувствовали себя нѣсколько крѣиче, но за-то упали духомъ и съ трудомъ переносили лишенія. Никто изъ насъ не испытывалъ уже остраго ощущенія голода, но между-тѣмъ мы ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о пищѣ..... Мы собрали вечеромъ темнаго мху, и къ ужину поджарили нѣсколько кусковъ кожи. Въ этотъ день мы прошли всего шесть миль (9 верстъ)..... Сегодня мы не нашли мху и вмѣсто чаю сдѣлали настойку изъ дикой травы Лабрадора, а на ужинъ съѣли по кусочку поджареной кожи.

* Доктора Ричардсона, мичмановъ Бака и Гуда и англійскаго моряка Гейбурна.

На слѣдующее утро мы не могли снять нашей палатки, да и нести ее намъ было бы не-по-силамъ. Мы разрѣзали ее на части и раздѣлили между собою, чтобъ ими покрываться.

«Такъ, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе ослабѣвая, дотацились они до крѣпости Предпріятія, уединеннаго, печальнаго убѣжища, котораго нѣсколько прежде достигли докторъ Ричардсонъ и Гепбурнь.

«Мы жестоко поражены были похуздѣлыми лицами доктора и Гепбурна; наша наружность произвела на нихъ такое же дѣйствіе. Когда опухоль опала, у всѣхъ насъ остались однѣ кости да кожа. Докторъ обратилъ вниманіе на нашъ могильный голосъ и увѣщевалъ имѣть терпѣніе, не замѣчая того, что звукъ произносимыхъ имъ словъ былъ того же діапазона..... Послѣ полудня, Пельтіе такъ ослабѣлъ, что съ трудомъ могъ сидѣть на табуретѣ, бросая на насъ отчаянные взгляды, потомъ спустился на постель, чтобъ заснуть, такъ намъ по-крайней-мѣрѣ казалось. Часа два онъ оставался въ совершенной неподвижности, но мы не подозрѣвали опасности. На послѣдокъ онъ сталъ хрипѣть; докторъ, осмотрѣвъ его, объявилъ, что онъ лишился языка. Ночью страждущій умеръ..... Самандре могъ цѣлый день сидѣть и даже помогалъ намъ разбивать кости; но, вида отчаянное состояніе Пельтіе, упалъ духомъ и началъ жаловаться на ознобъ и тяжесть во всѣхъ членахъ. Мы не могли развести большаго огня, чтобъ отогрѣть больнаго, и потому положили его на постель, покрывъ многими одѣялами. Но облеченія не было, и къ утру онъ также умеръ. Мы унесли обоихъ покойниковъ въ отдаленную часть дома, но не имѣли силы вырыть могилы и даже отнести тѣла къ рѣкѣ. Неожиданная кончина двухъ нашихъ товарищей сильно на насъ подѣйствовала и погрузила въ глубокую горестъ.

«Адамъ, одинъ изъ нашихъ толмачей, въ свою очередь, также сталъ ослабѣвать; это поразило насъ тѣмъ болѣе, что за два дня предъ симъ онъ начиналъ поправляться и казался бодрѣе. Мнѣ прискорбно было думать, что трудная работа собирать лѣсъ — упадетъ теперь на доктора Ричардсона и Гепбурна, потому-что крайняя моя слабость лишила меня возможности приносить имъ какую-нибудь матеріальную помощь. Притомъ оба они усердѣйше просили меня не дѣлать къ тому и попытки.

«И такъ во время ихъ отсутствія, я оставался постоянно съ Адамомъ и все разговаривалъ съ нимъ, чтобъ отвлекать его вниманіе отъ настоящаго нашего положенія и, сколько можно, поддерживать въ немъ бодрость. Ночью я ложился спать подлѣ него..... Докторъ и Гепбурнъ ослабѣвали болѣе и болѣе и послѣдній сильно страдалъ опухолью во всѣхъ членахъ. Въ теченіе дня, они часто возвращались домой на отдыхъ, и когда кто-нибудь изъ нихъ сидѣлъ, то не могъ встать безъ помощи другаго или безъ пособія палки..... Адамъ былъ по-прежнему въ крайнемъ изнеможеніи, но по-временамъ удвлялъ насъ, вставая съ постели и ходя съ нѣкоторою бодростію. Но часто онъ смотрѣлъ на насъ дикими, блуждающими глазами и слова его не имѣли связи..... Здѣсь я долженъ замѣтить, что, по крайней нашей худобѣ, жесткое ложе, на которомъ мы спали, постилая одно только одѣяло, причиняло намъ невыносимую боль. Поворотиться на постели было для насъ и трудно и больно. Впрочемъ, въ этомъ періодѣ, когда мы перестали чувствовать острое страданіе отъ голода, мы могли хотя на нѣсколько часовъ засыпать. Сновидѣнія наши были большею частію пріятныя. Часто представлялось намъ, что сидимъ за роскошнымъ столомъ. Разговоръ нашъ обыкновенно касался самыхъ неважныхъ предметовъ, но иногда мы пускались въ жаркія религіозныя пренія. Вообще мы избѣгали говорить о нашихъ настоящихъ бѣдствіяхъ и даже о надеждѣ получить помощь. Я долженъ замѣтить, что, по мѣрѣ ослабленія нашихъ физическихъ силъ, мы дѣлались раздражительнѣе и взыскательнѣе. Каждый изъ насъ воображалъ себя умнѣе прочихъ и находилъ, что всѣ имѣютъ нужду въ его совѣтахъ и помощи. Такъ, при каждой малости, когда, на примѣръ, кто-нибудь совѣтывалъ другому перемѣнить мѣсто, чтобъ имѣть болѣе удобства и тепла, а тотъ не слушался, находя труднымъ пошевелиться, бывалъ обмѣнъ непріятныхъ и обидныхъ словъ. Если кто предлагалъ пособить принести дровъ для огня, никто изъ насъ, несмотря на свою слабость, не хотѣлъ принять помощи отъ другаго. При одномъ изъ этихъ случаевъ, Гепбурнъ не могъ воздержаться, чтобъ не воскликнуть:

«О, Боже! когда мы возвратимся въ Англію, — возвратится ли намъ разсудокъ.....»

«Какъ утѣшительно для друзей Франклина и его несчастныхъ

товарищей вспомнить объ этомъ простомъ и вмѣстѣ трогательномъ разсказѣ! — вспомнить, что при такихъ жестокихъ отъ голода страданіяхъ, трупы, совершенно сохраненные отъ холода, лежали подъ тою же съ ними кровлею! — знать, что доведенные до самой послѣдней крайности, испытавъ все страданія, Франклинъ и его товарищи обрекли себя на смерть. Описание избавленія ихъ, случившагося на другой день, не даетъ никакого въ этомъ сомнѣнія :

«Адамъ провелъ самую безпокойную ночь: ему казалось, что смерть къ нему приходитъ; мы старались всячески его успокоивать. Поутру онъ такъ былъ слабъ, что не могъ произнести слова. Я остался подлѣ него въ постели, чтобъ поддерживать его. Докторъ и Гепбурнъ вышли за дровами: они принялись за работу, какъ вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ; несчастные труженики едва вѣрили своимъ ушамъ; но вскорѣ они услышали крикъ и увидѣли трехъ Индійцевъ подлѣ самаго дома. Адамъ и я слышали одинъ крикъ; мнѣ пришло на мысль, не обрушалась ли часть дома на нашихъ товарищей, — что очень могло случиться. Но страхъ мой былъ непродолжителенъ. Докторъ Ричардсонъ явился сообщить намъ радостную вѣсть о пришедшей къ намъ помощи — и мы возблагодарили милосердаго Бога за наше спасеніе. Что касается бѣднаго Адама, то онъ такъ былъ слабъ, что едва могъ понимать наше избавленіе. Когда Индійцы вошли къ намъ, онъ хотѣлъ-было встать, но опять упалъ на постель. Безъ этой благодати къ намъ Провидѣнія, ему не прожить бы и нѣсколькихъ часовъ, да и все мы, по всей вѣроятности, чрезъ нѣсколько дней должны были погибнуть.

«Но посреди этихъ страданій, такъ геройски переносимыхъ, нашелся одинъ человѣкъ, Ирокезскій охотникъ Мишель, который рѣшился продлить свое существованіе, питаясь трупами умершихъ товарищей, и, можетъ-быть, лишеніемъ для того жизни слабѣйшихъ. Этотъ человѣкъ принялся уже исполнять на-дѣдѣ звѣрское свое намѣреніе въ то время, какъ докторъ Ричардсонъ и Гепбурнъ, недошедшіе еще до того отчаяннаго положенія, о которомъ сказано было выше, вмѣстѣ съ нимъ шли по дорогѣ. Между-тѣмъ нельзя было не замѣтить разительной противоположности между его цвѣтущимъ здоровьемъ

и исхудавшими его товарищами; таинственные его отлучки начали возбуждать подозрѣніе, но никому не-приходило въ голову, чтобъ Ирокезецъ способенъ былъ къ гнусному злодѣяству, пока онъ не застрѣлилъ Гуда, подкравшись къ нему сзади, когда тотъ спокойно сидѣлъ у огня и читалъ книгу. Только послѣ этого злодѣяства открылось и прежнее его гнусное преступленіе. Чтобъ избавить товарищей отъ такого негодая, докторъ Ричардсонъ благородно принялъ на себя всю отвѣтственность и убилъ изъ ружья Ирокезца, — такой поступокъ достойно оцѣненъ былъ всѣми.»

Докторъ Ричардсонъ говоритъ слѣдующее объ этомъ Ирокецѣ: «Ему неизвѣстны были святыя истины Христіанской вѣры, и потому онъ не имѣлъ надежной опоры въ тяжкихъ страданіяхъ. Его соотечественники, Ирокезцы, вообще Христіане; но ему неизвѣстно было Евангеліе, и продолжительное пребываніе между дикарями заставило его свыкнуться и отчасти принять грубыя нравы Индійцевъ».

Для насъ, по счастью, немѣющихъ недостатка въ кровѣ, пищѣ, и одеждѣ; для насъ, пишущихъ эти строки въ теплой, покойной комнатѣ, сохрани Боже, полагать предѣлы, далѣе которыхъ не могутъ идти человѣческія страданія. Мы отдаемъ дань глубокаго уваженія отважности, предпріимчивости и тѣрпѣнію нашихъ полярныхъ путешественниковъ и съ горькимъ соболѣзнованіемъ переносимся мыслию къ трупамъ, которыми усѣяны отдаленныя свѣжныя пустыни. Чтобы почтить ихъ память, мы возвысили голосъ свой противъ грубаго разказа невѣжественныхъ дикарей, которому такъ легко иные повѣрили. Мы привели примѣръ, что даже въ самыхъ крайнихъ, въ самыхъ отчаянныхъ обстоятельствахъ Европейцы не прибѣгали къ гнусному канибальству; если же и были рѣдкія исключенія, то касались людей неозаренныхъ Христіанскою вѣрою.

Но поспѣшимъ оставить грустный предметъ и скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ полярныхъ плователяхъ.

Сирь Эдуардъ Бельчеръ, начальникъ экспедиціи 1852 г., окончивъ кампанію 1853 г. и не найдя никакихъ слѣдовъ пропавшихъ мореплователей, соединился съ экипажемъ «Инвестигатора» и отважнымъ его начальникомъ Макъ-Клюромъ,

который чрезъ Беринговъ проливъ обошелъ сѣверный берегъ Америки, достигнулъ Земли Бенкса и открылъ каналъ Инвестигатора, соединяющій Полярное море съ Баровымъ проливомъ, и слѣдовательно Восточный океанъ съ Атлантическимъ. Такимъ образомъ разрѣшена славная задача о сѣверозападномъ пути *. Затѣмъ Бельчеръ расположился на вторую въ полярныхъ странахъ зимовку. Онъ надѣялся на слѣдующее лѣто получить вѣсти отъ капитана Коллинсона, о которомъ два года назадъ тому извѣстно было, что онъ, подобно Макъ-Клюру, прошелъ Беринговъ проливъ и направился къ востоку. Бельчеру хотѣлось также попытаться освободить «Инвестигаторъ» изъ льдовъ залива Милосердія и привести его въ Англію, что было бы торжествомъ для славнаго Макъ-Клюра и его товарищей. Но Провидѣніе рѣшило иначе: двѣ послѣднія зимы были такъ жестоки, что въ теченіе семи лѣтъ никогда не скоплялось столько льда въ проливѣ Мельвиля и въ каналѣ Веллингтона. Густота этихъ льдовъ была такъ велика, что пароходное судно «Фениксъ», посланное въ маѣ 1853 изъ Англіи въ Ланкастеровъ проливъ, съ двумя транспортами, нагруженными провизіей, остановлено было ими на высотѣ острова Бичи и не могло достигнуть до судовъ, на которыхъ везли запасы. При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Сиръ Эдуардъ Бельчеръ, обязанный сверхъ того инструкціями, пошелъ бесполезнымъ и рискованнымъ, чтобъ экипажи проводили тамъ третью зиму; онъ рѣшился все четыре свои судна, равно и «Инвестигаторъ», оставить во льдахъ и, размѣстивъ всѣхъ людей на «Фениксѣ» и двухъ транспортахъ, отправиться въ Англію, куда они дѣйствительно и прибыли. Здѣсь нельзя не замѣтить, что экипажамъ для достиженія острова Бичи, гдѣ находился «Фениксъ», предстоялъ весьма длинный путь по замерзшему морю, въ-особенности же людямъ капитана Келлета, котораго суда были во льдахъ у острова Мельвиля, въ разстояніи болѣе двухъ сотъ миль. Такая печальная и непредвидѣнная развязка какъ-бы пополняетъ рядъ неудачъ и несчастій, сопровождавшихъ все, что только касалось злополучной экспедиціи 1845 г.

* См. карту. По новѣйшимъ извѣстіямъ, Арктическій Комитетъ Нижняго Парламента въ Англіи предложилъ назначить капитану Макъ-Клюру въ награду за открытіе имъ сѣверозападнаго пути 5,000 ф. стерл.

Болѣе счастливый капитанъ Коллинсонъ, о которомъ не слыхать было болѣе трехъ лѣтъ, нечаянно явился въ портѣ Кларенсъ (въ Беринговомъ проливѣ) съ судномъ своимъ «Предпріятіе» 21 августа 1854 г. Нижеслѣдующія подробности заимствованы изъ книжки: *Almanach du Pôle du Nord, imprimé à bord du vaisseau de S. M. Britannique, l'Entreprise.*

Оставивъ Гонгъ-Конгъ, 2 апрѣля 1851 г. и прошедъ Беринговымъ проливомъ 10 іюля, капитанъ Коллинсонъ, подобно капитану Макъ-Клюру, сталъ огибать сѣверный берегъ Америки, находя въ разныхъ пунктахъ слѣды «Ивестигатора». 26 августа онъ достигъ высоты мыса Парри, и, видя къ сѣверу землю и море отъ льда свободное, проникнулъ, въ свою очередь, въ проливъ Принца Валлійскаго *, а потомъ къ острову Принцессы, гдѣ нашелъ шлюпку съ провизіей и запиской о зимовкѣ въ этой странѣ капитана Макъ-Клюра и о названіяхъ, которыя даны имъ были всѣмъ примѣчательнымъ въ окрестностяхъ мѣстамъ. Оба мореплаватели могли въ 1851 году тутъ встрѣтиться: Макъ-Клюръ 17 августа выходилъ изъ пролива, чтобъ обогнуть островъ Беринга съ южной стороны, а 29 августа Коллинсонъ входилъ въ этотъ проливъ.

Остановленный въ сѣверной его части льдами, которые преграждали ему путь въ проливъ Мельвиля, Коллинсонъ повернулъ къ югу и, слѣдуя по пути «Ивестигатора», обогнулъ мысъ Нельсона и достигъ до мыса Келлета, гдѣ найдена была вторая записка капитана Макъ-Клюра. Между тѣмъ лѣто оканчивалось, и капитанъ Коллинсонъ, боясь не найти въ этихъ опасныхъ водахъ надежнаго убѣжища для зимовки, возвратился съ своимъ судномъ къ югозападной сторонѣ Земли Принца Альберта и вошелъ въ небольшой заливъ, находящійся въ 71° 5' шир. и 117° 35' зап. долг. Здѣсь навѣщали его Эскимосы и гостили до марта, когда стала во-множествѣ показываться дичь и доставила экипажу вспомогательныя средства для пропитанія. Около 15 апрѣля, три партіи съ санками отправились для развѣдокъ. Первая осмотрѣла южный берегъ Земли Принца Альберта въ направленіи восточномъ до 111° зап. долг. Она встрѣтила многочисленное племя Эскимосовъ и нашла въ

* Или Ивестигатора.

одномъ примѣтномъ мѣстѣ прошлогоднюю записку лейтенанта Гасвеля съ «Инвестигатора». Вторая партія направилась къ сѣверу по западной сторонѣ Земли Принца Альберта и достигала до 73° шир. Наконецъ третья, слѣдуя по льду канала, дошла до оконечности Русселя и оставила тамъ палатку и санки, потому-что ледъ становился уже ненадежнымъ. Наконецъ эта партія отважно пустилась и перешла рукавъ моря, отдѣлявшій ее отъ острова Мельвила; каждый несть на себѣ оставшуюся провизію и одѣяло для защищенія себя отъ холода. Еслибъ эта партія могла достигнуть до зимней гавани (Winter-Harbour), она нашла бы тамъ записку, оставленную Макъ-Клуромъ. Казалось-бы, что эта партія, продолжившая свое путешествіе до 28 іюня, должна была открыть по снѣгамъ Мельвилева пролива недавніе слѣды Макъ-Клюра, потому-что онъ изъ зимней гавани возвратился въ проливъ Милосердія между 28 апрѣля и 9 мая; но и сего не случилось. Вотъ доказательство тому, какъ неудачны бываютъ въ полярныхъ странахъ поиски, сопряженные съ такими трудами и опасностями! 18 іюля 1852 г. судно «Предпріятіе» вышло въ море и направило свой путь къ востоку. Обозрѣвъ проливы Дельфина и Уніона и Деа, судно это провело вторую зиму въ заливѣ Кембриджскомъ, находящемся на южномъ берегу Земли Викторіи, около 104° зап. долг. Дичины было довольно и туземцы въ большомъ числѣ являлись на судно. Находясь недалеко отъ пролива Викторіи, отъ Земли Короля Вилліама и отъ устья рѣки Бакъ, удивительно, что Эскимосы не доставили капитану Коллинсону никакого свѣдѣнія о бѣдствіи, которое, по донесенію доктора Ре, случилось близъ оконечности Оглу*. Въ апрѣлѣ 1853 начались новыя развѣдыванія Земли Викторіи. Одна партія, направляясь къ востоку и сѣверу, достигла до 70° 26' шир. при 100° 45' зап. долг. Это почти граница розысканій и доктора Ре, котораго записку нашли на одномъ примѣтномъ мѣстѣ.

Ледъ сталъ вскрываться 25 іюля, и капитанъ Коллинсонъ 5 августа вступилъ подъ-паруса. Онъ направилъ свой путь опять къ Берингову проливу около Сѣверо-Американскаго ма-

* Въ 68° 20' шир. и 96° 10' зап. долг.

терика; но плаваніе его безпрестанно останавливаемо было льдами, и онъ не могъ дойти до мыса Баррова, гдѣ встрѣтилъ бы судно «Плювиэ», посланное туда Адмиралтействомъ на помощь «Предпріятію».

Коллинсонъ, проведя третью зиму въ заливѣ Кембленъ, вышелъ изъ него 15 іюля 1854 г.; обогнувъ сѣверозападный берегъ Америки, прошелъ Беринговымъ проливомъ и благополучно возвратился въ Англію. Съ 1853 г. въ Сѣверномъ Полярномъ морѣ находилось еще одно, небольшое американское судно «Advance», подъ начальствомъ доктора Кэна, съ экипажемъ изъ 18 человекъ, для отысканія Франклина, объ участи котораго тогда еще ничего не знали. Такъ какъ два года не было извѣстія и о докторѣ Кэнѣ, то друзья его выпросили у правительства Соединенныхъ Штатовъ въ 1855 г. средства для снаряженія на помощь Кэну новой экспедиціи, которая состояла изъ винтоваго парохода «Agassiz» и небольшого барка «Release». Лѣтомъ 1855 г. суда эти отправились въ Баффиновъ заливъ и въ-исходѣ того же года возвратились въ Нью-Йоркъ. Съ ними прибыли докторъ Кэнъ и весь экипажъ съ судна «Advance».

Результатъ экспедиціи Кэна заключается въ слѣдующемъ: Въ августѣ 1853 г. Кэнъ, достигнувъ сѣверной части Баффинова залива, вошелъ въ густой ледъ и провелъ двѣ зимы въ самомъ суровомъ климатѣ. Докторъ Кэнъ подходилъ къ земному полюсу ближе всѣхъ своихъ предшественниковъ и именно достигалъ до 83° шир.

Слѣдуя по западному берегу Гренландіи, вдоль подошвы высочайшихъ ледниковъ, онъ открылъ неизвѣстную землю, названную имъ: *Землею Вашингтона*; заливъ же отдѣляющій ее отъ Гренландіи наименовалъ: «Peabody».

Кэнъ подтверждаетъ также существованіе великаго, свободнаго отъ льдовъ, Полярнаго моря, хотя и окруженнаго ледянымъ поясомъ. Между-тѣмъ судно его совершенно затерто было льдами, провизія истощилась и Кэнъ рѣшилъ, оставивъ «Advance», идти по Гренландскому берегу къ югу до перваго Датскаго селенія. 17 мая 1855 г., онъ отправился въ путь со всѣми людьми и 6 августа достигъ до Уппернавика, пройдя

1800 англ. миль и испытавъ немовѣрныя трудности и лишения. Изъ Уппернавика одно Датское судно перевезло ихъ въ Ливели, гдѣ, по-счастію, находились «Arctic» и «Release», на которыхъ и прибыли отважные путешественники въ Соединенные Штаты.

Въ настоящее время цѣль послѣднихъ экспедицій достигнута: *сѣверозападный проходы* открыты, *Полярный надъ* Америкой архипелагъ описанъ, въ бѣдственной участи постигшей Франклина и его товарищей, къ-сожалѣнію, нельзя болѣе сомнѣваться.

Но есть еще одна, весьма любопытная, неразрѣшенная для глубокаго сѣвера задача: это существованіе Полярнаго свободнаго отъ льдовъ моря, въ срединѣ котораго находится сѣверный земный полюсъ. Давно уже подозрѣвается такое море, и у сѣверныхъ народовъ есть преданіе объ экспедиціи предпринятой въ древнія времена Голландцами, которые будто-бы плавали въ таинственномъ морѣ и только на одинъ градусъ не достигли полюса. Въ наше время существованіе около-полюснаго-Полярнаго моря подтверждается положительными доказательствами. Русскіе путешественники Баронъ Врангель и Анжу въ смѣлыхъ экспедиціяхъ своихъ по льдамъ, опоясывающимъ сѣверные берега Сибири, доходили до полярнаго моря, до Русской большой Полюныи, гдѣ зимою на волнахъ, свободно катившихся къ востоку, носились *ледяныя горы*. То же нашелъ и Парри въ путешествіе свое отъ Шпицбергена по льду къ сѣверу, всѣ мореплаватели посѣщавшіе проливы Веллингтона, Королевы, Смита и Джонеса, и наконецъ самый послѣдній по глубокимъ странамъ сѣвера путешественникъ докторъ Кэвъ. Конечно, глубокое, съ сильнымъ теченіемъ море, подверженное въ зимнее время дѣйствию проникающей въ него теплой струи (гольфштрома) едва ли можетъ замерзнуть. Понятно скопленіе льдовъ въ полярномъ надъ Америкой лабиринтѣ Архипелага Парри; понятны ледяныя поля, разстилающіяся вдоль низменныхъ береговъ азіатскаго материка. Но все убѣждаетъ насъ въ существованіи вокругъ сѣвернаго земнаго полюса обширнаго Полярнаго моря, въ которомъ по замѣчаніямъ мореплавателей лѣтомъ должно быть теченіе отъ востока къ западу, а зимой, напротивъ, отъ запада къ востоку.

Можетъ-быть, въ приличное время, при благопріятныхъ

обстоятельствахъ, направлясь лѣтомъ отъ западныхъ береговъ Шницбергена къ сѣверу, удастся прорѣзать ледяную полосу и вступить въ таинственное море.

Что это случится и, можетъ-быть, скоро, въ этомъ мы нисколько не сомнѣваемся, и пламенно желаемъ, чтобъ русскія суда впервые разсѣкли волны этого моря; чтобъ русский флагъ впервые пріосѣнилъ нашъ сѣверный полюсъ.

МАЛОРОССІЙСКІЕ ГЕТМАНЫ И КАЗАКИ

ДО ВРЕМЕНЪ УНИИ.

МИХАИЛА ГЛИЩИНСКАГО.

Небольшая часть юго-восточной Европы отъ Кіева до Чернаго моря испытало много различныхъ и странныхъ переходовъ; а, вслѣдствіе времени и обстоятельствъ, положеніемъ своимъ между Россіей, Польшей и Турціей, имѣла огромное вліяніе на дѣла этихъ трехъ державъ.

Въ прежніе времена на этомъ пространствѣ жили Славянскія поколѣнія Древляне и Поляне. Сдѣлавъ нашествіе на югъ и занявъ владѣнія этихъ племенъ, Олегъ князь Русскій основалъ въ Кіевѣ и назвалъ его матерью городовъ Русскихъ. Съ тѣхъ поръ край этотъ началъ соединяться и принимать видъ общественаго порядка. Быстро здѣсь возникаютъ города и деревни. По раздѣленіи Россіи на удѣлы возникла отдѣльная династія южныхъ Русскихъ князей во Владимірѣ Волынскомъ и Галичѣ, — а въ 1339 году Юрій Андреевичъ первый началъ называться княземъ Малороссійскимъ. Несмотря на это, часть южнаго удѣла, лежащая между устьями Днѣпра и Дона и немного вверху по берегамъ этихъ рѣкъ, не принадлежала никому; постоянно по ней бродили орды Печенѣговъ, Хозаровъ, Половцевъ, воюя

то за Русь, то противъ Руси, то сражаясь между собою, что продолжалось до конца XII столѣтія. Главными городами были: Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ, Овручъ, Бѣлгородъ; а послѣднимъ пограничнымъ на югѣ Русскимъ городомъ-былъ Каневъ.

Тогда изъ горныхъ пустынь Азіи, откуда-то далеко изъ Монголіи в Туркеставъ нахлынули на Европу орды татаръ, подвинутыя жаждой грабежа и разбоя. Полюбилась имъ Россія, и они остановились въ этой землѣ, угнетая ее своей азіатской дикостью. Ни одной минуты отдыха не давали они ея жителямъ, надъ которыми почти два вѣка «висѣлъ мечъ азіатскихъ разбойниковъ, отнимавшій у нихъ надежду на завтрашній день». Погромъ этотъ въ особенности выпалъ на долю южной Россіи, и снова Каневъ былъ послѣднею пограничною крѣпостію татаръ; уцѣлѣлъ только правый берегъ Днѣпра; остальное все было уничтожено, сожжено, разграблено.

Черезъ сто лѣтъ потомъ сцена перемѣняется; новые витязи въ волчьихъ шапкахъ, въ медвѣжьихъ шкурахъ, съ колчанами стрѣлъ выгоняютъ татаръ съ Днѣпровскаго побережья и занимаютъ этотъ край сами. Литовскіе князья ставятъ своихъ намѣстниковъ въ Кіевѣ, Черниговѣ и Новгородѣ-Сѣверскѣ. Одну половину Малороссіи занялъ Гедыминъ въ 1320 году, другую (Галицію) Казимиръ Великій въ 1339 г. Оба соединенія эти произошли безъ пролитія крови, добровольно, съ сохраненіемъ вѣры, законовъ, нравовъ и обычаевъ.

Часть Малороссіи, присоединенная къ Литвѣ, вмѣстѣ съ нею вападала на Русь, Польшу и татаръ; но когда Ягелло, жениась на Ядвигѣ, королевѣ польской, присоединилъ Литву къ новому своему королевству, тогда и другая часть Малороссіи соединилась съ Польшей. Въ то время для каждаго народа учреждены были отдѣльные гетманы: коронный, литовскій и малороссійскій. Послѣдній жилъ въ Черкасахъ на Днѣпрѣ, съ правомъ королевскаго намѣстника. Такимъ образомъ въ этомъ соединеніи отразились три различные типа: Польскій, Литовскій и Малороссійскій, каждый съ особеннымъ языкомъ, правами и обычаями. Мудрое и прозорливое веденіе дѣла и свобода въ отношеніи внутренней жизни каждаго народа слили бы въ одно нераздѣльное цѣлое эти разнородныя части; но на бѣду дѣло приняло совершенно противоположное направленіе, и хотя нѣрѣдка у иныхъ и проявлялось желаніе и стремленіе въ

уравненію Литвы и Малороссіи, однакожь благоразумныя эти желанія исчезали среди развратнаго самолюбія, эгоистическихъ видовъ и фанатическаго рвенія. Съ начала своего учрежденія малороссійскіе гетманы были ни болѣе, ни менѣе какъ начальники войскъ, потому что намѣстниками въ этомъ краю были постоянно князья, назначаемые Великими Литовскими князьями изъ своего рода. Но кто были эти гетманы и что дѣлали они, пока не перешла къ нимъ власть намѣстниковъ и управленіе краевъ — исторія ничего объ этомъ не упоминаетъ. Одинъ только слѣдъ находимъ объ этомъ: Архiepиековъ Георгій Конисскій въ своей исторіи Руссовъ говоритъ: что гетманъ Венцеславъ Витольдовичъ помогалъ Ягеллѣ въ походѣ противъ Крестоносцевъ, привелъ съ собою подъ Динабургъ 37,000 войска и участвовалъ въ битвахъ подъ Гринвальдомъ и Тонненбергомъ. За эту важную услугу Венцеславъ Витольдовичъ выхлопоталъ у Ягеллы привиллегію для Малороссіи, тѣмъ болѣе необходимую, что Литовцы, основываясь на освобожденіи ими Малороссіи изъ-подъ ига татарскаго, постоянно имѣли какія-то претензіи на верховное владѣтельство надъ Малороссіей, ея законами и управленіемъ. Привиллегія эта, выданная 1409 года апрѣля 13, говоритъ: «Божіею милостію согласно съ доброй волей нашей и царскими нашими постановленіями, соединивъ наслѣдственное наше княжество Литовское и подчиненныя ему добровольно княжество Русское, съ народомъ и королевство Польское, постановили мы и подписали по этому случаю договоры соединенія, — чего было бы и достаточно. Но нѣкоторые литовскіе чины, какъ жалуются намъ гетманъ (Венцеславъ Витольдовичъ) не перестаютъ не признавать совершеннаго съ ними равенства чиновъ Русскихъ и дворянства, по поводу освобожденія послѣднихъ отъ ига татарскаго; почему постановляемъ и вторично утверждаемъ прежніе договоры народа Русскаго съ народомъ Польскимъ и Литовскимъ, и который имѣетъ быть, какъ равный съ равнымъ и вольный съ вольнымъ, вѣчно и нераздѣльно; законами своими Русскими пользоваться безирепятственно, какъ они признаны разумными и потому приняты за одно съ законами нашего княжества Литовскаго (значитъ, что законы Малороссіи также для нея утверждены какъ Литовскіе для Литовцевъ); и согласно съ ними должны судить и рядить свои дѣла, и имѣніями своими наслѣдственными и благопріобрѣтенными управлять и распорядятъ»

ся безпрепятственно со стороны другихъ узаконеній. Также и рыцарство Русское должно имѣть одинаковыя права съ рыцарствомъ Польскимъ и Литовскимъ, какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ, во всѣхъ дѣлахъ и распорядженіяхъ, безъ упрека и оскорбленія, а вслѣдія претензіи о прежнемъ освобожденіи народа Русскаго изъ-подъ ига татаръ уничтожаемъ и за прещаемъ въ особенности потому, что освобожденіе это значительно отличено и отслужено рыцарствомъ Русскимъ противъ враговъ Литвы—вѣроломныхъ Ливонцевъ, не постоянныхъ Крестоносцевъ и другихъ враговъ отечества, отъ которыхъ Русняки насъ хранили, защищали, и головы свои положили на мѣсть; кто же причинитъ имъ какую несправедливость, строго будетъ укоренъ.»

Изъ этой привилегіи видно, что права этѣхъ краевъ уже при первомъ соединеніи были утверждены; но только не слишкомъ ихъ уважали. Не оградила ихъ для Малороссіи и приведенная привилегія, потому что вскорѣ, именно въ 1435 г. марта 7, Збигнѣвъ Олесницкій пеходатайствовалъ снова у короля Владислава (Варненгика) новыя привилегіи для этого края, чему послужили поводомъ новыя утѣсенія и несправедливости Литовцевъ. Привилегія эта была слѣдующая:

«Постановляемъ и утверждаемъ воеводства Русскія съ народонаселеніемъ и рыцарствомъ на тѣхъ самыхъ правахъ, привилегіяхъ и вольностяхъ, какія для нихъ постановлены и утверждены отцемъ нашимъ, при добровольномъ соединеніи Руси съ Литвою и королевствомъ Польскимъ, и да не осмѣливается никто въ прочихъ воеводствахъ нашихъ не признавать этихъ правъ и привилегій. Какъ въ отправленіи вѣры отцевъ своихъ, такъ и въ дѣлахъ земскихъ и рыцарскихъ, да не будетъ отнимаема у Русскаго народа свобода и добрая воля. Пусть благородное рыцарство Русское не вступаетъ въ споры съ благодарнымъ рыцарствомъ Польскимъ и Литовскимъ, и пусть народы эти соединятся какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ; потому что они единоплеменны, соединились добровольно общими силами освободились отъ ига татарскаго. Имѣніями же своими, наследственными и благопріобрѣтенными да пользуются Русняки съ полной свободой и судятся сами между собою, а въ суды земскіе и городскіе выбираютъ судей и чиновниковъ вольными голосами, въ силу правъ своихъ и статутовъ, которые

утвердивъ, отдаемъ для исполненія и на сохраненіе, ручаясь на вѣчныя времена и за насъ и за наслѣдниковъ нашихъ.»

Казимиръ, братъ короля, съ сыновьями присягнули въ исполненіи этихъ договоровъ соединенія, — и чтоже дѣлалъ послѣ наждый наслѣдникъ престола? —

Между 1439 и 1444, Малороссіяне въ числѣ 43,000, подъ предводительствомъ Свѣтольдовича и Ольговича, участвовали съ Варненникомъ въ несчастной войнѣ противъ Турокъ.

Изъ намѣстниковъ княжескихъ въ Кіевѣ извѣстенъ въ то время Симеонъ Олельковичъ, которому предложено даже достоинство Великаго князя Литовскаго. Стрыйковскій отзывается о немъ какъ о человѣкѣ умномъ, дѣятельномъ и справедливомъ. По смерти его, Казимиръ IV, изъ мщенія ли на Малороссіянъ за привязанность ихъ къ Симеону, или по другимъ причинамъ, отдалъ управленіе Малороссіей Литвану Мартыну Гастольду, удаливъ дѣтей Симеона, и тѣмъ самымъ нарушилъ права и привилегіи, данныя Малороссіи его предшественниками и подтвержденныя даже его собственной присагой.

Съ этихъ поръ исчезаетъ Кіевское княжеское намѣстничество, а появляются воеводства, которыхъ было четыре: Подольское, Белжское, Русское и Кіевское. Впоследствии раздѣленіе это измѣняется на: Брацлавское, Кіевское и Волинское; а Сѣверское съ Черниговскимъ названо княжествомъ Сѣверскимъ (Ducatus Severias).

Въ такомъ положеніи была Малороссія, когда на самомъ югѣ у нея, на Днѣпровскихъ порогахъ появился, въ-самомъ-дѣлѣ странный, воинственный народъ, начало котораго в названіе—до-сихъ-поръ историческая загадка, разными предположеніями еще болѣе затемненная; хотя, какъ кажется, она очень легка для разъясненія.

Основываясь на азіатскихъ чертахъ лица и на воинственномъ нравѣ казаковъ, Бантышъ-Каменскій утверждаетъ, что казаки происходятъ отъ Черкесовъ *

Страннымъ образомъ такъ далеко отъ истины отошелъ этотъ почтенный и безпристрастный историкъ. Впервыхъ уже и самъ себя онъ опровергаетъ тѣмъ, что трудно согласить: если казаки происходятъ отъ Черкесовъ, то откуда же взяли

* Исторія Малороссіи Т. I, стр. 108—109.

они Грекороссійское исповѣданіе и почему говорятъ языкомъ Славянскимъ.

— Два эти важныя обстоятельства совершенно уничтожили мнѣніе Каменскаго. Во-вторыхъ ничего не доказываютъ одинаковый образъ жизни и характеръ казаковъ и Черкесовъ, потому что возникаютъ изъ положенія казаковъ и изъ необходимости отражать нападенія, а не переданы имъ въ наслѣдство. Въ-третьихъ, если черты эти азіатскія, но не греческія, а татарскія, какъ и самъ авторъ достаточно объясняетъ причину этого обстоятельства; — значить были приобрѣтены, а не перешли по наслѣдству. Въ-четвертыхъ, что казаки въ официальныхъ бумагахъ часто назывались Черкесами, это, конечно, было не отъ происхожденія ихъ отъ Черкесовъ, но по названію главнаго ихъ города Черкасъ, и было названіемъ частнымъ; потому что всегда и вездѣ встрѣчалось одно и то же названіе ихъ — казаки. Наконецъ самъ авторъ выдаетъ свое мнѣніе за одно только предположеніе, что и останется предположеніемъ и даже менѣе, потому что подтвердить его нечемъ.

Другіе производятъ начало и названіе казаковъ отъ какого-то края, лежавшаго надъ Азовскимъ моремъ и называвшагося Козакіей еще во времена Константина Багрянороднаго.

Янъ Потоцкій говоритъ: * Остается опредѣлить происхожденіе казаковъ, о которомъ, я не знаю, зачѣмъ спорили, — потому что ничего нѣтъ яснѣе. Во времена Императора Константина Багрянороднаго надъ Азовскимъ моремъ было двѣ области, изъ которыхъ одна называлась *Козакіей*, другая *Алжіей* (*Asciurgium*). Спустя полвѣка, Мстиславъ сынъ Владиміра является на челѣ Славянъ, идетъ на островъ Тамань, побѣждаетъ князя Ясовъ и Косоговъ и овладѣваетъ его страной. Когда Мстиславъ побѣдилъ Косожскаго князя и овладѣлъ Козакіей, — подданные его Славяне дѣлаются казаками. » **

И здѣсь много невѣрности и противорѣчія. Во первыхъ какой же это Мстиславъ, и когда онъ дѣлалъ нашествіе на Косожскаго князя? Во-вторыхъ, какое было это Славянское племя?

Наконецъ, зачѣмъ бы Славяне привяли отъ побѣжденнаго

* Histoire primitive des peuples de la Russie p. 188.

** Этого мнѣнія, какъ совершенно незаслуживающаго никакого вниманія, не слѣдовало бы и приводить автору. *Пр. пер.*

края названіе казаковъ, когда, конечно, имѣли свое, хотя авторъ о немъ и не упоминаетъ. Допустимъ, что и такъ было; — но куда же дѣвалось Славянское поколѣніе, называвшееся казаками? куда оно исчезло, что до конца XIV и до начала XV вѣка — следовательно девять слишкомъ столѣтій, не встрѣчаешь о немъ ни одного слова, и только въ началѣ XV вѣка имя это воскресаетъ изъ мертвыхъ. А это потому-что прежде его и вовсе не было.

Карамзинъ точно также объясняетъ имя и происхожденіе казаковъ. Но гдѣ же были казаки въ то время, когда въ Кіевѣ княжили Русскіе князья и доходили на югъ далеко, даже до Константинополя, никогда не встрѣчая казаковъ? Если существовали они до нашествія Татаръ, зачѣмъ не упоминаетъ о нихъ Несторъ, и не говоритъ ни одна лѣтопись ранѣе XIV вѣка? Потому, какъ и выше сказано — что ихъ еще не было. Даже сами казаки ничего не знали о такомъ древнемъ своемъ происхожденіи. Ни одна народная дума не восходитъ дальше XIV вѣка.

Г. Скальковскій ** самъ природный Украинецъ, отвергаетъ происхожденіе казаковъ отъ Черкесовъ, Хозаровъ или Татаръ; но утверждаетъ, что казаки вышли изъ южной Руси.

И въ-самомъ-дѣлѣ такъ быть должноствовало. Во время постоянныхъ кровавыхъ междоусобныхъ войнъ, а также нападений на южную Русь Татаръ, потомъ Литовцевъ, многіе обитатели несчастнаго этого края, ища спокойствія и безопасныхъ жилищъ отъ нападенія хищниковъ, укрывались въ приднѣпровскія и придонскія степи, недоступныя, непривлекательныя для врага, полныя болотъ и заросшія непроходимыми тростниками. Здѣсь отмщали они за пожары и убійства своимъ непріятелямъ, нападая на нихъ нечаянно и быстро скрываясь на острова, въ болота и между скалами.

Такимъ образомъ возникли казаки, и мнѣніе это, принятое новыми изслѣдователями казачества, логично и болѣе другихъ на своей сторонѣ имѣетъ исторической критики.

Вначалѣ казаки были немногочисленны; но когда разошлась вѣсть о ихъ безопасныхъ убѣжищахъ, число ихъ быстро воз-

* Ист. Госуд. Рос. Т. V. стр. 393—395.

** Ист. Нов. Сѣчи Т. I. стр. 23—24.

растало: потому что каждый уходилъ къ нимъ, избѣгая или преслѣдованія, или наказанія, или влекомый надеждой на лучшую долю. И вотъ около днѣпровскихъ пороговъ собирались выходцы изъ Руси, Польши, Молдавіи, Валахіи, — даже были Татары. Первые тамошніе поселенцы принимали всѣхъ безъ исключенія, съ условіемъ только, чтобъ пришельцы исповѣдывали Греческую вѣру и дали доказательства неустрашимости и мужества.

Многіе различно толкуютъ о происхожденіи и названіи казаковъ. Мы уже видѣли, что говорятъ объ этомъ Янъ Потоцкій и Карамзинъ. Выводы же другихъ писателей, въ особенности иностранцевъ, весьма смѣшны.

Одни говорятъ, что казакъ происходитъ отъ Польскаго слова *коса* * потому что казаки, по-крайней-мѣрѣ часть ихъ, были вооружены косами.

Пясецкій, Гарткнотъ и Шевалье производятъ слово казакъ отъ козы, съ которою сравниваютъ ловкость, быстроту и движенія казаковъ.

Зиморовичъ производитъ названіе это отъ слова *кожакъ*, означающаго, кажется, муху, желая этимъ обрисовать подвижность и настойчивость казаковъ. Намъ кажется правдоподобнѣе всего, что казакъ слово татарское, означающее легко вооруженнаго всадника, было усвоено людьми, состоявшими, вслѣдствіе своего положенія и цѣли, безпрестанно сражаться съ окружавшими ихъ врагами, и было усвоено какъ слово, лучше всего выражавшее ихъ состояніе и назначеніе. Обративъ вниманіе на общее состояніе событій того времени и положеніе южной Руси, необходимо должно заключить, что казаки происхожденія Славянскаго, но не отдѣльное племя; возникли вслѣдствіе обстоятельствъ и событій на югѣ Руси; что они не первобытные жители въ своихъ поселеніяхъ, а только пришельцы отъ разныхъ странъ в городова; что военныя эти поселенія надъ Днѣпромъ къ Черному морю начались отъ конца XII-го и начала XIII вѣка, потому что тогда начались нашествія на полуденную Русь; что названіе *козакъ* легко перешло отъ Татаръ къ новымъ

* Зачѣмъ же отъ Польскаго? *Коса* слово Русское и Малороссійское. *Пр. перевод.*

** На какомъ же языкѣ? *Пр. перевод.*

поселенцамъ, вѣчно воевавшимъ съ ордынцами, оттого, что, не бывъ ни отдѣльнымъ народомъ, ни даже племенемъ, войны эти до тѣхъ поръ не имѣли никакого названія, а приняли наименованіе казаковъ потому, что оно какъ нельзя лучше сообразовалось съ ихъ характеромъ и образомъ жизни. Названіе же это издревле носили вооруженныя толпы, блуждавшія по степямъ и пустынямъ Восточной Европы.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ составъ этого новаго организовавшагося тѣла—порожденія Руси—вошли двѣ чисто Русскія стихіи: вѣра и языкъ; что, исключая двѣ эти стихіи, все прочее у казаковъ было свое собственное, новое, козацкое, какъ то: нравы, обычаи, образъ жизни, одежда, понятія о власти, преданія, поэзія и т. п.

Прежде чѣмъ приступимъ къ самой исторіи казаковъ, рассмотримъ еще одно особенное обстоятельство.

Подобно всякому зародышу общественнаго порядка, казаки сначала жили каждый для себя, безъ постоянныхъ, но приспособленныхъ къ извѣстному времени и обстоятельствамъ законовъ, основаній и цѣли. Наковецъ неизбежное теченіе событій соединило эти разнородныя единицы въ органическое цѣлое, и на этомъ маленькомъ уголкѣ земли образовалось военное братство, полное жизни, силы и предпріятій, назначеніемъ котораго долженствовали быть постоянныя битвы и охраненіе Европы отъ нехристіанскихъ народовъ. Трудно разъяснить, само-ли-по-себѣ, вслѣдствіе естественнаго хода обстоятельствъ и времени, возникло это органическое цѣлое, или его кто создалъ именно въ этомъ, а не другомъ духѣ, съ задуманною цѣлью. Укрывательство отъ Татаръ увлекло многихъ въ безлюдныя, недоступныя, низовыя степи; а оборона отъ нихъ была самой естественной цѣлью и занятіемъ на всю жизнь, прежде чѣмъ кто-нибудь подумалъ объ ихъ учрежденіи. Вмигъ образуется тамъ общество, потомъ товарищество,—названіе, сохранившееся до конца существованія Сѣчи (товариство).

Мынѣемъ болѣе правдоподобнымъ кажется, что казачество, какъ мы говорили выше, возникло вслѣдствіе потребности

* Гдѣ же источники? Пр. перевод.

времени и обстоятельствъ, а организація ихъ была уже дѣломъ обдуманнѣмъ.

Соглашаемся также съ догадкой М. Гробовскаго, или скорѣе назовемъ истинной догадку, находящуюся въ его литературѣ и критикѣ. Онъ утверждаетъ, что, воспитанные въ понятіяхъ, существовавшихъ тогда въ Европѣ, о рыцарствѣ и вѣчной борьбѣ съ невѣрными; кромѣ того, насмотрѣвшись на стремленіе къ битвамъ съ Турками, что требовало учрежденія извѣстныхъ военно-духовныхъ братствъ, — Лянцкоронскій, Вишневецкій и Рожинскій, услыхавъ о войнахъ, безпрестанно сражавшихся съ Татарами, шли нарочно одинъ за другимъ въ ту сторону къ Днѣпру, чтобы организовать этихъ воиновъ европейски, въ западномъ духѣ.

Еще слѣдуетъ прибавить, что Евстафій Дашкевичъ первый понялъ значеніе казачества и думалъ объ учрежденіи изъ него пограничной стражи, какъ это сей-часъ увидимъ. Въ-самомъ-дѣлѣ товариство Запорожскихъ казаковъ много имѣетъ сходства съ военными орденами Западной Европы; а вышли-ль одинаковыя результаты отъ одного и того же образа жизни, отъ одной и той же цѣли, или были только привиты къ этому явкуму, но полному жизненнымъ соковъ сборищу—въ этомъ для насъ не заключается большой важности. Достоверно знаемъ только то, что Поляки первые учредили и дали будущее направленіе казацкому ордену, славному въ исторіи подъ названіемъ Товариство Войска Запорожскаго.

Тотчасъ, за появленіемъ своимъ, казаки раздѣлились на двѣ вѣтви: на Запорожскихъ и Донскихъ, а отъ нихъ со-временемъ произошли: Украинскіе, Гребенскіе, Уральскіе, Азовскіе и т. д.; но прототипомъ для всѣхъ были Запорожскіе, которые громче и опредѣлительнѣе прошли по землѣ, какъ историческое явленіе.

Когда въ 1500 г. князь Константинъ Острожскій проигралъ извѣстное сраженіе подъ Дорогобужемъ и попалъ въ плѣнъ, — вслѣдъ за нимъ прибылъ изъ Украины въ Россію Евстафій Дашкевичъ и вступилъ въ службу къ Царю. Неизвѣстно, откуда происходитъ Дашкевичъ, но что имѣлъ значеніе—это доказывается тѣмъ, что онъ былъ Троцкимъ воеводой. Кіевскій воевода Немировичъ приходился ему шуриномъ, а съ княземъ Острожскимъ и тогдашнимъ Малороссійскимъ гетманомъ Пред-

славомъ Лянцкоронскимъ онъ былъ связанъ дружбою. Король Польскій домогался у Царя выдачи Дашкевича; но Иванъ Грозный отвѣчалъ, что условіе заключено выдавать взаимно только бѣглецовъ, мужиковъ, должниковъ и преступниковъ; Дашкевичъ же былъ у короля воеводой, не обвиненъ ни въ какомъ проступкѣ и добровольно вступилъ въ царскую службу, какъ то и прежде водилоеь.

Гнзязъ Острожскій ушелъ изъ плѣна, а вслѣдъ за нимъ и Дашкевичъ. Пріатели послѣдняго исходатайствовали ему у короля прощеніе. Тогда-то, въ 1511, когда на сеймъ въ Піотрковѣ прибыли татарскіе послы, требуя условенной и сдѣловавшей имъ дани, Дашкевичъ яркими красками обрисовалъ стыдъ христіанскому сильному госуларству платить дань невѣрнымъ, когда Польша легко можетъ заградить имъ переходъ изъ Крыма черезъ Днѣпръ. «Необходимо только, говорилъ онъ, учредить дѣятельную стражу въ 2000 человекъ, которая плавала бы на небольшихъ судахъ между островами и порогами и не допускала Татаръ переправляться. Для прикрытія этой стражи и для доставленія ей жизненныхъ припасовъ, нужно только 500 всадниковъ; приэтомъ на ло укрьпить острова, и оборона будетъ чрезвычайно удобна». Проектъ этотъ былъ одобренъ, но не приведенъ въ исполненіе. Наконецъ Дашкевичъ отправился самъ на острова и пороги къ воинамъ, жившимъ отдѣльно, безъ порядка.

Соединяя съ мужествомъ и неутомимой дѣятельностью познаніе военнаго искусства, Дашкевичъ и по натурѣ своей какъ-то скоро повравился этому воинственному сборищу, готовому къ нападеніямъ и смѣлому до забывчивости. Едва появился онъ среди Запорожцевъ, какъ избранъ былъ кошевымъ и сдѣлался ужасомъ Турковъ, сталъ для нихъ бичемъ Божиимъ.

Тотчасъ же раздѣлил онъ новую свою дружину на полки и сотни, вооружилъ каждого огнестрѣльнымъ оружіемъ и саблей, ввелъ строгую дисциплину, но вмѣстѣ и ровный раздѣлъ добычи, потому что было одинаковое участіе въ опасностяхъ битвъ; притомъ оставилъ имъ свободный выборъ предводителей. Сигизмундъ I позволилъ имъ строить хутора выше пороговъ, и отдалъ Дашкевичу Каневъ и Черкасы.

Во времена Дашкевича число казаковъ не превосходило 3,000; потомъ уже оно возрасло съ приливомъ пришельцевъ, и

такимъ образомъ возникла знаменитая Сѣчь Запорожская. Король отдалъ ее подъ вѣдѣніе малороссійскаго гетмана, которому болѣе или менѣе и была она подчинена по своему усмотрѣнію; гетманы не запрещали ей нападать на враговъ Малороссіи, и говаривали съ улыбкой, если доходили къ нимъ жалобы на казаковъ: «А щожь? треба хлопцямъ погуляты». И въ-самомъ-дѣлѣ, едва возникнувъ, разгуливали они по непріятельскимъ землямъ. Отъ Дашкевича начинается извѣстная эпоха быта казачества. Малороссійскимъ гетманомъ въ то время былъ Предславъ Лянцкоронскій. Подвиги этихъ обоихъ мужей такъ тѣсно связаны между собою, что до-сихъ-поръ еще нельзя навѣрное сказать, кто изъ нихъ былъ настоящимъ гетманомъ. Одни начинаютъ рядъ гетмановъ отъ Дашкевича, другіе отъ Лянцкоронскаго. Кажется, что гетманомъ былъ Лянцкоронскій, а другъ его Дашкевичъ почти независимымъ предводителемъ казаковъ; дѣйствуя почти всегда вмѣстѣ, они срослись въ народныхъ преданіяхъ.

Сложивъ съ себя гетманское достоинство (1512) и призвавъ друга своего кошеваго Дашкевича, Лянцкоронскій, имѣя вмѣстѣ съ послѣднимъ только 1200 человекъ,—пробрались къ Бѣлгороду, разбили нѣсколько татарскихъ отрядовъ, взяли 500 человекъ и угнали 3000 штукъ скота.*

Въ 1522 разбитый Татарами, Дашкевичъ былъ взятъ въ плѣнъ, но освободясь (1523), пошелъ на нихъ, сжегъ Очаковъ и страшно опустошилъ Тавриду. Вскорѣ потомъ вмѣстѣ съ княземъ Острожскимъ и Немировичемъ поражалъ онъ Татаръ подъ Кіевомъ; а въ 1528 г. храбрый Предславъ Лянцкоронскій, хотя уже и не гетманъ, снова пригласилъ кошеваго на походъ въ Крымъ. Съ 1300 казаками пошли они на Очаковъ; три раза разбивали враговъ и забрали множество лошадей и скота. Это былъ послѣдній походъ стараго воина. Черезъ два года умеръ Лянцкоронскій, а вскорѣ за нимъ и Дашкевичъ, осыпанный королемъ справедливо заслуженными почестями и богатствами.

* Niesiecki T. III. § 24 i Strykowski.

Дмитрій Вишневецкій. 1512—1514.

Когда Лянцкоронскій сложилъ съ себя гетманское званіе, на мѣсто его былъ выбранъ Дмитрій Вишневецкій, славный мужествомъ и гражданскими доблестями. Онъ посвятилъ себя внутреннему устройству Малороссіи: строилъ города, замки, наблюдалъ за справедливостію чиновниковъ городскихъ и земскихъ, покровительствовалъ земледѣлію и торговлѣ. За все это народъ, отдохнувшій немного отъ изнурительныхъ войнъ, почтилъ его названіемъ отца народа.

Пробравшись въ нижнюю Подолію, называвшуюся набережемъ, Татары разграбили нѣсколько городовъ и деревень и угнали множество стада; но на возвратномъ пути, застигнутые мятежью и снѣгами, почти совершенно вымерзли, хотя и скрывались внутри лошадей. Черезъ два года управленія краемъ, Дмитрій Вишневецкій исчезаетъ; на мѣсто его избранъ гетманомъ князь Евстафій Рожинскій.

Князь Евстафій Рожинскій. 1514—1534.

Еще въ-молодости, путешествуя изъ любви къ наукамъ по Германіи и Франціи, онъ приобрѣлъ разнообразныя свѣдѣнія, въ-особенности силенъ былъ въ познаніи военнаго искусства. Главнымъ и первымъ стараніемъ его было преобразование малороссійскаго войска. Онъ учредилъ двадцать полковъ, каждый въ 2000 человекъ, и назвалъ ихъ по именамъ важнѣйшихъ городовъ; Кіевскій былъ первымъ. Полки раздѣлялъ на сотни, называвшіяся по именамъ мѣстечекъ; въ каждомъ полку были полковникъ и сотники, выбираемые *товарыствомъ*, сохранявшіе по-смерть это званіе. Полки формировались и комплектовались молодыми казаками, выбранными изъ куреней * и изъ окружныхъ шляхетскихъ помѣстьевъ. Послѣдніе записываемы были въ войсковой реестръ, до вы-

* Большая погрѣшность! Какимъ же образомъ Запорожцы комплектовали реестровыхъ? и гдѣ авторъ почерпнулъ подобное небывалое свѣдѣніе? *Прим. перевод.*

слуги узаконеннаго времени * и оттого-то назывались реестровыми; половина ихъ была конныхъ, половина пѣшихъ, которые и содержали по городамъ гарнизоны. Одежда и вооруженіе были у нихъ однообразныя, приобретаемыя каждымъ на свой счетъ, потому что казаки жили своими средствами. Во время похода казаки получали отъ малороссійской казны жалованье: простой казакъ червонецъ въ годъ и кафтанъ, а тулубъ на два года; сотенный старшина получалъ вдвое противъ казака. Полковники, старшины генеральные, обозные и старшины полковые имѣли ранговыя деревни; а багажъ, артиллерію, сваряды и другія необходимости, во время похода содержала и доставляла казна войсковая.

Ученье, съ малыми отѣнами, осталось то же что и прежде; маршъ колонный былъ въ употребленіи, вмѣсто каре строили треугольникъ; строить фронтъ называлось *стать лавою*.

Для привлеченія охотниковъ учреждено было пять охочеконныхъ полковъ, называвшихся по именамъ полковниковъ, назначаемыхъ гетманами; общее же названіе имъ было *гультаи*. ** Жалованье шло имъ небольшое; они больше занимались рыболовствомъ и жили надъ рѣками: Саворой, Бугомъ и Днѣстромъ. Все это подтвердилъ Сигизмундъ I, и вскорѣ увидѣлъ, какую пользу общало учрежденіе этой пограничной стражи.

Въ 1516 г. ханъ крымскій напалъ на Польшу; гетманъ выступилъ противъ него и позволилъ ему атаковать себя. Окруживъ его съ трехъ сторонъ, Татары, по обычаю азіатскому, выпустивъ тучу стрѣлъ, бросились на него съ ужаснымъ крикомъ. Но казаки, приготовясь, дали храбрый отпоръ, а огнестрѣльнымъ оружіемъ и артиллеріею произвели у Татаръ огромное опустошеніе. Желая болѣе полной побѣды, гетманъ приказалъ своимъ не трогаться съ мѣста, притворяясь, что хочетъ обороняться, но нападать не смѣетъ; цѣлый день бросались на него Татары и каждый разъ съ урономъ; на ночь отступили и, по азіатской безопасности, расположились широкимъ лагеремъ. Съ-разсвѣтомъ гетманъ выступилъ на врага; впередъ послалъ онъ артиллерію, которая, пустивъ ра-

* Какого же? *Пр. перевод.*

** У кого же и когда? *Пр. перевод.*

кеты въ лагерь, испугала лошадей, а тѣ потащили за собой всалниковъ, лежавшихъ на землѣ; казацкія же войска, прибывъ въ ту же минуту, уничтожили Татаръ; весь лагерь достался побѣдителямъ. Когда гетманъ возвращался изъ Бѣлгорода Донскаго къ своимъ поселеніямъ, Татары, желая отбить добычу, заступили ему дорогу изъ Бѣлгорода Дунайскаго; но Рожинскій, отославъ добычу въ гетманщину, самъ, перейдя Бугъ, скрылся въ болотахъ и тростникахъ при рѣчкѣ Колымѣ, а едва показались Татары, окружилъ ихъ и разбилъ наголову.

Съ-тѣхъ-поръ видя и уважалъ храбрость малороссіянъ и склонность ихъ къ войнѣ, многіе Поляки начали вступать въ малороссійскіе полки, и съ гордостью называться казаками.

Въ 1534 г. умеръ Рожинскій, а на мѣсто его былъ избранъ Венцеславъ, или попросту Венжикъ Хмѣльницкій.

Венжикъ Хмѣльницкій. 1534—1569.

Въ томъ самомъ году, когда Венжикъ Хмѣльницкій былъ избранъ гетманомъ, Татары, пробравшись черезъ Волинь, напали на Польшу. Сигизмундъ I приказалъ новому гетману удерживать орду. Въ ту же минуту, выступивъ въ походъ съ реестровыми казаками, Венжикъ послалъ на Волинь Запорожцевъ и охотниковъ, которымъ приказалъ, раздѣлясь на малые отряды, безпрестанно тревожить Татаръ на маршѣ и на почлегахъ, а самимъ отодвигаться къ главной арміи. Обманутые этой партизанскою военною хитростью, Татары полагали, что казаки дѣйствовали малыми отрядами, которые легко уничтожить, и, не безпокоясь ни о чемъ, шли постоянно впередъ, пока не попали на главную гетманскую силу подъ Заславемъ. Гетманъ успѣлъ уже укрѣпить лагерь, въ которомъ помѣстилъ пѣхоту и артиллерію, а самъ съ конницею укрылся за городомъ. По своему обыкновенію, съ крикомъ, Татары напали на казацкій лагерь; тогда гетманъ напалъ на нихъ съ-тылу, и выстрѣливъ одинъ только разъ, началъ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Встревоженные выстрѣлами и окруженные съ трехъ сторонъ, ордынцы разсыпались

и побѣжали, а гетманъ послалъ за ними погоню, съ строжайшимъ приказаніемъ сохранять фронтъ, потому что зналъ какъ Татары ловко въ бѣгствѣ собираются въ кучки и нападаютъ на преслѣдующихъ въ безпорядкѣ. Сей-часъ же вслѣдъ за ними гетманъ пошелъ съ главнымъ отрядомъ, забралъ непріятельскій багажъ и возвратился въ Заславль, принимаемый съ торжествомъ. Король прислалъ ему за это рескриптъ и изъясненіе призванности. Неизвѣстно, гдѣ и что дѣлалъ въ то время Дмитрій Вишневецкій; и только въ 1556 году видимъ его на полуостровѣ Хортицкомъ недалеко отъ устья Днѣпра противъ Конскихъ Водъ, гдѣ построилъ онъ крѣпость, которую напрасно потомъ (1557) ханъ крымскій блокировалъ 24 дня. Тогда-то Дмитрій Вишневецкій ввелъ въ Сѣчь важное нововведеніе: приказавъ построить лодки изъ буйволовыхъ кожъ, чтобы легче было переносить ихъ по сухому пути во время необходимости. Неизвѣстны причины, вслѣдствіе которыхъ Вишневецкій перешелъ въ службу къ Іоанну IV и пожалованный отъ него имѣніемъ, ходилъ на Крымъ вмѣстѣ съ Черкасскими князьями.

По смерти Анастасіи, характеръ и энергія Грознаго перемѣнились; суровость его извѣстна; тогда Вишневецкій, конечно, изъ боязни неожиданной опалы, возвратился къ польскому королю, который спрашивалъ у Царя о причинѣ бѣгства Вишневецкаго. Грозный отвѣчалъ: «пришелъ онъ какъ собака и ушелъ какъ собака, и мнѣ, Царю, и землѣ моей никакого не причинилъ ущерба».

Тогда молдаванскіе бояры призвали Дмитрія Вишневецкаго на господарство на мѣсто Стефана IX въ 1564 г. Старикъ поѣхалъ въ Молдавію, но схваченный Стефаномъ, отосланъ былъ въ Константинополь. Султанъ приказалъ посадить его на колъ; несчастный витязь былъ зацѣпленъ за ребро. Три дня висѣлъ онъ, восхваляя Христа и проклиная Магомета. Услышавъ эти проклятія, какой-то Турокъ добилъ страдальца. Рассказываютъ, что Турки вырвали его сердце, раздѣлили на части и съѣли, воображая, что отъ этого будутъ стольже отважны какъ мужественный гетманъ.

Тѣмъ временемъ на главномъ сеймѣ Варшавскомъ (1563 г. Іюня 7), гетманъ Венжикъ Хмѣльницкій исходатайствовалъ у короля Сигизмунда Августа новую привилегію, вслѣдствіе

которой дворянство литовское и русское сравнено было въ правахъ съ дворянствомъ польскимъ; вмѣстѣ съ этимъ подтверждены прежнія условія и привилегіи; а наконецъ на люблинскомъ сеймѣ (1569 г. Юня 5) Малороссію навсегда присоединили къ Польшѣ, увольняя отъ всякой зависимости Литвы и подтверждая всѣ привилегіи и права, не касаясь вѣроисповѣданія. «Всю землю Русскую, княжество Кіевское и всѣхъ ихъ жителей вообще и каждаго порознь освобождаемъ и навѣки увольняемъ отъ повиновенія и всѣхъ обязанностей великому княжеству Литовскому; присоединяемъ къ королевству Польскому какъ равныхъ къ равнымъ, вольныхъ къ вольнымъ, Русскую землю и княжество Кіевское со всѣми ихъ городами, мѣстечками, повѣтами и какими бы то ни было имѣніями, обѣшая людямъ рускаго и католическаго вѣроисповѣданій, званіе сенаторовъ и всякія другія достоинства». Все это получила Малороссія во время гетманства Венжика Хмѣльницкаго, который и умеръ въ томъ же самомъ году, а на мѣсто его былъ избранъ изъ воеводъ князь Михайлъ Вишневецкій.

Князь Михайлъ Вишневецкій. 1569—1570.

Въ томъ самомъ году король Сигизмундъ Августъ послалъ его подъ Астрахань на помощь Царю противъ Татаръ и Турокъ. Прибывъ съ Запорожцами подъ Астрахань, онъ засталъ уже пашу и хана подъ стѣнами города; укрѣпивъ лагерь, приказалъ онъ набѣдникамъ тревожить непріятели и самъ съ конницей часто нападалъ на него; наконецъ, условившись тайно съ гарнизономъ и жителями Астрахани о времени вылазки и нападенія, разбилъ Турокъ на-голову и освободилъ городъ. «Тогда-то, говоритъ хроника, гетманъ Вишневецкій, получивъ въ непріяельскомъ лагерѣ подъ Астраханью огромную добычу, раздѣлилъ ее между своими и московскими войсками; отдалъ послѣднимъ всю тяжелую турецкую артиллерію; причемъ отдѣлилъ часть добычи и на скарбъ малороссійскій. Поступкомъ этимъ очень огорчены были войска его, а больше Запорожцы и охотники; они начали громко роптать на гетма-

на; однажды ночью, отдѣлялись болѣе нежели 5000, вышли изъ гетманскаго лагеря и, идя внизъ по берегу Дона, остановились при устьѣ его, повыше города Азова, и на противоположномъ берегу построили Черкаскъ въ память Черкасъ—своего главнаго города (1570). Оставшись тамъ навсегда, они жили холостыми, по примѣру Запорожцевъ; потомъ призвали къ себѣ Донскихъ казаковъ; жевшихъ въ небольшомъ числѣ въ своемъ Донскомъ городкѣ; соединились съ ними, пережили и приняли ихъ образъ жизни, сдѣлавъ Черкаскъ главнымъ городомъ всего войска Донскаго.»

Григорій Свирговскій. 1570—1573.

Уже въ 1570 году извѣстенъ былъ предводитель Запорожцевъ, Свирговскій, польскій шляхтичъ изъ Люблина, храбрый, непрерывно тревожившій Турокъ. Онъ построилъ на Днѣпрѣ Кременчугъ; былъ генеральнымъ обознымъ; а когда правительство отправило гетмана Вишневецкаго въ чужіе края, былъ избранъ гетманомъ. Но его и прежде еще знали по нападеніямъ на Турокъ и Татаръ, потому что жалобы Султана на него доходили даже до Сигизмунда Августа. Тотчасъ по избраніи Свирговскаго, Молдавскіе послы просили его о помощи Ивану господарю противъ Турокъ и Волоховъ; и когда республика дала на это свое согласіе, Свирговскій выступилъ съ казаками. Узнавъ, что гетманъ недалеко, господарь съ боярами выѣхалъ къ нему навстрѣчу, привѣтствовалъ его залпомъ изъ орудій, и за обѣдомъ, вмѣсто десерта, Молдаване поставили блюдо съ червонцами и, подавая ихъ старшинѣ казацкому, говорили: «это смоетъ съ васъ дорожную пыль и дастъ вамъ отдыхъ послѣ похода.» Но казаки съ гордостью отвѣчали: «что пришли къ нимъ не за золотомъ, но добывать славы въ битвахъ съ врагами христіанства.» Потомъ прибавили «что охотно примутъ венгерское вино, и съ нимъ позабудутъ о Днѣпровской водѣ.» Тотчасъ же было имъ выкачено шесть бочекъ.

Въ сраженіи при Сорокахъ на Днѣпрѣ, разбивъ наголову Турокъ, Свирговскій взялъ въ плѣнъ главнаго предводителя ихъ нашу Кара Мустафу, множество сановниковъ и отослалъ трофеями въ Польшу. Потомъ, присоединивъ 6000 молдавскаго войска,

ходилъ подъ Брацловъ, и хотѣлъ истребить турецкій лагерь, однако городъ крѣпко держался. 16,000 Турокъ шло на помощь разбитымъ; но Свирговскій перешелъ имъ дорогу, положилъ на-мѣстѣ 7000 и, бросаясь на Бѣлградъ на Дибѣстрѣ, сжегъ часть предмѣстій, вырѣзалъ гарнизонъ, дѣлавшій вылазку, и возвратился въ Молдавію. Здѣсь раздѣлялъ онъ свое войско на два отряда: одинъ, подъ командою полковника Гонжи, пошелъ въ Букарестъ, другой, подъ предводительствомъ самого гетмана, къ Галацу. вмѣстѣ съ этимъ, распорядительный и обладающій быстрымъ соображеніемъ, Свирговскій послалъ въ Сѣчь приказъ кошевому Позытыну—отправить пѣхоту на лодкахъ въ Черное море, тревожить Турокъ и не допускать ихъ въ Молдавію. Сказано и сдѣлано; гетманъ съ Ганжою ходилъ по всей Молдавіи и Валахіи и вездѣ громили Турокъ. Но господарю и гетману измѣнило счастье: ихъ сгубила не судьба, не оружіе,—но измѣна. Иванъ послалъ бояра Чернѣвича съ 12,000 наблюдать за непріятелемъ. Чернѣвича подкупили за 30,000 пехиновъ; а онъ, пропустивъ чрезъ рѣку двухсотъ-тысячную Турецкую армію, донесъ господарю, что Турокъ было только 30,000. Войска вступили въ бой и Чернѣвичъ тотчасъ перешелъ Туркамъ; а господарь попался въ плѣнъ, и Турки, привязавъ его къ верблюдамъ, живаго разорвали на части.

Миллеръ и Энгель утверждаютъ, что послѣ этой битвы осталось только 250 казаковъ; что бились они до послѣдней капли крови, и что наконецъ, когда уже ихъ осталось 16 человекъ, обезсиленные, израненные, отдались вмѣстѣ съ гетманомъ Туркамъ и умерли въ оковахъ, потому что Турки назначили за Свирговскаго такой огромный выкупъ, какого никто собрать былъ не въ состояніи. Странно, что историки не соглашаются въ такомъ важномъ фактѣ о такомъ значительномъ лицѣ. Хроника Конисскаго совершенно иначе говорятъ о кончинѣ гетмана: «Когда гетманъ оттуда (изъ Молдавіи) возвратился въ Бессарабію подъ городъ Килию, то здѣсь въроломно увѣдомленъ былъ какимъ-то Армяниномъ, что Турки скрываютъ въ Килии огромныя богатства, награбленныя въ Молдавіи и Валахіи, что гарнизонъ не большой, и ожидаютъ только удаленія казаковъ съ Чернаго моря, чтобы перевезть сокровища въ Турцію. За-

* Рукопись Миллера подъ загл. Cosaccico и Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken, von Johann Christ. Engel. Halle. 1796.

маненный въ западню, надеждой-ли на добычу или легкостью побѣды, гетманъ тотчасъ же обложилъ Килію, чтобы взять ее приступомъ. Приготовивъ войско къ нападенію и, противъ обыкновенія, не оставивъ въ лагерѣ никакого резерва, Свирговскій велѣлъ идти на приступъ съ трехъ сторонъ разомъ: но Турки, взорвавъ мины и, поднявъ на воздухъ въ двухъ мѣстахъ гетмана и казаковъ, смѣшала войско, и сами, напавъ съ-тылу, многихъ вырѣзали, а остальныхъ разогнали. Остальные ушли въ Молдавію, присоединились къ отряду Гонжи и возвратились.»

Узнавъ объ отсутствіи гетмана, Татары напали на Польшу. Князь Острожскій, воевода Кіевскій, собравъ сколько могъ казаковъ въ Кіевѣ, Каневѣ и Черкасахъ, вмѣстѣ съ Запорожцами, заступилъ Татарамъ путь надъ Днѣпромъ; но орда, узнавъ, какъ малочисленны казаки, разсѣяла ихъ, бросилась на Волинь (1575), взяла 55,000 плѣнныхъ, 150,000 лошадей, 200,000 овецъ и 500,000 гол. рогатаго скота.

Федоръ Богданъ. 1575—1579.

По смерти Свирговскаго гетманомъ былъ избранъ Федоръ Богданъ, извѣстный въ преданіяхъ и лѣтописяхъ. Это первый гетманъ, къ которому казаки были привязаны со всей воинственной энергіей, котораго любили и,—какъ это искони вошло въ обычай, называли между собою просто Богданкомъ, не придавая ему другихъ титуловъ.

Какъ водится, и Богданъ началъ нападеніемъ на Крымцевъ. По приказанію короля Стефана Баторія, онъ отправилъ на лодкахъ 5,000 плѣшихъ Запорожцевъ, подъ предводительствомъ войсковаго есаула Нечая. Въслѣдствіе повелѣнія, Нечай вышелъ въ Черное море, прибылъ къ Козлову и Кафѣ и заперъ эти порты, ожидая прибытія гетмана. Проходя черезъ Крымскія степи, гетманъ разбивалъ отдѣльные отряды, наконецъ и самъ подвергся нападенію цѣлой орды подъ предводительствомъ Девлетъ-Гирея. Гетманская армія шла четырьмя колоннами; обозъ и резервы были посрединѣ, артиллерія разставлена по флангамъ. Татары едва приблизившись, какъ, пораженные огнемъ, устали

все поле трупами, и отступили; гетманъ пошелъ за ними, взялъ Перекопъ, потомъ Кафу, наконецъ вознамѣрился идти на Бакчисарай и Козловъ. Но зѣсь встрѣтили его ханскіе послы съ богатыми дарами и просьбой о мирѣ. Освободивъ христіанскихъ плѣнниковъ и сдѣлавшись героемъ и любимцемъ войскъ, гетманъ возвратился въ Малороссію.

Едва Богданко окончилъ войну съ Татарами, какъ, по просьбѣ Придунайскихъ христіанъ, Баторій приказалъ ему напасть на Турецкія владѣнія. Выславъ тотчасъ же есаула Нечая съ 5000 пѣхоты на Черное море, гетманъ перешелъ Крымскія степи, вступилъ въ землю войска Донскаго, гдѣ былъ привѣтливо принятъ и снабженъ всеми потребностями; оттуда черезъ земли Черкесовъ перешелъ за Кубань и началъ непріятельскія дѣйствія. Пройдя Анатолію, прибылъ онъ подъ Трапезонтъ, сжегъ предмѣстья, потомъ выступилъ къ Цареграду и пробрался къ самой тѣснинѣ Константинопольской. Ограбивъ Азіатскую Турцію и переправясь въ Европейскую, казаки вошли въ Булгарію, пробрались къ Дунаю, черезъ который переправились между Варной и Силистріей, вступили въ Молдавію, неожиданно напали на городъ Килію, вырѣзали Турокъ и Армянъ, въ отмщеніе за Свирговекаго, ограбили и разорили городъ до основанія. Такимъ образомъ, обойдя вокругъ Черное и Азовское моря и наведя ужась на все живущее по тѣмъ берегамъ, храбрый Богданко возвратился на родину, исполненный почти гомерической славы, потому что его и Нечаевы подвиги увѣковѣчены народными думами.

«Тогда, говорятъ Георгій Конисскій, во время гетманства Богданко, былъ золотой вѣкъ для Малороссіи; король Баторій любилъ нашъ народъ и войско. Духъ единства и братскаго согласія господствовалъ между тремя соединенными народами. Не было слышно споровъ ни о вѣрѣ, ни о родѣ; Греческое и Римское исповѣданіе одинаково уважались королемъ.»

Федоръ Богданъ и Баторій начинаютъ второй періодъ исторіи Малороссіи и казачества. До-сихъ-поръ этотъ край раздѣлялся на двѣ особенныя части: на Малороссію собственно—и на Запорожье. Первая, раздѣленная на воеводства, управляема была воеводами и сановниками, по назначенію и утверженію королей польскихъ; была тѣсно связана съ системой польской политики; во всѣхъ частяхъ совершенно зависѣла отъ Польши,

или лучше сказать составляла съ нею одно цѣлое. Запорожье, напротивъ, слегка соединенное съ Польшей, существовало само-по-себѣ и ежеминутно вспыхивало какимъ-нибудь событіемъ, показывавшимъ его самостоятельность и невниманіе къ какой-то зависимости отъ Польши. Республика не имѣла, или если и имѣла, то весьма слабое вліяніе на Запорожье; до Стефана Баторія не было никакого officialнаго учрежденія о казакахъ; считали ихъ пограничною стражей, содержавшеюся на свой счетъ, пользовались ими и не силились давать имъ ни законовъ, ни нормы постояннаго управленія,—ни принуждать ихъ къ подданству. Когда Амуратъ III жаловался на самовольные набѣги казаковъ, то прозорливый король объяснялъ это и защищался тѣмъ, что онъ позволяетъ Туркамъ воевать съ казаками даже на ихъ порогахъ, лишь-бы не входили въ границы Польши. Но не могло же продолжаться подобное состояніе. Казаки были немногочисленны, для того, чтобы своими силами образовать нѣчто цѣлое; безъ постоянной подпоры, они вскорѣ перестали-бы существовать, подавленные кѣмъ-нибудь изъ трехъ сосѣднихъ народовъ. Къ кому-нибудь должны они были присоединяться; а какъ Польша тогда была имъ сопредѣльна и они вошли уже съ нею въ какія-то связи, то очень естественно, что должны были держаться этого государства. Прибавимъ, что тогдашняя Польша не замышляла противъ нихъ и не показывала имъ ничего непріязненнаго, а главное не преслѣдовала вѣроисовѣданія ихъ и цѣлой Малороссіи; слѣдовательно связь эта тѣмъ легче осуществилась.

Прозорливый и быстро осуществляющій разъ принятыя намѣренія, Баторій, угадалъ какая предстоить королевству польза—имѣть на опасной границѣ сильную и стройную стражу, если, въ своихъ движеніяхъ, она будетъ зависѣть отъ Польши; иначе—стража эта, вслѣдствіе своихъ смѣлыхъ и бурныхъ нападеній, ставила-бы Польшу всегда въ непріятное положеніе. И вотъ, осторожно и разумно взялся онъ за устройство и за приведеніе въ зависимость отъ Польши Запорожцевъ, еслибы даже они и не могли съ нею слиться нераздѣльно. Но онъ не хотѣлъ, по этому случаю лишить Запорожцевъ ни ихъ законовъ, ни угодьевъ; не хотѣлъ ничѣмъ отъ нихъ воспользоваться, что и подтверждается привилегіей его, выданной въ 1579 г. «Обращая вниманіе на огромные труды и рыцарскіе подвиги войскъ русскихъ, оказанные ими прежде и оказывае-

мые всегда, въ расширеніи и охраненіи общихъ выгодъ отъ враговъ и обыкновенныхъ претендентовъ заграничныхъ, а болѣе отъ тѣхъ проклятыхъ магометанъ и басурмановъ, разоряющихъ отечество и забирающихъ въ плѣнъ христіанъ, какъ то и недавно во время царствованія нашего случилось, но благодаря Бога храбростію вѣрнаго нашего русскаго гетмана Богдана и войскъ его казацкихъ отогнанныхъ и получившихъ воздаяніе, постановляемъ и утверждаемъ: всѣ законы, права и привилегіи того войска и всего народа русскаго, предшественниками нашими постановленныя и утвержденныя, и какъ было у нихъ издревле, такъ пусть будетъ навѣки, и да не дерзаетъ никто нарушать ихъ правъ и угодій во владѣніяхъ наслѣдственныхныхъ и благопріобрѣтенныхъ и всякаго рода имѣнійхъ, которыми они имѣютъ право располагать по произволу; судиться же имъ въ своихъ судахъ городскихъ и земскихъ, гдѣ имѣютъ засѣдать люди ими избранные, и судиться по своимъ законамъ и постановленіямъ русскимъ. Принадлежащіе же къ рыцарскому сословію, должны судиться въ походахъ и лагеряхъ своими войсковыми судьями, которыхъ мы въ каждомъ полку учредить повелѣли, но до-тѣхъ-поръ пока они казакуютъ и записаны въ реестры войсковые; по возвращеніи же въ повѣты начинаютъ судиться въ судахъ городскихъ и земскихъ на правахъ дворянъ. Шляхетство русское, какъ чиновники, такъ и записанные въ реестры, имѣютъ равенство съ шляхетствомъ Польскимъ и Литвскимъ, какъ и при первоначальномъ соединеніи Руси съ Польшей и Литвой постановлено и подтверждено. И мы, все это подтверждая, предлагаемъ Трибуналу русскому производить дѣла свои во вновь построенномъ городѣ нашемъ Батуринѣ, а если надобность укажетъ, и въ Черкасахъ; также и гетману русскому жить въ этомъ городѣ, а въ Черкасахъ имѣть намѣстника изъ старшины генеральной, какую мы значительно умножили и украсили, умноживъ и классы товариства: войсковаго, бунчужнаго, значковаго, имѣющихъ находиться подъ бунчукомъ и при полковыхъ хоругвахъ; бунчукъ же жалуемъ гетману въ знакъ побѣды его съ войскомъ надъ народомъ азіатскимъ, отъ котораго и клейноды этотъ пріобрѣтенъ трудами гетмана и казацкою кровью.»

Кромѣ бунчука, Баторій пожаловалъ Богдану булаву гетманскую и знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла. Въ умноженной генеральной старшинѣ произошли новыя измѣненія: при-

бавили двухъ генеральныхъ есауловъ и генеральнаго бунчукаго, въ каждый полкъ судью и писаря; казакамъ приказано, въ дѣлахъ касающихся до службы и до служащихъ въ войскѣ, судиться военнымъ судомъ; въ прочихъ же дѣлахъ, на правахъ дворянъ, — судиться въ судахъ повѣтовыхъ. Такимъ образомъ законы раздѣлились на военные и гражданскіе.

Малороссійскій Трибуналъ состоялъ изъ 7 отдѣловъ: 1) Генеральная Канцелярія съ правомъ высшей апелляціи. Это было высшее присутственное мѣсто, откуда выходили гетманскіе универсалы, указы и резолюціи. 2) Генеральный судъ городской. 3) Генеральный судъ земскій. 4) Коммисаріатъ, управляющій и надзирающій за публичными зданіями, путями сообщенія и переправами. 5) Войсковый regimentъ. 6) Скарбовая Канцелярія и 7) Ревизіонный комитетъ, разсматривающій и повѣряющій всѣ отчеты, какъ скарбовые, такъ и войсковые.

Для награды товарищей въ полкахъ и сотняхъ король учредилъ три степени: 1) *Товарищъ Бунчуковый*. Равняясь чиномъ съ Полковымъ Обознымъ, въ военное время былъ онъ при клейнодахъ, при бунчукѣ и знаменахъ, а въ мирное ѣздилъ по какому-нибудь важному порученію гетмана. 2) *Товарищъ Войсковый*. Онъ равнялся чиномъ съ сотникомъ; при повышевіи даже обыкновенно получалъ сотника и въ военное время находился въ штабѣ гетмана, при клейнодахъ, а въ мирное исполнялъ порученія генеральной канцеляріи. 3) *Товарищъ Хорунжій*, повышаемый до Войсковаго, находился въ полку при знаменахъ.

Получивъ на эти званія гетманскіе универсалы, всѣ служили на свой счетъ, а за отличіе гетманъ давалъ имъ хутора, деревни и т. п. Прежде было 20 полковъ, а во время Богданки 10, это были округа, равнявшіеся не уѣздамъ, но цѣлымъ губерніямъ. Какъ выше сказано, судилась тамъ законами гражданскими и военными; но до временъ Уніи полковники были начальниками обоихъ родовъ судопроизводства.

Съ-тѣхъ-же-поръ вся казатчина распадается на двѣ отдѣльныя части: на казаковъ Украинскихъ и на Запорожцевъ.

Первые, приведенные въ дисциплину и постоянное повиновеніе, привыкли къ порядку и послушанію; послѣдніе жили въ своей Сѣчи въ совершенной независимости. Первые, бывъ подчинены гетманамъ своему и коронному, составляли внутреннее регулярное войско; послѣдніе обыкновенно нападали на кого

хотѣли, лишь бы на невѣрныхъ. Первые жили по деревнямъ и городамъ, имѣя женъ и семейства; послѣдніе, безженцы, блуждали по походамъ, а вслѣдствіе требованія времени и обстоятельствъ, соединялись съ Украинцами и шли за гетманомъ, ими же избраннымъ, на Русь, Польшу, Турокъ, Татаръ, соображаясь съ ролью, игранною гетманомъ, часто влекомые собственною корыстью, чаще отчаяніемъ и мщеніемъ.

Между реестровыми или покорными казаками и почти неподвластными Запорожцами, составляли средину еще казаки, служившіе при дворахъ магнатовъ; отдѣльный этотъ классъ, привыкшій къ удобству жизни, казался болѣе чувствительнымъ къ общественнымъ связямъ, и возставалъ противъ пановъ только въ крайности. Казаки эти, привязанные къ своимъ владѣльцамъ, были вѣрны и необыкновенно способны на всѣ порученія.

По ходатайству гетмана Оедора Богданка и атамана Павлюка, Стефанъ Баторій далъ казакамъ слѣдующую привиллегію:

«Его Королевское Величество, видя къ себѣ преданность Запорожскихъ казаковъ и отважные рыцарскіе подвиги, которыми всегда они поражали огромныя басурманскія силы, утешали въ нихъ жажду крови христіанской, закрыли часть ихъ, разверзнутую на Королевство Польское и на весь православный народъ, и входъ въ Польшу и Украину заградили, всѣ ихъ безчисленныя силы и нечаянныя на христіанъ нападенія грудью отразили; награждая такія ихъ услуги, и чтобы они казаки войска Запорожскаго имѣли гдѣ жить зимою, а также скрываться отъ враговъ и лечить своихъ раненыхъ и въ другихъ обстоятельствахъ находить спокойствіе, — по желанію заниматься хозяйствомъ, и чтобы и впредь охотно служили войску и храбро противустояли непріятелю: Его Королевское Величество жалуетъ въ вѣчное владѣніе казакамъ Низовымъ Запорожскимъ городъ Трехтемировъ съ монастыремъ и перевозомъ, кромѣ прежняго ихъ запорожскаго города Чигрина, — а отъ Трехтемирова ниже надъ Днѣпромъ до самаго Чигрина и запорожскихъ степей — прилежація всѣ земли, со всѣми на тѣхъ земляхъ находящимися мѣстечками, селами и хуторами и рыбными по этому берегу надъ Днѣпромъ ловлями и иными угодыя-

ми, — а какія въ ширину отъ Днѣпра въ степь земли принадлежали этимъ мѣстечкамъ, селамъ и хуторамъ, тѣ должны и теперь оставаться во владѣніи Запорожцевъ. Превжій же запорожскій городъ Самара съ перевозомъ и землями вверхъ по Днѣпру по рѣку Орель, внизъ же до самыхъ степей Ногайскихъ и Крымскихъ, а черезъ Днѣпръ и заливы Днѣпровскій, Бугскій попережнему до Очаковскихъ Улусовъ и до верховьевъ рѣкъ Буга и Синюхи; отъ Самарскихъ же земель до самой рѣки Дона, гдѣ Запорожцы еще во время Лянцкоронскаго имѣли свои зимовники, — повелѣваетъ Его Королевское Величество, чтобы все это находилось во владѣніи Запорожскихъ казаковъ, что все Его Королевское Величество письменно утвердить и укрѣпить изволилъ.»

Справедливостью своею Стефанъ Баторій привязалъ къ себѣ Малороссіянъ и казаковъ. Малороссійскія хроники называютъ его другомъ и отцемъ челоѣчества и сравниваютъ съ императоромъ Титомъ. Малороссіане, въ свою очередь, помогали королю Польскому въ походахъ на Россію, сожгли Стародубъ, были при осадѣ Великихъ Лукъ и сожгли до основанія Руссу.

Подкова. 1579—1582.

Выхлопотавъ столько королевскихъ привилегій для казаковъ и Малороссіи, Богданко вскорѣ умеръ, а на его мѣсто гетманомъ избранъ былъ полковникъ Павелъ Подкова, такъ прозванный войскомъ, потому-что обладалъ чрезмѣрной силой: одной рукой ломалъ конскія подковы, и былъ огромнаго роста.

Въ то самое время Валахскій господарь Подкова, свергнутый съ престола, прибылъ къ казацкому гетману, своему родственнику. Собравъ 7 полковъ реестровыхъ и два охочекомонныхъ, гетманъ пошелъ въ Валахію, разбилъ въ двухъ сраженіяхъ Валаховъ и подступилъ къ Букаресту. Имѣя на челѣ духовенство и бояръ, жители вышли къ нему навстрѣчу и предложили ему взойти на престоль. Уговариваемый дядей и окружав-

шми, гетманъ вступилъ въ Букарестъ господаремъ Валахскимъ. По окончаніи торжества по этому случаю, оставивъ при себѣ только 20 особъ, Подкова отправилъ войско въ Малороссію; но едва казаки вышли изъ города, какъ ихъ достигла вѣсть, что уже гетмана не стало. Привезшіе его тѣло казаки разсказывали, что убитъ былъ онъ измѣннически: что какой-то бояръ пригласилъ его за городъ крестить сына, и когда гетманъ прибылъ, то неожиданно бросились на него и отрубилъ ему голову. вмѣстѣ съ нимъ погибла и вся старшина. Не знаю, откуда г. Маркевичъ взялъ этотъ историческій фактъ. Въ приложеніяхъ къ тому I стр. 14, онъ говоритъ, что держался гетманскихъ лѣтописей; но здѣсь поражаетъ — названіе Подкова. Гетманъ прозванъ такъ вслѣдствіе своей чрезмѣрной силы, а здѣсь по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, господарь Валахскій называется Подковой, и родственникъ гетману! Подкова — не фамилія, но — прозвище; откуда же взялся господарь Подкова?

Далѣе: зачѣмъ гетманъ отнимаетъ тронъ у своего родственника? а если онъ былъ избранъ на господарство волей дяди господаря и народа, то зачѣмъ же его убили и такъ скоро, что не успѣло войско выйти изъ города, какъ уже господаря не было на свѣтѣ? Не знаемъ, какимъ образомъ казаки достали его тѣло, и что у нихъ произошло съ горожанами. Притомъ же никто не упоминаетъ о походѣ гетмана на Валахію, а всѣ соглашаются о походѣ въ Молдавію.

Есть что-то неестественное и натянутое въ этомъ преданіи; не лучше ли принять то, что яснѣе и вѣрнѣе объясняютъ другіе исторички и логическій ходъ событій.

Былъ гетманъ Подкова и, можетъ-быть, хотѣлъ даже завоевать для себя Молдавію, потому-что самъ называетъ себя родственникомъ господаря Ивана, убитаго Турками. Онъ отправился въ Молдавію. Въ 1578 г., осеннею ночью, страшась угрозъ и войска Польскаго, стоявшаго на границѣ, вступилъ онъ въ Молдавію едва съ 1400 человекъ, не имѣя даже ни одного орудія. Осмотрѣвшись только на мѣстѣ, какъ силы ихъ малы, казаки захотѣли хитростью пополнить этотъ матеріальный недостатокъ: когда приблизился къ нимъ Турецко-Молдавскій вой-

ска, они при первомъ выстрѣлѣ разсыпались, а частью попадали на землю. Въ безпорядкѣ бросился непріятель на мнимые трупы, но едва приблизился, то понялъ, хотя и поздно, военную хитрость. Быстро бросились казаки на враговъ и такъ поразили ихъ своимъ неожиданнымъ воскресеніемъ изъ мертвыхъ, что все бросилось въ-разсыпную. Забравъ всю непріятельскую артиллерію, казаки пошли прямо въ Яссы. Тамашній господарь Петръ IV, по прозванію Хромой, ушелъ изъ своей столицы.

Подкова вступилъ на Молдавскій тронъ, но недолго сидѣлъ на немъ, потому, что, не довѣря тамашнимъ боярамъ, чрезъ мѣсяць потомъ возвратился въ Польшу. Каменецъ-Подольскій комендантъ, Сѣнявскій, обѣщаль ему прощеніе, именемъ короля; но едва гетманъ ступилъ на Польскую землю, какъ былъ схваченъ, закованъ въ цѣпи, отданъ подъ-судъ, осужденъ на смерть и въ 1582 г. казненъ въ Львовѣ, въ присутствіи турецкаго паши, приносявшаго жалобу на Подкову за набѣгъ и требовавшаго послѣднему строгаго наказанія. Казаки, бывшіе вмѣстѣ съ нимъ въ Молдавскомъ походѣ, взявъ тѣло своего гетмана, похоронили его съ почестями въ Каневскомъ монастырѣ; но, изъ боязни, чтобы король и на нихъ не распространилъ своего мщенія, — ушли къ Донцамъ.

Шахъ или Шехъ 1582.

По смерти Подковы избранъ былъ гетманомъ войсковою Есаулъ Шахъ или Шехъ. Неустрашась казни своего предшественника, Шахъ вознамѣрился напасть на Молдавію, что вскорѣ и привелъ въ исполненіе. Между прочимъ донесъ онъ королю, что Турки, спѣша на помощь Молдавіи и Валахіи, приближаются къ границамъ Польши и Малороссіи. Король поручилъ ему наблюдать прилежно границы и увеличить войска и стражу. Вскорѣ поймавъ на границѣ нѣсколько вооруженныхъ Турокъ, отправилъ онъ ихъ королю, въ доказательство справедливости своего донесенія, а самъ, вступивъ въ Валахію, обложилъ Букарестъ, сжегъ и вырѣзалъ предмѣстье и потребовалъ отъ жи-

телей выдачи тѣхъ, кого обвинялъ въ смерти гетмана Подковы, обѣщая въ противномъ случаѣ обратить городъ въ груды пепла и развалинъ. Ему выдали одного бояра и 17 человекъ. Несчастныхъ повѣсили, передъ церковью св. Николая, обрѣзавъ имъ уши и ноги, а надъ ними на самой церкви написали: *тако караютьця віроломці и здрайці, прильвающии кровъ хрыстьянскую, неповинную.*

Когда вѣсть объ этомъ дошла до Константинополя, Султанъ Амуратъ и ханъ Крымскій потребовали казни Шаха и уничтоженія казаковъ. Первый приказалъ задержать всѣхъ купцовъ Польскихъ и Малороссійскихъ, торговавшихъ въ Молдавію, Валахію и Тавриду.

Что сталося послѣ съ гетманомъ Шахомъ, о томъ не упоминаютъ ни слова ни Польскіе, ни Малороссійскіе историки. Миллеръ и Энгель утверждаютъ даже, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ о подвигахъ Шаха. Въ одной изъ хроникъ Конискаго ясно говорится о немъ; но, къ сожалѣнію, безъ указанія года: «Желая исполнить домогательство Турецкаго двора, говоритъ мѣтописъ, король приказалъ генеральной старшинѣ и войску судить гетмана; вслѣдствіе этого суда, лишенный гетманскаго сана, осужденъ былъ онъ на вѣчное заточеніе въ Какевскомъ монастырѣ, гдѣ потомъ добровольно вступилъ въ монашество и спокойно окончилъ дни въ 1583.» Такимъ образомъ одна и та же обитель приняла прахъ двухъ друзей, двухъ казачьихъ предводителей.

Когда Шахъ, противъ воли, вступилъ въ монастырь, гетманомъ нѣкоторое время былъ Самуилъ Зборовскій. Не знаемъ достоверно о времени его гетманства. Нѣсецкій говоритъ о немъ, что, по вступленіи на престолъ Стефана Баторія, онъ былъ гетманомъ, получивъ прошеніе короля. Бантышъ-Каменскій утверждаетъ, что, убивъ Воровскаго, онъ бѣжалъ къ казакамъ, сдѣлался ихъ предводителемъ, а желая загладить свое преступленіе и угодить Баторію, усильно старался присоединить Запорожцевъ къ арміи Польской; — но казаки въ числѣ 2,500 отложились отъ него около Путивля. Когда же послѣ обманутой Молдавскимъ господаремъ, разбитъ онъ былъ Турками и на берегахъ Днѣстра, — потерялъ довѣріе казаковъ и воа-

вратился въ Польшу, получивъ прощеніе короля. Въ недавно вышедшей повѣсти Генриха Ржевусскаго—Краковскій замокъ, Самуиль Зборовскій представленъ гетманомъ во время Сигизмунда-Августа и носитъ названіе Самуха, по обыкновенію казаковъ, которые любимому гетману давали названіе по какому-нибудь дѣйствию. Позже, какъ догадываюсь, сталъ онъ извѣстнымъ довольно громко и несчастливо въ исторіи, вслѣдствіе политическихъ событій въ Польшѣ. Невзвѣстно, изъ хроникъ ли какой взялъ это преданіе Генрихъ Ржевусскій, или основалъ свой рассказъ на томъ только, что Самуиль Зборовскій былъ казацкимъ гетманомъ, перенесъ его, по праву романиста, въ другое время и окруживъ другими обстоятельствами.

Демьянъ Скалозубъ. 1583—1587—1589.

Послѣ Зборовскаго избранъ былъ полковникъ Демьянъ Скалозубъ. Однѣ малороссійскія хроникі называютъ его товарищемъ Шаха, другія наследникомъ, рассказывая о его подвигахъ въ Молдавіи и Турціи и говорятъ, что онъ погибъ въ какомъ-то морскомъ сраженіи, но не означаютъ года *. Въ лѣтописи Кошисскаго обстоятельно описанъ походъ его въ Турцію. Вотъ главнѣйшіе факты.

Избранный на гетманство въ 1585 г. полковникъ Демьянъ Скалозубъ, донесъ королю о нападеніи Крымцевъ, взявшихъ въ плѣнъ нѣсколько сотъ человекъ около мѣстечекъ Опшви и Котеньвы **. Вслѣдствіе этого донесенія, король позволилъ ему, не начиная открыто войны, хитро дѣйствовать противъ непріятеля. Какъ человекъ простой, не зная никакихъ хитростей, гетманъ приказалъ кошевому запорожскому Нечаю приготовить лодки и вскорѣ самъ прибылъ въ Сѣчь съ конницею;

* Миллеръ означаетъ годъ смерти въ 1589, а Маркевичъ въ 1585. Старовольскій же, безъ всякаго довода, освобождаетъ его изъ турецкаго плѣна.

** Въ нынѣшней Полтавской губ. ** Въ нынѣшней Харьковской губерніи. *Пр. перевод.*

здѣсь, спѣшивъ три полка и присоединивъ къ нимъ столько же Запорожцевъ, отправилъ ихъ на чайкахъ въ море. Начальство надъ этимъ отрядомъ поручилъ онъ войсковому писарю Ивану Богусловцу и полковнику Перебійносу. Переѣхавъ заливъ Днѣпровскій, они должны были идти по Крымскому берегу, запереть порты всѣхъ прибрежныхъ городовъ, осматривать всѣ выплывавшія изъ нихъ суда, и отбирать плѣнниковъ. Отправивъ одинъ отдѣлъ лодокъ вверхъ по Перекопскому заливу выше Сербулокской крѣпости, прибывъ самъ съ значительными силами конницы и пѣхоты, гетманъ приблизился къ Орской линіи, заперъ всѣ ея ворота и притворился, что хочетъ пробраться за ея предѣлы. Въ то время запорожскія лодки пришли въ Перекопскій заливъ. Не извѣщая войска, приказалъ гетманъ генеральному обозному Сурмилу, дѣлать вылазки за линію, чтобы тѣмъ принудить Крымцевъ отвозить плѣнныхъ въ прибрежные города, и самъ ночью сѣлъ на запорожскія лодки. Выплывъ въ открытое море и соединясь съ флотиліей, которой назначилъ для нападенія различныя порты, гетманъ поплылъ въ Керченскій заливъ, гдѣ надѣялся встрѣтить большое число перевозимыхъ плѣнниковъ; но едва показался въ заливѣ, какъ вмигъ былъ окруженъ турецкими судами, прибывшими съ Чернаго и Азовскаго морей, и, послѣ упорной битвы, взятъ въ плѣнъ со всѣми оставшимися въ живыхъ казаками. Отослали его въ Константинополь, гдѣ и уморили голодомъ. Писарь же Богусловецъ, хотя и былъ схваченъ Татарами, однако его освободили Запорожцы, при помощи Семиры, жены турецкаго паши, которая, выѣхавъ съ нимъ въ Малороссію, вышла за него замужъ. Остатки казацкаго войска также возвратились на родину съ обознымъ Сурмиломъ и полковникомъ Перебійносомъ.

Прежде еще похода на Турковъ, умеръ Стефанъ Баторій (12 декаб. 1586 г.), одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ, разсудительнѣйшихъ и любимѣйшихъ народомъ королей Польскихъ. Воспоминаніе о немъ было драгоцѣнно казакамъ, потому что и для нихъ онъ былъ справедливымъ, любящимъ отцемъ; кромѣ того далъ много привилегій духовенству малороссійскому, покровительствовалъ греко-россійской вѣрѣ, не позволяя ни малѣйшаго притѣсненія. Его благословляли народы, подвластные егѡ сѣнпетру.

По смерти незабвеннаго Стефана, на тронъ польскій вступилъ Сигизмудъ III, Шведъ, страстный алхимикъ, ученикъ и страдательное орудіе іезуитовъ, неразумительный человѣкъ и неискusstный правитель: кто не умѣлъ льстить ему, тотъ былъ врагомъ его. Каждымъ его шагомъ управляли; имъ владѣли гордость и спесь. Онъ вѣрнулъ однимъ только льстецамъ, имъ руководившимъ, а всѣмъ и вездѣ хотѣлъ управлять самонадѣянностью. Будто-бы усердный защитникъ и покровитель римско католическаго вѣроисповѣданія, онъ поступалъ противъ основнаго его закона: «люби ближняго, какъ самъ себя.» И вслѣдствіе этого фанатическаго рвенія, или скорѣе глубокихъ іезуитскихъ расчетовъ, утратилъ онъ свое наслѣдіе—Швецію, не допустилъ сыну вступить на Московскій престолъ и привудилъ до бунта и отпаденія Малороссію, триста лѣтъ бывшую въ соединеніи съ Польшею. Такимъ образомъ этотъ король, іезуитскій миссіонеръ, почти полвѣка сидѣвшій на Польскомъ престолѣ, неразумительностью своею, первый содѣйствовалъ паденію государства, призвашаго его на тронъ даже изъ-за мори.

Свое управленіе началъ онъ преслѣдованіемъ казаковъ въ 1589 г. Татары напали на Литву, а казаки имъ отплатили тѣмъ же: тогда Сигизмундъ издалъ на сеймѣ грозное постановленіе: «Чтобы воспрепятствовать Запорожцамъ и Малороссійскимъ казакамъ нападать на Татаръ, а тѣмъ самымъ не допускать до разрыва съ Турціей,—съ этихъ поръ Запорожцы и Малороссійскіе казаки должны находиться подъ властью короннаго гетмана, которому и назначать всѣхъ ихъ предводителей. Казаки обязаны присягнуть, что безъ воли гетмана не будутъ воевать ни на сушѣ, ни на морѣ; не стануть нападать ни на сосѣднія земли, ни на купцовъ, и никого не примуть въ свое товариство. Съ этихъ поръ гетманъ обязанъ имѣть у себя списокъ казаковъ; а старшина долженъ сейчасъ же доносить о выбывающихъ. Строго запрещается казакамъ принимать осужденныхъ и приговоренныхъ къ смерти, а также безъ позволенія старшины отдаляться отъ мѣстъ своихъ. Управляющимъ частными имѣніями повелѣно наблюдать, чтобы подданные ихъ не уходили на Днѣпровскіе острова, не оставляютъ безъ наказанія тѣхъ, кто оттуда возвратится съ добычей, кто осмѣлится продавать казаку порохъ, селитру, оружіе и съѣстные припасы. Владѣль-

цамъ дается право карать смертию управителей, неисполняющихъ въ-точности этого повелѣнія; владѣльцы же, подпавшіе подозрѣнію въ дѣйствіяхъ противъ этого закона, а равно и укрывшіе вещь ограбленную казакомъ, идутъ подъ военный судъ.»

Но это было только началомъ несчастій, постигшихъ казаковъ и Малороссію. Малороссіяне сначала роптали, потомъ начали уходить къ Запорожцамъ, скрывались въ недоступныхъ мѣстахъ и жертвовали послѣднимъ достояніемъ за свою свободу.

Несмотря однако же на строгія угрозы Польши, казаки попрежнему совершали свои любимые походы на басурмановъ. Вскорѣ же въ 1590 году, соединясь съ Донцами, напали они на Воронежъ, разорили его совершенно, убили тамошняго воеводу князя Долгорукаго, ограбили вѣскольکو турецкихъ кораблей, забрались въ Малую Азію, разграбили и сожгли Трапезонтъ и Сянопъ и возвратились въ Сѣчь, обремененные богатой добычей. Султанъ потребовалъ отъ Сигизмунда удовлетворенія. Польское посольство подверглось за это нападеніе казаковъ несправедливостямъ въ Константинополѣ, и едва при посредничествѣ англійскаго посланника удалось успокоить султана и отвратить отъ Польши войну, пагубную потому, что и ханъ Крымскій грозно ополчился и взбунтовались сами казаки, которыхъ тогда было 20,000.

Несчастное раздѣленіе вѣроисповѣданій вызвало этотъ бунтъ, и вслѣдъ за нимъ, по наущенію іезуитовъ, Сигизмундъ съ мечемъ и угрозами выступилъ на нежелавшихъ принимать Увію. Страдала тогда Малороссія отъ преслѣдованія за вѣру; терпѣли казаки за своевольные походы; туча, полная неисчислимыми несчастіями въ будущемъ, висѣла надъ Украиною, а вмѣстѣ и надъ Польшею; и быстро въ нея ринулись перуны, разрушившіе твердыя основанія быта двухъ земель, такъ долго и такъ дружно соединенныхъ одна съ другою. Наконецъ, немощіе долге терпѣть угнетенія, казаки, въ противность королевскому постановленію, сами-собою выбрали гетманомъ Кос-

сивскаго, польскаго дворянина *, и съ этихъ поръ съ неслы-
ханнымъ упорствомъ воевали съ Польшей постоянно, съ ма-
лыми промежутками, пока, послѣ кровавыхъ битвъ, совершенно
отъ нея не отложились.

---

* Православнаго исповѣданія. *Пр. перевод.*

СОВРЕМЕННОЕ.

I. ЛИТЕРАТУРА: Романы въ древности.—Воспоминанія о Бальзакѣ (*статья Леона Гозлана*).—Генрихъ Консиансъ и фламандская литература.—**II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Годичный отчетъ лондонскаго общества наукъ.—Новыя наблюденія надъ зодіакальнымъ свѣтомъ.—Улучшенія въ гальванопластикѣ.—Новый барометръ.—Водяная желѣзная дорога. **III. ИСКУССТВА, МУЗЫКА, ТЕАТРЫ:** Карлина Броччи. **IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ:** Путешествіе нѣмецкаго туриста по Американскому материку изъ Санъ-Луи въ Калифорнію.—Жизнь во внутренней Африкѣ. **V. АНЕКДОТЫ, МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ:** Арабскій фабулистъ.—Орасъ Грили, редакторъ газеты Ньюйоркская Каедрa.—Конфекты въ средніе вѣка.—Нѣмецкая книжная торговля въ Америкѣ.—Добрый сплянь.

I. ЛИТЕРАТУРА.

РОМАНЫ ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Романы у древнихъ! Эти два слова какъ-то нейдутъ вмѣстѣ, потому что мы привыкли изучать древнихъ въ строгихъ сочиненіяхъ, представляющихъ ихъ всегда въ видѣ величественныхъ статуи, у которыхъ, кажется, не было частной, мелочной жизни. Нѣтъ, древніе были не всегда изъ мрамора, и это доказывается эпохою Апулея и Луціана, Лонгуса и Петронія, которые описывали современные нравы не одними эпопеями и которые оставили произведенія до того странныя и оригинальныя, что имъ съ трудомъ можно повѣрить. Въ эту-то эпоху процвѣтали романы и въ нихъ авторы имѣли право говорить все, о чемъ мы не смѣемъ даже думать. Но тогда былъ вѣкъ откровенности.

Къ несчастію, до насъ дошло небольшое число романовъ, по которымъ мы можемъ судить о частной жизни Грековъ. Знаменитыми романистами во второмъ вѣкѣ нашей эры были два талантливые писателя, Апулей и Луціанъ: и оба они оставили по роману, написанному на одинъ сюжетъ.

Апулей родился въ Мадорѣ, въ Африкѣ, въ 114 году, и по матери происходилъ отъ Плутарха. Онъ воспитывался въ Карфагенѣ, и по смерти отца, получивъ порядочное наслѣдство, пустился въ путешествія, потому что у него съ дѣтства была страсть все видѣть, все знать. А тогда было не шуткою посѣтить Востокъ, Грецію, Италію. Въ Александрію онъ женился на богатой вдовѣ, родственники которой начали процессъ съ Апулеемъ, обвиняя его въ колдовствѣ, безнравственности, обольщеніяхъ, но молодой философъ умѣлъ защищаться, и рѣчь его въ судѣ можетъ служить любопытнымъ образцомъ краснорѣчія, остроты, ума, ироніи. Жители города хотѣли воздвигнуть ему статую, чтобъ заставить забыть глупый процессъ, но Апулей удалился съ женою въ Карфагенъ, гдѣ предался наукамъ и литературѣ и дожилъ почти до семидесяти лѣтъ, то есть до конца царствованія Марка-Аврелія.

Въ Карфагенѣ онъ занималъ мѣсто ритора, что было тогда очень прибыльно. Онъ былъ въ большомъ уваженіи; ему поднесли золотой вѣнокъ, воздвигли нѣсколько статуй, приняли жрецомъ Эскулапа, но этотъ поэтъ-философъ, риторъ, романистъ и жрецъ велъ развратную жизнь, потому что никто не могъ тогда устоять отъ вліянія вѣка.

Въ то время читались всѣми греческія фантастическія сказки, которыя были написаны въ Милетѣ. Этотъ городъ славился безнравственностью, и потому надобно себѣ вообразить, каковы были эти сказки, въ которыхъ главнымъ героемъ былъ часто осель. Апулей написалъ въ подраженіе имъ *Метаморфозы*, подъ названіемъ *Золотой осель*. Сюжетъ этой странной книги невозможно разказать подробно, такъ онъ покажется дикъ въ наше время, но вотъ краткій его очеркъ: Молодой человекъ Луцій, находясь въ домѣ извѣстной колдуньи, превращается въ осла и долженъ сохранить эту форму до тѣхъ поръ, покуда не поѣстъ розъ. Тутъ начинается съ нимъ рядъ странныхъ, смѣшныхъ, жалкихъ происшествій, между которыми иногда мелькаетъ поэтическая страница, какъ напримѣръ басня о Психеѣ; послѣ всѣхъ испытаній Луцію удается поѣсть розъ

и онъ дѣлается опять человѣкомъ. Къ этому сюжету Апулей приплелъ множество сказокъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи почерпнули свои рассказы Бокаччо и Лафонтенъ, разумѣется, смягчивъ ихъ по-возможности, потому что Апулей непере-водимъ.

Комментаторы однако стараются доказать, что *Метаморфозы* нравственны, точно также какъ почитатели Рабле находятъ въ *Пантагрюелѣ* какую-то новую, таинственную теорію, о которой авторъ и не думалъ.

Вообще романъ Апулея не можетъ назваться образцовымъ произведеніемъ. Онъ написанъ безъ плана, безъ характеровъ, безъ вѣроятія, но все-таки драгоцѣненъ, по нѣкоторымъ подробностямъ о нравахъ древнихъ. Два элемента преобладаютъ въ немъ: это ненависть къ женщинамъ и мистицизмъ, общіе почти всѣмъ писателямъ того времени. Тогда романы были сатирами противъ женщинъ, и Апулей, хотя счастливый въ супружествѣ, не могъ иначе описывать свой вѣкъ, какъ представивъ женщинъ въ самомъ невыгодномъ видѣ, тѣмъ больше, что онѣ считались гораздо низшимъ созданіемъ, чѣмъ мужчины. Вообще весь вѣкъ упадка видѣнъ ясно въ романѣ Апулея и во всѣхъ другихъ его сочиненіяхъ. Даже въ философическихъ его трактатахъ видно то же направленіе и въ рѣчахъ риторика нѣтъ ни жара, ни благородства, ни патриотизма, потому что всѣ возвышенныя чувства исчезаютъ постепенно. Романъ его можетъ похвастаться послѣднею оргіею древняго міра.

Золотой оселъ написанъ въ одиннадцати томахъ, стало-быть рамка довольно велика, чтобъ помѣстить въ ней множество эпизодовъ. Замѣчательно, что въ сочиненіяхъ Апулея проглядываютъ мысли христіанскія. Это не удивительно, потому что тогда новый свѣтъ сталъ разливатьсѣ вездѣ, и Апулей, жадный ко всему новому, отыскивающій новыхъ наукъ и тайнъ, какъ Фаустъ, долженъ былъ непременно ознакомиться съ новымъ ученіемъ.

Луціанъ не походилъ на Апулея ни наружностью, ни жизнью, ни мыслями, ни познаніями, хотя жилъ въ одно время съ нимъ и написалъ книгу подъ тѣмъ же названіемъ. Это софистъ, который тоже былъ риторомъ и философомъ, и, какъ Апулей, провелъ жизнь въ путешествіяхъ и наблюденіяхъ; но холодный ко всему и видя скорое паденіе всего древняго, онъ

началъ осмѣивать свой вѣкъ безошадно, спокойно, логически, отвергая все, не вѣря ничему. Передъ нимъ Апулей былъ мистикъ и мечтатель. Луціанъ былъ праотцемъ Вольтера, человѣкъ безъ сердца, безъ надеждъ, безъ иллюзій и страха. Онъ напоминаетъ Аристофана и Сократа, Эразма и Рабле. Вся гениальность его истрачивалась на насмѣшки надъ всеми человѣческими глупостями, но также и надъ всѣмъ достойнымъ уваженія.

Онъ родился въ Самозатѣ, на берегахъ Эфрата. Бѣдные родители хотѣли сдѣлать изъ него скульптора, но это не удалось имъ, и онъ, выбравъ ремесло ритора, пошелъ путешествовать, продавая свое краснорѣчіе. Наблюдая за жизнью народовъ, обсуждая постановленія и обычаи, онъ вездѣ отыскивалъ смѣшную сторону, забавлялся надъ всѣмъ и, разумѣется, говоря правду, нажилъ враговъ и былъ не разъ въ опасности.

Избравъ для своего романа того же героя какъ Апулей, онъ придалъ ему совершенно другую форму, не вдавался въ подробности, не сбивался съ пути какъ его товарищъ; слогъ его вездѣ правиленъ, разсказъ превосходенъ, но дѣйствія и занимательности меньше, чѣмъ у Апулея. Сюжетъ тотъ же самый, потому что оба романиста заняли его изъ греческихъ сказокъ, и оба сочиненія замѣчательны, каждое въ своемъ родѣ, хотя первое, при недостаткахъ своихъ, имѣетъ гораздо больше извѣстности чѣмъ второе.

Петроній—одна изъ авторовъ древности, о которомъ много писали и дѣлали много розысковъ; несмотря на это, о немъ и его произведеніяхъ вѣтъ ничего совершенно достовѣрнаго. *Сатириконъ* останется вѣчно загадкою, которую никто не въ состояніи разгадать, но которую всегда будутъ читать съ удовольствіемъ, потому что таинственное и вельное увлекаетъ всѣхъ гораздо больше дѣйствительности. Самъ авторъ этой книги Петроній—тоже загадочное лицо, потому что было ольнадцати писателей этого имени, жившихъ въ разные времена и оставившихъ послѣ себя сочиненія, подписанныя именемъ Петронія, только съ различными прозваніями: Петроній риторъ, Петроній граматикъ, Петроній Афравій, Петроній Гиларисъ, Петроній Аполлаторъ и др.

Авторъ Сатирикона назывался Титъ Петроній *Арбитеръ* и жилъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ Римѣ, при дворѣ Нерона. Тацитъ представляетъ слѣдующій портретъ Петронія, который непременно долженъ относиться къ автору Сатирикона.

«Петроній спалъ всегда днемъ, а ночь посвящалъ дѣламъ и удовольствіямъ. Онъ прославился своею лѣностью, какъ другіе дѣятельностью; однако онъ не былъ обыкновеннымъ развратникомъ, но отличался во всемъ изысканнымъ вкусомъ и особенною граціею и простотою. Бывши проконсуломъ въ Вионніи, онъ показалъ умъ и твердость характера; репутація его, какъ человѣка со вкусомъ и изобрѣтательностью, была такъ велика, что при дворѣ Нерона всѣ брали съ него примѣръ, просили его распорядиться праздниками, придумывать увеселенія. Всѣ эти достоинства возбудили зависть Тигеллина, который оклеветалъ Петронія передъ Нерономъ и погубилъ все его семейство.

Узнавъ объ этой немилости и не желая защищать жизнь, Петроній созвалъ своихъ друзей и, желая умереть тихо и покойно, открылъ себѣ кровь, останавливалъ ее нѣсколько разъ, чтобъ продолжить разговоръ, и опять открывалъ. И эта послѣдняя бесѣда была не о философіи, не о безсмертіи души, но о стихахъ, веселіи и шуткахъ. Разумѣется, что все это происходило за великолѣпнымъ ужиномъ и Петроній успѣлъ еще написать передъ смертью свое завѣщаніе, въ которомъ не льстилъ Нерону, какъ это дѣлали другіе, но высказалъ ему всю правду, не пощадилъ Тигеллина и другихъ его приближенныхъ, и, подписавъ эту грозную сатиру, онъ послалъ ее Нерону—и заснулъ вѣчнымъ сномъ.»

Таковъ долженъ быть человѣкъ, написавшій Сатириконъ, хотя Тацитъ называетъ его Кайемъ, а не Титомъ. Но это, можетъ быть, ошибка переписчика, а прозваніе *Arbiter* дано ему потому, что его почитали образцомъ вкуса; оно превратилось позже въ собственное имя.

Говорятъ также, что предсмертная сатира, посланная Нерону Петроніемъ, есть *Сатириконъ*, но это предположеніе невѣроятно, потому что хотя поэма *Сатириконъ* не дошла до насъ въ цѣлости, но одни отрывки ея составляютъ триста стиховъ, а такое длинное сочиненіе не въ состояніи написать человѣкъ съ открытыми жилами. Притомъ же въ этой поэмѣ не упоминается ни о Неронѣ, ни о его любимцахъ. Въ ней выведенъ богачъ Тримальціонъ, и хотя нѣкоторые ученые полагали, что подъ этимъ именемъ должно понимать Клавдія или Нерона, но стоить только прочесть поэму, чтобъ увидѣть какъ это мнѣніе нелѣпно. Тримальціонъ, развратный старикъ, бывший рабъ, разбогатѣв-

шій выскочка,—и его знаменитый пиръ можетъ почестъся пародіею пира, даннаго Тигеллиномъ Нерону. Макробъ, извѣстный критикъ, жившій въ четвертомъ вѣкѣ и разгадавшій тайну Сатирикона, увѣряетъ, что это сочиненіе просто вымышленный романъ въ родѣ *Апулея*. Это мнѣніе по всѣмъ вѣроятностямъ достовѣрное. Поэма или романъ принадлежатъ къ роду сочиненій, гдѣ, какъ у Рабле, все съ перваго взгляду кажется легко и смѣшно, но которыя содержатъ цѣлый міръ идей, надъ которыми надобно думать, да и думать.

Петроній не осуждаетъ пороковъ своей эпохи; нѣтъ, онъ слишкомъ уменъ, чтобъ осмѣивать самого себя; напротивъ, онъ воспѣваетъ удовольствія, страсти, развратъ,—словомъ, принадлежитъ вполне къ школѣ Эпикурейцевъ—и все-таки видно, чуть не на каждой строкѣ, что онъ подразумеваетъ что-то другое, намекаетъ, даетъ отгадывать, не высказывается. Разумѣется, что затеряныя части Сатирикона дѣлаютъ загадку еще темнѣе; ошибки переписчиковъ и переводчиковъ запутываютъ еще болѣе смыслъ сочиненія, которое все-таки останется однимъ изъ лучшихъ изображеній древняго міра.

Сатириконъ раздѣляется на три части. Первая пострадала больше другихъ отъ времени, но въ ней много превосходныхъ характеровъ, и рассказъ, къ несчастію, неполный, всегда живъ и увлекателенъ. Во второй заключается пиръ Тримальціона, и въ ней изображены подробно нравы той эпохи, поразительныя картины и цѣлая галерея типовъ. Въ третьей описаны приключенія героевъ, тоже съ многими пропусками.

Сцена происходитъ въ Неаполѣ при Неронѣ, и герой романа Энкольпъ, раззорившійся повѣса, рассказываетъ самъ свои приключенія. (Онъ своимъ характеромъ и нравами напоминаетъ Панюржа Рабле). Вѣроятно, въ этой галереѣ типовъ авторъ представилъ много современныхъ портретовъ извѣстныхъ людей, и хотя между ними нѣтъ ни Нерона, ни Тигеллина, зато сенаторы, судьи, граждане, богачи, отпущенники могли узнать себя въ его стихахъ. Тримальціонъ и его гости очерчены превосходно, и весь пиръ, сохранившійся въ цѣлости, кажется теперь чудовищнымъ, тогда-какъ въ то время считался обыкновеннымъ, потому что частный человѣкъ бросалъ на одинъ ужинъ доходы цѣлой провинціи, а Вителій заказывалъ кушанья, стоящія до милліона. Надобно удивляться словенію и здоровью

древнихъ. Теперь отъ одного описанія пира Тримальціона можно не только захворать, но и умереть.

Энокльсъ участвовалъ на этомъ пирѣ и послѣ отправился путешествовать, наблюдая вездѣ нравы, обычаи, встрѣчая разныя приключенія, отыскивая наслѣдства, потому что въ древности это было не только особеннымъ ремесломъ, но и искусствомъ. Чтобъ быть наслѣдникомъ, родство было совсѣмъ не нужно, и потому надобно было вообразить, какъ угождали бездѣтнымъ старикамъ, какъ доискивались ихъ расположенія. Эта черта древней жизни очень оригинальна. Однако романъ не кончается вичѣмъ. Герой, избѣжавъ опасности, спасается съ другомъ своимъ на корабль и невзвѣтно куда пристанетъ и какъ будетъ жить. Вообще *Сатириконъ* отличался не вымысломъ и происшествіями, а прелестью подробностей и типовъ. Петроній не имѣетъ себѣ равнаго въ этомъ отношеніи и главное его достоинство состоитъ въ томъ, что онъ списываетъ съ натуры, какъ всѣ великіе писатели.

Еще одинъ романистъ древности извѣстенъ всѣмъ, даже болѣе Петронія и Апулея. Это авторъ *Дафниса и Хлои* — Лонгусъ. Переводъ Аміо сдѣлалъ эту эклогу народною и она всегда ставится наряду съ *Павломъ и Virginіей* Бернардена де Сень-Пьера, потому что сюжетъ почти одинъ и тотъ же; тѣ же эпизоды дѣтской любви, тѣ же картины природы, только конецъ не тотъ, и въ древнемъ сочиненіи онъ былъ бы невозможенъ, потому что хотя и тогда встрѣчалась невинность и скромность, но такой *стыдливости*, которая предпочитаетъ смерть, не могло быть. Лонгусъ былъ настоящій софистъ, и потому слогъ его чистый и правильный, но холодный и изысканный, отчего чувствуешь недостатокъ теплоты, увлеченія, даже поэзіи. Лонгусъ не можетъ назваться гениальнымъ писателемъ, хотя все-таки былъ удивительнымъ человѣкомъ для своей эпохи. Онъ писалъ свою пасторальную эклогу въ страшную эпоху нашествія варваровъ, когда древній міръ рушился и общество умирало въ послѣднихъ оргіяхъ. Какой страннѣйшій контрастъ! И гдѣ было тогда искать поэзіи? Образцовое произведеніе Бернардена де Сень-Пьера гораздо выше пасторали Лонгуса, потому что въ немъ больше поэзіи, натуры, больше чувства и вдохновенія, тогда-какъ Дафнисъ и Хлоя кажутся поддѣльными, несмотря на всѣ искусныя фразы ритора.

Скажемъ нѣсколько словъ о исторіи романа вообще.

Извѣстно, что всѣ свѣдѣнія, религіи, литературы, философіи, все это доставилъ намъ Востокъ. Тамъ же мы находимъ и первые слѣды романа, хотя и странно, что это литературное занятіе имѣло колыбелью Аравію, Персію, Сирію.

Индѣецъ Пильпай заключилъ свои поученья въ басняхъ. Персы считаютъ Эзопа своимъ соотечественникомъ. Вообще Востокъ всегда мѣшалъ символы съ исторіею, что доказываютъ іероглифы Египтянъ и міеологія Грековъ. Греки любили рассказы и ихъ доставляли имъ Египтяне, но Аравія была уже тогда богата поэтами. Подъ палатками кочеваго народа родились стихи съ римами, и такъ-какъ Арабы любятъ все чудесное и поразительное, то у нихъ же родились и сказки, которыя впоследствии превратились въ романы.

Романъ долженъ былъ родиться отъ перваго рассказа о любви, — стало-быть онъ современенъ первымъ людямъ.

До Александра Великаго мы не знаемъ ни одного романа, хотя великими романистами могутъ назваться Гомеръ, Геродотъ, Ксенофонтъ. Героическіе рассказы занимаютъ вполне народовъ, которые не нуждаются въ вымыслахъ. Романъ явился тогда, когда исторія стала исчезать.

Клеаркъ Силиційскій, жившій при Александрѣ Великомъ, первый началъ писать любовныя происшествія, но сочиненія его не дошли до насъ. Автоній Діогенъ написалъ восемьдесятъ книгъ о путешествіи и любви Диніаса и Дирсиллы. Это фантастическое произведеніе послужило образцомъ для Сирано де-Бержерака, изобразившаго чуда въ лунѣ.

Жители Милета прославились своимъ искусствомъ рассказывать сказки и вся Греція переняла у нихъ этотъ талантъ. Во время междоусобій между Маріемъ и Силлою, Аристовъ Милетскій писалъ свои сказки. Ямбликъ (Jambligue), воспитанный въ Вавилонѣ, написалъ исторію Раданеса и Родонисы, фантастическій романъ. Геліодоръ, епископъ Триккы, написалъ первый чувствительный романъ *Теогенъ и Хариклея*, и хотя онъ пострадалъ за эту книгу, но другой епископъ Ахиллъ Тацій тоже завялся изданіемъ романовъ, еще въ языческомъ родѣ.

Вообще въ древности роль романа была незначительною, тогда-какъ у насъ имѣетъ большую важность.

Романъ пережилъ незамѣтно много революцій, потому что обязанъ слѣдить за вкусомъ и нравами современниковъ. Онъ выра-

жаль въ себѣ всѣ эпохи: рыцарство, любовь, мечтательность, безнадежность, чувствительность, скептицизмъ, и теперь, когда уже, кажется, всѣ роды истощены, когда исторія челоѣчества, исторія сердца, ума, чувствъ, болѣзней были представлены читателямъ во всѣхъ видахъ, является романъ въ видѣ *мемуаровъ* и всякій значительный и незначительный челоѣкъ хочетъ, но что бы то ни стало, рассказать публикѣ свою собственную жизнь, свои впечатленія. Это превратилось почти въ болѣзнь нашего времени и мемуары скоро овладѣютъ всею литературою ... если не наскучать.

ВОСПОМИНАНІЯ О БАЛЬЗАКѢ.

(Статья Леона Гозлана.)

Однажды въ іюнѣ 1840 года, я получилъ изъ Жарди записку отъ Бальзака, въ которой онъ назначалъ мнѣ на другой день свиданіе въ Елисейскихъ поляхъ между Шеве-де-Марли и Кафе-посланниковъ, ровно въ три часа. Онъ прибавлялъ, что рассчитываетъ на мою точность, потому-что хочетъ просить у меня одной услуги. Какъ это всегда случается, я началъ ломать себѣ голову, чтобъ отгадать, какую услугу я могу оказать Бальзаку, что онъ такъ настоятельно требовалъ встрѣчи со мною?

Однако я ничего не могъ придумать удовлетворительнаго и оставался въ недоумѣніи до другаго дня. Погода была очень дурна для іюня, хотя Парижъ не можетъ вообще похвастать жаромъ. Въ три часа я шелъ по Елисейскимъ полямъ, при осеннемъ вѣтрѣ, смѣшанномъ съ дождемъ, сбивающемъ листья, земля была мягка, было холодно какъ въ февралѣ или мартѣ; никого не было видно въ аллеяхъ, и кареты были рѣдки. И вотъ я началъ прохаживаться отъ Шеве-де-Марли до Кафе-посланниковъ, дожидаясь прихода Бальзака. Однако терпѣнію моему предстояло небольшое испытаніе, потому-что не прошло и двухъ минутъ, какъ пробило три часа въ Тюльери и я увидѣлъ у заставы Звѣзды Бальзака, шедшаго тяжелымъ, скорымъ шагомъ, какимъ всегда отличалась его натура. Онъ рассказалъ мнѣ очень живо и краснорѣчиво, что былъ у г-жи Жирарденъ, гдѣ чуть-было

не замерзъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ посивѣлъ, какъ утопленникъ и дрожалъ всѣми членами. «Вѣроятно ли это, сказалъ онъ мнѣ, что женщина умная, какъ г-жа Жирарденъ, вздумала выбрать себѣ самую невозможную квартиру, подъ нашимъ несчастнымъ небомъ. Можно ли жить въ храмъ не богу, то есть не имѣя привилегіи боговъ, не знавшихъ, что такое ревматизмъ и простуда! Сообразно ли выстроить храмъ съ портикомъ, іонійскими колоннами, полами изъ мозаики, стѣнами изъ мрамора, карнизами изъ алебастра и другими греческими причудами, подъ сорокъ восьмымъ градусомъ сѣверной широты. И еще подъ предлогомъ іюня мѣсяца въ каминахъ нѣтъ огня! Впрочемъ, если бы сожгли въ нихъ весь лѣсъ Додоны, то и тогда не отопили бы этотъ монументъ. Это все равно, что принимать друзей въ ледникахъ Швейцаріи. За-то когда я всталъ и г-жа Жирарденъ сказала мнѣ: «вы насъ оставляете Бальзакъ?» я отвѣчалъ: «я иду на улицу погрѣться.» Но оставимъ это. Я хочу поговорить съ вами о дѣлѣ. Пойдемте только скорѣе, чтобъ возстановить циркуляцію крови и слушайте меня со вниманіемъ. Я написалъ для перваго нумера *Revue Parisienne* маленькій романъ, который мнѣ доволенъ и который я вамъ прочитаю на-дняхъ, если... найду то, что мы будемъ искать выѣстѣ. Надобно сказать вамъ прежде всего, кто герой моего романа или моей маленькой правоописательной поэмы. Дѣйствіе происходитъ въ нашу печальную эпоху и общество такое, - какимъ его сдѣлала политика послѣднихъ десяти лѣтъ.»

Потомъ Бальзакъ началъ широкою кистью описывать фигуру своего героя, фигуру, по моему мнѣнію слишкомъ сильную для узкой рамки повѣсти, но которая вѣроятно позже, по обычаю Бальзака должна была явиться въ романѣ. Онъ мнѣ разсказалъ съ малѣйшими подробностями всю жизнь воображаемаго героя, который былъ одаренъ геніальностію, но который работалъ для неблагодарныхъ и интригантовъ, и доставивъ другимъ богатство и дворцы, самъ умиралъ съ-голоду на чердакѣ, убитый не столько бѣдностію, сколько разочарованіемъ.

— Мнѣ нужна ваша помощь, прибавилъ потомъ Бальзакъ. Для такого необыкновеннаго человѣка мнѣ надобно и необыкновенное имя, выражающее его судьбу и которое было бы громко, какъ пушечный выстрѣлъ. Имя это должно быть создано только для него и не приходится ни къ одному другому человѣку. И чтожъ! это имя не приходитъ мнѣ въ голову. На-

прасно я составлялъ все возможные слоги, но все безъ успѣха. Есть такія глупыя имена! Я не боюсь окрестить моего героя именемъ животнаго — это все-таки лучше чѣмъ глупое имя неприходящееся по характеру человѣка, какъ зубъ приходится къ деснѣ, ноготь къ пальцу.... понимаете ли вы меня?

— Понимаю... но съ вами несогласенъ.

— Какъ не согласны?

— Несогласенъ и не почитаю это необходимымъ.

— Какъ! Вы не вѣрите, что имя можетъ напомнить корону, шапку, каску, цвѣтокъ?...

— Не вѣрю.

— Не понимаете, что однимъ именемъ можно означить великаго поэта, сатирика, философа, живописца?

— Нѣтъ, я, напротивъ, готовъ утверждать, что имена часто совсѣмъ выражаютъ не то, что надобно. Напримеръ, Расинъ!...

— Ну, да, Расинъ; развѣ это слово не выражаетъ поэта вѣжнаго, страстнаго, гармоническаго.

— Я вижу въ немъ только ботаника или аптекаря, а совсѣмъ не патетическаго поэта.

— А Корнель развѣ не выражаетъ ничего?

— Онъ приводитъ мнѣ на память только незначительную птицу.

— А Буало, Буало!

— Это каламбуръ безъ правописанія.

— Великій Паскаль?

— Такъ зовутъ три тысячи дворниковъ въ Марсѣ. Повѣрьте, все эти имена велики, блестящи, но только потому, что ихъ носили гениальные люди.

— Я несогласенъ съ этимъ, отвѣчалъ съ досадою Бальзакъ, настаивая по обыкновенію съ упрямствомъ на своемъ мнѣніи. Прежде чѣмъ дадутъ имя на землѣ, оно уже дано на небѣ. Это тайна, которую мы не можемъ понять и не должны обсуждать. Не я одинъ вѣрю въ чудную связь между именемъ и человѣкомъ и что имя это небесный или адекій талисманъ, который дается для того, чтобъ освѣщать землю или поджигать ее. Великіе умы были того же мнѣнія, и необыкновенно то, что толпа въ этотъ разъ сошлась съ умными людьми и все думаютъ какъ я.

— Кромѣ меня. Но мое личное мнѣніе не значитъ тутъ ров-

но ничего. Вы хотите, чтобъ я помогъ вамъ найти имя, выражающее, описывающее и объясняющее вашего героя, имя, которое бы отвѣчало...

— Всему: фигурѣ, росту, голосу, чтобъ оно выражало его прошедшее, будущее, его гениальность, вкусъ, страсти, несчастья, его славу. Скажите мнѣ такое имя, прошу васъ.

— Я не знаю такого.

— А я ужъ цѣлые шесть мѣсяцевъ, понапрасну, ищу его; я выдумалъ самъ больше именъ, чѣмъ ихъ въ королевскомъ альманахѣ, а теперь не могу ничего придумать, особенно такъ, какъ мнѣ хочется.

— Такъ составимъ вмѣстѣ это имя.

— И это невозможно. Я вамъ уже сказалъ, какъ я ломалъ голову. Притомъ же, послѣ тысячи усилій, я убѣдился въ одномъ, что имя нельзя сдѣлать, какъ гранитъ, мраморъ, каменный уголь. Это трудъ времени, переворотовъ, чего-то неизяснимаго. Оно составляется само-собою. Нельзя создать имени точно также, какъ нельзя создать языка. Скажите мнѣ, развѣ кто-нибудь выдумалъ языкъ?

— Въ такомъ случаѣ намъ остается встрѣтить это имя.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Если оно существуетъ.

— Оно существуетъ, я увѣренъ въ этомъ, сказалъ Бальзакъ торжественно.

— Въ такомъ случаѣ мы его отыщемъ.

— Для этого-то я и позвалъ васъ на помощь.

Подумавъ нѣсколько я сказалъ:

— Хотите ли употребить средство, которымъ я пользуюсь часто, когда ищу какого-нибудь имени, хотя не считаю этого такую важную вещью какъ вы.

— Какое же это средство?

— Я читаю вывѣски.

— Помилуйте, для чего это?

— Я читаю на вывѣскахъ самыхъ странныхъ и значительныхъ имена, судя по вашей системѣ; одни скрываютъ подъ своею оболочкою дурныя наклонности, въ другихъ видна честность и добродѣтель; эти смѣшны до того, что приводятъ въ восторгъ водевилистовъ; тѣ мрачны и таинственны, какъ герои Амбию и веселости. Эти послѣдніе по большей части торговцы свѣчами и вареньемъ.

— Но вѣдь-можно прочесть больше трехъ сотъ вывѣсокъ и все-таки не найти того, чего ищешь...

— Можетъ-быть мы прочитаемъ и вѣсое и все-таки не найдемъ. Хотите попробовать.

— Попробуемъ.

Бальзакъ улыбнулся; я самъ не предвидѣлъ, что меня ожидало.

— Съ котораго мѣста мы начнемъ?

— Начнемъ съ того, гдѣ мы стоимъ.

Въ эту минуту мы вышли изъ Луврскаго двора, прошли въ улицу Кокъ Сентъ-Оноре, которая не отличалась шириною и монументальными зданіями, какъ теперь, но за-то была вдвое длиннѣе и совсѣмъ завѣшана вывѣсками, какъ египетская мумія перевязками.

— Начнемъ отсюда, повторилъ Бальзакъ.

Мы не могли ждать успѣха съ самаго начала. Первыя имена были совсѣмъ безъ физіономій и не подходили къ требованіямъ романиста. Онъ смотрѣлъ на одну сторону улицы, а я на другую и мы шли зѣвая по верхамъ, натываясь на прохожихъ, толкая всѣхъ, точно слѣпые. Послѣ улицы Кокъ мы пробѣжали нѣсколько другихъ, также безуспѣшно. Улицу Сентъ-Оноре до Палерояля, всѣ улицы выходящія къ саду, улицу Вивьенъ, Биржевую площадь, Новую Вивьенскую, Монмартрскій бульваръ.

На углу Монмартрскаго бульвара, измученный и отуманенный этимъ ненатуральнымъ чтеніемъ, зная притомъ, что Бальзакъ не приметъ ни одного имени, означеннаго мною, я остановился и отказался итти дальше.

— Всегда и вездѣ Христофора Колумба покидаетъ экипажъ и возстаетъ противъ него, замѣтилъ Бальзакъ, не отрывая глазъ отъ одной вывѣски. Чтожъ дѣлать! я одинъ пристану къ берегамъ Америки. Оставьте меня.

— Да вы окружены множествомъ Америкъ, а не хотите признать ни одну. Вамъ не нравится ни одно имя. Вы просто несправедливы. Вотъ превосходныя имена нѣмецкихъ ветопниковъ, венгерскихъ сапожниковъ, вестфальскихъ башмачниковъ и тысячи другихъ полныхъ выраженія. Вамъ не нравится ни одно, потому что вы требуете невозможнаго. Ваша Америка не найдетъ Колумба.

— Усталость также несправедлива какъ ивѣтъ, отвѣчалъ Бальзакъ. Я это чувствую. Послушайте, дайте мнѣ вашу руку,

опирайтесь на меня и дойдемте до Сентъ-Естама. Экипажъ далъ и Колумбу отсрочку въ три дни.

— Хорошо. Только не дальше:

— Идемте же.

Сентъ-Естамъ былъ для Бальзака только предлогомъ, чтобъ заставить меня идти и мы посѣтили улицы Мальскую, Клери, Кадрана, Фоссе-Монмартръ, площадь Побѣдъ, на которой столько превосходныхъ Альзасскихъ именъ, напоминающихъ Рейнъ.

Посреди этого музея именъ я объявилъ Бальзаку, что оставляю его, если онъ тотчасъ же не выберетъ одного изъ нихъ.

— Пройдемте только улицу Булуа, упрасивалъ онъ меня, схвативъ за руки. Подарите мнѣ только одну улицу! Можетъ-быть въ ней-то я и найду то, чего ищу.

— Согласенъ, но только на одну улицу Булуа.

— Bravo! закричалъ Бальзакъ. Мы спасены. Пойдемте въ улицу Булуа, а оттуда въ Жарди, гдѣ ждетъ насъ обѣдъ.

Подобно многимъ парижскимъ улицамъ, улица Булуа носитъ три названія, что очень сбивчиво, особенно для иностранцевъ. Вначалѣ она называется улица Булуа, потомъ Кокт-Геронъ и наконецъ улица Жюссень. Въ этомъ-то послѣднемъ отдѣлѣ Бальзакъ—я никогда не забуду этой минуты,—поднявъ голову надъ маленькою, узенькою дверью, ведущею въ темную сырую аллею, вдругъ остановился; я чувствовалъ, какъ рука его задрожала подъ моею, потомъ онъ перемѣнился въ лицѣ и вскричалъ:

— Смотрите... туть... туть... Читайте!

Голосъ его дрожалъ отъ волненія.

Я прочиталъ: **МАРКАСЪ!**

— Маркасъ!! продолжалъ онъ. Что вы скажете объ этомъ имени! Маркасъ! Какая звучность!

— Я въ немъ ничего не вижу особеннаго.

— Молчите... Что можетъ быть лучше его! Маркасъ! Маркасъ!

— Однако....

— Я не хочу ничего слышать! Лучше мы ничего не найдемъ! Маркасъ!

— Какъ хотите. Я очень радъ за васъ.

— Да я тоже радъ! Маркасъ! Мой герой будетъ называться Маркасомъ. Въ этомъ имени видѣнъ философъ, писатель, великій политикъ, непризнанный поэтъ. Въ немъ все: Маркасъ.

— Пожалуй, я согласенъ съ вами.

— Нѣтъ, я хочу убѣдить васъ.

— Согласенъ; по-вашему имя Маркасъ означаетъ все, что вы сказали, стало-быть и хозяинъ его долженъ быть необыкновеннымъ человѣкомъ. Узнаемъ по-крайней-мѣрѣ, кто онъ. На вывѣскѣ не выставлена его профессія.

— Онъ долженъ быть артистъ, и артистъ замѣчательный.

Я покачалъ головою.

Не замѣчая моего сомнѣнія, Бальзакъ продолжалъ :

— Маркасъ, котораго я назову Z. Маркасъ, что прибавить къ этому имени новый блескъ, пламя, звѣзду, Z. Маркасъ непремѣнно великій артистъ: граверъ, рѣзчикъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, какъ Бенвенуто Челлини.

— Не далеко ли зашли вы съ вашими предположеніями?

— Съ такимъ именемъ нельзя зайти далеко.

— А вотъ, я узнаю, кто онъ. Сейчасъ пойду къ дворнику и спрошу его, чѣмъ занимается г. Z. Маркасъ.

— Ступайте.

Я не нашелъ дворника въ этомъ домѣ, передъ которымъ Бальзакъ стоялъ въ восторгѣ, но наковецъ встрѣтилъ кого-то, который мнѣ называлъ профессію г. Маркаса.

— Онъ портной, закричалъ я издали Бальзаку.

— Портной! проговорилъ Бальзакъ, опустивъ голову, но поднявъ ее, тотчасъ же съ гордостью:

— Онъ достоинъ лучшей участи, прибавилъ онъ съ живостью. Я слѣлаю его безсмертнымъ!

Этотъ безсмертный портной живъ еще и теперь и всякій можетъ видѣть близъ Банка его хорошенькій магазинъ и прочитывать надъ нимъ имя Маркаса.

Бальзакъ въ тотъ же вечеръ въ Жарди, гдѣ мы пообедали съ аппетитомъ людей, прочитавшихъ три или четыре тысячи вывѣсокъ, написалъ для журнала въ началѣ своей повѣсти имя Z. Маркасъ, монографія котораго слѣбалась историческою.

Мы ее приводимъ.

«Между человѣкомъ и именемъ его существовала гармонія. Буква Z, поставленная предъ Маркасомъ и которую онъ не забывалъ, ни на письмахъ, ни на визитныхъ карточкахъ, эта послѣдняя буква азбуки имѣла въ себѣ что-то угрожающее.

«Маркасъ! Это имя изъ двухъ слоговъ содержитъ въ себѣ

зловѣщее значеніе. Кажется, что человѣкъ носящій его долженъ быть мученикомъ. Хотя оно странно и дико, но имѣеть право дойти до потомства, потому что хорошо составлено, легко произносится и коротко, какъ должны быть всѣ знаменитыя имена. Оно имѣеть въ себѣ также вѣжность, хотя кажется неоконченнымъ. Я думаю, хотя не смѣю утверждать, что имена имѣють вліяніе на судьбу человѣка. Между происшествіями жизни и именемъ людей есть тайныя, неизъяснимыя сношенія и иногда гармоніи поразительныя. Но міръ такъ полонъ! Все въ немъ близко одно къ другому. Можетъ быть мы опять вернемся къ таинственнымъ наукамъ.

«Не замѣчаете ли вы въ конструкціи Z чего-то противорѣчащаго. Его фантастическія зигзаги означаютъ страдальческую жизнь. Какой вѣтеръ подулъ на эту букву, которая очутилась въ концѣ другихъ. Маркаса звали Зефиреномъ. Этотъ святой уважается въ Бретани. Маркасъ былъ Бретонцомъ.

«Разсмотрите еще имя Z. Маркасъ! Вся жизнь этого человѣка заключается въ семи буквахъ! Семь буквъ! Даже и тутъ кабалистическое число! Маркасъ умеръ тридцати пяти лѣтъ, стало-быть онъ прожилъ семь люстровъ. Маркасъ! Произносая это, не думаете ли вы о какой-нибудь драгоценной вещи, которая разбивается безъ шума!»

Бальзакъ, прочитавъ мнѣ то, что написалъ, сказалъ гораздо хладнокровнѣе, чѣмъ въ улицѣ Жюсьенъ:

— Я всегда буду сожалѣть, что имя это носятъ портной! Я, конечно, не презираю этого ремесла, но слово портной напоминаетъ мнѣ долги, векселя, которымъ скоро срокъ. Предвижу, что это будетъ развлѣкать меня, когда я буду вамъ читать повѣсть. Но что бы ни было: Z. Маркасъ останется и будетъ жить.

Мы произнесли странное слово *долги*. Долги Бальзака! Пускай успокоятся тѣ, которые не любятъ, чтобъ эпизоды частной жизни писателя дѣлались гласными и могли быть осуждаемы всѣми. Мы тоже этого не любимъ, но намъ кажется, что репутація знаменитаго романиста нисколько отъ этого не пострадаетъ. Всѣ знаютъ, что въ началѣ своего поприща онъ былъ бѣденъ, что дѣла его не могли итти хорошо, потому что были запутаны и что когда перо его стало цѣниться высоко, и тутъ онъ не вдругъ поправился, а переносилъ много не-

приятностей, преслѣдованій, претерпѣвалъ много бурь и кораблекрушеній. Тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго и унижительнаго. Эти капризы фортуны и трудности пути испытываются почти всѣми великими людьми во всѣ эпохи. Корнель, Бейль, Эразмъ, Дидро и много другихъ развѣ не принуждены были переносить бѣдность и насмѣшки глупцовъ. Въ чемъ виновать геніи, если несчастія преслѣдуютъ его? Кого винить за эти контрасты? Современниковъ или судьбу?—Конечно судьбу;—такъ пускай же она и является на судъ потомства.

Долги Бальзака также знамениты, какъ онъ самъ. Всѣ знали объ нихъ и улыбались тиховько, восхищаясь произведеніями его ума. Онъ самъ говорилъ о нихъ безпрестанно во Франціи и за границею, повѣрялъ свое горе и аристократу Сень-Жерменскаго предмѣстья и садовнику въ Жарди и дѣлалъ это всегда такъ остроумно, весело, занимательно, что всякій почиталъ долги и Бальзака неразлучными. Наконецъ, надобно узнать хорошенько: существовали ли когда эти знаменитые долги? Это глубокая комическая тайна! Нагнемся надъ этимъ колодецемъ и посмотримъ, что тамъ скрывается? Что выйдетъ изъ него: истина или громкій смѣхъ.

По нашему мнѣнію Бальзаку было необходимо заставить думать, что у него долги, много долговъ, несчетное число долговъ! Очень понятное самолюбіе заставляло его распространять эти слухи, совершенно безвредные, которые переходя отъ одного къ другому увеличивались; друзья и недруги только старались прибавлять цифры. Надобно признаться съ сожалѣніемъ, что Бальзакъ не выработывалъ перомъ огромныхъ суммъ, какія предполагали. Онъ писалъ много, но все-таки всѣ его произведенія не приносили ему ни золотыхъ розсыпей, ни тюковъ банковыхъ билетовъ.

Знаемъ о немъ только, что если доходы его въ послѣдніе годы жизни были значительны и если въ срединѣ поприща онъ выработывалъ много, то первые шаги его въ литературѣ принесли очень мало выгодъ. Стало-быть надобно сдѣлать уравненіе. Притомъ же, участія въ журналахъ нельзя назвать прибыльнымъ, потому что расходы по корректурамъ ставились на счетъ авторовъ; доходы же съ книгъ, печатаемыхъ особенно, были хотя и значительные, но все-таки не огромны. И такъ оба соединенные источника составляли совсѣмъ не широкую рѣку. Большія цифры тутъ просто мѣражъ. Когда издатель или кни-

гопродавецъ кричить, что онъ заплатилъ автору *тридцать тысячъ* франковъ за романъ, будьте увѣрены, что тотъ получилъ только *три*, и отъ этой надувательной системы писатели не могутъ не только разбогатѣть, но еще въ концѣ года у нихъ остается недочетъ, и бюджетъ Бальзака въ самые лучшіе годы не превышалъ десяти или двѣнадцати тысячъ франковъ дохода.

Послѣ этого объясненія, которое не подлежитъ никакому сомнѣнію, мы обратимся къ другимъ тайнамъ его жизни.

Бальзакъ хотѣлъ изъ пустаго тщеславія сравниться съ Александромъ Дюма и Ламартиномъ, которые ворочали милліонами. Какъ признаться безъ стыда, что онъ не-въ-состояніи своими трудами выработать столько же, и какое же другое средство можно найти, чтобъ заставить другихъ думать, что онъ богатъ, какъ не долги! Развѣ не лестно, когда всѣ воображаютъ, что въ чернильницѣ писателя скрытъ философскій камень! Правда, говорили также объ одной таинственной дамѣ, которая однажды въ маскарадѣ всунула въ руку Бальзака свертокъ банковыхъ билетовъ и исчезла, но никто, кажется, не видалъ этой Бѣланы. Нѣтъ, Бальзакъ самъ съ кокетствомъ разглашалъ эту ложь и гордился тѣмъ, что его предполагали богатымъ, тогда какъ талантъ его приносилъ ему очень мало. Это былъ мнимый богачъ, псевдо-милліонеръ. Онъ началъ доставать деньги поздно и то немного. Его воображеніе было всегда богаче его кассы, и такъ-какъ онъ замѣнилъ кассу воображеніемъ, то самъ могъ почитать себя богатымъ. Такъ-какъ онъ былъ не-въ-состояніи дѣлать шумъ своими экипажами, лошадьми и домами, то пускалъ въ-ходъ одну вѣчную комедію, которую, надобно отдать справедливость, онъ довелъ до совершенства; это была именно исторія его долговъ, вошедшихъ въ пословицу, и въ которыхъ мы, съ нашей стороны, очень сомнѣваемся.

Бальзакъ, какъ благоразумный экономистъ, давно уже расплатился и раздѣлался съ торговыми дѣлами, которыя покончилъ честно и благородно, и несмотря на это, не переставалъ толковать долго послѣ того о своихъ торговыхъ долгахъ, которые мы называли въ вашихъ дружескихъ соображеніяхъ въ Жарди дефицитомъ Кесснера.

«Вотъ дефицитъ Кесснера является на сцену, говорили мы, слушая, какъ Бальзакъ рассказывалъ о своей бывшей типогра-

фин, которая будто-бы его разорила и оставила неоплатные долги.

Однако надобно было для вѣроятія поступать такъ, чтобъ даже эти долги не показались совершенно мифологическими и потому надобно было поневолѣ сдѣлать нѣсколько долговъ, но такихъ незначительныхъ и смѣшныхъ, что мудро было принять ихъ за серіозные. Однажды, при его жалобахъ на вѣчный недостатокъ въ деньгахъ, я сказалъ ему:

— Полноте, Бальзакъ, вы милліонеръ. Весь Парижъ говоритъ, что вы прячете милліоны.

— А! всё думаютъ, что у меня милліонъ, вскричалъ онъ, глядя на меня своими блестящими глазами. Да, онъ у меня есть, и я прячу его въ... горшкѣ съ масломъ.

И я не могу при этомъ забыть выраженія его фигуры съ рукою, протянутою къ горшку, гдѣ было масло и будто-бы зарытый милліонъ.

Характеръ долговъ Бальзака, имѣвшій вблизи неопредѣленность, которая увеличивалась съ отдаленіемъ, ускользалъ совершенно отъ наблюденій и разъясненій, и стало-быть, нѣтъ ничего предосудительнаго напоминать о нихъ. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ еще разъ, что почитаемъ невозможнымъ, чтобъ знаменитый писатель не имѣлъ совсѣмъ долговъ и утверждаемъ, что они не безчестятъ никого. Мы согласны, что должно осторожно упоминать о слабостяхъ ума и сердца великихъ людей, и то, если они доведены до крайности; но мы не хотимъ упрекать Расина за его страсть къ Шанмеле, Мирабо за его безсонныя ночи, проведенныя за картами, хотя это гораздо важнѣе, чѣмъ имѣть долги. Притомъ же, если они заплачены, то исторія можетъ говорить о нихъ смѣло.

Возвратимся же къ нимъ. Долги эти такъ умножились наконецъ, что возмутили мирную жизнь Бальзака въ Жарди. Колокольчикъ у двери не переставалъ звонить, и этотъ звонъ, извѣстный намъ всѣмъ, былъ до-того серебристъ и чистъ, что слышался далеко. Садовникъ имѣлъ приказаніе всегда наблюдать за звонкостію колокольчика, и на это Бальзакъ имѣлъ свои причины. Онъ думалъ, что кредиторы оставляютъ его въ покоѣ, если найдутъ Жарди необитаемымъ, что было довольно трудно въ небольшомъ его помѣстьи, открытомъ со всѣхъ сторонъ, посѣщаемомъ ежедневно его друзьями и любопытными, которые

сходились изъ окрестностей. Притомъ жилье состояло изъ двухъ зданій, нѣсколькихъ павильоновъ, гдѣ помѣщалось семейство садовника и на дворѣ еще стояла огромная канура злой, безпокойной собаки, которую очень глупо назвали Туркомъ. Этотъ Турка лаялъ самымъ оглушительнымъ образомъ.

Тактика Бальзака была гениальная. Онъ хотѣлъ, чтобъ кредиторъ, пришедшій съ дурными намѣреніями, нашелъ вмѣсто хозяина и гостей его необитаемую пустыню. Вотъ для чего найденъ былъ самый звучный колокольчикъ, дѣйствія котораго въ Жарди были могущественны, какъ взмахъ волшебной палочки. При стукѣ дилижанса мы уже готовились къ неприятнымъ визитамъ и брали свои предосторожности, такъ, что при первомъ звукѣ колокольчика, пролетѣвшемъ надъ Жарди, всѣ утихали, превращались въ статуи, въ какомъ бы то ни было положеніи. Турка загнанъ былъ въ кануру, гдѣ только ворчалъ, и Бальзакъ съ удовольствіемъ слушалъ издали брань несчастнаго, вымѣщающаго свою досаду на колокольчикъ и кричавшаго: что, развѣ здѣсь всѣ вымерли? Разумѣется всѣ умерли. Комедія была сыграна и кредиторъ удалялся.

За-то надобно было видѣть, какъ оживлялось все по его уходѣ, какой поднимался шумъ, смѣхъ, лай—и все это до новаго звона.

Расскажемъ, между прочимъ, происшествіе случившееся съ помѣщикомъ Жарди и его сосѣдомъ, смирнымъ, но оригинальнымъ человѣкомъ. Бальзакъ, какъ неопытный должникъ, надѣлалъ множество мелкихъ долговъ въ своемъ сосѣдствѣ, что всего несноснѣе на свѣтѣ, потому что отъ сосѣдей мудро избавиться. Онъ уже пересталъ гулять далеко отъ Жарди, хотя движеніе и чистый воздухъ были ему необходимы, и все для того чтобъ не встрѣтиться съ лавочникомъ, мясникомъ или булочникомъ, которые охотно вѣрили въ долгъ, но имѣли дурную привычку вѣчно напоминать, что они кредиторы. Такой веловкой политики нельзя было ожидать отъ Бальзака. Тяжело задолжать кому бы то ни было, но задолжать сосѣду просто невыносимо; это тоже что связать себя по рукамъ и ногамъ, лишить себя воздуха и движенія. Послѣдствія этой системы всегда пагубны.

Однажды я пришелъ въ Жарди равнѣе обыкновеннаго, въ пять часовъ утра и засталъ Бальзака шагающимъ подъ навѣсомъ своего шале.

— Что вы тут дѣлаете? спросилъ я его.

— Вы видите: гуляю.

— Такъ рано!

— Вы хотите сказать поздно.

— Помилуйте, да еще только пять часовъ.

— Знаю. Оттого-то я и опоздалъ, чтобъ идти въ лѣсъ, гдѣ теперь такъ хорошо.

— Кто вамъ мѣшаетъ идти туда, вмѣсто того, чтобъ вернуться на одномъ мѣстѣ?

— Я боюсь встрѣтиться съ полевымъ сторожемъ, который уже вѣрно теперь проснулся.

— Что вамъ за дѣло до полевого сторожа.... Вы будете гулять, а не охотиться!

— Это правда... Только все-таки лучше войдемте въ комнаты, я вамъ прочитаю мою статью. Вы скажете, что думаете о ней, прибавилъ Бальзакъ, стараясь перемѣнить разговоръ.

— Статью мы усиѣмъ прочитать, а теперь пойдемте въ лѣсъ, въ Виль д'Авре.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ поздно... полевой сторожъ....

— Опять сторожъ!

— Вы не знаете этого человѣка, мой другъ... онъ не преслѣдуетъ меня какъ другіе, даже ничего не говоритъ, но молчаніе его выразительнѣе всѣхъ упрековъ; взглядъ его поражаетъ меня, я дрожу увидя его, какъ будто-бы онъ былъ привидѣніемъ.

Я подумалъ, что Бальзакъ, вѣроятно, дурно спалъ и продолжаетъ бредить на-яву, и потому, взявъ его подъ-руку, сказалъ:

— Сдѣлайте это для меня. Пойдемте передъ завтракомъ прогуляться; чтобъ возбудить аппетитъ, я готовъ дойти хоть до Версаля.

— Вы этого непременно хотите? спросилъ онъ нерѣшительно.

— Непременно.

И онъ, вздыхая, поправилъ свою широкую обувь, взялъ двѣ толстыя палки съ желѣзными наконечниками, привезенныя, кажется, изъ Швейцаріи, и, подавъ мнѣ одну изъ нихъ, пошелъ со мною къ Вильд-Аврѣйскому лѣсу.

При первыхъ шагахъ я замѣтилъ въ немъ какой-то страхъ, который однакоже скоро разсѣялся; мы заговорили о *Revue*

Parisienne, о будущихъ успѣхахъ этого журнала, о надеждахъ Бальзака, всегда преувеличенныхъ, какъ вдругъ посреди одной фразы онъ остановился, прошептавъ почти съ ужасомъ:

— Вотъ онъ... Вотъ онъ!

— Кто?

— Онъ! полевой сторожъ!

— Опять вы начинаете бредить.

— Нѣтъ, я не брежу, посмотрите, вотъ онъ!

И Бальзакъ показалъ мнѣ въ концѣ аллеи силуэтъ всѣмъ извѣстный полевого сторожа, въ его формѣ, съ трубкою во рту. Мудрено было не узнать его, несмотря на дальность и утренній туманъ. Бальзакъ поблѣднѣлъ, но я продолжалъ вести его между деревьями. Сторожъ шелъ намъ навстрѣчу.

— Вы видите, онъ идетъ къ намъ, бормоталъ романистъ.

— Ну такъ чтожъ! чего вы боитесь?

— Я былъ увѣренъ, что встрѣчусь съ нимъ. Зачѣмъ вы повели меня насильно?

— Да скажете ли вы, въ чемъ дѣло?

— Вы бы могли отгадать.... Но ужъ поздно рассказывать. Вотъ онъ. Молчите.

Въ это время сторожъ подошелъ къ намъ ровною военною походкою, поровнялся съ Бальзакомъ, совершенно смѣшавшимся, и сказалъ ему строгимъ голосомъ:

— Г. Бальзакъ, какъ все дѣлается музыкально!

И онъ прошелъ дальше въ лѣсъ.

Я посмотрѣлъ на Бальзака. Онъ на меня.

— Слышали ли вы, что онъ сказалъ! вскричалъ Бальзакъ, когда сторожъ скрылся. Какая фраза! да, ее стоить сохранять въ спирту. Г. Бальзакъ, какъ все дѣлается музыкально! Эта фраза стоить въ тысячу разъ больше тридцати франковъ.

— Вы должны сторожу тридцать франковъ?

— Да, и хотѣлъ сегодня заплатить ему, потому что дютакъ принесъ мнѣ денегъ; но эта фраза такъ хороша, что я буду цѣлый день повторять ее и расплачусь завтра.

Палки наши тоже стоить исторической замѣтки, и такъ какъ онѣ принадлежали тожѣ къ Жарди, то я скажу объ нихъ нѣсколько словъ.

Бальзакъ, сказавшій, что во всякомъ гениальномъ человѣкѣ скрывается ребенокъ, оправдывалъ собою эту прекрасную мысль. Самъ онъ былъ по-временамъ настоящимъ ребенкомъ,

школьникомъ, въ рѣдкіе часы отлыха, послѣ созданія великихъ твореній. Тогда, какъ при рекреационномъ звонкѣ, онъ разбрасывалъ корректуры, пряталъ рукописи, торопился играть въ мячъ, бѣжать въ лѣсъ, чтобъ ломать тамъ сучья, приставать къ простымъ женщинамъ и выслушивать отъ нихъ нецеремонныя замѣчанія. Да, рекреационные часы въ Жарди были также веселы какъ въ школѣ, и Бальзакъ былъ веселѣе, шумѣе всѣхъ, хотя умѣлъ сохранять въ шуткахъ важность, которая прибавляла еще болѣе комизма. Я уже сказалъ, что у него былъ сосѣдъ, котораго онъ не любилъ, и котораго вывелъ въ одномъ романѣ. За что это нерасположеніе—неизвѣстно, да и что могъ сдѣлать мирный сельскій житель Бальзаку!—только тотъ ненавидѣлъ сосѣда отъ всей души и заставилъ и насъ ненавидѣть его. Ночью мы отправлялись съ нашими швейцарскими палками къ дому сосѣда, имени котораго не назову, потому что онъ, можетъ быть, живъ, и такъ какъ имѣнье его было окружено стѣною, составленною изъ камней, наложенныхъ высоко, но ничѣмъ не скрѣпленныхъ, то мы, какъ настоящіе школьники, по знаку начальника совывали свои палки между камнями и ломали стѣну съ криками, какъ—будто осаждали непріятельскую крѣпость. Послѣ этого подвига мы тихонько пробирались въ Жарди и Бальзакъ благодарилъ насъ за храбрость и твердость.

Черезъ недѣлю стѣна была починена и мы опять пускались въ подобную же экспедицію. Сколько разъ повторяли мы эту шутку—неизвѣстно; сколько разъ подавалъ сосѣдъ жалобы, но виновныхъ не могли найти. И кому пришло бы въ голову, что этими глупостями занимался великій писатель, философъ, которымъ восхищалась вся Европа, котораго имя заслужило славу.

Въ моихъ воспоминаніяхъ о Жарди я не могу пропустить посѣщенія Виктора Гюго, который, кажется, былъ тамъ всего разъ. Несмотря на неуваженіе Бальзака къ современнымъ писателямъ, онъ самъ желалъ принять у себя своего соперника по славѣ, съ которымъ ни прежде, ни послѣ не былъ въ дружескихъ сношеніяхъ. Я уже говорилъ, что Бальзакъ не очень жаловалъ поэзію вообще. То же самое чувствовалъ онъ и къ живописной прозѣ съ яркимъ колоритомъ. Уважая широкую живопись *Парижской Богоматери*, онъ втайнѣ отдавалъ предпочтеніе мелкой, тонкой, блестящей прозѣ Стенда-

ля, которую ставилъ тотчасъ послѣ своей. Онъ соглашался, что Венеціанская школа превосходна, но покупалъ для своего кабинета только Мьерисовъ, Теньеровъ, Фанъ - Остадовъ. И если Бальзакъ въ своихъ статьяхъ упомянулъ о Гюго не больше двухъ разъ, то, кажется, что Гюго ни разу не написалъ имени Бальзака. Какая странная холодность между двумя великими мыслителями! Писатели прошедшихъ вѣковъ завидовали другъ-другу, бранились и даже дрались, но наши не замѣчаютъ одинъ-другаго. Лучше ли это?

Не знаю, почему Гюго не пошелъ на желѣзную дорогу и пріѣхалъ въ дилижансѣ, позже назначеннаго часа. Бальзакъ былъ въ сильномъ безпокойствѣ, глядѣлъ на дорогу, подбѣгалъ къ воротамъ. Наконецъ раздался колокольчикъ. Это былъ Викторъ Гюго. Бальзакъ весело побѣжалъ къ нему навстрѣчу, благодарилъ за посѣщеніе, ласково жаль руки поэту. Эта картина имѣла бы величественный видъ, еслибы оба великіе писателя имѣли менѣе оригинальности въ костюмѣ. Бальзакъ былъ въ совершенномъ неглиже, безъ подтяжекъ, въ старыхъ башмакахъ, безъ галстука, небритый. На поэтѣ же шляпа была неопредѣленнаго цвѣта, полинялый синій фракъ съ мѣдными, тусклыми пуговицами, изношенный галстукъ и зеленые очки.

До завтрака пошли гулять, и Бальзакъ, какъ настоящій помѣщикъ, показывалъ всѣ подробности своего владѣнія, ожидая обыкновенныхъ похвалъ, но Гюго не былъ щедръ на комплименты. Я замѣтилъ, что онъ даже удерживалъ улыбку, найдя асфальтъ въ узенькихъ аллеяхъ и террасы, готовые упасть на большую дорогу. Наконецъ всѣ остановились передъ великолѣпнымъ орѣховымъ деревомъ, которому необходимо посвятить нѣсколько строкъ.

— Наконецъ вотъ дерево! сказала Викторъ Гюго, видѣвшій до этого одни кусты.

— И еще какое! вскричалъ Бальзакъ съ улыбкою удовольствія. Я купилъ его недавно. Знаете ли, что оно мнѣ приноситъ?

— Полагаю, что орѣхи, потому что это орѣшникъ, отвѣчалъ Гюго.

— Нѣтъ, оно приноситъ тысячу пятьсотъ ливровъ въ годъ.

— Стало-быть орѣхи на немъ волшебные?

— Почти. Я вамъ объясню это, продолжалъ Бальзакъ, за-

чѣмъ я купилъ это дерево, и заплатилъ за него довольно дорого. Вотъ, видите ли, всѣ окрестные жители имѣютъ давнишнюю привычку выбрасывать весь соръ и нечистоту подъ этимъ деревомъ.

Гюго отодвинулся.

— Успокойтесь, говорилъ Бальзакъ, теперь тутъ чисто, но все-таки въ нѣсколько лѣтъ набралось тутъ множество матеріаловъ для удобренія и опять будетъ накапливаться ежегодно и я могу продавать его фермерамъ дорогою цѣною, потому что это настоящее драгоценное гуано съ острововъ Тихаго океана.

— Но, любезный Бальзакъ, прервалъ Гюго, съ олимпійскимъ хладнокровіемъ, ваше гуано произведено не птицами.

— Да, это правда, вскричалъ Бальзакъ и засмѣялся своимъ громкимъ, добрымъ смѣхомъ.

Позволили къ завтраку. Разговоръ касался многихъ предметовъ, но болѣе литературы. Бальзакъ только слушалъ своего знаменатаго гостя, который увлекательно говорилъ о театрѣ, о драмахъ, о выгодахъ и неприяностяхъ драматическаго автора. Этотъ сюжетъ всегда занималъ хозяина Жарди, который бредилъ сценическими успѣхами и видѣлъ въ нихъ не столько славу, сколько неисчерпаемое богатство. Работа для журналовъ приноситъ ему сантимы, а здѣсь онъ слышалъ только тысячи и сотни. Съ какимъ вниманіемъ ловилъ онъ слова поэта, и я увѣренъ, что онъ-то внушили ему мысль испытать свой талантъ на сценѣ. Онъ потомъ говорилъ мнѣ только о театрѣ и о сюжетахъ для пьесъ и наконецъ добился того, что явился на сценѣ; но всѣмъ извѣстно, чѣмъ кончились его попытки.

Потомъ говорили о политикѣ, о герцогѣ Орлеанскомъ, покровительствующемъ поэту и литературѣ, и вечера котораго, подъ названіемъ *каминъ*, имѣли такое дѣйствіе, что были заперщены королемъ. Гюго, бывшій членомъ этихъ артистическихъ собраній, описывалъ ихъ живо, и Бальзакъ слушалъ его со вниманіемъ.

Черезъ семь лѣтъ послѣ этого завтрака въ Жарди, одинъ человекъ, увлеченный народнымъ потокомъ, вошелъ въ Тюльери, и въ то время, какъ всѣ грабили, онъ взялъ только одинъ листъ бумаги, на которомъ былъ написанъ послѣдній литера-

турный урокъ графа Парижскаго. Онъ показалъ намъ эту добычу. Человѣкъ этотъ былъ Бальзакъ, а день—24-е Февраля 1848 года.

Бальзакъ во время бесѣды съ Гюго ѣлъ съ большимъ аппетитомъ огромную грушу, и когда поэтъ замолчалъ, началъ говорить филиппику, которая была, ужъ конечно, лучше чѣмъ у греческаго оратора. Невозможно передать этого краснорѣчія, быстрого, остроумнаго, блестящаго, ироническаго, подъ аккомпаниментъ стука ножей и вилокъ, звона стакановъ и бутылокъ, разгоряченнаго взглядами, жаромъ рѣчи, широкими жестами. Невозможно передать этой пламенной рѣчи, прерываемой восклицаніями, проклятіями и окончившейся тѣмъ, что Бальзакъ схватилъ съ неистовствомъ другую грушу и началъ ее ѣсть.

Мы встали и пошли на террасу пить кофе.

Еще цѣлый часъ продолжалась занимательная бесѣда. Говорили объ академіи. Въ то время была ваканція, но Бальзакъ не надѣялся получить ее, потому что никогда не былъ въ чести во дворцѣ Мазарина. Поэтъ намекалъ о своемъ политическомъ назначеніи, и Бальзакъ, не раздѣляя его мнѣній, поддерживалъ кандидатство автора *Лучей и тѣней*, что можно видѣть изъ его статей въ *Revue Parisienne* 1840 года.

Въ нихъ онъ отдаегъ полную справедливость разнообразнымъ талантамъ Гюго; оспариваетъ глухое мнѣніе, что писатели не могутъ быть государственными людьми и говорить, какъ бы предвидя будущее, что если Гюго и Дамартинъ займутся политикою, то появленіе ихъ будетъ замѣтно и произведетъ сильное дѣйствіе. Онъ упоминаетъ также, что издатели и книгопродавцы Гюго давно депутаты, а поэтъ еще не избранъ!

Солнце уже спускалось за горизонтъ и Викторъ Гюго началъ говорить о возвращеніи въ Парижъ. Я предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ, и мы простились съ Жарди. Бальзакъ хотѣлъ непременно проводить насъ до Севра, хотя у него было много работы, и пошелъ съ нами, одѣвъ бархатный сюртукъ и красный фуляръ вмѣсто галстука. Въ Севрѣ мы должны были сѣсть въ дилижансъ, который довезъ насъ до Риволийской улицы.

На прощаньи Бальзакъ просилъ позволенія у Гюго, представить ему молодаго русскаго вельможу, который хотѣлъ непременно видѣть великаго поэта. Гюго согласился и свиданіе

назначено было въ роцѣ Канкаль на слѣдующій четвергъ, гдѣ всѣ мы обѣдали или ужинали. Но эти происшествія уже не относятся къ Жарди и я поберегу ихъ до того времени, когда начну писать свои мемуары.»

ГЕНРИХЪ КОНСИАНСЪ И ФЛАМАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Фламандскій языкъ почему-то находится въ большомъ преенебреженіи даже въ мѣстахъ, гдѣ говорятъ имъ, и многіе почитаютъ его испорченнымъ нарѣчіемъ голандскаго или нѣмецкаго языка. Это однако же несправедливо: фламандскій языкъ — хорошъ и самостоятеленъ; имъ говоритъ все народонаселеніе Фландрии, но на немъ мало пишутъ и вотъ почему прошла о немъ такая невыгодная репутація. Притомъ же съ тѣхъ поръ какъ Франція начала вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей, ввела въ Бельгію свои законы, французскій языкъ взялъ такое преимущество, что народный фламандскій языкъ былъ почти изгнанъ въ правительственныхъ актахъ. Напрасно послѣ 1815 года король Вильгельмъ Оранскій старался уничтожить вліяніе Франціи; въ 1830 году конституція Бельгія была все таки опубликована на французскомъ языкѣ, и съ тѣхъ поръ фламандскій языкъ вмѣсто развитія и совершенствованія совершенно забывается, потому что дворъ, высшее общество, среднее сословіе, даже рабочее говорятъ по-французски; въ Парламентѣ, въ судахъ, въ правительственныхъ бумагахъ, въ училищахъ, вездѣ принятъ французскій языкъ; главные журналы издаются на этомъ языкѣ, на всѣхъ театрахъ играютъ только французскія пьесы и французскіе артисты. Даже въ деревняхъ фламандскій языкъ начинаетъ мѣшаться съ французскими фразами и теряетъ свою самобытность и народность. Словомъ, онъ скоро совсѣмъ бы исчезъ съ лица земли, еслибы нѣкоторые патристическіе писатели не старались удержать это паденіе и сохранить народный языкъ. Они составили между собою общество или фламандскій союзъ, который ежегодно собирается въ Брюнелльской ратушѣ и разсуждаетъ о мѣрахъ, какія надобно принять къ распространенію фламандскаго языка, о новыхъ изданіяхъ на этомъ языкѣ. Но кажется, что эти благородныя усилія будутъ все-таки тщетны, и если еще можно

спасти фламандскій языкъ, такъ это однимъ средствомъ: надобно, чтобъ правительство приняло его подъ свое покровительство и сдѣлало официальнымъ, изгнавъ французскій языкъ изъ палатъ, судилищъ, учебныхъ заведеній. Но врядъ ли правительство согласится принять эту мѣру, которая возбудитъ неудовольствіе Валонскихъ провинцій, гдѣ во всеобщемъ употребленіи одинъ французскій языкъ и гдѣ никогда не говорили по-фламандски.

Фламандскій союзъ заботится не только о народной своей литературѣ, но хочетъ возстановить древніе нравы и обыкновенія, что совершенно лишнее и совсѣмъ не касается до писателей.

Въ числѣ фламандскихъ литераторовъ одинъ успѣлъ уже обратить на себя всеобщее вниманіе и имя его извѣстно всей читающей Европѣ, потому что почти всѣ произведенія его переведены на французскій языкъ, которымъ онъ пренебрегаетъ и который хочетъ изгнать изъ своего отечества. Это Генрихъ Консіансъ, писатель съ замѣчательнымъ талантомъ, хотя немного односторонній, потому что не хочетъ знать ничего кромѣ Бельгіи и своего фламандскаго языка, и отзывается неблагоприятно объ остальномъ мірѣ. Но этотъ преувеличенный патріотизмъ можно извинить въ даровитомъ романистѣ, отличающемся благородствомъ характера, нравственною цѣлю, религіозностію, правдою, любовью къ добру.

Нелегко было молодому литератору слѣзаться извѣстными сочиненіями, на языкѣ, изгнанномъ изъ общества, осыпаемомъ насмѣшками, но онъ твердо шелъ впередъ по избранному пути, и можно сказать, что ему обязана фламандская литература своимъ возрожденіемъ. Онъ написалъ нѣсколько историческихъ и правоописательныхъ романовъ. Въ послѣднихъ онъ превосходитъ и, кажется, мудрено лучше его описывать чувства, добрые, простые нравы сельскихъ жителей, въ которыхъ столько оригинальности, наивности и поэзіи. Историческіе его романы менѣе извѣстны публикѣ, потому что немногіе еще переведены. Въ нихъ Генрихъ Консіансъ стремится къ одной цѣли—религіозности и патріотизму. Разсказъ его простъ, ясенъ, безъ запутанныхъ происшествій и поразительныхъ эффектовъ, любимыхъ французскими романистами, и хотя въ нихъ есть для насъ историческія диссертаціи, мѣшающія дѣйствию и развитію.

драмы, но все-таки онъ не лишніи и выражаютъ эпоху, или разъясняютъ характеры историческихъ лицъ.

Разумѣется, что въ переводѣ не можетъ быть сохранена вся прелесть оригинала, но почти вся Европа съ удовольствіемъ прочитала его повѣсти: *Рекрутъ*, *Рикъ-тикъ-такъ* (припѣвъ старой фламандской пѣсни), *Сцены фламандской жизни*, *Фламандскіе вечера*, *Война крестьянъ*, *Годъ чудесъ* и проч., и много историческихъ романовъ, изъ которыхъ послѣдній *Hlodwig en Clotildis* Кловисъ и Клотилда, самый замѣчательный, и мы расскажемъ вкратцѣ это сочиненіе, дѣлающее честь фламандской литературѣ и Бельгій.

Дѣйствіе начинается въ то время, когда языческой Римъ, пронеся съ триумфомъ свои орлы по всему извѣстному міру, самъ началъ клониться къ упадку, къ чему увлекали его испорченность нравовъ, утонченная цивилизація, войны съ сѣверомъ. Изъ лѣсовъ Германія нахлынула новые народы, и Римъ принужденъ былъ уступить имъ нѣкоторыя провинціи. Салическіе Франки заняли Бельгію, Турней и Камбрей; сѣверные кантоны сохранили германскій языкъ и народныя обычаи, но въ Турней и южнѣе побѣдителя ввели свои обычаи. Зданія городовъ доказывали Римскую цивилизацію и только одно въ Турней имѣло совершенно особенный характеръ. Это было жилище Кловиса (Клодовика) герцога Франкского. Построенное на берегу Шельды, это зданіе было грубо и мрачно, хотя силлось подражать Римской постройкѣ. На тяжелыхъ, короткихъ колоннахъ лежали громадныя своды. Капители были просты и украшены только варварскою скульптурою. Узкія двери и окна прорѣзывали мрачныя стѣны; не было ни легкихъ арокъ, ни рѣзныхъ фронтоновъ, ни красивыхъ статуй, ни триумфальныхъ колоннъ, которыя встрѣчаются поминутно въ Римѣ; нѣтъ, это была сѣрая, огромная масса, ввущающая однако уваженіе жителямъ Турнея.

Въ одно весеннее утро 486 года, человекъ, лѣтъ тридцати, сидѣлъ задумавшись въ большой залѣ дворца герцога. Этотъ человекъ былъ Галло-Римлянинъ Аврелианъ, другъ и совѣтникъ Кловиса. Онъ разсматривалъ грубыя изображенія боговъ сѣвера, изсѣченныхъ неискусною рукою изъ глыбы камня.

— Водень, Торъ, Фрей! вскричалъ онъ, боги мщенія и истребленія! ваше присутствіе въ Галліи не помѣшаетъ царствованію Богочеловѣка, которое скоро утвердится. Миръ и лю-

бовъ соединять всѣ народы и крестъ засіяетъ надъ міромъ какъ солнце искупленія и блаженства!

Въ залу вошелъ высокій почтенный старецъ, съ митрою на головѣ, съ закругленною палкою въ рукѣ.

— Это вы, отецъ Реми?

— Да, сынъ мой, ты объявилъ мнѣ печальную вѣсть.

— Сегодня утромъ Кловисъ вручить Лютгардѣ, сестрѣ герцога Камбрейскаго Рагангера, свадебный подарокъ на Мальбергѣ. Это значитъ, что черезъ сорокъ ночей онъ возьметъ ее въ супруги.

— Развѣ ты не знаешь, Аврелианъ, что Лютгарда...

— Альрюна, то есть гадательница и жрица священныхъ лѣсовъ Водена. Говорятъ, что злые духи повинуются ей и что она умѣетъ колдовать.

— Это языческая колдунья, произнесъ грустно епископъ, и ты, послѣдователь истиннаго Бога, посовѣтовалъ этотъ бракъ!

— Вы знаете, отецъ мой, что Франки готовятся напасть на западныя страны, гдѣ еще паритъ Римскій орелъ. У нихъ два могущественные начальника: Кловисъ и Рагангеръ, оба потомки Меровея. Собраніе воиновъ, безъ сомнѣнія, выбрало бы моего государя Кловиса, но тогда Рагангеръ и его друзья откажутся отъ войны. А развѣ одинъ Кловисъ можетъ идти на римскаго ландграфа Сіагрія. Вы знаете также, что Бургундцы слѣдуютъ ложному ученію Арія и что эти враги опаснѣе для христіанской церкви, чѣмъ язычники, и угрожаютъ завладѣть всею Галліею. Надобно выбирать Франковъ или Бургундцевъ.

— Боже избави насъ отъ Бургундцевъ!

— Благодаря союзу Кловиса съ Лютгардою, братъ ея съ своими воинами присоединится къ моему герцогу.

— Да, этотъ союзъ печальная необходимость.

Вдругъ послышались звуки роговъ.

— Это возвращается мой господинъ съ воинами, сказалъ Аврелианъ, онъ не долженъ видѣть васъ здѣсь, отецъ мой.

Епископъ Реймскій скрылся за занавѣскою и въ залу вошелъ Кловисъ. Во всемъ франкскомъ племени трудно было найти человека красивѣе и величественнѣе молодого герцога. Высокій, сильный, съ мужественною красотою, орлинымъ взглядомъ, онъ, кажется, созданъ былъ повелѣвать и внушать уваженіе. Онъ, казалось, недоступенъ нѣжнымъ чувствамъ, но когда страсти взволнуютъ его дикую душу, — голубые его глаза забле-

стать мрачнымъ огнемъ, жилы нальются на лбу, губы задрожать и рука, сильная и скорая, какъ молнія падаетъ на огромный мечъ.

Аврелианъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Государь, какая мысль омрачила ваше чело?

— Мой бракъ, отвѣчалъ герцогъ. Клянусь черною Гелліею (богиня ада), ты заставляешь меня рѣшиться на низость! Образъ этой женщины преслѣдуетъ меня какъ ночные Альвы (злые духи).

— Этотъ бракъ дастъ вамъ корону.

— А если я не получу короны, у меня останется только эта женщина. Въ моей душѣ совсѣмъ другія чувства, другія желанія: я хочу вызвать Рагангера на бой, убить его, и тогда пойду одинъ съ моими войнами въ Галлію, гдѣ найду или побѣду или геройскую смерть.

— Вы одни не одолѣете Римлянъ.

— Ну такъ чтожъ! Валькиріи снесутъ меня въ вѣчную Валгаллу.

Галло-Римлянинъ началъ убѣждать герцога въ необходимости этого брака.

— Хорошо, если этого хочетъ злой Локи, вскричалъ Кловисъ. Доволенъ ли ты мною?... Какія вѣсти изъ Галліи?

— Всѣ епископы на вашей сторонѣ, государь.

— Напishi къ Ремя, что я буду защищать Христіанъ. Не прошу ихъ помощи, потому что мои воины откажутся принять ее, а ваши боги лишатъ меня побѣды.

— Еще одно извѣстіе, сказалъ Аврелианъ. Хильперикъ, король Бургундскій пріѣдетъ, можетъ-быть, сегодня въ Турней.

— Приготовь ему помѣщеніе. Онъ предлагаетъ мнѣ свой союзъ... Мнѣ пора на Мальбергъ. Если король пріѣдетъ безъ меня, попроси его отдохнуть и подождать, или если онъ хочетъ, то пусть идетъ на Мальбергъ.

— Судьба новаго міра зависитъ отъ рѣшенія нѣсколькихъ варваровъ! вскричалъ Аврелианъ, оставшись одинъ. Что скрывается во тьмѣ? Счастіе, или отчаяніе будущихъ поколѣній!

Близъ Турнея есть возвышенность, поросшая гигантскимъ лѣсомъ, вершины котораго теряются въ облакахъ. Это священныи лѣсъ Фравковъ; посреди его, на обширномъ лугу, построенъ большой домъ для жрецовъ, и священныи алтарь, состоящій изъ огромныхъ камней, передъ которымъ лежали ножи,

топоры, молотки. Вблизи разложенъ былъ большой огонь, надъ которымъ висѣли котлы съ мясомъ жертвъ, приготовленнымъ для праздника. Вездѣ стояли столы и лавки грубой работы, и это мѣсто должно было внушать невольный ужасъ, потому что было украшено вокругъ всей поляны скелетами, надъ которыми летали вороны, священныя птицы—эмблема Водена, самаго главнаго изъ Азовъ (боговъ).

За часъ до церемоніи, священный садъ былъ полонъ воинами, которые разсуждали, кого избрать начальникомъ Франковъ и Великимъ Герцогомъ. Всѣ они были вооружены сѣкирами, щитами и стояли посреди поляны; жрецы окружали алтарь. Кловисъ и Лютгарда явились на дикихъ коняхъ съ многочисленною свитою. Глаза Лютгарды блестятъ радостью, черты ея мужественны, видъ гордый и смѣлый. Бѣлокурые ея волосы распущены; она въ бѣлой льняной одеждѣ и вмѣсто всѣхъ украшеній на ней только пурпуровый поясъ. Четыре женщины, тоже въ бѣлыхъ одеждахъ, сопровождаютъ ее; за ними ѣдетъ Сигебальдъ, родственникъ Лютгарды, съ драгоценнымъ серебрянымъ сосудомъ. Герцогъ Камбрейскій ѣдетъ по правую сторону Кловиса, и воины встрѣчаютъ ихъ радостными криками и ударами мечей въ щиты, что производитъ такой шумъ, что испуганные вороны разлетаются съ плачевнымъ карканьемъ. Тогда выходитъ Рамольдъ, главный жрецъ, въ красной одеждѣ, въ дубовомъ вѣнкѣ, съ большимъ молоткомъ въ рукѣ. Онъ ударилъ имъ по синѣ одну изъ лошадей, такъ сильно, что въ ней переломилась кость; тогда начинается жертвоприношеніе. Герцоговъ и воиновъ окропляютъ кровью жертвы. Потомъ Рамольдъ призываетъ Кловиса къ алтарю, но герцогъ остается неподвижнымъ, чело Рагангера помрачается, Лютгарда дрожить.

— Герцогъ! говоритъ тихо Сигебальдъ Кловису, ты нарушаешь нашу Франкскую федерацію.

— Беру боговъ въ свидѣтели, сказалъ тогда Кловисъ громко, что черезъ сорокъ ночей эта женщина будетъ моею женою, если она приметъ отъ меня свадебные подарки.

Лютгарда отвѣчала съ убыкою:

— Государь! принимаю ваши подарки съ гордостью и обещаю быть вѣрною подругою въ счастіи и печали.

Сигебальдъ подалъ ей серебряный сосудъ.

— Въ васъ соединена самая благородная кровь Меровинговъ, сказалъ онъ. Вы скрѣпляете союзъ Франковъ.

Жрецъ соединилъ руки молодыхъ людей.

— Фрея благословитъ васъ! Азы свидѣтели вашихъ обѣтовъ... Горе тому, кто не исполнитъ ихъ!

И онъ благословилъ ихъ, окропивъ опять кровью.

Подруги невѣсты заплели ей волосы и укрѣпили косы на головѣ золотыми булавками.

Послѣ этого обряда начался обѣдъ на горѣ. Вдругъ въ лѣсу раздались звуки трубъ. Это король Бургундскій—и Кловисъ идетъ встрѣчать своего гостя. Всѣ съ любопытствомъ смотрятъ на богатыя носилки, закрытыя со всѣхъ сторонъ, и оттуда выходитъ дочь короля, молодая Клотильда, съ черными глазами и такими же волосами, съ кроткою улыбкою. Крикъ восторга встрѣтилъ появленіе красавицы, только Лютгарда поблѣднѣла и почувствовала къ ней ненависть.

Король повелъ принцессу къ Кловису, сказавъ:

— Это мое сокровище, моя Клотильда.

Когда глаза герцога встрѣтились съ глазами молодой дѣвушки, вся кровь бросилась ему въ голову и румянецъ заигралъ на щекахъ. Клотильда, тоже смущенная, покраснѣла и опустила глаза. Она думала найти дикаго, грубаго воина и никакъ не ожидала, чтобъ Кловисъ былъ молодъ, хорошъ, гордъ, чтобъ наружность его выражала повелителя и героя.

Замѣтивъ блѣдность Лютгарды, герцогъ подошелъ къ ней и сказалъ тихо:

— Зачѣмъ моя невѣста удалилась отъ меня...

— Кловисъ! прервала она его, долго останется здѣсь эта черная женщина?

— Завтра она ѣдетъ съ отцемъ.

— Тѣмъ лучше, я терпѣть не могу Христіанъ и одинъ видъ ихъ приводитъ меня въ ужасъ.

Воины столпились вокругъ одного возвышенія и жрецъ предложилъ избрать Великимъ Герцогомъ Франковъ Кловиса, сына Хильперика. Опять послышались удары въ щиты, Кловисъ былъ провозглашенъ единогласно и всѣ пошли къ столамъ.

Клотильда сказала отцу:

— Батюшка! эти язычники ѣдятъ лошадиное мясо и пьютъ

кровь. Развѣ служители Христа могутъ присутствовать безъ грѣха при такомъ пирѣ?

— Ты права, дитя мое, уйдемъ отсюда. И простясь съ Кловисомъ, Христіане удалились.

На пиру Кловисъ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, а по сторонамъ его Рагангеръ и Лютгарда. Жрецъ сидѣлъ напротивъ его. Пѣвцы, въ бѣлыхъ одеждахъ и дубовыхъ вѣнкахъ, стояли въ отдаленіи, готовые славить боговъ и героевъ. Гостямъ разносили рога, наполненные пивомъ съ кровью; Кловисъ первый выпилъ въ честь Водена и за нимъ начали всѣ пить; скалды заѣли воинскія пѣсни.

Въ концѣ стола Великій Герцогъ опять всталъ и сказалъ:

— Воины и посланные изъ всѣхъ франкскихъ странъ! соберитесь всѣ въ поляхъ Камбрейскихъ. Мы докажемъ свѣгу, что потомки Меровея достойны отцевъ!

Послѣ этихъ словъ онъ всталъ взъ-за стола, взявъ руку Лютгарды, но замѣтивъ въ глазахъ ея слезы, спросилъ:

— О чемъ печалится моя невѣста?

— Меня преслѣдуетъ образъ черной женщины, отвѣчала она, и я плачу отъ ревности и досады. О, какъ бы я желала, чтобъ она не дожила до завтрашняго восхода солнца!

— Лютгарда! ты забываешь съ кѣмъ говоришь. Я твой женихъ и господинъ; ступай теперь.

— Пусть боги хранятъ тебя отъ чаръ Христіанки, прибавила Лютгарда, удаляясь съ братомъ.

На другое утро Кловисъ въ волненіи ходилъ по парку близъ своего дворца. Глаза его блестятъ радостно, уста то улыбаются, то произносятъ тихо какое-то имя, и молодой герцогъ самъ не понимаетъ новаго чувства, наполняющаго его душу.

— Что со мною? думалъ онъ. Я дышу счастьемъ, все мнѣ улыбается: и чистое солнце, восходящее въ небесномъ океанѣ, и весенній воздухъ, и природа! О, Клотильда!... Неужели я, Великій Герцогъ Франковъ, готовый нанести Римлянамъ послѣдній жестокий ударъ, неужели я побѣжденъ улыбкою ребенка!.. О, нѣтъ! Это не должно быть! вскричалъ онъ, одумавшись. Кловисъ непобѣдимъ!

И онъ побѣждалъ въ чашу, чтобъ уйти отъ своихъ мыслей.

Въ это время Клотильда сидѣла въ одной залѣ дворца, окруженная подругами, и держала въ рукахъ работу, но иголка ея оставалась неподвижною, потому что мысли были далеко.

— Какимъ шелкомъ надобно вышивать шапочку, принцесса? спросила ее Эрмелинда. Прикажете голубымъ?

— О! мнѣ все равно: голубымъ, бѣлымъ, краснымъ...

— Что васъ занимаетъ, сказала Нильбурга. Вѣрно, вы видѣли дурной сонъ.

Но Клотильда рассказываетъ имъ, что во снѣ ангелъ ввелъ ее въ большую церковь, гдѣ священникъ соединилъ ея руку съ рукою воина въ серебряной каскѣ.

— Кто-жъ этотъ воинъ?—Король Геруловъ, или Готфовъ?спросила Эрмелинда.

— О! нѣтъ. Но я слышала голосъ Бога, Который назначилъ меня къ искупленію народовъ.

Въ это время вошелъ король съ Аврелианомъ и повелъ дочь въ паркъ. Тамъ она встрѣтила Кловиса и оба они вскрикнули отъ-радости, при сильномъ біеніи сердца. Аврелианъ съ удивленіемъ наблюдалъ за ними.

Франкскій герой подошелъ къ гостямъ и извинился въ простомъ гостепрѣимствѣ. Разумѣется, что его слова и взоры обращались къ Клотильдѣ.

— Я всѣмъ довольна, государь, отвѣчала, краснѣя, молодая дѣвушка: воздухъ здѣсь такъ чистъ, природа роскошна!

— Оставь насъ, дитя мое, сказалъ король, мнѣ надобно говорить о важномъ дѣлѣ съ Кловисомъ.

Когда она удалилась, король объяснилъ герцогу цѣль своего путешествія. Братъ его Гондебальдъ хочетъ лишить его наслѣдства и овладѣть его короною, и если Кловисъ не защититъ его, онъ долженъ погибнуть съ дочерью. Франкъ обѣщаетъ идти къ нему на помощь съ своими войнами.

По окончаніи разговора Клотильда прибѣжала къ нимъ и умѣла удалить отца, чтобъ поговорить съ Кловисомъ. Но этотъ разговоръ былъ замѣченъ Сигебальдомъ и Аврелианомъ и оба они предвидѣли будущую бурю.

Лютгарда остановила однажды Аврелиана въ большой залѣ и сказала ему:

— Измѣнникъ! Ты помогаешь Христіанкѣ... Кловисъ любитъ ее! Берегись, если я узнаю, что ты замышляешь расторгнуть мой бракъ!

— Клотильда слѣдуетъ аріанскому ученью.

— Совсѣмъ нѣтъ... Отецъ ея аріанецъ, но мать была пра-

вославная, какъ вы ихъ называете, и воспитывала дочь въ своей религіи.

При этомъ открытіи Галло-Римлянинъ не можетъ удержать своей радости, и гнѣвъ Лютгарды раздражается страшными угрозами, на которыя пришелъ самъ герцогъ.

— Лютгарда! сказалъ Кловисъ строго, ты въ моемъ домѣ, какъ ты смѣешь угрожать моему служителю и другу!

— Какъ! вскричала она плача отъ досады, ты унижаешь меня, дочь Меровея, передъ Римляниномъ, передъ Христіаниномъ. Это оскорбленіе можетъ разорвать нашъ союзъ...

— Я согласенъ разорвать его. Пускай твой братъ вызываетъ меня на бой, я убью его, возьму силою его воиновъ и уничтожу весь твой родъ.

— Прости меня, простонала Лютгарда, я говорила не сердцемъ. Вѣрь, если я не буду твоею женою, то умру отъ горя и любви.

Съезы ея тронули Кловиса и онъ сказалъ:

— Я тебя прощаю, успокойся. Я пойду провожать Хильперика.

— О! какъ я люблю тебя, вскричала Лютгарда, падая къ ногамъ герцога.

Передъ дворцомъ слышанъ былъ топотъ лошадей. Кловисъ простался съ своимъ гостемъ, но глаза его невольно обращаются къ блѣдной Клотильдѣ, на лицѣ которой выражается печаль.

— Прощай, Клотильда! говорятъ онъ. Ваши боги охраняютъ васъ!

Принцесса старается улыбнуться въ отвѣтъ, но слезы орошаютъ ея прекрасное лицо.

Вотъ вся завязка этого любопытнаго романа Консіанса, и хотя каждый читатель знаетъ, чѣмъ онъ долженъ кончиться, но все-таки читаетъ съ большимъ удовольствіемъ живой рассказъ о временахъ давно прошедшихъ, близкихъ не только соотечественникамъ автора, но и другимъ сосѣднимъ народамъ. Мы представимъ только бѣглый очеркъ его, чтобъ показать направленіе таланта и цѣль фламандскаго писателя.

Франки, подъ предводительствомъ Кловиса, осаждаютъ Суассонъ; Римляне нападаютъ на нихъ неожиданно; но Великій Герцогъ побѣждаетъ ихъ и вступаетъ въ Суассонъ, гдѣ воинство его, Лютгарда, Сигебальдъ и Рагангеръ дѣлаютъ добычу. Въ это время епископъ Реми совѣтуетъ Кловису основать новую

Франко-гальскую имперію, принять титулъ короля и просить, чтобъ ему возвратили золотой церковный сосудъ, взятый воинами. Кловисъ общается, но Лютгарда съ братомъ вооружаютъ противъ него Франковъ; происходитъ ссора изъ-за сосуда, но герцогъ и тутъ остается побѣдителемъ; однако онъ рѣшается разорвать бракъ съ Лютгардою, за что братъ ей клянется ему мстить. Кловисъ безпрестанно думаетъ о Клотильдѣ и повѣряетъ Аврелиану свои чувства, какъ вдругъ приходитъ печальное извѣстіе. Гондебальдъ напалъ на короля Бургундскаго, истребилъ все его семейство и заперъ Клотильду въ Дижонскую крѣпость. Кловисъ хочетъ идти спасать ту, которую любитъ, но прежде онъ долженъ драться съ братомъ Лютгарды за навесенную обиду; онъ побѣждаетъ его и спѣшитъ къ Дижону. Онъ посылаетъ Аврелиана къ Гондебальду просить руки его племянницы, но король Бургундскій отвѣчаетъ, что онъ уже велѣлъ умертвить ее. Аврелианъ просьбами и угрозами достигаетъ наконецъ своей цѣли, и Клотильда соединяется съ Кловисомъ сначала передъ алтаремъ христіанскимъ, а потомъ передъ языческимъ. Великій жрецъ Рамольдъ возлагаетъ золотыя короны на головы супруговъ и войны кричатъ: Да здравствуетъ король Франція и королева!

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, королева скоро будетъ матерью, но она грустна и печальна, потому что ни слезы ея, ни ласки не могли вынудить у Кловиса общанія, что ребенокъ ихъ будетъ крещенъ по-христіански. Клотильда дѣлается больна и жизнь ея въ-опасности. И тогда король, сжалясь надъ нею, позволяетъ ей сдѣлать ребенка Христіаниномъ, хотя жрецы могутъ за это погубить его, но онъ уже не разъ усмирялъ ихъ, и притомъ жизнь жены для него дороже всего.

У королевы родились два сына Ингомеръ и Клодемаръ и были крещены Христіанами. Аврелианъ радовался торжеству христіанской религіи, но Сигебальдъ поклялся отмстить за всѣхъ Франковъ. Является опять Лютгарда, полная ненависти и злости, и хочетъ, во что бы то ни стало, погубить Клотильду и ея сыновей. Она привлекаетъ Сигебальда на свою сторону, входитъ ночью во дворецъ, вливаетъ ядъ въ ротикъ одного младенца; но не успѣваетъ сдѣлать того же съ другимъ, потому что Кловисъ просыпается; она убѣгаетъ какъ ночное привидѣніе. Ингомеръ умираетъ, и съ тѣхъ поръ король избѣгаетъ коро-

левы и Аврелиана, потому что до него дошла клевета, что жена его неравнодушна къ Христіанину. Чтобъ разсѣяться, онъ собирается на войну противъ Германцевъ и передъ отъѣздомъ Великій жрецъ говоритъ ему, что, въ его отсутствіе, королева не будетъ скучать, что Аврелианъ утѣшитъ ее въ потерѣ сына и разлукѣ съ мужемъ.

— Доказательства! или я убью тебя! кричитъ Франкъ въ бѣшенствѣ.

— Завтра, когда ты уѣдешь съ войскомъ, королева съ сыномъ уйдетъ изъ дворца въ небольшую ферму, гдѣ ее будетъ ждаты Аврелианъ и тамъ ты можешь застать преступниковъ.

Для этого Лютгарда украла подпись короля и Сигебальдъ приложилъ ее къ бумагѣ, на которой написано было приказаніе Клотильдѣ итти съ сыномъ на ферму во время отсутствія короля. Эту бумагу Сигебальдъ отдалъ Аврелиану и тотъ, сообщивъ ее королевѣ, пошелъ готовить все къ ея помѣщенію. Кловисъ съ Рамольдомъ пробрались ночью къ фермѣ, но ихъ остановила какая-то женщина, прося неидти дальше. Король, не владѣя собою, поразилъ женщину сѣкирою; на-крикъ ея вышелъ Аврелианъ и хотѣлъ броситься навстрѣчу своему государю, но тотъ отвѣчаетъ ему смертельнымъ ударомъ и бѣжитъ въ комнату жены. Оружіе уже поднято надъ головою Клотильды, но она показываетъ ему бумагу съ собственною его подписью—и Кловисъ понимаетъ, къъмъ онъ былъ обманутъ. Онъ бѣжитъ узнать, не живъ ли Аврелианъ, но его останавливаетъ голосъ женщины, которую онъ ранилъ:

— Кловисъ, я умираю... Я Лютгарда... и отмстила тебѣ... Я отравила твоего сына... Я заставила тебя убить твою Христіанку, которая невинна.

— Змѣя! вскричалъ король, и раздавилъ ее.

Кловисъ воюетъ съ Германцами близъ Кельна, и непріятель такъ многочисленъ, что одолеваетъ Франковъ. Напрасно приносятъ жертвы Водену, Фрею, Тору и другимъ богамъ, побѣда все-таки остается на сторонѣ Германцевъ, и Франки начинаютъ негодовать на своего короля. Наконецъ непріятель окружилъ ихъ; имъ вѣтъ спасенія. Кловисъ бѣжитъ въ свою палатку и находитъ тамъ Клотильду на колѣнахъ передъ крестомъ и съ сыномъ въ рукахъ. Она умоляетъ его обратиться къ Истинному Богу, Который одинъ можетъ спасти Франковъ,

и король невольно преклоняется передъ символомъ искупленія и обѣщаетъ сдѣлаться Христіанномъ, если онъ побѣдитъ.

Оживленный Франкъ, снова бросается въ средину битвы; его присутствіе воспламеняетъ Франковъ и онъ, встрѣтись съ начальникомъ непріятеля, убиваетъ его. Это разстроиваетъ ихъ, и скоро битва рѣшается въ пользу Кловиса.

Послѣ этого король со множествомъ воиновъ получилъ крещеніе въ Реймскомъ соборѣ. Аврелианъ, спасенный заботами и молитвами Реми, присутствовалъ при этой зарѣ новой цивилизаціи.

Вотъ содержаніе трехъ томовъ романа Консіанса. Начало его очень увлекательно, но жаль, что конецъ немного холоденъ и неправдоподобенъ. Франкъ и начальникъ войска никакъ не оставятъ поля сраженія въ самую критическую минуту, чтобъ бѣжать въ свою палатку къ женѣ и дѣтямъ. Это должно было произойти прежде битвы, какъ говорится въ простой хроникѣ Григорія Турскаго и въ *Gesta dei per Francos*.

Несмотря однако на небольшіе недостатки, сочиненіе Генриха Консіанса имѣетъ много достоинствъ. Главное состоитъ въ торжествѣ католической вѣры, олицетворенной въ Клотильдѣ и Аврелианѣ. Лютгарда, Сигебальдъ и Рамольдъ, это представители древнихъ дикихъ нравовъ; выше ихъ—Кловисъ, предназначенный къ основанію новаго порядка и новой религіи. Борьба между двумя партіями рѣшительная, хотя съ одной стороны дѣйствуютъ молитвы и нѣжныя чувства, а съ другой ненависть, ядъ, клевета. Кловисъ рѣшаетъ побѣду въ пользу первой.

Характеры всѣхъ выведенныхъ лицъ превосходны, кромѣ, однако же не совсѣмъ оправданной ревности Кловиса. Жрецы тоже могли играть роль поважнѣе и похитрѣе устраивать свои дѣла, особенно въ такое время, когда они видятъ, что власть ихъ гибнетъ. Впрочемъ, произведеніе это останется однимъ изъ лучшихъ во фламандской литературѣ и, вѣроятно, будетъ переведено на всѣ европейскіе языки.

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

ГОДИЧНЫЙ ОТЧЕТЪ ЛОНДОНСКАГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ.

Въ годичномъ публичномъ засѣданіи Лондонскаго королевскаго общества наукъ, президентъ его, лордъ Вроттеслей (Wrottesley), произнесъ примѣчательную рѣчь о состояніи общества, объ его отношеніяхъ къ английской администраціи, и о достоинствахъ ученыхъ, которымъ общество присудило почетныя награды медалями Коплея и королевскою. Для насъ совсѣмъ не интересны домашнія дѣла общества; но слѣдующее обзорніе ученыхъ трудовъ извѣстнаго Фуко, надѣмся, многими будетъ прочитано съ любопытствомъ.

«Фуко, въ продолженіи десяти и двѣнадцати послѣднихъ лѣтъ занимался изслѣдованіями разнообразными и замѣчательными. Его первые труды относились къ фотографіи: въ 1844 г., вмѣстѣ съ Физо, онъ изслѣдовалъ сравнительную химическую и оптическую силу трехъ источниковъ свѣта: солнца, вольтовой батареи и извести, раскаляемой воспламененной струей кислорода и водорода. Эти изслѣдованія привели его къ числовымъ результатамъ, доказавшимъ слабость Друмондова свѣта и превосходство электрической лампы съ электродами изъ угля; сила ея свѣта равняется почти $\frac{2}{3}$ солнечнаго.

«Вскорѣ потомъ Фуко, и опять вмѣстѣ съ Физо, предпринялъ рядъ важныхъ наблюденій надъ интерференціей свѣта, когда лучи его проходятъ значительно различныя пространства. Въ обыкновенныхъ опытахъ, всѣ признаки интерференціи прекращаются, когда разность путей, пройденныхъ лучами, дѣлается равною небольшому числу ондуляцій; интерференціи же высшаго порядка были наблюдаемы въ лампѣ съ соленымъ виннымъ спиртомъ, но при этомъ не употребляли призмы, и теорики сомнѣвались, чтобы лучи, истекающіе изъ свѣтлыхъ земныхъ предметовъ, были способны интерферироваться по прохожденіи значительно различныхъ путей. Фуко и Физо, разложивъ призмой узкой полосой интерферирующагося свѣта, открыли интерференціи особеннаго рода, въ которыхъ разности путей простираются до 7394 ондуляцій. Тотъ же способъ наблюденій позволилъ тѣмъ же молодымъ физикамъ изучить вновь условія измѣненій свѣта поляризованнаго.

«Въ сентябрѣ 1847 г. Фуко и Физо читали въ Парижской академіи наукъ объ интерференціи лучей теплотворныхъ. Употребляя весьма малые и чрезвычайно чувствительные термометры изъ виннаго спирта, они открыли переменны въ силѣ лучей теплотворныхъ, принимавшей наибольшую и наименьшую величины, смотря по силѣ свѣта въ *бахрамахъ* (свѣтлыхъ и темныхъ полосахъ), производимыхъ френелевыми зеркалами. Тѣмъ же способомъ они увѣрились въ измѣненіяхъ температуры, соответствующей свѣту солнечнаго призрака, раздѣленнаго интерференціею; притомъ эти измѣненія происходили не въ самомъ видимомъ призракѣ, но въ пространствѣ теплотворныхъ лучей невидимыхъ, открытыхъ В. Гершедемъ на предѣлахъ краснаго луча. Наконецъ, они же доказали дифракцію или погнутіе тепла, потому что не въ большомъ разстояніи отъ геометрической тѣни темныхъ тѣлъ теплота бываетъ чувствительнѣе, нежели въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прекращается дѣйствіе этихъ тѣлъ на свѣтъ и тепло.

Мая 6-го 1850 г. Фуко сообщилъ Парижской академіи результаты своихъ остроумнѣйшихъ опытовъ надъ относительными скоростями свѣта. Отраженіе и преломленіе свѣта объяснялись по гипотезамъ истеченія и волнообразнаго движенія. Въ обѣихъ гипотезахъ допускалось, что скорость свѣта внутри преломляющагося тѣла или *средины* отличается отъ скорости свѣта въ воздухѣ; притомъ, по гипотезѣ истеченія она должна увеличиваться пропорціонально отношенію показателя преломленія къ единицѣ; а по гипотезѣ волнообразнаго движенія уменьшаться пропорціонально отношенію единицы къ показателю преломленія. Успѣхи оптики заставляли почти отказаться отъ первой гипотезы, вторая же болѣе и болѣе подтверждалась новыми открытіями; опытъ съ тонкой прозрачной пластинкой, поставляемой противъ одного изъ интерферирующихъ лучей, считался опытомъ рѣшительнымъ, *experimentum crucis*, въ пользу гипотезы волнообразнаго движенія; но онъ собственно былъ логическимъ заключеніемъ изъ оптическаго явленія, потому что не принималось въ расчетъ время прохожденія лучей. Для этого, Араго предложилъ употребить зеркало Витстона для рѣшенія вопроса точно такимъ же образомъ, какъ самъ Витстонъ опредѣлялъ скорость электричества; сверхъ того знаменитый и незабвенный физикъ дока-

замъ вычисленіемъ, что скорость вращенія большаго зеркала совершенно удовлетворительна для успѣшнаго опыта. Въ первый разъ скорость свѣта, по предложенію Араго, измѣрялъ Физо; но онъ считалъ время, употребляемое лучами свѣта на прохожденіе нѣсколькихъ километровъ въ воздухѣ; перемѣнивъ немного устройство снаряда и употребивъ вогнутое зеркало, Фуко достигъ полнаго рѣшенія вопроса, предложеннаго Араго: Фуко доказалъ, что свѣтъ движется въ воздухѣ быстрѣе, нежели въ водѣ.

«Февраля 3-го 1851 г., Фуко сообщилъ Парижской академіи извѣстіе объ опытѣ, возбудившемъ въ публикѣ общее вниманіе, объ опытѣ надъ маятникомъ. Астрономическія явленія давно уже утвердили обращеніе земли; но это обращеніе было незамѣтно для насъ, жителей ея поверхности; оно обнаруживалось только небольшимъ отклоненіемъ къ востоку падающихъ тѣлъ съ большихъ высотъ; но этотъ опытъ можно было производить только въ особенныхъ мѣстностяхъ, да и тамъ отклоненіе, возмущаемое различными причинами, казалось сомнительнымъ. Фуко доказалъ, что маятникъ, способный качаться во всѣхъ вертикальныхъ плоскостяхъ, превращается, такъ-сказать, въ небесное тѣло. Когда маятникъ повѣсится надъ однимъ изъ полюсовъ, тогда земля обращается подъ нимъ, оставляя неподвижной плоскость его качанія, которая поэтому кажется совершающей полный оборотъ въ 24 часа; но ея обращеніе прекращается подъ экваторомъ, и вообще измѣняется пропорціонально синусу географической широты; притомъ направленіе этого обращенія противоположно въ полушаріяхъ земли. Извѣстно, что опытъ Фуко былъ повторенъ почти всѣми физиками.

«Фуко недавно изобрѣлъ другой снарядъ, названный имъ *гирскопомъ*, и назначенный также для доказательства обращенія земли. Явленія на этомъ снарядѣ зависятъ отъ неподвижности плоскости вращенія кружка, которому сообщается быстрое движеніе около его оси. Снарядъ занимаетъ мало мѣста и опытъ можно производить на всякомъ столѣ; но его устройство требуетъ искуснаго соединенія частей. Если обращеніе кружка будемъ производить около экваторіальной оси, то снарядъ Фуко докажетъ не только обращеніе земли, но опредѣлитъ еще положеніе меридіана и географическую широту мѣста.

«Вотъ причины, по которымъ совѣтъ нашего общества назначилъ г. Фуко медаль Коплея».

Фуко лично присутствовалъ въ засѣданіи общества, и президентъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Г. Фуко! спрямите медаль въ свидѣтельство нашего удивленія къ вашей «проницательности, вашему остроумію и дарованіямъ, доказаннымъ вашими замѣчательными опытнымъ изслѣдованіями».

Надобно прибавить, что медаль Коплея считается самою почетною наградою со стороны Лондонскаго королевскаго общества наукъ. Деви сравнивалъ ее съ древнимъ вѣнцомъ изъ оливковыхъ вѣтвей; ее всегда присуждали за самыя блестящія открытія. Въ первый разъ получилъ ее французъ, поселившійся въ Англіи, по уничтоженіи Нантскаго эдикта, Жанъ Теофиль Дезинюверъ; въ 1815 г. былъ награжденъ Давидъ Брюстеръ, въ 1821 — Эдуаръ Сабинъ, 1822 и 1847 — Джонъ Гершель, въ 1822 — Вилліамъ Бокландъ, въ 1825 — Франсуа Араго, въ 1826 — Джемсъ Саутъ, въ 1831 — Эйри, въ 1832 и 1838 — Мишель Фарадей; въ 1834 — Жанъ Плана, въ 1835 — Гаррисъ, въ 1837 — Антонъ Беккерель, въ 1840 — Юстусъ Либихъ, въ 1843 — Дюма, въ 1846 — Леверье, въ 1844 — Маттеучи, и пр. и пр.

Кромѣ медали Коплея, Лондонское королевское общество наукъ распоряжается еще медалью королевскою и двумя медалями Румфорда; послѣднія въ 1840 г. получилъ Біо за свои изслѣдованія вращательной поляризаціи, и въ 1842 г. Тальботъ за открытіе фотографіи. Въ томъ же засѣданіи, въ которомъ былъ награжденъ Фуко, королевскую медаль получилъ Джонъ Россель Гиндъ, за свои изслѣдованія и открытія въ астрономіи. Онъ открылъ не менѣе десяти планетъ и три кометы. Въ 1840 г. Гиндъ былъ сдѣланъ помощникомъ королевскаго астронома, а нынѣ управляетъ обсерваторіею Бишопа, члена королевскаго общества, устроившаго обсерваторію въ Реджентс-Паркѣ.

НОВЫЯ НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ЗОДІАКАЛЬНЫМЪ СВѢТОМЪ.

Въ астрономическомъ американскомъ журналѣ Гульда (Gould), отъ 25 мая 1855 г., напечатано замѣчаніе Джоржа Джонса, капитана на фрегатѣ «Миссисипи». Изъ наблюденій надъ зодіа-

кальнымъ свѣтомъ въ Китайскомъ и Японскомъ моряхъ, авторъ заключаетъ, что около земли, также какъ около солнца, существуетъ свѣтлое кольцо, простирающееся за орбиту луны. Это заключеніе основываетъ онъ на единовременномъ явленіи зодіакальнаго свѣта на востокъ и западъ, начиная съ 11 часовъ до часа. По случаю этого замѣчанія, въ мѣсячномъ отчетѣ Берлинской академіи наукъ находимъ слѣдующія наблюденія Гумбольдта:

«За 52 года до настоящаго времени, я плавалъ въ южномъ морѣ, въ продолженіи 40 дней, отъ Калао и Перу до порта Акапулько и Мексики; тамъ я видѣлъ то же самое явленіе, и теперь считаю любопытнымъ извлеченіе изъ моихъ путевыхъ записокъ объ этомъ явленіи, до сихъ поръ неудовлетворительно объясненномъ.

«Зодіакальный свѣтъ, замѣчательный перемѣнами въ силѣ своего свѣта во время тропическихъ ночей, должно отнести къ причинѣ, существующей внѣ нашей атмосферы. Я занимался имъ въ продолженіе пяти лѣтъ, находясь на высокихъ равнинахъ Кордильерскихъ, въ долинахъ Льяноса, на морѣ, по обѣимъ сторонамъ экватора. Мои наблюденія я сообщилъ Ольберу, какъ это можно видѣть въ изданной нашей перепискѣ.

«Въ моемъ корабельномъ журналѣ, отъ 14—19 марта 1803 г., между $12^{\circ} 9'$ и $15^{\circ} 20'$ сѣверной широты, и между западными долготами отъ Парижа въ $104^{\circ} 27'$ и $105^{\circ} 45'$, записаны слѣдующія наблюденія: Марта 17 и 18, зодіакальный свѣтъ, котораго основаніе казалось опирающимся на солнце, свѣтилъ такимъ блескомъ, котораго я никогда не видалъ предъ весеннимъ равноденствіемъ. Свѣтлая его пирамида оканчивалась между Альдебараномъ и Плеядами, на видимой высотѣ $39^{\circ} 51'$, считая отъ горизонта моря. Острее ея было наклонено къ сѣверу, а самая блестящая часть, которой положеніе было опредѣлено посредствомъ компаса, соответствовала вѣсь-нордъ-вѣсту. Но въ продолженіе моего плаванія, всего болѣе я удивлялся правильности, съ которою, въ теченіе пяти или шести ночей, сила зодіакальнаго свѣта увеличивалась и уменьшалась постепенно. Сперва, по захожденіи солнца, этотъ свѣтъ былъ едва замѣтенъ; потомъ, въ 7 час. 15 мин. онъ являлся во всей своей красотѣ. Онъ имѣлъ не бѣлый цвѣтъ, подобный млечному пути, но желто-красноватый, тотъ самый, который видѣлъ

Кассии въ Европѣ. Весьма малыя облака, случайно находившіяся на горизонтѣ, отражали цвѣтъ красно-голубой, какъ бы при второмъ заходѣнн солнца. Въ 10 часовъ зодіакальннй свѣтъ исчезъ почти мгновенно; въ полночь я видѣлъ только слабыя его слѣды, хотя небо оставалось совершенно прозрачнымъ. Въ то время, какъ мы видѣли весьма сильный зодіакальннй свѣтъ на западѣ, на востокѣ замѣчали свѣтлую бѣлизну, также пирамидальной формы. Явленіе поразительное, и болѣе потому, что оно увеличивало ясность неба. Даже матросы удивлялись двойному свѣту на востокѣ и западѣ. Я думаю, что эта свѣтлая бѣлизна была отраженіемъ истиннаго зодіакальнаго свѣта на западѣ, потому, что и бѣлизна и свѣтъ исчезли въ одно время. Отъ 14 до 19 марта явленіе повторялось въ одномъ видѣ.»

УЛУЧШЕНІЕ ВЪ ГАЛЬВАНОПЛАСТИКЪ.

Въ мастерскихъ Фойятье (Foyatier) произведены обширныя гальванопластическія работы; тамъ сдѣланы огромныя барельефы на пьедесталѣ статуи Жанны д'Аркъ. Но во всѣхъ гальванопластическихъ работахъ до сихъ поръ встрѣчалось непреодолимое затрудненіе: никто не умѣлъ однимъ разомъ дѣлать цѣлую статую, или вообще кругловыпуклыя предметы.

Чтобъ сдѣлать гальванопластически кругловыпуклый предметъ или статую небольшой величины, раздѣляютъ ее на двѣ половины; впадины каждой половины вылѣпливаютъ изъ алебастру, гутта-перчи, каучука, стеарина, и пр.; каждый слѣпокъ металлизируютъ пломбиномъ или другимъ порошкомъ, проводящимъ электричество; потомъ слѣпки обѣихъ половинокъ отдѣльно опускаютъ въ ванны сѣрнокислой мѣди, сообщенныя съ вольтовой батареей; послѣ того образовавшіеся осадки на слѣпкахъ и формахъ спаяваютъ. Несовершенство такого производства всегда заставляло желать открытія средства дѣлать гальванопластически кругловыпуклыя фигуры вдругъ, не раздѣляя ихъ на половины и потомъ не спаявая. Нынѣ удовлетворилъ этому желанію французскій гальванопластикъ Ленуаръ.

Въ 1855 г. 20 іюля, Ленуаръ взялъ привилегію на слѣдующій способъ. Въ мѣдной бляхѣ или въ кускѣ угля вырѣзываетъ

ютъ силуэтъ или уменьшенное грубое изображеніе предмета, предположеннаго для гальванопластики; силуэтъ вкладываютъ въ форму, соединяютъ его и металлизированную форму съ отрицательнымъ полюсомъ батареи, и все погружаютъ въ ванну изъ сѣрнокислой мѣди. Въ такомъ случаѣ силуэтъ управляетъ гальваническимъ токомъ, приводя его въ соприкосновеніе со всѣми точками проводящей поверхности формы, на которую и осаждается растворенная мѣдь. Этимъ способомъ Ленуаръ получалъ уже довольно удовлетворительные результаты; но онъ былъ только началомъ или пристуномъ къ рѣшенію задачи. Черезъ два мѣсяца, Ленуаръ получалъ дополненіе къ прежней своей привилегіи, въ которомъ описалъ уже способъ, доведенный до совершенства. вмѣсто силуэта на мѣди или на углѣ, вставляется въ форму каркасъ изъ проволоки мѣдной, платиновой, золотой, серебряной, или вообще изъ всякаго металла, имѣющаго способность проводить электричество. Части этого каркаса соотвѣтствуютъ впадинамъ и выпуклостямъ формы, и чрезъ то онъ превращается въ проводникъ тока, приходящаго по внутренней металлизированной поверхности формы и оставляющаго на ней растворенную мѣдь съ совершенной правильностью и однообразностью.

Изобрѣтеніе Ленуара входятъ нынѣ въ общее употребленіе. Въ Парижѣ, въ улицѣ Попенкуръ (Popincourt), Томъ агентъ серьезнаго и богатаго товарищества устроиваетъ обширныя мастерскія для гальванопластичнаго отлитія цѣльныхъ статуй, потому что способъ Ленуара дѣйствительно замѣняетъ огненную литейную.

НОВЫЙ БАРОМЕТРЪ.

Метеорологи давно желали имѣть барометръ съ такою жидкостью, которая бы поднималась и опускалась гораздо болѣе, нежели ртуть отъ одного и того же приращенія или уменьшенія давленія атмосферы. Для этого пробовали употреблять воду, очищенную отъ воздуха; но чрезвычайная длина трубки не позволила ввести его въ общее употребленіе; въ водяномъ барометрѣ трубка должна имѣть болѣе 32 футовъ, т. е. болѣе четырехъ сажень. Житель Фано (въ Папскихъ владѣніяхъ), Цезарь Больдрини недавно увѣдомилъ издателя «Космосъ» объ

устройствѣ барометра изъ двухъ жидкостей, который, кажется, разрѣшаетъ задачу.

Барометръ Больдрини состоитъ изъ цилиндрической стеклянной трубки, которая немного уже обыкновенныхъ барометрическихъ трубокъ; одинъ ея конецъ, какъ обыкновенно, запаянъ, а другой открытъ; но въ средней ея части выдувается пузырь или резервуаръ; такая трубка наполняется ртутью, также какъ и обыкновенные барометры, и открытымъ своимъ концемъ опускается въ сосудъ съ ртутью. Тогда ртуть почти достигаетъ до начала пузыря или резервуара. Послѣ этого сквозь ртуть пропускаютъ перегнанную воду, хорошо очищенную отъ воздуха; вода поднимается надъ ртутью по малости своего удѣльнаго вѣса и занимаетъ резервуаръ и почти половину верхней части трубки, хорошо отлитой, т. е. имѣющей по всей своей длинѣ одинъ и тотъ же діаметръ. Къ этому описанію надобно еще прибавить, что діаметръ резервуара долженъ быть въ шесть разъ болѣе діаметра трубки, а поверхность сосуда, въ который опускается трубка, — шире резервуара.

Съ перемѣной давленія атмосферы, вода будетъ то опускаться, то подниматься въ трубкѣ гораздо болѣе, нежели ртуть въ обыкновенномъ барометрѣ. Нетрудно составить алгебраическую формулу, показывающую, во сколько разъ увеличиваются перемѣны высоты воды противъ высоты ртути въ употребляемомъ барометрѣ. Въ эту формулу входятъ высота обыкновеннаго барометра, отношеніе діаметра резервуара къ діаметру трубки и отношеніе удѣльнаго вѣса воды къ удѣльному вѣсу ртути. Если отношеніе діаметра резервуара къ діаметру трубки = 10, то формула покажетъ, что показанія новаго барометра увеличиваются въ 12 разъ противъ барометра ртутнаго. Въмѣсто воды можно употребить винный спиртъ, и тогда показанія новаго барометра увеличатся почти въ пятнадцать разъ противъ барометра ртутнаго.

ВОДЯНАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

Въ «*Rivista scientifica de Turin*», въ прошедшемъ мѣсяцѣ напечатано извѣстіе о любопытномъ опытѣ надъ водяной желѣз-

ной дорогой. «Въ прошедшую субботу мы были свидѣтелями опыта надъ локомотивомъ, приводимымъ въ движеніе не парами, но водою. Опытъ производился въ присутствіи многихъ зрителей, между которыми находился англійскій посланникъ, г. Гудсонъ. Локомотивъ изобрѣтенъ Паскалемъ Долоренци и отличается необыкновенной простотой своего устройства, потому что его машина есть не иное что, какъ обыкновенное гидравлическое колесо, приводимое въ движеніе потокомъ воды, содержащимся въ каналѣ, по берегамъ котораго, кромѣ обыкновенныхъ желѣзныхъ рельсовъ, расположены двѣ дороги съ зубцами для колесъ, поддерживающихъ гидравлическое колесо. Сзади машины прикрѣпляются вагоны. Опытъ оказался удачнымъ и замѣчательнымъ тѣмъ, что машина движется по наклоненіямъ въ 5, 10 и 25 процентовъ на 100. Если примемъ среднее число 10, то найдемъ, что машина можетъ ходить по дорогѣ чрезъ Мон-Сенисъ.

«Несмотря на успѣхъ опытовъ, употребленіе новаго изобрѣтенія можетъ встрѣтить многія препятствія, между которыми главнымъ должно считать недостатокъ воды во многихъ мѣстахъ; также прорытіе каналовъ стоитъ большихъ издержекъ, которыя едва ли могутъ быть вознаграждены дешевой устройствомъ самой машины. Другое сомнѣніе состоитъ въ томъ, что машина не можетъ сообщать надлежащей скорости тяжелымъ поѣздамъ; но въ такомъ случаѣ поѣзды можно раздѣлять на части, приводимыя въ движеніе различными машинами».

III. ИСКУССТВА, МУЗЫКА, ТЕАТРЫ.

КАРЛИНА БРОЧЧИ.

Во времена имперіи любимый женщинами инструментъ была арфа; теперь замѣнило ее фортепiano, и нѣтъ нужды пересчитывать имена тѣхъ пианистовъ, которые стоятъ въ первомъ ряду современныхъ талантовъ.

При дворѣ Медичи не знали не только фортепiano, но даже и клавесина, и женщины-виртуозки должны были довольствоваться струнными инструментами.—Гитара и цитра представ-

ляютъ исполнителю весьма мало средствъ выказать свое дарованіе; скрипка и віолончель требуютъ долгихъ занятій и силы, которою не всегда обладаютъ женщины; вотъ почему и въ наше время виртуозокъ на этихъ инструментахъ истрѣчается мало, а прежде встрѣчалось еще меньше.

Несмотря, однакожь, на это, итальянскіе историки говорятъ, что будто-бы при дворѣ Франческо Медичи появилась молодая дѣвушка необыкновенной красоты, игравшая на скрипкѣ, съ такимъ огромнымъ талантомъ, что игры ея нельзя было слышать безъ восторга.—Къ несчастію, звѣзда эта блеснула только на вѣсколько мгновеній при дворѣ герцога Тосканскаго и скрылась.—Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ историкъ того времени, Антоніо Вольтерра:

Однажды, вечеромъ, въ эпоху старинной любви Франческо Медичи къ прекрасной Біанкѣ Капелло, герцогъ и его фаворитка, сидя на одномъ изъ балконовъ дворца, наслаждались свѣжестью благоуханнаго воздуха, какъ вдругъ услышали такую превосходную игру на скрипкѣ, что Біанка Капелло пожелала непременно и тотчасъ же видѣть артиста, обладающаго такимъ необыкновеннымъ талантомъ.—Бросились отыскивать музыканта, и каково же было удивленіе герцога и Біанки, когда къ нимъ привели молодаго человѣка, почти ребенка, чудной красоты.

Не смущаясь нисколько присутствіемъ герцога, по давнему приказанію прекрасный ребенокъ сталъ исполнять піесы величайшей трудности съ такою отчетливою вѣрностію, съ такою смѣлостію и искусствомъ, что герцогъ, хорошій знатокъ въ музыкѣ, тутъ же предложилъ молодому артисту остаться, на самыхъ лучшихъ условіяхъ, при дворѣ.

Но Біанка Капелло, неперестававшая смотрѣть съ величайшимъ вниманіемъ на красоту виртуоза, вдругъ подошла къ нему, отстегнула аграфъ его камзола и, обнаживъ грудь артиста, вскрикнула:

— О! я очень хорошо узнала, что вы женщина!

Смущенная артистка, въ скромномъ замѣшательствѣ, съ лицемъ раскраснѣвшимся отъ стыда и досады, хотѣла бѣжать. Но стража герцога, видя ее бѣгущею по галлереймъ дворца и принимая, вѣроятно, за какого-нибудь злоумышленника, оставила и привела къ Франческо.

Тогда молодая дѣвушка не могла уже долѣе скрывать своего пола и рассказала исторію своихъ приключеній.

Карлина Броччи, такъ называлась артистка, принадлежала къ весьма порядочному семейству Флоренціи и бѣжала изъ дома родительскаго съ однимъ музыкантомъ, котораго полюбила и за котораго родители не хотѣли выдать ея замужъ.

Карлина сдѣлалась ученицею своего возлюбленнаго, и они, скрываясь въ продолженіи 2 лѣтъ, были очень счастливы. Но учитель заболѣлъ, и болѣзнь его, продолжавшаяся нѣсколько мѣсяцевъ, довела ихъ до самой крайней нищеты, — тогда, ученица рѣшилась на отчаянное средство: одѣлась въ мужской костюмъ и, зная любовь герцога къ музыкѣ и его великодушіе къ артистамъ, приходила по ночамъ играть на скрипкѣ подъ окнами дворца.

Черезъ нѣсколько дней, Карлина Броччи играла при дворѣ герцога предъ многочисленною и блестящею публикою и привела рѣшительно всѣхъ въ восторгъ.

Герцогъ, говорятъ, не остался равнодушнымъ къ такому таланту и красотѣ; онъ вкорѣ почувствовалъ къ Карлинѣ Броччи сильную страсть; но прелестная артистка отвергла всѣ предложенія герцога и вскорѣ скрылась, такъ что агенты герцога, несмотря на приказанія и обѣщанія щедрой награды отъ своего повелителя, не могли отыскать и слѣдовъ ея.

Другое преданіе говоритъ, что Карлина Броччи не осталась равнодушною къ страсти герцога и кончила жизнь отъ яда ревнивой соперницы Біанки Капелло....

Такова таинственная исторія женщины, талантъ которой, должно полагать, былъ весьма замѣчательнъ, если надѣлалъ шуму въ Италіи въ такое время, когда тамъ было много пре-восходныхъ артистовъ.

IV.

ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ НѢМЕЦКАГО ТУРИСТА ПО АМЕРИКАНСКОМУ МАТЕРИКУ ИЗЪ САНЪ-ЛУИ ВЪ КАЛИФОРНІЮ.

Въ нашей устарѣвшей Европѣ, гдѣ на каждомъ шагу мы видимъ деревни и города, башни, дороги, поля, прибитыя обь-

явленія , произведенія трудовъ , полицію и порядокъ , — мы не можемъ никакъ представить себѣ американскихъ пустынь съ безграничными ихъ лугами , огромными горами , мореподобными озерами , съ ужасами природы и звѣрствомъ людей . А между тѣмъ эти обширныя степи ждуть еще многихъ переселенцевъ , обѣщая имъ богатства и счастье въ награду за обработку этой почвы . Какъ безмѣрны эти лѣса , какъ плодородна эта почва , по которой уже нѣсколько тысячъ лѣтъ изрѣдка развѣ пробѣжитъ одинъ буйволъ ! Какъ великолѣпны эти озера и рѣки , въ сравненіи съ которыми наши европейскія воды похожи на пруды и ручейки ! Немудрено , что эта безграничная романтическая природа привлекаетъ къ себѣ воображеніе жителей древняго міра . Тысячи переселенцевъ стремятся сюда , потому что трудолюбію ихъ представляется самое обширное поле . Недавно присоединилась къ этому демонская жажда обогащенія , страсть цивилизаціи къ золоту , страсть къ переселенію въ Калифорнію . Правда , что калифорнская лихорадка была ослаблена австралійскою , но первая сохранила свое владычество , въ словіи безпокойныхъ спекуляторовъ , у которыхъ много было жара и усердія , но мало терпѣнія и трудолюбія , чтобъ небольшими средствами подвигаться впередъ . Многіе обнищали тутъ , погибли , но это не удерживало другихъ отъ поисковъ драгоценной , блестящей пыли , хотя самыя счастливыя находки рѣдко кончались постояннымъ благосостояніемъ и усиленіемъ образованности . Они не понимали , что только продолжительнымъ трудомъ и постоянствомъ пріобрѣтенное богатство приноситъ пользу и бываетъ прочно . Все лучшее народонаселеніе Калифорніи состоитъ изъ такихъ людей , которые отъ роду не видали золота .

Сколько лѣтъ сряду переселялись сюда десятки , сотни тысячъ людей , презирая голодъ , жажду , нищету , борась со звѣрями и людьми , забывая объ оставленныхъ и плачущихъ родныхъ и погибая на чужбинѣ , гдѣ другъ друга даже и хоронить не хотятъ .

Въ 1849 г. познакомился я въ Новомъ Орлеанѣ съ однимъ благовоспитаннымъ (по-здѣшнему) молодымъ американцемъ , на длинныхъ ногахъ , съ большими бакенбардами , огромною шляпою . Его звали Томъ Эдвардсонъ ; у него было довольно денегъ . Тогда въ Новомъ Орлеанѣ собирались все переселенцы въ Калифорнію . Тутъ были осторожные янки , пламенные вен-

тукійцы, остроумные виргинцы, смѣющіеся ирландцы, гордые шотландцы, холодные англичане, льноволосые нѣмцы, болтливые французы, загорѣлые испанцы и мексиканцы, красивые креолы и пр. Въ числѣ этихъ переселенцевъ нашелъ Эдвардсонъ трехъ друзей, съ которыми онъ въ молодости ходилъ въ школу, потомъ игралъ въ карты. Разговоры съ ними заставляли его скоро рѣшиться отираться всѣмъ въ Калифорнію.

Домашнія и денежныя дѣла вскорѣ были приведены въ порядокъ и онъ звалъ меня съ собою, чтобъ быть его управляющимъ, учителемъ, экономомъ, а въ-случаѣ нужды и поваромъ. Послѣнее я принялъ въ шутку и отвѣчалъ, что въ университетѣ занимался и этимъ, потому что былъ часто оставляемъ безъ обѣда. Однако же шутка превратилась въ серьезное дѣло и мы въ одно прекрасное утро сѣли на пароходъ *La belle creole*, который долженъ былъ насъ отвезти въ Санъ-Луи. Онъ былъ сорока футовъ длины, но очень тѣсенъ для толпы, жаждущей калифорнскаго золота, которая безъ церемоніи цѣлый день курила, плевала, пѣла и шумѣла. Нѣсколько женщинъ и дѣтей, бывшихъ на пароходѣ, никогда не показывались на палубѣ.

Мы плыли по огромной рѣкѣ, которой берега едва видѣлись въ отдаленіи. Она была теперь въ самомъ большомъ разливѣ отъ весенняго таянія снѣговъ, такъ что иногда въ подзорную трубу едва были видны берега, а дома по разливу казались поглощенными волнами. Здѣсь люди привыкли и приготовлены заранѣе ежегодно проводить весною нѣсколько времени въ водѣ. Мы видѣли, какъ коровы и быки выглядывали изъ слуховыхъ оконъ подъ крышею, а семейства жили въ открытыхъ лодкахъ, прикрѣпленныхъ къ домамъ.

Первые дни путешествія все шло хорошо и весело. Но вскорѣ оказался между нами одинъ невидимый пассажиръ, который, опустошивъ Новый Орлеанъ, началъ покрывать и нашу палубу трупами. Это была грозная холера. Молодые люди, полные жизни и здоровья, погибали въ нѣсколько часовъ; ихъ безжалостно бросали въ воду, а пароходъ спокойно шелъ впередъ. При столѣ прислуживалъ намъ мальчикъ негръ Джонъ Джимъ. Онъ былъ любимецъ Эдвардсона, который однажды за завтракомъ спросилъ, не вида его, куда онъ дѣвался. «Его сейчасъ бросили за бортъ,» былъ отвѣтъ. «Онъ умеръ отъ холеры.» Всеъ вздохнула и замолчала.

Были четы молодыхъ супруговъ , которыхъ холера навсегда разлучала или соединяла. То жену, то мужа, то новорожденного ребенка выбрасывали за бортъ. Изъ цѣлаго англійскаго семейства сильный здоровый отецъ, веселая мать, краснощекий сынъ и цвѣтущая дочь исчезли, всѣ въ одинъ день, кромѣ послѣдней. Нельзя вообразить себѣ всеобщаго состраданія объ ней; она уже не плакала, но все молчала. Только въ ту минуту, какъ трупы хотѣли бросить въ воду, испустила она такой пронзительный вопль горести, что привела всѣхъ въ ужасъ. По всеобщей просьбѣ капитанъ остановился, перевезъ мертвыхъ на берегъ и предалъ ихъ тамъ землѣ. Всѣ пассажиры присутствовали при этомъ погребеніи, подъ огромнымъ деревомъ. Потомъ составили между собою подписку въ пользу бѣдной сироты, которую и передали одному прибрежному жителю, чтобы отпратить ее въ Бостонъ къ оставшемуся у ней тамъ брату.

Шесть дней еще продолжались подобныя явленія до пріѣзда нашего въ Санъ-Луя, но тамъ мы все опять забыли. Здѣсь всѣ переселенцы запасаются оружіемъ, одеждою, съѣтными и боевыми припасами, палатками, мулами, телѣгами, и мы составили особенный отрядъ, избравъ Эдвардсона нашимъ министромъ финансовъ, которому каждый членъ экспедиціи внесъ 300 долларовъ; я же былъ возведенъ въ званіе перваго мундкоха.

Наша компанія въ изобиліи запаслась мукою, саломъ, кофе, виски, телѣгами, мулами, одеялами, охотничьими сапогами, бѣльемъ, шубами, палатками, веревками, оружіемъ, припасами. Всѣ мы были люди довольно зажиточные и надѣялись жить роскошно. Вислѣдствіи увидимъ мы, какъ во всемъ этомъ обрчались.

Послѣ десятидневныхъ приготовленій отправились мы опять водою по рѣкѣ Миссури, въ городъ Индепадансъ, отстоящій на 100 нѣмецкихъ миль. Это путешествіе совершенно было въ чребре дни, и только разъ остановились мы въ красивой нѣмецкой деревнѣ, которой названіе я забылъ, но которой вино буду долго помнить съ удовольствіемъ. Жители этой деревни всѣ были винодѣлы и рассказывали намъ, что виноградный ихъ сборъ годъ отъ-году увеличивается, а вино улучшается.

Любопытно вспомнить, какъ нѣмцы разбѣяны по всей землѣ. Я объѣхалъ весь шаръ земной и въ отдаленнѣйшихъ городахъ, въ самыхъ дикихъ пустыняхъ, находилъ вездѣ нѣмца.

Я однажды даже встрѣтилъ толпу дѣвкихъ индѣйцевъ, съ которыми заговоривъ по-нѣмецки, получилъ тотчасъ же отвѣтъ на этомъ языкѣ. И тамъ былъ мой соотечественникъ, сдѣлавшійся предводителемъ небольшого племени.

Мы вышли на берегъ въ Вайнисити. Это до сихъ поръ только родъ полудеревни въ нѣсколько хижинъ, но въ Америкѣ если кто построитъ домъ, то къ нему тотчасъ же присоединятся другіе и вскорѣ явится городъ въ 50—100,000 жителей. Вся наша компанія помѣстилась въ единственномъ домѣ; въ Вайнисити и намъ отвели комнату подъ крышею, которая не была еще достроена, такъ, что мы могли всю ночь наслаждаться картиною звѣзднаго неба. На слѣдующее утро отправились мы пѣшкомъ въ Инденандансъ, отстоящій отсюда на нѣмецкую милю. Эта прежняя колонія Мормоновъ, которые, будучи изгнаны жителями Иллиной изъ Науву, поселились здѣсь; но, на основаніи свободы и независимости американцевъ прогнаны были и отсюда. Въ Инденандансѣ было большое скопище переселенцевъ всѣхъ цвѣтовъ, описаніемъ которыхъ я однакоже не буду заниматься.

1 мая двинулась наша компанія окончательно въ Калифорнію сухимъ путемъ. Поѣздъ нашъ былъ чрезвычайно живописенъ. На каждомъ надѣта была красная блуза съ большимъ кожанымъ поясомъ, за которымъ заткнутъ былъ большой савійскій ножъ и ривольверъ, а черезъ плечо перекинута ружье. Широкополая шляпа съ перьями и высокіе толстые сапоги доказывали, что мы отказались уже отъ всѣхъ модныхъ нарядовъ.

Прибавьте къ этому тяжелыя телѣги, запряженныя шестью мулами и окруженныя всадниками (потому, что каждый сверхъ того купилъ себѣ лошадь) и веселую стаю собакъ, и вы поймете, что эта живописная картина украшена была безпредѣльными надеждами на будущее.

Я не буду описывать первыхъ нашихъ походовъ по ровнымъ и воздѣланнымъ равнинамъ; мы страдали отъ холеры, отъ непокорности нашихъ муловъ, и первые 12 дней, которые мы употребили на проѣздъ 120 англ. миль до рѣки Канзаса и до колоніи полубразованныхъ Потаватимійскихъ индѣйцевъ, прошли вообще довольно пріятнымъ образомъ. Мы встрѣчали разныя группы переселенцевъ и сообщали другъ-другу свѣдѣнія и совѣты. Только на-счетъ нашего управляющаго компаніею возникли нѣ-

которыя несогласія, потому что докторъ Ньюсонъ утверждалъ, будтобы онъ лучше умѣетъ управлять. Часть общества отдѣлилась къ нему, а другая осталась у Эдвардсона. Впрочемъ, мы разстались дружески и итальянцы продолжали путь отдѣльной.

Канзаская индѣйская колонія, до которой мы достигли на 12-й день, представляетъ любопытную средину между дикостью и образованностью. До 500 жителей переведены были сюда американскимъ правительствомъ изъ Иллиной и до-сихъ-поръ получаютъ ежегодныя венсии въ видѣ небольшихъ подарковъ и хорошей платы за шкуры звѣрей. Часть этихъ потаватимійцевъ одѣвается на европейскій манеръ, говоритъ по-англійски и живетъ подъ крышею, занимается ремеслами и обороняетъ противъ дикихъ Паунійскихъ индѣйцевъ колонію бѣлыхъ на Миссури. Другая часть живетъ еще въ дикомъ состояніи въ сосѣдственныхъ лѣсахъ и не можетъ рѣшиться жить въ хижинахъ и одѣваться въ платья.

Хижины Потаватими расположены въ правильномъ порядкѣ и картинномъ положеніи. Тутъ воинъ темнокраснаго цвѣта, въ панталонахъ изъ англійскаго сукна, въ кожаной охотничьей рубашкѣ, подтянутой поясомъ и съ блестящимъ шлемомъ изъ шкуры ракуно, гордо выступаетъ по деревнѣ. Тамъ тихо и хитро прокрадывается дикая, легкая, мѣдноцвѣтная грація съ червыми глазами, робко, окутанная съ головою въ большую яркоцвѣтную шаль и смѣло смотритъ однакоже въ глаза бѣлому иноземцу.

Выѣхавъ для прогулки изъ деревни, встрѣтили мы двухъ дикарей, летящихъ къ намъ верхомъ, безъ сѣделъ. Они проревѣли намъ: «*виски, виски!* дайте намъ огненной воды». Но они не знали, что здѣсь цивилизація еще не совершилась, и что полиція воспретила продажу спиртныхъ напитковъ для спасенія какъ бѣлыхъ, такъ и индѣйцевъ потаватими.

Здѣсь мы простились съ послѣдними слѣдами законовъ и образованности. Когда мы переѣхали на тотъ берегъ Канзаса на плоту стараго и веселаго индѣйца, передъ нами лежала великая и удивительная пустыня. Первая ночь, проведенная въ ней, была великолѣпна. Близъ рѣки собрались многія партіи переселенцевъ, разбили палатки и развели огни, одѣвавшіе горизонтъ красноватою пеленою, а рѣку золотистыми полосами.

На слѣдующее утро пустились мы первые въ путь, оставивъ за собою прочія компаніи. Мы шли по слѣдамъ 20,000 переселен-

цевъ, которые въ этомъ самомъ году шли по той же дорогѣ. Но слѣды эти состояли только изъ остатковъ ночныхъ лагерей, нѣсколькихъ ямъ и костей, обглоданныхъ хищными птицами. Людей не встрѣчали мы нигдѣ. Только изрѣдка пробѣгалъ мимо насъ робкій индѣецъ, едва отвѣчая на нашъ дружественный привѣтъ. Мы избирали наши ночлеги по-возможности близъ воды и лѣсу, для насъ и нашихъ животныхъ.

Такимъ образомъ шли мы нѣсколько недѣль въ совершенной безопасности, останавливаясь только при переправахъ черезъ притоки Миссури и по воскреснымъ днямъ, которые мы проводили всегда набожно и въ спокойствіи.

Большая пустыня, которую намъ надобно было переходить, чрезвычайно бѣдна царствомъ животныхъ; часто по нѣскольку сотъ миль не встрѣчали мы ни одного звѣря. Только изрѣдка являлся орелъ, высматривавшій себѣ какое-нибудь животное. Небольшія стада красивыхъ антилопъ показывались иногда издали, но посмотрѣвъ на насъ съ вытянутыми шеями нѣсколько минутъ, быстро исчезали, такъ что мы едва успѣвали подстрѣлить одну изъ нихъ. Больше всего были около насъ голодные волки. Такимъ образомъ, претерпѣвая часто голодъ, жажду, усталость и скуку, вдругъ мы однажды ввечеру достигли удивительнаго оазиса, черезъ который пробѣгалъ самый чистый источникъ, вливаясь въ естественный водоемъ. Около него возвышались группы сочныхъ деревьевъ и зеленыхъ кустовъ, навѣвая на насъ благоуханіе своими цвѣтами. Всѣ мы, и люди и скоты, какъ бы возродились. Собака Эвардсона прыгала то въ источникъ, то на насъ, то валялась въ высокой душистой травѣ. Нѣсколько выстрѣловъ доставили намъ дичь, которую я вскорѣ и изжарилъ.

Когда мы послѣ обѣда хотѣли познакомиться съ границами нашего оазиса, то впервые ознакомились съ собачьимъ городомъ пустыни, гдѣ эти животныя основываются по сотнямъ тысячъ, а перекочевываютъ по нѣскольку милліоновъ. Конечно, это не такіе города, какіе мы привыкли себѣ воображать, да и самыя собаки сдѣлались уже не похожими на европейскія. Онѣ никогда не лаятъ и составляютъ какую-то средину между кроликомъ и бѣлкой. Жилища ихъ состоятъ изъ норъ, вырытыхъ въ землѣ. Скрываясь за кустами, мы въ подзорную трубу наблюдали за ними, какъ онѣ бѣгали по улицамъ, будучи охраняемы неподвижно стоящими часовыми на обоихъ кон-

цахъ города. При малѣйшемъ шумѣ эти часовые испускали пронзительный визгъ, при которомъ всѣ прочія бросались въ свои норы. По возстановленіи спокойствія и порядка выходили онѣ изъ своихъ землянокъ, собирались въ группы и какъ-бы разсуждали объ общественныхъ дѣлахъ, потомъ поспѣшно отпразвлялись по разнымъ направленіямъ. Эдвардсонъ подстрѣлялъ нѣсколькихъ изъ нихъ и онѣ оказались очень вкусною пищею. Слѣдственно эти милліоны животныхъ, можетъ быть, предназначены служить пищею будущимъ переселенцамъ, идущимъ черезъ эти огромныя пустыни. Когда мы оставили прекрасный оазисъ, то вступили въ обширную область дикихъ паунисовъ, гдѣ уже надобно было много имѣть осторожности и рѣшимости. Мы знали слишкомъ много ужасныхъ исторій о ихъ жестокости и дикости. Ихъ нельзя задобрить ни ласкою, ни подарками, ни обязать договорами. Они ведутъ вѣчную войну съ одной стороны съ племенемъ Сіуковъ, а съ другой съ Потаватими и вообще со всѣми, кто имъ встрѣтится, слѣдственно и со всѣми караванами переселенцевъ. Хотя они вообще нападаютъ болѣе для пріобрѣтенія скота (называя эти нападенія *стампедесъ*), но при этомъ жизнь нападающихъ на нихъ и отражающихъ ихъ всегда въ опасности. Съ дикимъ, ужаснымъ крикомъ и воемъ подскакиваютъ они обыкновенно ночью къ лагерю, гдѣ привязаны животныя, которыя, испугавшись, разрываютъ свои путы и разбѣгаются съ паническимъ страхомъ, будучи преслѣдуемы воплями дикихъ и топотомъ лошадей. Ихъ догоняютъ, уже утомленныхъ, у назначеннаго мѣста, гдѣ предводитель раздастъ добычу. Противу этихъ нападеній ставили мы постоянно часовыхъ. Больше всѣхъ намъ въ этомъ помогала Эдвардсонова собака Дашъ. Однажды, на второй недѣлѣ ночь была тихая, жаркая, душная. Дашъ слѣзая печаленъ, обнюхивалъ носомъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ, и лаемъ разбудилъ всю компанію. Мы поняли, что собака предчувствуетъ приближеніе пустынной бури; тотчасъ же опрокинули наши палатки и телѣги, привязавъ ихъ веревками къ шестамъ. Едва мы успѣли скрыться подъ опрокинутыя телѣги, какъ блеснула яркая молнія съ потрясающимъ громомъ; полились потоки дождя, ужаснѣйшій вѣтеръ привелъ въ движеніе наши тѣлеги, веревки и шесты. Къ ужасамъ бури присоединилась и новая божья; намъ показалось, что дикіе паунисы соединили свой

крикъ съ воемъ бури. Мы слышали, что они охотно пользуются этими бурями для произведенія своихъ стампедесовъ. Но черезъ часъ буря утихла и опасенія прекратились; показались звѣзды и мы радостно приветствовали ихъ. Но многие изъ нашихъ животныхъ разбѣжались и мы на другой день съ большимъ трудомъ должны были ихъ отыскивать. Вообще въ послѣдніе переходы по пустынѣ часто голодали и они и мы.

Впрочемъ, до форта Керни не случилось съ нами ничего замѣчательнаго. Фортъ этотъ лежитъ близъ рѣки Небраски, на равнинѣ, покрытой лугами и мелкимъ кустарникомъ, такъ что съ высоты укрѣпленій можно видѣть всю равнину до края горизонта; потому американскій комендантъ заранѣе можетъ видѣть въ подзорную трубу всѣ движенія индѣйцевъ и предупредить ихъ нападенія. Эта прозорливость убѣдила дикахъ въ мнѣніи, что бѣлые колдуны.

Окрестности форта представляли намъ послѣ тридцатидневныхъ мученій самое утѣшительное зрѣлище. Болѣе 20,000 переселенцевъ размѣстились около форта въ палаткахъ съ своими мулами и багажемъ, представляя образцовое соединеніе дикой жизни и образованности. Начальникъ хозяйственной части въ фортѣ озаботился запастись всѣми возможными средствами къ прохлажденію и роскоши. Это доставило ему большія выгоды и популярность, а намъ удовольствіе за дорогія деньги. Чтобъ дополнить романтическую картину нашего положенія, Паунисы произвели стампедесъ на одинъ изъ лагерей, ближайшихъ къ полю и угнали нѣсколько быковъ, лошадей и муловъ. Весь лагерь рѣшился отмстить за это нападеніе. Десять драгунъ изъ форта и скватеръ, знавшій языкъ и нравы паунисовъ, взяты были проводниками отряда волонтеровъ, двинувшихся, чтобъ отнять добычу у дикахъ и отмстить имъ. Уваженіе къ бѣлому правительству такъ сильно, что фортъ Керни со ста солдатами безопасенъ противу тысячи дикарей и самоувѣренность бѣлыхъ такъ велика, что никто изъ насъ не помышлялъ о пораженіи. Скватеръ вскорѣ открылъ слѣды разбойниковъ и послѣдовалъ за ними какъ лягавая собака. Черезъ три часа подвелъ онъ насъ къ густымъ кустарникамъ и сказалъ: «вотъ гдѣ они скрылись». Онъ былъ кентукіецъ, геркулесовскаго роста. Вмѣстѣ съ Эдвардсономъ подошли они къ лѣсу, сдѣлавъ знакъ мира. Два воина, самой ужасной наружности, выступили впередъ и повто-

рля тотъ же знакъ. Скватеръ сообщилъ имъ жалобы бѣлыхъ, но они упорно отрицались не только отъ всякаго участія, но и говорили, что не слыхали о подобномъ нападеніи, хотя скватеръ и доказывалъ имъ, что нашелъ ихъ слѣды и по нимъ дошелъ до ихъ лѣсу. Между тѣмъ сказалъ онъ по англійски намъ, что положеніе дикарей обнаруживаетъ цѣль сопротивляться. Тогда скрывавшійся дотолъ драгунскій офицеръ, внезапно выступилъ и громко закричалъ: «паунисы лгутъ, если они тотчасъ же не выдадутъ похищеннаго и не вознаградятъ убытки, то великій дѣдъ вашъ, президентъ Соединенныхъ Штатовъ жестоко отмститъ вамъ за это.» Эти слова и блестящій мундиръ произвели удивительное дѣйствіе. Противу дикарей нѣтъ ничего лучше какъ мундиръ и сильная власть. Такъ какъ при стампелесѣ не было пролито крови, то офицеръ объявилъ, что онъ согласенъ на все прощеніе, если они возвратятъ похищенное, заплатятъ за убитый уже скотъ и дадутъ пока трехъ заложниковъ. Они тотчасъ же на это согласились и мы съ аманатами отправились обратно, ожидая исполненія мирныхъ условій. Дѣйствительно, вскорѣ явилось стадо скота съ нѣсколькими паунисами, подъ управленіемъ одного предводителя. Недоставало трехъ быковъ, за которыхъ офицеръ потребовалъ 60 долларовъ. Они жалобно подвигали къ небу голыя свои руки, въ знакъ, что у нихъ нѣтъ денегъ. Офицеру этого было недостаточно. Онъ велѣлъ тотчасъ же привести на эту цѣну разныхъ шкуръ, которыя черезъ нѣсколько времени и были доставлены. Послѣ сего офицеръ сказалъ паунису рѣчь, предостерегалъ его именемъ великаго дѣда и дружески разстался съ предводителемъ, который притворялся, будто-бы раскаивается въ сдѣланномъ поступкѣ. Это доказываетъ, что добромъ, великодушіемъ, справедливостью можно сдѣлать больше нежели силою. Дикіе уважаютъ, но не боятся великаго дѣда; иначе нѣсколько племенъ дикарей не могли бы быть въ повиновеніи у ста человекъ. Сила потребовала бы 10,000 человекъ и никогда бы этого не достигла.

Отъ форта Керни двинулись мы съ новыми силами къ рѣкѣ Небраски и часто проходили мимо могилъ, на которыхъ были красныя деревянныя кресты и надписи, что такой-то умеръ отъ холеры, а другой отъ иной болѣзни. Къ сожалѣнію, могилы были не глубоко выкопаны и волки, разрывъ ихъ, разтерзали трупы, которыхъ кости валялись теперь по пу-

стынѣ. Однажды, во время ночного воя этихъ животныхъ, раздался другой неслышанный, потрясающій ревъ, отъ котораго побѣднѣли и самые храбрые. Это былъ не ревъ животного, не вопли индѣйцевъ, но что-то ужасное, которое не прежде отгадали, какъ ревушее привидѣніе явилось между нашими палатками; мы послѣ узнали, что это былъ образованный отецъ семейства изъ Шотландіи, который потерялъ все свое семейство отъ холеры, сошелъ съ ума и бѣгаетъ по пустынѣ, испуская дикіе вопли. Мы ему дали нѣсколько кусковъ пищи, онъ съ прежнимъ ревомъ проглотилъ ихъ и исчезъ опять въ пустынѣ. Пауписы уважаютъ его и защищаютъ, почитая умоизступленіе проявленіемъ великаго надзвѣзднаго отца.

Мы 200 миль продолжали путь по Небраски, которая еще течетъ къ востоку на 400 миль и впадаетъ въ Миссури. Занятія наши состояли въ охотѣ за буфало, за антилопами, за гремучими змѣями; каждый въ рѣкѣ мылъ свое бѣлье; мулы день-ото-дня становились слабѣе, надобно имъ было помогать. Всего труднѣе была переправа черезъ Небраски, которая тутъ шарнивою въ мѣлю и хотя мелка, но чрезвычайно стремительна. Потомъ каждый холмъ представлялъ намъ величайшее утомленіе и все это продолжалось еще двѣ недѣли.

Вскорѣ вступили мы въ прекрасную кедровую долину, гдѣ веселая рѣчка перепрыгивала черезъ нѣсколько скалъ. Мы тутъ переночевали и вступили потомъ въ несчаную, горячую, сухую пустыню, которая окончательно истощила наши силы, такъ что мы, вида уже передъ собой фортъ Ларани, должны были ночевать еще разъ на пескѣ, чтобъ произвести переправу черезъ рѣку.

Фортъ Ларани, бывшій прежде фортомъ Джомомъ, принадлежавшій одной американской компаніи, торгующей мѣхами, составляетъ нынѣ центральный административный пунктъ въ области сіукскихъ индѣйцевъ, куда разныя племена разъ въ годъ собираются къ большому парламенту, для полученія своихъ пенсіоновъ и для возобновленія мирныхъ договоровъ, Сіуксы самые красивые индѣйцы какихъ я видѣлъ. Они большаго атлетическаго роста, хорошо сложены, и женщины ихъ очень милы. Сіуксы очень дружны съ бѣлыми, но и ревнивы къ своей независимости и народнымъ обычаямъ. У нихъ нѣтъ спиртныхъ напитковъ и не бываетъ холеры. Они

очень учтивы, даже манерны и искусны въ торговыхъ дѣлахъ, вымѣнивая свои звѣринныя шкуры на порохъ, свинецъ и немногіе потребности цивилизаціи.

Послѣ трехдневнаго отдыха и возобновленія нашихъ припасовъ, мы въ половинѣ іюля выступили изъ форта Ларани. Сорокъ пять дней употребили мы на проѣздъ 677 миль отъ Индепанданса. Теперь намъ предстояла самая большая и самая жаркая половина; первые десять дней путешествіе наше было однообразно и трудно, но оно дѣлалось ужаснѣе чѣмъ мы ближе подвигались къ Гокимонтеймсу. Тутъ мы на каждомъ шагу проваливались въ глубокой песокъ; причѣмъ одинъ мулъ сломилъ себѣ даже шею; теперь мы должны были перебираться черезъ невысокія скалы, съ которыхъ камни сваливались при каждомъ шагу; принуждены были силою рукъ и на веревкахъ спускать ваши экипажи съ отвѣсныхъ почти скалъ; должны были докапываться въ песокъ до воды и не находили лѣсу въ пустынѣ. Наконецъ достигли мы до береговъ Зеленой рѣки и нѣсколько отдохнули. По ту сторону этой прекрасной и быстрой рѣки вступили мы въ область индѣйцевъ, прозванныхъ *Змѣиными*. Они живутъ въ деревняхъ, которыхъ хижины состоятъ изъ шестовъ, обитутыхъ шкурами, и несмотря на свою ликость, всегда дружны съ бѣлыми, потому что дружественнымъ мѣновымъ торгомъ приобретаютъ больше, нежели разбоемъ.

Эвардсонъ купилъ у одной старой женщины нѣсколько дубнѣвъ, нѣсколько цѣлыхъ мокасиновыхъ шкуръ и кромѣ того столько высушеннаго мяса, сколько онъ могъ снести, и за все это далъ одну старую свою рубаху. Вообще она требовала только, чтобъ никто другой не помогалъ ему нести покупки.

Вблизи одной изъ этихъ деревень посѣтили мы оригинальную ярмарку ежегоднаго собранія скватеровъ и торговцевъ. Послѣдніе продаютъ боевые припасы, одежду, волку и пр., а берутъ драгоценныя шкуры, приобретаемыя скватерами въ теченіи года. Сюда же приходятъ и индѣйцы, продающіе часто пару шкуръ за рюмку водки, если имъ не дадутъ больше ничего. Эти скватеры представляютъ самую живописную картину. Это были образованные люди, которые самовольно обратились въ ликое, самобытное состояніе и которые цѣлый годъ не видятъ живыхъ людей, переносятъ жары и морозы, спятъ ежедневно на открытомъ воздухѣ и ведутъ вѣчную

войну съ звѣрями. Они такъ любятъ эту дикую жизнь, что рѣдко кто изъ нихъ возвращается къ цивилизаціи, если онъ даже и обогатился, и хотя бы могъ еще больше обогатиться.

Конечно, никто не удивится, что я между скватерами нашелъ двухъ нѣмцевъ. Это было очень естественно, и я убѣжденъ, что нѣмцы болѣе и болѣе должны распространяться по всей землѣ. У одного изъ нихъ была жена и дѣти, была палатка и кухонная посуда; жена была изъ индѣйскаго племени, а полу-грязные дѣти ихъ подавали большія надежды. У другихъ скватеровъ были тоже жены, потому-что индѣйскія дѣвушки очень охотно слѣдуютъ за ними, пока тѣ приведутъ ихъ назадъ съ дѣтьми въ свое племя и выберутъ тамъ себѣ другую жену. Ярмарка была весьма любопытна. Была даже палатка для публичной игры и пьянства, и это уже слишкомъ напоминало высокую цивилизацію. Нѣкоторые скватеры выходили оттуда проигравши и проливши всѣ свои головные труды. Вся эта картина, несмотря на ея занимательность, скоро мнѣ наскучила. Я ушелъ, будучи недоволенъ превращеніемъ образованныхъ людей въ дикое состояніе, потому-что это уже не существенная дикость, неимѣющая нисколько простодушія и природы золотого вѣка.

Отъ Зеленой рѣки группы переселенцевъ раздѣляются по разнымъ направленіямъ, какое каждому кажется лучшимъ. Иные идутъ черезъ фортъ Галь, землю Мормоновъ, и Соляную пустыню, другіе направляются южнѣе или сѣвернѣе. Мы избрали самый пустынный путь, проложенный первымъ путникомъ по странамъ Китъ-Карсона. По этому пути, переправляясь однажды черезъ рѣку, потеряли мы одного изъ товарищей и мула его, оттого что мулъ былъ увлеченъ быстринною рѣки, а упрямый хозяинъ, держась за хвостъ его, все хотѣлъ спасти и себя и мула, но оба погибли.

Достигнувъ южнаго горнаго прохода въ 5—6,000 фут. надъ поверхностью моря, мы столь же жестоко страдали отъ стужи, какъ внизу отъ жара. Три цѣлыя недѣли тащились мы по этимъ холоднымъ, болотистымъ и скалистымъ высотамъ; наконецъ всѣ наши мулы пали и мы должны были оставить свои телѣги со всѣмъ ихъ имуществомъ.

Теперь мы видѣли, что глупо поступили, взявъ съ собою тяжело нагруженные телѣги; теперь только начались настоящія затрудненія нашего путешествія. Оставивъ всѣ излишнія вещи и взваливъ на свои плечи самое нужное, мы медленно и печаль-

но потянулись, въ лохмотьяхъ и изорванныхъ сапогахъ, черезъ область атлетическаго племени Утахскихъ индѣйцевъ, которые съ насмѣшливымъ презрѣніемъ смотрѣли на насъ. Только одинъ нашъ высокій кентукіецъ заслуживалъ уваженіе. Въ этомъ положеніи достигли мы до большаго теплаго озера, составлявшагося изъ сѣрныхъ и соляныхъ ключей; потомъ добрали до большой долины прѣсной рѣки, и пошли далѣе черезъ самую пустыню, оазисы, мѣса и холмы, о которыхъ я теперь сохраняю уже весьма слабое воспомнаніе, потому-что трудности пути истощили всѣ мои силы, и я ни о чемъ не думалъ, ни о чемъ не вспоминалъ. Были и отдѣльныя, даже трагическія приключенія съ другими переселенцами, но и тѣхъ я не могу припомнить, потому-что ко всему былъ равнодушенъ.

Я не рассказываю также о томъ, какъ мы спаслись отъ *Индѣйцевъ землекопателей* (они питаются выкапываемыми ими кореньями и, посредствомъ огня съ высоты горъ, даютъ другъ другу знать, что появились бѣлые). Не помню также, какъ мы прошли черезъ высокія скалы въ 10,000 футовъ и мимо высокихъ сосенъ въ 200 футовъ, покрытыхъ съѣдомыми плодами. Изъ всей этой смѣси событій и страданій помню я только о смерти нашей собаки Дашъ. Давно уже онъ хромалъ, наколовъ себѣ ногу, и самыя искусныя перевязки не помогали ему. Я видѣлъ на пути много умиравшихъ людей,—это были ужасныя сцены, но я ихъ забылъ. Нашъ бѣдный Дашъ легъ въ пустынѣ и смотрѣлъ въ слѣдъ за нами, какъ мы уходили; онъ испускалъ самый жалобный визгъ. Эта картина навсегда осталась въ моей памяти. Эдвардсонъ быстро побѣжалъ отъ него и заткнулъ себѣ уши.

Послѣ двухнедѣльнаго голода и мучительнаго пути по холоднымъ скаламъ, мы опять нашли траву, воду и дичь, спускаясь съ этихъ горъ. Нужно ли говорить, что мы какъ дикари насытились ею. Три дня спустя увидѣли мы на равнинѣ палатку съ вывѣскою *Whisky for sail* (продажная водка). Эдвардсонъ вынулъ свою послѣднюю пятидолларовую монету. Каждый изъ насъ выпилъ по одному стакану; Эдвардсону данъ былъ долларъ сдачи. Но, нѣсколько освѣжаясь и ободраясь увѣреніемъ хозяина палатки, что намъ до Сакраменто остается только 40 миль, мы не жалѣли о заплаченныхъ ему деньгахъ. Вскорѣ встрѣтили мы слѣды приближающейся цивилизаціи, около границъ которой индѣйцы занимались воровствомъ, разбоемъ и убій-

ствомъ. На одномъ почлегѣ, въ свѣтлую осеннюю ночь, сидѣлъ я часовымъ у журчащаго ручья и, утомясь отъ всѣхъ страданій, болѣе дремалъ нежели караулилъ; вдругъ приблизилась ко мнѣ огромная мрачная фигура, противъ которой я спѣшилъ выставить дуло своего ружья, но которая хладнокровно слѣлавъ тоже, не переставала приближаться ко мнѣ. Оказалось, что это былъ весьма порядочный человекъ и такъ—называемой *проспекторъ*, который сообщаетъ всѣмъ вновь прибывающимъ лучшіе совѣты и ближайшій путь въ Вевертоунъ. Исполнивъ свою обязанность, онъ дружески пожалъ намъ всѣмъ руку и скрылся.

Вскорѣ достигли мы до *города палатокъ*, въ которомъ деревянныя хижинны представляютъ великолѣпныя палаты богачей. Для насъ, измученныхъ и утомленныхъ, это была великолѣпная картина, явившаяся намъ при закатѣ солнца, освѣняемая колоссальными дубами и соснами, сквозь которые виднѣлись дикіе стволы. Этотъ городъ былъ наполненъ тогда золотопромышленниками, грязными, боролатыми, дикими и мрачными. Умирая съ-голоду и не имѣя ни пенса денегъ, мы не могли заняться золотыми приисками. Намъ указали на большой деревянный домъ, какъ на единственный трактиръ въ городѣ. Мы дотацились туда и открыли хозяину свое положеніе, т. е., что мы не имѣли денегъ. Тотъ повернулся къ намъ спиною и сказалъ, что это не его дѣло. Элвардсонъ предлагалъ ему вексель на Санъ-Франсиско, но тотъ осмѣялъ насъ. Онъ предложилъ ему наконецъ одного изъ двухъ оставшихся у насъ муловъ и тотъ тотчасъ же купилъ его за 40 долларовъ. Тотчасъ же наѣлись мы хорошаго бифтексу, пшеничныхъ пироговъ, и напились отличнаго кофе. За что четверомъ (насъ оставалось только четверо) заплатили мы 20 долларовъ. Сверхъ-того на два доллара купили заплѣсневѣлыхъ сухарей для нашего послѣдняго мула. Мѣрка муки стоила тогда 200 долларовъ. Счастливы были тѣ, у которыхъ было довольно муки, чтобъ продовать ее за эту цѣну.

Мы-было вздумали ночевать на соломѣ, подъ крышею, но съ насъ запросили по три доллара съ человекъ, а потому мы и устроили свой почлегъ подъ кровомъ звѣзднаго неба.

Вотъ цѣль нашихъ четырехмѣсячныхъ мученій и страданій! — Мы еще надѣялись на Сакраментъ, куда достигли на

другой день въ полночь, чему мы были очень рады потому-что днемъ стыдно бы было намъ показаться въ своемъ нарядѣ.

На другое утро (проспавши опять на улицѣ) мы не видѣли другаго средства къ существованію, какъ продать нашего послѣдняго оголодалаго осла. Мы нашли домъ, гдѣ съ аукціона продавали все, съ чѣмъ каждый являлся. Эдвардсонъ представилъ свой товаръ и одинъ изъ насъ принужденъ былъ даже сѣсть на осла, чтобъ показать его способности. Публика захохотала, но начала торговаться и нашъ скелетъ проданъ былъ за 120 долларовъ; за вычетомъ въ пользу акціонера десяти процентовъ, раздѣлили мы деньги поровну между-собою и каждый рѣшился отдѣльно искать счастья. Я одинъ остался съ Эдвардсономъ, котораго дружбою всегда гордился, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились на парусномъ суднѣ въ Санъ-Франсиско, заплативъ за это по 25 долларовъ съ человѣка.

Пять дней тащили насъ по рѣкѣ Сакраменто до устья ея и мы сдѣлали 140 миль. У этого устья стоитъ Венеція, полнѣ котораго изливается въ море рѣка Санъ-Франсиско и бухта ея. Эта бухта обширна и окаймлена лѣсистыми холмами съ узкимъ въѣздомъ между крутыхъ скалъ. Посрединѣ гавани возвышается козлиный островъ, куда охотники ѣздятъ для стрѣляннн этихъ дикихъ животныхъ. Болѣе 300 судовъ ожидали своей очереди, чтобъ подъѣхать къ пристани. Съ-тѣхъ-поръ все, конечно, измѣнилось. Здѣсь уже такая мода, что безпрестанно все сгорить отъ пожара и потомъ опять выстроится. Наконецъ страданія наши здѣсь кончились. Кредитивъ Эдвардсона на одинъ купеческій домъ превратилъ насъ вскорѣ въ джентельменовъ и образованныхъ людей. Мы здѣсь вскорѣ начали торговлю, но климатъ Санъ-Франсиско рѣшительно нездоровъ и никто почти постоянно здѣсь не живетъ. Каждый пріѣзжаетъ на короткое время и убѣждаетъ какъ можно скорѣе, оставляя эту станцію безпрестаннаго прилива и отлива переселенцевъ. Эдвардсонъ вскорѣ захворалъ лихорадкою и я его отвезъ къ одному родственнику въ Напу. По дорогѣ видѣли мы сотни тысячъ коровъ, лошадей и муловъ, принадлежавшихъ одному испанскому креолу и миллионеру дону Николасу. Кромѣ того каждый ранча (фермеръ) имѣетъ свое дикое стадо, изъ котораго добываютъ звѣрей посредствомъ *лазо*. Набросивъ петлю эту на

дикую лошадь, съдокъ бросается на нее и гонить по желаемому направленію, пока утомленная лошадь упадетъ; послѣ чего съдокъ отыскиваетъ себѣ другую.

Городъ Напа страдаетъ отъ наводненія осенью; въ прочія времена года онъ здоровъ и сухъ. Здѣсь всего до 200 жителей и здѣсь мы впервые опять увидѣли женщинъ. Родственникъ Эдвардсона былъ тутъ почетнымъ гражданиномъ и мы были всегда въ хорошемъ кругу. Однажды, когда мы возвращались изъ гостей, застало насъ нечаянно наводненіе; мы скрылись отъ него на ближайшую высоту; до которой достигли уже по колѣна въ водѣ. Этотъ случай усилилъ лихорадку Эдвардсона и его надо было вести въ Санъ-Франциско къ врачу; но мы тотчасъ же уѣхали оттуда въ Панаму и переѣхавъ пожелѣзной дорогѣ на ту сторону перешейка, пересѣли на пароходъ, привезшій насъ въ Нью-Йоркъ.

ЖИЗНЬ ВО ВНУТРЕННЕЙ АФРИКѢ.

Сѣвероамериканскій поэтъ и туристъ Баярдъ Тейлоръ издалъ любопытное путешествіе свое по Внутренней Африкѣ. Онъ не совершилъ новыхъ открытій и не имѣетъ на это претензій; онъ хочетъ только, чтобы его записки служили подтвержденіемъ или поясненіемъ для другихъ путешественниковъ. Онъ говоритъ, что цѣлю его странствованій было не обогащеніе науки, а личное удовольствіе и желаніе возстановить свои упавшія тѣлесныя силы послѣ истощенія отъ умышленныхъ работъ. Посвятивъ много страницъ описанію древностей Египта, Нубіи и Эіопіи, авторъ болѣе однакоже развиваетъ картины нынѣшней жизни въ Африкѣ. «Я всегда полагалъ, говоритъ онъ въ предисловіи, что умному читателю гораздо любопытнѣе имѣть свѣдѣніе о нынѣшнемъ живомъ арабѣ, нежели о мертвомъ Фараонѣ. Этотъ способъ возрѣнія автора указываетъ уже, что его путешествіе составляетъ болѣе картину современныхъ впечатлѣній и воспоминаній, нежели ученыя изысканія по части археологій и палеонтологій. Мы сообщимъ читателямъ нѣсколько этихъ картинъ изъ поѣздки его отъ Каира до Картума и Судана. Отдаленнѣйшій пунктъ, до котораго доходилъ нашъ туристъ, былъ островъ Альба въ бѣломъ Нилѣ, обитаемый неграми племени Шиллукъ.

«Я вышел на берегъ съ Ахмедомъ (арабъ, взятый туристомъ въ проводники и переводчики) и вмѣстѣ съ райсомъ (хозяйномъ лодки) подошелъ къ группѣ сидѣвшихъ на берегу людей. Шейхъ острова, высокій, красивый мужчина, всталъ и привѣтствовалъ меня, прикоснувшись правою ладонью къ моей рукѣ, а потомъ къ своему лбу. Подобнымъ-же образомъ привѣтствовали меня визирь и другіе воины. Мы разговаривали на арабско-султанскомъ діалектѣ. Переговоры были чисто дипломатическіе. Шейхъ передавалъ свои фразы визирю, который обращался къ Ахмеду, а Ахмедъ уже ко мнѣ. Прочіе зрители наблюдали глубочайшее молчаніе. Первый вопросъ, мнѣ слѣданный, былъ слѣдующій: «скажите намъ, чего вы хотите? Если вы пришли съ нами драться, то мы готовы». Я увѣрялъ его въ дружескихъ моихъ намѣреніяхъ, но онъ былъ недоволенъ этимъ увѣреніемъ и три или четыре раза повторилъ свой вопросъ.

«Отчего у васъ нѣтъ оружія, спросилъ шейхъ, развѣ вы насъ не бовтесъ?» Я ему отвѣчалъ, что хочу показать этимъ свои миролюбивыя чувства, но онъ понималъ это въ видѣ взмѣны или боязни. Я принесъ съ собою немного табаку и подаль его шейху, но онъ холодно принялъ его и сказалъ: «гдѣ же платье, которое ты мнѣ привезъ?»

Я сходилъ на лодку и принесъ одну свою рубашу, шелковый носовой платокъ, два ожерелья, бусы и серьги для женъ шейха и визиря. Ахмедъ присоединилъ къ этому рубашу, турецкія шаравары, и еще нѣсколько табаку. Шейхъ принялъ подарокъ съ видимымъ удовольствіемъ. Но онъ былъ въ большомъ затрудненіи, какъ ему это все надѣть. Ахмедъ и райсъ отвязали передникъ, покрывавшій его поясъ, всунули ноги его въ шаравары, а руки въ рукава рубашки и повязали ему шелковый платокъ на голову. Визирь обнаружилъ неудовольствіе, что ему не дали подарка, но, получивъ рубашу, остался доволенъ.

Визиря звали Адшебъ-силу (онъ правится своему господину) и это имя весьма прилично было для него. Имя же шейха Абдуннуръ (невольникъ свѣта) едва ли было такъ прилично, потому что онъ былъ чрезвычайно черенъ. Слуга мой Али былъ съ ними гораздо нецеремоннѣе, и когда шейхъ, казалось, не повималъ, къ какому употребленію служатъ серьги и ожерелье, онъ щипнулъ его за ухо и потренилъ рукою вокругъ шеи, чтобъ показать, гдѣ надобно носить эти вещи. Между-тѣмъ

у насъ сварили кофе и принесли его, но жители такъ приучены были къ обманамъ и безчеловѣчно турокъ, что не хотѣли пить его, опасаясь, что въ немъ есть ядъ. Чтобъ успокоить ихъ, я сперва выпилъ самъ чашку; послѣ чего уже они рѣшились принять угощеніе.

Въ это время случайно проходило стадо барановъ и шейхъ велѣлъ поймать одного изъ нихъ и отнести на нашу лодку для моего стола. Вскорѣ всѣ люди начали требовать табаку, одежды и другихъ вещей. Ахмедъ и райсъ начали уже очень беспокоиться ихъ настойчивостью. Чтобъ отвлечь эти требованія, я объявилъ шейху, что намѣренъ посѣтить его деревню и приказалъ Ахмеду и райсу слѣдовать за собою пѣшкомъ. Собралось болѣе пятьдесятъ шиллуковъ. Всѣ были вооружены, одни копьями съ желѣзными остріями, другіе дубинами. Всѣ они были рослые, красивые мужчины въ шесть футовъ и болѣе. Не многіе носили передники, прочіе были совершенно нагіе. Впрочемъ, ни фигура ихъ, ни движенія не имѣли никакой пріятности. Они похожи были на смѣсь Двинейскихъ негровъ и сѣверо-американскихъ индѣйцевъ; скулы ихъ выдавались, лобъ былъ узокъ, форма головы остроконечна, носъ приплюснутый и толстыя губы. Зубы ихъ были такъ длинны, что подходили на клыки. Глаза у нихъ были маленькіе и красные. У нихъ не было бородъ, волоса же на лбу и на вискахъ были выбриты, или выдерганы, и только на самой макушкѣ былъ круглый вѣнокъ изъ курчавой шерсти. У ихъ лицъ и головы были вымазаны красною сажею, придававшюю черному ихъ тѣлу отвратительный видъ.

Наконецъ достигли мы до деревни, въ которой было до ста соломенныхъ хижинъ круглой формы съ кеглеобразными крышами. Онѣ были такъ построены, что образовали внутреннюю площадь, которая была сверхъ того обсажена терновыми кустами и служила для ночнаго загона стада. У входа въ деревню мы остановились и шейхъ приказалъ принести диваны для сидѣнья. Вся деревня высыпала къ намъ навстрѣчу. Женщины были совершенно нагія, только около лядвей были овечьи шкуры; по виду ихъ вовсе нельзя было отличить отъ мужчинъ. Ростомъ всѣ онѣ были тоже до шести футовъ. Райсъ сказалъ мнѣ, что шиллуки продаютъ своихъ женъ и дѣтей и что мальчика или дѣвочку можно купить дешево.

Пока я торговалъ у визиря его трубку и запястья изъ слоновой кости, шейхъ увидѣлъ мою цѣпочку у часовъ и схватился за нее. Я вынулъ часы и подставилъ ихъ ему подъ ухо. Онъ съ изумленіемъ отскочилъ и смѣшнымъ образомъ разсказалъ своимъ людямъ о стукѣ часовъ, прищелкивая языкомъ. Всѣ столпились, чтобъ послушать и разсудили, что въ часахъ заключена или птичка или какое-либо насѣкомое. Я раскрылъ часы и показалъ имъ движеніе пружины, тогда удивленіе ихъ превратилось въ боязнь и они глядя на часы не смѣли уже до нихъ дотрогиваться. Я воспользовался этимъ впечатлѣніемъ, чтобъ проститься съ ними и уйти прежде, нежели жажда ихъ къ подаркамъ не превратилась въ насильство.

Райсъ разсказывалъ мнѣ, что шиллуки спускаются въ лодкахъ до области Гассаніехъ, затопля суда свои въ теченіи дня, и сами скрываясь по лѣсамъ. Ночью же прокрадываются они въ деревни и похищаютъ все, что имъ попадетъ. Всегдашнее занятіе ихъ дома состоятъ въ охотѣ на слоновъ, гинопотамовъ и другихъ дикихъ звѣрей. Вся страна къ востоку отъ рѣки наполнена стадами слоновъ и жирафовъ. Тейлоръ разсказываетъ любопытныя извѣстія о путешествіи Кноблехера, который по бѣлому Нилу доходилъ далѣе всѣхъ, а именно до четвертаго градуса сѣверной широты. Въ тридцати миляхъ южнѣе отъ острова Альбы оба берега рѣки на протяженіи 200 миль такъ плотно застроены жилищами, что кажутся однимъ городомъ. Эта часть бѣлаго Нила составляетъ самую населенную часть Африки и, вѣрно, кромѣ Китая нигдѣ нѣтъ такъ много жителей на одномъ пространствѣ. Племя Шиллуковъ считается въ два или три мильона человекъ. Далѣе за островами Шиллуковъ рѣка такъ расширяется, что береговъ ея невидано. На меляхъ растутъ много лотуса, берега покрыты лѣсами тамариндовъ и только подъ десятымъ градусомъ широты въ области Дьякасъ впервые появляется красивая пальма дхелебъ. Въ сей странѣ протекаетъ рѣка Собадъ, которой источникъ находится въ области Галласъ, къ югу отъ королевства Шоа и впадаетъ въ бѣлый Нилъ. Начиная съ девятаго градуса до шестаго, лѣса исчезаютъ и болотистые нездоровые берега покрыты только высокою травой. Подъ 9° 16', находится Баръэль-газалъ (озеро газелей), около котораго живетъ Руерское

племя негровъ, которое находится на нисшей степени человѣческаго образованія. Подъ 8° начинается область Киковъ, у которыхъ большія стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота. Далѣе на югъ по бѣлому Нилу живутъ Эллиабы, Зиры и Барисы. Въ странѣ послѣднихъ подъ 5° находится гранитная гора Неркави. Вся область отъ этой горы до Джедель—дефанфанга подъ 10°35', составляетъ огромную пустыню, наполненную болотами. Выше острова Цанкера подъ 4°19', находится первый источникъ бѣлаго Нила и сюда-то доходить Кноблехеръ, проникнувъ потомъ далѣе до деревни Логвекъ. На гранитной горѣ подъ 4°10', можно обозрѣть всю страну Бари. Къ югозападу берега теряются въ горахъ Рего и Тиги. Здѣсь много желѣзныхъ рудъ, обрабатываемыхъ туземцами. Къ югу на горизонтѣ возвышается большая цѣпь горъ Логавайя, за которыми живетъ племя Бейли, владѣющее отъ Абиссиніи до Мозамбика. О томъ, что далѣе къ югу, не знаютъ и сами жители Логвека. Бари поклоняются деревьямъ, какъ Динкасы и Шилуки. Они храбры, веселы, добродушны и обходительны. Ростомъ они еще выше Шилуковъ и многіе изъ нихъ въ семь футовъ.

Очень любопытны свѣдѣнія путешественника объ арабахъ Гассаніега (послѣднее племя покорствуетъ Суданскому пащѣ). Если дѣвушка выхолить замужъ, то отецъ ея опредѣляетъ, что четвертая часть жизни будетъ ей принадлежать и мужъ обязанъ соблюдать это условіе. Черезъ каждые три дни въ четвертый она свободна отъ своихъ супружескихъ обѣтовъ и можетъ на весь день принять въ свою палатку кого хочетъ; мужъ же долженъ удалиться. Впрочемъ сами арабы столь гостеприимны, что каждому прохожему отводятъ на четыре дни палатку и даютъ ему на это время жену.

Въ Картумѣ Тейлоръ познакомился у австрійскаго консула Рейна съ великимъ шейхомъ Шухорійскаго племени Абу Синомъ, съ королемъ Даръ-ель-Магаса, Мелекъ-Доабомъ, и съ шейхомъ Абабдеховъ Али; чрезъ того же консула былъ онъ введенъ и къ знаменитой султаншѣ Ситтехъ-Назрабъ, дочери послѣдняго Сеннаарскаго короля, управляющей нынѣ въ этой области.

«Ситтехъ-Назрабъ (разсказываетъ Тейлоръ) сидѣла на коврѣ въ аудіенцъ-залѣ, когда мы пришли. Подлѣ нея сидѣлъ мужъ ея и зять Абделькадеръ (Каркунскій шейхъ). Она подала кон-

сулу руку, кивнула мнѣ головой и мы сѣли противъ нея на полу. Ей было около 45 лѣтъ, но она казалась моложе и слѣды прежней красоты ея еще не исчезли. Цвѣтъ кожи ея былъ блѣднобронзовый, глаза большіе и выразительные. Вся одежда ея состояла изъ покрывала бѣлой тонкой кисеи, которымъ она то обвертывалась, то опускала его до талия. Тяжелое золотое кольцо висѣло продѣтое въ носу ея и на каждомъ пальцѣ было тоже по кольцу. Я сказалъ ей, что въ моемъ отечествѣ много говорятъ о ней и что главный предметъ моего посѣщенія въ Суданъ было желаніе видѣть ее. Она приняла этотъ преувеличенный комплиментъ съ такимъ видомъ, какъ-будто вполне была увѣрена въ истинѣ. Около нея стояло множество невольницъ, отъ 12 до 14 лѣтъ изъ первыхъ злѣшнихъ красавицъ, которыхъ вся одежда, какъ обыкновенно, состояла изъ одного передника. Намъ подали трубки и кофе, потомъ пригласили къ обѣду, состоявшему изъ барана, начиненнаго рисомъ, который надобно было есть пальцами. Вмѣсто приправы или другихъ блюдъ были лукъ и рѣпка. Передъ каждымъ стояла невольница съ полотенцемъ и большимъ стаканомъ омбиль-беля.

О Суданской области говоритъ авторъ слѣдующее:

Кромѣ оазисовъ въ Ливійской пустынѣ, плодородіе всей южной Нубіи поддерживается однимъ Ниломъ. Отъ 19° широты начинаются пустыни, которыя послѣ тропическихъ лѣтнихъ дождей представляютъ самую богатую растительность. Обширныя равнины на востокъ отъ Картума до Адбары и къ западу черезъ Кордофанъ все покрыты густою травою. Арабы, обитающіе тутъ, занимаются однимъ скотоводствомъ и обладаютъ огромными стадами верблюдовъ и барановъ. Синій Нилъ принимаетъ въ себя между Картумомъ и Сеннаалъ большія рѣки Рагаты и Дендеръ, а въ бѣлый Нилъ впадаетъ Сабадъ и Баръ-эль-Газаль.

Въ 1820—1825 Ибрагимъ паша, Измаилъ паша и Мухаммедъ Бей покорили неизвѣстныя дотолѣ страны Берберовъ до Фацогльскихъ горъ подъ 11°, а также югозападные границы Абиссиніи, округа Шукорисовъ, Бишарисовъ, Галленіасовъ и Галендасовъ, простирающіеся до Краснаго моря. Жители всѣхъ этихъ странъ гораздо необразованнѣе египетскихъ фел-

лаковъ. Впрочемъ католическіе миссіонеры доказали, что и эти люди способны къ умственному образованію.

Пространство земель около Адбара и далѣ почти неизвѣстно. Рейцъ проходилъ лѣтомъ 1851 г. съ Мусабеемъ эту область во время военной его экспедиціи. Къ востоку отъ Шенди до Адбара простираются безирерывныя равнины, покрытыя травой; по ту же сторону Адбара начинаются горы, въ двѣ, три тысячи футовъ вышины, съ вершинами изъ голаго порфира. Долины между горами изобильнѣе растительностію нежели долины Нила. Въ нѣкихъ долинахъ живутъ даже нѣкоторыя племена. У города Софій, на абиссинской границѣ, луговыя равнины замѣняются тропическими непроходимыми лѣсами. Кроме львовъ и леопардовъ здѣсь множество слоновъ и носороговъ. Прежнее королевство Сеннааръ занимаетъ полосу между обоими Нилами до 12° широты. На востокъ граничитъ оно Абиссинією, на югъ горами двѣихъ племенъ Галласовъ. Городъ Сеннааръ теперь весьма незначителенъ. Владычество Египта простирается еще на десять дней пути до Фадогля, гдѣ обиліе золотаго песку заставило учредить военный постъ.

Сеннааръ, Кордофанъ, Донгола и область Берберовъ управляются бейми, назначаемыми Судавскимъ пашею. Разстояніе отъ Сеннаара до Гондара (столица Атгаре значительнѣйшаго Абиссинскаго королевства) составляетъ 14 дней пути. Кордофанъ лежитъ къ западу отъ бѣлаго Нила и кромѣ южныхъ частей, обитаемыхъ выходцами изъ Донголы, состоитъ изъ равнинъ, покрытыхъ травой и терномъ. Протяженіе его отъ востока къ западу составляетъ 200 миль. Столица Обеидъ полъ 13° 12' сѣверной широты составляетъ просто кучу глиняныхъ хижинъ, обитаемыхъ племенемъ Кабашей и Гоговицевъ, которые далеко ниже по образованности нежели Арабы восточнаго Нила. Караваны, идущіе чрезъ Обеидъ въ Донголу, подвержены нападеніямъ Дарфурскихъ негровъ.

Дарфурское королевство, представляющее въ будущемъ обширное поле для изслѣдованій, уже 50 лѣтъ не позволяетъ ни одному иностранцу вступать въ свои владѣнія. Дружественныя сношенія, возникшія въ послѣднее время между египетскими правительствами Сулана и Верфура, заставляютъ надѣяться, что это запрещеніе скоро будетъ снято.

Къ западу отъ Дарфура до Бурну простирается обширное королевство Вадай, которое также мало было посѣщаемо европейцами. Къ югозападу отъ Дарфура подъ 6° сѣвер. широты лежитъ область Фертитъ. Почти все пространство къ югу отъ 10° шир., между бѣлымъ Ниломъ и Гвинеискимъ заливомъ совершенно еще неизвѣстно, но представляетъ обширное поле для изысканій.

У. АНЕКДОТЫ, МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.

АРАБСКІЙ ФАБУЛИСТЪ.

Арабская литература не заимствовала ничего отъ древней, но имѣетъ свои собственные замѣчательныя произведенія во многихъ родахъ и между прочимъ очень любопытныя басни. Найдена недавно старая арабская рукопись, безъ имени автора, въ которой есть басни приближающіяся къ баснямъ Лафонтена. Для примѣра представимъ одну подъ названіемъ *Всадникъ и Змѣя*, которая напоминаетъ басню Лафонтена *Человѣкъ и Жаба*. Разумѣется, что авторъ, вѣроятно бедуинъ, беретъ предметы и сравненія вокругъ себя въ пустынѣ, и если въ немъ меньше остроты и ироніи, чѣмъ у французскаго писателя, то такой же здравый смыслъ и богатое воображеніе. Вотъ переводъ этой басни:

Всадникъ и змѣя.

Арабскій всадникъ, вооруженный копьемъ, ѣхалъ по пустынѣ. Къ вечеру онъ увидѣлъ вдали большой огонь и прищпорилъ лошадь, чтобъ подѣхать къ нему. Тамъ онъ увидѣлъ посреди костра змѣю, которая напрасно усиливалась выбраться изъ огня. Увидя всадника, пресмыкающееся сказало: спаси меня и я тебя награжу. — Хорошо, только ты не сдѣлай мнѣ вреда. — Будь покоенъ.

При этихъ словахъ человекъ привязалъ къ концу копы мѣшокъ и протянулъ его змѣѣ, которая тотчасъ бросилась въ него, избавившись отъ вѣрной смерти, но потомъ скользнула по копы до руки благодѣтеля, на шею его и обвила ее какъ-бы готовясь задушить его. — Что ты дѣлаешь? вскричалъ человекъ. — Хочу убить тебя. — За что же? я спасъ тебя. — За то, что здѣсь всегда платятъ за добро зломъ.

Всадникъ сказалъ дрожа: погоди, посоветуемся съ тремя посредниками. — Согласна, отвѣчала змѣя, и они пошли по песку, до пальмы, которая качалась вблизи. Ядовитое животное все было обвито вокругъ шеи человека, который сказалъ дереву: я спасъ жизнь змѣѣ и она хочетъ удавить меня, потому что неблагодарность свойственна природѣ и за добро должно платить зломъ. Справедливо ли это? — Справедливо, отвѣчала пальма, махнувъ вершиною. Послушай мою судьбу: каждый день путники скрываются въ моей тѣни отъ жгучихъ лучей солнца. Если они голодны, то ѣдятъ мои плоды; если имъ холодно, то рубятъ мои вѣтви и часто стволъ мой служить имъ для постройки жилищъ.

Тогда змѣя крѣпче обвилась вокругъ шеи своей жертвы, всадникъ направился къ ручью и разказалъ ему свое дѣло. — Змѣя права! прожурчалъ ручей. Вотъ какъ поступаютъ со мною: я даю всегда чистую, свѣжую воду; караваны останавливаются возлѣ меня, и когда люди и животные напьются, то всѣ бросаютъ въ меня разную нечистоту.

Слыша это подтвержденіе, змѣя еще больше стиснула свои кольца, такъ что чуть не удавила всадника. Оставалось выслушать еще посредника. Въ это время бѣжала лисица. — Стой, закричали ей, и слушай. — Не подходите ко мнѣ близко, отвѣчало хитрое животное, я услышу издали. Человекъ опять разказалъ свое происшествіе и потребовалъ совѣта. — Какой странный случай! сказала лисица. Право, я не вѣрю этому, какъ могла змѣя спастись въ мѣшокъ привязанномъ къ копы. Покажите, какъ это было. — Человекъ показалъ свое копы, а змѣя, освободивъ шею своей жертвы, сползла въ мѣшокъ и хотѣла опять подняться, но лисица закричала: «закрой мѣшокъ, твой палачъ въ твоей власти, дѣлай съ нимъ что хочешь!» Неблагодарное животное было убито.

ОРАСЪ ГРИЛИ, РЕДАКТОРЪ ГАЗЕТЫ «НЬЮ-ІОРКСКАЯ КАФЕДРА».

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ шелъ по Ньюіоркскимъ улицамъ молодой бѣлоголовій, неловкій малый, съ узелкомъ, повѣшеннымъ на посохѣ, который держалъ на плечѣ. Одежда его не много разнилась съ первобытнымъ костюмомъ прародителей. Выраженіе лица составляло смѣсь удивленія и безстрашія. Вообще онъ похожъ былъ на ученика, бѣжавшаго отъ мастера и съ отчаянія ищущаго другаго ремесла. Онъ только-что прибылъ изъ лѣсовъ Новой Англіи въ Ньюіоркъ, чтобъ испытать здѣсь свое счастье, имѣя всего десять долларовъ въ карманѣ. Незнакомый со свѣтомъ и общественными обычаями, онъ для жителей столицы казался выходцемъ изъ луны. Его неловкія движенія казались такъ смѣшны, что люди останавливались на улицѣ, глядя на него. Внимательно всматриваясь въ лице его, можно однакоже было замѣтить особенный умъ въ чертахъ его. Высокій лобъ, казалось, созданъ былъ для глубокихъ мыслей, и всѣ могли убѣдиться, что онъ принадлежитъ не къ сословію черни.

Это былъ Орасъ Грили, вступающій на свое поприще, которое возвело его до степени значительной извѣстности. Поприще это весьма поучительно; оно бросаетъ яркій свѣтъ на духъ нашего времени и на характеръ американскихъ узаконеній. Въ другой сторонѣ, или въ другую эпоху поприще это было бы невозможно. Онъ родился именно въ ту эпоху, когда дарованіе его было нужно обществу. Изъ простаго ремесленника сдѣлался онъ лицомъ, управлявшимъ общественнымъ мнѣніемъ. Сильнымъ и скатымъ своимъ слономъ заставлялъ онъ всѣхъ читателей раздѣлять свое мнѣніе. Родясь въ нижнемъ слою сословій, изъ фермеровъ новой Англіи, безъ высшаго учебнаго образованія, безъ блеска богатства и званія, онъ личнымъ и безбоязненнымъ своимъ мнѣніемъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, приобрѣлъ дружбу и довѣренность и представилъ собою примѣръ, какъ сплелъ человѣческой духъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Самое мѣсто рожденія его способствовало мужеству усилій къ преодолѣнію, всѣхъ препятствій и къ возбужденію дикими красотами природы пылкаго одушевленія и идеализма. Родители его жили въ маленькомъ домицѣ, обведенномъ обширнымъ заборомъ; надъ колодецъ

качалось дубовое ведро, вдали горизонтъ ограничивался гранитной кручею. Въ старомъ огородѣ были скалы; луга покрыты были скалами; всѣ тропинки стѣснены были скалами; вездѣ и повсюду однѣ скалы. Городъ Аллрстъ въ Ньюгембшейрѣ, гдѣ находилось это жилище, одаренъ былъ отъ природы самымъ угрюмымъ климатомъ; отсюда безпрестанно переселяются юншія для пріисканія себѣ пропитанія въ другихъ областяхъ. Трудъ фермера тамъ самый тяжелый. Соха встрѣчаетъ вездѣ скалистую почву, быки утомляются, проволникъ долженъ перескакивать съ камня на камень и хлѣбъ пріобрѣтается истинно въ потѣ лица.

Родители Грили принадлежали къ сословію этихъ фермеров. Его мать, бывшая первымъ его наставникомъ, была типомъ женщины новой Англіи. Съ мужественною силою соединяла она кротость и добродушіе; она была трудолюбива и никакая работа не утомляла ее. Веселость ея распространяла на все окружающее сердечное удовольствіе; около нея толпились дѣти, которыхъ она любила, какъ сама была любима всѣми. Неистощимый запасъ балладъ, сказокъ, сельскихъ пѣсней и исторій привлекалъ къ ней всѣ возрасты и полы.

Мальчикъ Орасъ внимательно слушалъ рассказы своей матери и пріобрѣлъ отъ нея страсть къ изученію всего описываемаго ею. Онъ уже умѣлъ читать прежде, нежели выучился говорить. Трехлѣтній ребенокъ разбиралъ уже домашнюю библію, которая всегда для него лежала открытою. Съ любопытствомъ всматривался онъ въ газеты, которыя тоже давали ему читать, какъ-бы предугадывая будущее его поприще. По четвертому году бѣгло читалъ онъ всякую книгу. Не довольствуясь обыкновеннымъ чтеніемъ, онъ читалъ то наизворотъ, то сверху внизъ. Психологи нашли бы въ этомъ стремленіе чловѣка къ изслѣдованію предметовъ со всѣхъ сторонъ.

Въ окружной школѣ, куда онъ вскорѣ вступилъ, слылъ онъ чудомъ своего возраста. До десятаго года не пропустилъ онъ ни одного учебнаго дня въ школѣ, отстоявшей отъ дома его до полторы мили, хотя зимою часто заносило его по дорогѣ снѣгомъ. Охота къ чтенію превратилась наконецъ у него въ страсть. Но въ то время трудно было удовлетворить ее. Вся домашняя библіотека состояла изъ библіи и до десяти книгъ другаго содержанія. По счастью, еженедѣльно привозили въ городъ газету

и прибытіе ея было праздникомъ для ребенка. Съ нетерпѣніемъ считалъ онъ часы до этого счастливаго дня, бѣжалъ навстрѣчу коннаго почтальона, вырывалъ у него изъ рукъ драгоценный листокъ, спѣшилъ съ нимъ въ удивленное мѣсто, бросался на траву и пожиралъ содержаніе газеты. Мало-по-малу, наконецъ этой пищи стало недостаточно для его любознательности. Книжки сдѣлались условіемъ его жизни. Для отысканія ихъ ходилъ онъ за нѣсколько миль отъ своего дома и когда вся провинція сосѣдей его была истощена, онъ началъ ходить въ сосѣдніе города. Вскорѣ во всей окрестности не было книги, которой бы онъ не зналъ наизусть. Онъ вѣчно ходилъ съ книгою. Всякая минута, свободная отъ школы и отъ домашней работы употреблена была на чтеніе, отъ котораго уже трудно было оторвать его, и когда его посылали куда-нибудь, онъ всегда бралъ книгу съ собой, продолжая свое чтеніе.

Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ видимъ мы Ораса ученикомъ въ одной типографіи; это мѣсто казалось ему вышею цѣлюю его честолюбія. Здѣсь онъ познакомился съ политическими преніями и вскорѣ въ толпѣ своихъ сельскихъ товарищей сдѣлался оракуломъ по всѣмъ государственнымъ вопросамъ. Редакторъ сельской газеты, у котораго онъ былъ ученикомъ, иногда съ изумленіемъ слушалъ сужденія зараждающагося полемика. Въ еженедѣльныхъ митингахъ лица началъ онъ практиковаться въ преніяхъ и вскорѣ сдѣлался руководителемъ общественнаго мнѣнія въ своемъ кругу. Онъ не краснорѣчиво выражался, но сильно, вѣрно, и основательно, придавая преніямъ неожиданный оборотъ, выставляя какой-либо забытый фактъ или ссылаясь на основныя правила. Оппозиція его была весьма опасна, но и побѣжденные имъ противники любили его за откровенность и основательность, которыми онъ никогда не измѣнялъ.

Когда онъ кончилъ годы ученья, то былъ лучшей типографшикъ, и редакція газеты старалась пріобрѣсти его себѣ. Но ему было двадцать лѣтъ и онъ отказался отъ легкихъ побѣдъ въ своемъ кругу; съ твердымъ мужествомъ и богатою практикою, хотя и съ бѣдными средствами, отправился онъ въ столицу искать обширнѣйшаго круга дѣйствій. Пройдя лѣса береговъ озера Эри, достигъ онъ наконецъ до Нью-Йорка, какъ мы выше ска-

Здѣсь опредѣлился онъ поленишникомъ въ типографію и 14 мѣсяцевъ работалъ въ ней. Потомъ самъ открылъ небольшую типографію, но мечты его безпреставно носились надъ возможностью сдѣлаться редакторомъ газеты. Первая его удачная попытка было изданіе Ньюіоркской газеты: это былъ новый шагъ въ американской журналистикѣ. Первый номеръ явился весною 1834 г. и газета вступила въ свѣтъ безъ всякаго шума, только мало-по-малу приобрѣтая увеличивающійся кругъ читателей. Статьи ея обратили на себя вниманіе публики своею силою и рѣзкостью, полнотою и подробностію извѣстій, откровенностію и изящнымъ вкусомъ литературныхъ сужденій, и удачнымъ выборомъ смѣси. Всѣ прочія газеты дружественно привѣтствовали новаго своего собрата, но многія неблагопріятныя денежныя обстоятельства заставили Ораса прекратить ее, послѣ семилѣтнихъ усилій, и начать новую, подъ названіемъ Tribune, которой первый номеръ вышелъ въ апрѣлѣ 1841 г. Вся Америка знаетъ, что онъ сдѣлалъ изъ этой газеты. Она представляетъ вѣрное зеркало его правилъ, убѣжденій и предразсудковъ. Большая часть первоклассныхъ статей принадлежатъ его перу, и публика всегда знала, что статьи Tribune то же самое, что личность Грили. Но какъ всѣ почти люди, достигшіе своими заслугами и характеромъ высшихъ степеней, Орасъ не имѣлъ практической опытности въ дѣлахъ и часто изумлялъ своимъ незнаціемъ. Онъ былъ мыслитель и вліаніе его было умственное. Къ этой цѣли стремился онъ всегда съ благороднѣйшими усиліями и достигалъ ее. Личный его характеръ не терпѣлъ никакой власти авторитета, былъ немногорѣчивъ и занимался болѣе дѣломъ и здравомысліемъ, нежели утонченнымъ умствованіемъ. Прежніе обычаи и правила, хотя бы они утвердились столѣтіями, не служили для него авторитетомъ, если не были основаны на здоровомъ смыслѣ; онъ вѣрилъ только математической очевидности. Отъ этого, убѣжденія его всѣ ясны и вѣрны, будучи основаны на практической жизни.

Но это самое убѣжденіе превращалось у него въ упорство. Онъ не могъ уже понять, какимъ образомъ смѣютъ ему сопротивляться. Разувѣряя другихъ въ заблужденіяхъ, онъ никакъ не воображалъ, что самъ можетъ заблуждаться, и въ отвѣтахъ своихъ всегда рѣзокъ до грубости, а не отличается спокойствіемъ.

твердой увѣренности. У него не было терпѣнія разсматривать вопросъ съ разныхъ пунктовъ. Онъ довольствовался вниканіемъ въ глубь предметовъ, а около ихъ не всматривался. Вотъ почему заключенія его были часто слишкомъ торопчивы. Самое усердіе его увлекало къ заблужденіямъ, тогда какъ спокойствіе и осторожность были бы вѣрною порукою въ истинѣ. Мнѣнія свои хотѣлъ онъ слѣдить законами для своего свѣта, не допуская ни сомнѣнія въ нихъ, ни самаго чувства изслѣдованія благо-разумныхъ и осторожныхъ людей. Всѣ предметы для него черны или бѣлы; оттѣнковъ нѣтъ.

Еще менѣе отдавалъ онъ справедливости личнымъ качествамъ тѣхъ людей, которые не соглашались съ его мнѣніемъ. Только одна опытность служила ему руководствомъ. Если онъ достигъ до извѣстности безъ греческаго языка, значитъ, греческій языкъ бесполезенъ. Онъ часто чувствовалъ свое превосходство надъ многими людьми образованными въ университетахъ, слѣдовательно университетское воспитаніе не нужно. Еще менѣе уважалъ онъ самое званіе людей, и въ этомъ раздѣлялъ, впрочемъ, общія идеи американцевъ.

Мы видѣли, въ юности какъ онъ любилъ книги и занимался непрерывно чтеніемъ ихъ, но вступивъ въ общественную дѣятельность, онъ уже почиталъ, что прочтеннаго имъ довольно на всю жизнь, не слѣдя за развитіемъ успѣховъ человѣчества. Впрочемъ, онъ поощрялъ всѣ новыя изобрѣтенія, хотя и не предавался имъ тотчасъ же съ восторгомъ. Во всѣхъ статьяхъ его видны ссылки на прежде прочитанныя книги, и на новыя сочиненія.

Орасъ Грили прослылъ чудачкомъ-оригиналомъ; о немъ судили въ карикатурномъ видѣ. Множество анекдотовъ рассказываютъ о его эксцентричности, о странныхъ и оригинальныхъ его отзывахъ, его нетерпѣливости и самоувѣренности. Но за-то всѣ согласно хвалятъ его добродушіе, прямоту и человѣколюбіе: рука и сердце его всегда готовы помогать ближнимъ не только словомъ, но и дѣломъ, не только перомъ, но и кошелькомъ.

Онъ одѣвался всегда самымъ небрежнымъ образомъ и это происходило отъ его привычки путешествовать. Впрочемъ между американцами щегольство и мода весьма мало имѣютъ при-

верженцевъ. Съ этикетомъ онъ мало былъ знакомъ. Но горе тому, кто бы посмѣлся надъ нимъ: рѣзкіе отвѣты его доказали бы тотчасъ, какъ онъ умѣетъ отвѣчать на нападки не бранью, а сатирическими шутками и примѣрами, которые у него всегда готовы.

Въ разговорахъ Орасъ Грили былъ всегда интересенъ и поучителенъ, только онъ не любилъ фешіонбельнаго пусто-словія, а болѣе всего ненавидѣлъ лесть. «Читали ли вы мою послѣднюю поэмку? спросила его одна молодая прагожая пассажирница.»—«Развѣ вы называете это поэмою?» отвѣчалъ онъ.

О другой сочинительницѣ сказалъ онъ: «я сейчасъ читаю злую критику на сочиненія мистрисъ X, и могу только замѣтить, что она слишкомъ расхвалена.

Грили, разумѣется, участвовалъ въ рѣшеніи всѣхъ современныхъ вопросовъ и, разумѣется, его совѣты не отличались осторожностію и терпѣніемъ, хотя самые злые противники его не могутъ отказать ему въ здравомысліи и вѣрности взгляда. Желая прогресса и развитія американскихъ силъ, какъ редакторъ газеты, былъ онъ образцовый человекъ. Онъ не вѣрялся своимъ сотрудникамъ, а самъ слѣдилъ за малѣйшимъ извѣстіемъ, за всякою дешешею. Иногда самъ переходя отъ редакторскихъ креселъ къ ящику наборщика. Его газетное поприще было новою эпохою для Америки, и его содѣйствію журналистика обязана распространеніемъ круга своихъ дѣйствій и облагороженіемъ его. Онъ пріискалъ всѣ возможныя средства къ скорѣйшему доставленію извѣстій въ отдаленнѣйшіе предѣлы республики. Его извѣстія всегда внушали равную довѣренность какъ у друзей его, такъ и у противниковъ. Онъ написалъ самъ столько статей, что онѣ составили бы множество томовъ. Онѣ касались равно до политики и полемики, до социальныхъ и промышленныхъ выгодъ, до реформъ ученыхъ критикъ и путешествій. Только въ послѣднія пять лѣтъ имѣлъ онъ много сотрудниковъ, облегчавшихъ его дѣятельность, но и въ этомъ случаѣ былъ руководителемъ каждой статьи, каждой строки, и всѣ привыкли видѣть въ газетѣ его выраженія общественнаго мнѣнія и совѣты для руководства, внушаемые опытностію и умомъ.

КОНФЕКТЫ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Были ли конфеты въ древности? Не думаемъ, хотя сахаръ былъ тогда извѣстенъ. Теофрастъ у Грековъ, Плиній, Сенека, Dioscorидъ, Луканъ упоминають о сокѣ тростника, называя его *медомъ*, стало-быть сахаръ былъ извѣстенъ какъ сиропъ, потому что не знали еще секрета, какъ его варить, дѣлать бѣлымъ, крѣпкимъ и готовить изъ него разныя лакомства. Искусство кристаллизаціи сахара родилось у арабовъ гораздо раньше нашего, но все-таки нельзя опредѣлить, когда оно было перенесено на западъ. Вѣроятно когда народъ этотъ завоевалъ Сибилію, то привезъ съ собою и сахаръ. Въ 1176 году король Вильгельмъ II подарилъ Монареальскому монастырю мельницу, чтобъ молоть *медовой тростникъ*. Въ ту же эпоху были засѣяны этимъ тростникомъ поля близъ Палермо. Позже, въ 1239 году, императоръ Фридрихъ II писалъ судѣ въ Палермо, чтобъ онъ отыскалъ лучшихъ работниковъ, умѣющихъ готовить сахаръ и заставилъ бы ихъ учить другихъ, чтобъ это искусство не пропало.

Если вѣрить Гинью и Давиду Макферсону, то сахарный тростникъ перешелъ изъ Палермо въ Гренаду, а оттуда на Мадеру, откуда перенесли его въ Бразилію и остальную Америку; но съ этимъ не всѣ соглашаются.

Сахаръ употребляли для варенья, сироповъ, конфетъ, а главное—на лекарства, и цѣна его была очень значительна, такъ что онъ проладался только въ аптекахъ, точно также какъ водка. Въ 1605 году Генрихъ IV писалъ къ Сюлли, чтобъ онъ заплатилъ аптекарю 17,138 ливровъ за лекарства, *сахаръ*, пряности и факелы.

Стало-быть аптекари были первыми кондитерами; только всѣмъ ли была пріятны ихъ конфеты—это неизвѣстно. Императоръ Фридрихъ II умеръ, съушавъ грушу вареную въ сахаръ. Тогда былъ вѣкто Теодоръ, прозванный *философомъ*, который готовилъ какой-то фиолетовый сахаръ, цѣннымъ всѣмъ очень дорого и посылаемый въ подарки, потому что этотъ сахаръ возбуждалъ аппетитъ, прекращалъ кашель, по-

правлялъ желудокъ, прохлаждалъ; словомъ—имѣлъ тысячу достоинствъ, но рецептъ этого приготовленія неизвѣстенъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ начала уже придумывать разные сорта конфектъ, хотя не такіе разнообразныя какъ наши, но все-таки уже искусство это начало процвѣтать. Больше всего въ нихъ употреблялись плоды, потомъ когда сахарныя плантаціи стали распространяться, начали много готовить этихъ конфектъ и посылать въ другія земли. Во Франціи въ XV вѣкѣ истребляли огромное количество конфектъ, привезенныхъ съ острова Мадеры.

Въ Англіи тоже любили всегда сладости и туда привозили много конфектъ и варенья, что можно видѣть изъ отчетовъ сира Николая Гарриса и сира Фредерика Маддена.

НѢМЕЦКАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ВЪ АМЕРИКѢ.

Въ 1850 году было въ Соединенныхъ Штатахъ 570.000 нѣмцевъ, но съ тѣхъ поръ число ихъ возрасло уже до двухъ съ половиною миліоновъ, и хотя большинство ихъ принадлежало къ необразованному сословію, но извѣстно, что нѣмцамъ нельзя жить безъ книгъ и безъ газетъ, и прежде нежели германскіе книгопродавцы вздумали посылать туда произведенія своихъ литераторовъ, американскіе нѣмцы давно уже печатали книги. Больше всего выходили онѣ въ Филадельфіи и Трансильваніи. Теперь ихъ уже множество въ Огіо и въ другихъ западныхъ штатахъ. Главная книга нѣмецкихъ колонистовъ Библия, и она непременно во всякой хижинѣ и въ рукахъ всякаго жителя. Съ 1842 г. начали появляться здѣсь географическія, историческія и медицинскія сочиненія. Въ 1847 вышелъ переводъ *Всеобщей исторіи Соединенныхъ Штатовъ*, сочиненіе Тейлора, и *Исторія евреевъ*, сочиненіе Флитвуда. Всѣ эти изданія большею частію стереотипныя и гораздо дешевле нежели въ Германіи. Несмотря на все количество печатаемыхъ здѣсь нѣмецкихъ книгъ, настоящей книжной торговли нѣтъ еще. Разъѣзжающіе комиссіонеры по всѣмъ штатамъ возятъ

съ собою объявленія о выходящихъ книгахъ, заставляютъ желающихъ подписываться и высылаютъ потомъ книги самымъ вѣрнымъ образомъ. За эту комиссію получаютъ они нѣсколько процентовъ и этимъ доставляютъ себѣ значительныя барыши.

Хотя мы и намѣрены были говорить все о нѣмецкихъ книгахъ, но не можемъ умолчать объ одной латинской, потому что она составлена нѣмцемъ, подъ названіемъ *Epitome pastoralis ad usum celerі in statibus foederatis Americae; Veniger.*

Въ Ньюіоркѣ тоже множество печатается нѣмецкихъ книгъ, народныхъ и учебныхъ, какъ наприм. *Альбертъ Великій, Египетскія таинства для людей и скота, Сердце человеческое, Путешествіе по Европѣ и по востоку, Гомеопатическій указатель* и проч., и еще за 16 лѣтъ предъ симъ были здѣсь изданы нѣмецкіе классики Кернеръ, Шивалеръ, Цшоке, Гауфъ, Гофманъ и проч.; множество религиозныхъ книгъ юридическихъ и даже психологическихъ. Въ 1850 г. началось изданіе оригинальнаго сочиненія, здѣсь печатаемаго: *Вселірная Исторія*, Густава Струве. Можно вообразить себѣ, что эта исторія писана совершенно въ независимомъ духѣ. Другое оригинальное сочиненіе, недавно появившееся, называется *Исторія и положеніе германцевъ въ Америкѣ*, Франца Лира. Любимая идея автора состоитъ въ томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ образуется нѣкогда чисто германскій штатъ. Къ сожалѣнію, это, кажется, несбыточная идея.

Въ Цинциннати появилось сочиненіе *Органовъ всемірной исторіи*, сочиненіе Пульте, посвятившаго его Прусскому королю. Далѣе напечатана *Фамиліная бібліотека*, составленная изъ лучшихъ повѣстей нѣмецкой литературы. Въ штатѣ Колумбія вышла *Исторія инквизиціи* Роберта Кламера; *Путешествіе лунатика въ луну и въ нѣкоторыя звѣзды*, и въ 1853—*Ручная гигиена*, Распайя.

Въ самомъ Луи напечатано путешествіе въ скалистыя горы Вислицемуса; *Берлинъ и Римъ*, Газекле; *Долженъ имѣть и*

илию, Фрейтага; *Торговля и общество*, Гаклендера, и—*Бразил и Мани*, Ауербаха.

Разумѣется, нельзя назвать всѣхъ вообще книгъ, здѣсь появившихся, но надо только указать, что здѣшнее германское народонаселеніе имѣетъ свою надлежащую умственную пищу, не заимствуясь изъ собственной Германіи. Впрочемъ здѣшнія религіозныя общества снабжаютъ переселенцевъ всѣхъ націй экземплярами библій на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ. Сверхъ-того ньюіоркское общество издало особенно для нѣмцевъ: *Исторію реформации*, Добвинье, *Истинное христіанство*, Арндта, *Исторію церкви*, Барда и проч.

Въ заведеніи методистовъ въ Ньюіоркѣ печатается также множество нѣмецкихъ книгъ. Всѣ эти заведенія имѣютъ свои складочныя конторы во всѣхъ штатахъ и рассылаютъ книги по востребованію.

ДОБРЫЙ СПЛІНЬ.

Въ *Слатох publico* напечатанъ слѣдующій интересный рассказъ: «Ждемъ со дня на день прибытія къ намъ одного чело-вѣка, весьма извѣстаго въ Англіи, который въ послѣднія двадцать лѣтъ объѣхалъ всѣ страны и части свѣта, за исключеніемъ Испаніи и Португаліи. Этотъ джентльменъ, потомокъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Соединеннаго Королевства, обращалъ на себя вниманіе во всѣхъ странахъ, по которымъ проѣзжалъ, странностью своего характера и баснословною расточительностью. Въ числѣ необыкновенныхъ поступковъ, сдѣлавшихъ его извѣстнымъ, рассказываютъ слѣдующій, которымъ онъ отячился въ Ньюіоркѣ; справедливость этого разсказа не подлежитъ сомнѣнію. Однажды вечеромъ, нашъ лордъ ходилъ одинъ по ньюіоркскимъ улицамъ, мучимый жесточайшимъ сплнномъ и раздумывая о томъ, какъ-бы ему кончить

жизнь скорбѣющимъ и оригинальнымъ образомъ. Вдругъ подошла къ нему женщина съ ребенкомъ, и въ трогательныхъ выраженіяхъ попросила милостыни для своего малютки. Одержимый сплиномъ джентльменъ бросилъ ей, не говоря ни слова, нѣсколько гиней, но едва прошелъ нѣсколько шаговъ, та же женщина опять остановила его; испуганная щедростью милостыни, она вообразила, что лордъ далъ ей такъ много денегъ по ошибкѣ, и хотѣла возратить ихъ, говоря дрожащимъ голосомъ: «Вы, вѣроятно, ошиблись, мистеръ: это золото, чистое золото.» Англичанинъ, думая сначала, что женщина хочетъ удержать его отъ самоубійства, посмотрѣлъ на нее пристально, потомъ, отвернувшись съ презрѣніемъ, спросилъ небрежно: «Ты здѣшняя?» — «Здѣшняя, сударь.» — «Вѣроятно замужемъ?» — «Нѣтъ, мистеръ, я вдова.» — «А ребенокъ этотъ, твой?» — «Да,» прошептала бѣдная женщина, и взявъ прекрасныхъ глазъ ея полились слезы. — «А отецъ его?» — «Убитъ на войнѣ съ Техасомъ.» — Англичанинъ, видимо тронутый кроткимъ и грустнымъ голосомъ несчастнаго созданія, снова задумался, и чрезъ нѣсколько минутъ опять обратился къ ней. Въ эту минуту зажженный между-тѣмъ фонарь освѣтилъ лице молодой женщины — и лордъ не могъ уже свести съ нея глазъ, пораженный ослѣпительною красою, которой не могли уничтожить ни крайность, ни страданіе. Наконецъ онъ опомнился. «Ты говоришь, сказалъ онъ кроткимъ и взволнованнымъ голосомъ, что у этого ребенка нѣтъ отца!... Хорошо же, такъ я буду ему отцемъ!... Ты, бѣдная, прекрасная женщина, спасла мнѣ жизнь; ты даровала мнѣ ее, я въ-свою-очередь дарю и посвящаю ее тебѣ. Я хотѣлъ лишиться себя жизни сегодня ночью; меня удерживала только нерѣшимость, какую смертью умереть, но теперь я не лишу себя жизни; я хочу жить съ тобой и для тебя!... Хочешь ли быть моей женою?»... Чрезъ два мѣсяца, на балѣ, данномъ русскимъ Посланникомъ въ Ньюіоркской виллѣ, обращала на себя общее вниманіе и удивленіе герцогиня... какъ восхитительною красою, такъ и необыкновенно блистательнымъ и великолѣпнымъ нарядомъ. Эта герцогиня была

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИСКУССТВА.

СПЕКТАКЛИ СЪ НАЧАЛА ТЕАТРАЛЬНАГО ГОДА ПО 1-е ІЮНЯ.

Михайловскій театр: Нѣмецкіе Abendunterhaltungen. — Дебютъ г. Дебелинъ. — Французскіе спектакли: Lucie Didier. — Г-жа Розже Соле. — Бенефисъ г. Верне: Les pieges dorées.—Les coulisses de la vie. *Александринскій театр*: Комедія въ комедіи г. Дрианскаго. — Бенефисъ г-жи Левкѣвой. Мопра. — Незнаніе ролей. — Бенефисъ г. Бурдина. — Свадьба Кречинскаго. — Бенефисъ г. Алексѣева. — Скользкій путь. — Г-жа Федорова. — *Большой театр*: Балетъ. — Маркитантка. — Жизель. — Г-жа Богданова. —
Русская опера.

Театры послѣ Пасхи обыкновенно открываются на другой день нѣмецкими Abendunterhaltung. Въ понедѣльникъ 16 апрѣля дана была драма: «18 марта 1856 г.», въ которой, разумѣется, сюжетъ состоялъ въ извѣстіи о заключеніи парижскаго мира и комедія Zu Hause, въ которой супруги то ссорятся, то мирятся. Другая комедія Ein schöner Traum передѣлка съ французскаго воеводы Le gève d'ог. Второй спектакль состоялъ изъ драмы: Das Lied an die Freude родъ идилліи въ сантиментальномъ вкусѣ, и изъ комедіи das Dorf im Gebirge, опять передѣлка съ французскаго. Въ среду 18 числа возобновленная драма Pacht's Feldkümel и новая комедія Die Weiblichen Seeleute. Мы называемъ ее новою, слѣдуя афишѣ, но это сто первая передѣлка извѣстной французской оперетки Женщина-солдаты.

Въ четвергъ 19 числа открылись и французскіе спектакли новою драмою Lucie Didier. Это нравственно-сатирическая пьеса, въ которой, конечно, нравственности очень мало, а сатира обращается болѣе на авторовъ или на современный вкусъ парижской публики. Lucie Didier названа ни драмою, ни комедіею, ни водевилемъ, ни мелодрамою. Авторъ придумалъ новую категорію и назвалъ свое произведеніе *песюю*. Вотъ содержаніе ея: Нѣкто Дидіе долго жилъ, трудился и торговалъ съ однимъ своимъ пріятелемъ и товарищемъ. Но дѣла шли плохо, неоставало денегъ и кредита. Товарищъ Дидіе вздумалъ отправиться въ Остъ-Индію и тамъ попытатъ счастья, а Дидіе оставшись, продолжалъ кое-какъ свою торговлю. Вдругъ, одинъ банкиръ Сарзанъ, съ отцемъ котораго былъ знакомъ Дидіе, предложилъ ему какую-то очень выгодную спекуляцію при разработкѣ угольной копи. Дидіе пустился въ это предпріятіе и кончилось тѣмъ, что онъ въ-конецъ разорился. Было у него отложено на приданое дочери 400,000 франковъ, получаемыхъ имъ отъ отца Сарзана за оказанные ему услуги, но, чтобъ спасти свое честное имя отъ банкротства, онъ жертвуетъ и этими деньгами, прося Сарзана расчесть за него съ кредиторами. Жена Дидіе Люси узнаетъ о поступкѣ мужа и вполнѣ одобряетъ его, прося только быть осторожнымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ съ Сарзаномъ. Въ это самое время возвращается изъ Остъ-Индіи и товарищъ Дидіе съ женою, не только не обогащаясь тамъ, но и проживъ все остальное. Оба друга находятся въ весьма затруднительномъ положеніи. Приходитъ и Сарзанъ. Съ первыхъ словъ видно, что онъ влюбленъ въ жену Дидіе, но что та до сихъ поръ отвергала его любовь. Онъ объявляетъ Люси, что мужъ ея напрасно отдалъ ему приданое своей дочери, потому что капиталъ этотъ принадлежитъ не Дидіе, а ему Сарзану, на что и представляетъ ей законный документъ. Несчастіе Люси доходитъ до высшей степени. Она не только разорена; дочь ея не только лишена приданого, но и мужъ ея потеряетъ свое честное имя, сдѣлавшись банкротомъ, а къ довершенію Сарзанъ угрожаетъ, что представитъ въ судъ роковой документъ, по которому доказывается, что Дидіе будто-бы присвоилъ себѣ капиталъ отца Сарзана. Чобъ спастись отъ погубели, Люси рѣшается на послѣднее отчаянное средство, т. е. дѣлается любовницею Сарзана и тотъ передаетъ ей свой актъ о 400,000 франковъ.

Съ этой минуты всё дѣла Дидіе пошли удачно ; въ торговлѣ былъ вездѣ успѣхъ, всё спекуляціи приносили огромные барыши, онъ разбогатѣлъ, зажилъ великолѣпно и только одно сокрушало его и мучило, а именно, что съ этой минуты жена его сдѣлалась задумчива, печальна и какъ-бы бовлася вѣжныхъ ласкъ своего мужа и дочери. Разумѣется Люси тотчасъ же прекращаетъ свою любовную связь съ Сарзаномъ, но тотъ продолжаетъ писать ей любовныя письма. Одно письмо черезъ четвертыя руки попадаетъ къ мужу и тотъ, наконецъ, узнаетъ причину задумчивости жены. Не желая обнародовать свой стыдъ, который бы палъ на невинную его дочь, Дидіе скрываетъ отъ всего свѣта эту печальную исторію, но, осыпавъ жену самыми жестокими упреками, разлучаетъ ее навсегда съ дочерью. Когда же Сарзанъ къ нему является, то онъ и тому открываетъ всё услуги, которыя онъ оказалъ его отцу и какъ однажды самого Сарзана спасъ отъ безчестія. Уличенный оболъститель, конечно, предлагаетъ мужу дуэль, но тотъ отказывается и велитъ ему навсегда уѣхать изъ Франціи. Тогда Люси, не боясь уже послѣдствій дуели, открываетъ мужу, что ова пожертвовала собою для спасенія его чести и умирать, а Дидіе, узнавъ о геройской любви своей жены, сходитъ съ ума. Пріятель же и товарищъ Дидіе объявляетъ Сарзану, что онъ его убьетъ.

Какой критическій разборъ можно написать на подобную піесу? Какая философская цѣль этой драмы? Признаемся, мы не умѣемъ придумать моральной стороны этой піесы. Искренно сожалѣемъ, что французская труппа начала театральныя годъ такимъ неудачнымъ выборомъ, и сколько мы ни привыкли всегда хвалить ее за прекрасное, совокупное исполненіе спектаклей, но на этотъ разъ не можемъ даже отлатъ ей и этой справедливости. Тамъ, гдѣ мысль, основаніе и цѣль такъ ложны, ошибочны, неосновательны, нельзя актерамъ и сыграть естественно. Мѣстами мы чрезвычайно были довольны игрою г-жи Роже-Солье, особенно въ той сценѣ, гдѣ у нея сквозь принужденный истерическій смѣхъ пробиваются слезы, но вся роль не могла быть сыграна удовлетворительно, потому что создана авторомъ неестественно. Г. Бондуа, игравшій роль Дидіе, былъ тоже мѣстами хорошъ, но при неловкости драматическаго его положенія, онъ напрасно старался поддержать достоинство играемаго персонажа. Сарзанъ Давлуи былъ очень посредственъ.

Въ воскресенье 22 апрѣля была еще новая піеса, въ бенефисъ

одного изъ давнившихъ любимцевъ нашей публики, г. Верне, а именно комедія *Les pièges dorées*, въ трехъ дѣйствіяхъ, съ перваго французскаго театра. Тутъ представлены мужъ и жена, живущіе сперва очень смиренно и спокойно, въ самомъ посредственномомъ состояніи, какъ вдругъ другая чета сбиваетъ ихъ съ-толку. Мужъ второй четы волочатся за женою перваго и убѣждаетъ какъ ее, такъ и мужа ея *играть* на биржѣ. Кто не знаетъ нынѣшней ужасной эпидеміи, заражающей всю Францію. Еще недавно боялась она демагоговъ социалистовъ, а теперь графъ Монталамберъ по-справедливости недавно сказалъ въ законодательной палатѣ, что страсть къ биржевымъ спекуляціямъ хуже социализма, потому что тутъ люди хотятъ обогатиться не трудясь, не работая, но безчестнымъ образомъ. Эта лихорадка заразила всѣ сословія, и въ комедіи *Les pièges dorées* отъ слуги до перваго дѣйствующаго лица всѣ думаютъ и толкуютъ объ одномъ биржевомъ курсѣ, о его упадкѣ и возвышеніи. Муж-волокига увлекаетъ обольщаемую имъ жену и супруга ея въ биржевыя спекуляціи, разоряетъ послѣдняго и обогащаетъ первую деньгами мужа.

Три длинныя скучныя акта тянутся всѣ эти биржевыя разговоры, но наконецъ происки волокиты открываются, его прогоняютъ, а первая чета отказывается отъ мысли обогатиться безъ труда и остается при своихъ прежнихъ скромныхъ занятіяхъ золотой посредственности.

Можетъ быть, въ Парижѣ все это довольно занимательно, но, по счастью, насъ не коснулась эта нравственная холера, и мы, глядя на піесу, больше сожалѣли о парижанахъ, нежели смѣялись надъ ними. Только то заблужденіе смѣшно, которое легко можно исправить и которое не влечетъ за собою разстройства всего общества и упадка народной нравственности.

Піеса была разыграна довольно хорошо. Главную чету играли г. Бондуа и г-жа Роже-Солье. Изъ скучной и растянутой піесы не могли они сдѣлать занимательную и однакоже, въ послѣдней сценѣ съ волокигой, г-жа Роже-Солье была очень хороша.

Въ тотъ же вечеръ давали еще новый четырехъактный водевиль *Les coulisses de la vie*. Сюжетъ состоитъ въ томъ, что одинъ молодой богатый человѣкъ пріѣзжаетъ на дачу къ одному прославившемуся спекулятору, котораго всѣ считаютъ богачемъ и который всѣмъ твердитъ, что у него прелестная питомица,

за которую онъ даетъ 300.000 франковъ приданого. Молодой человекъ какъ быпытываетъ посмотреть на это чудо и опекунъ заставляетъ ее пышно разодѣться въ самомъ смѣшномъ вкусѣ, потомъ принуждаетъ показывать всѣ свои таланты, пѣть и играть на фортепiano. Бѣдная дѣвушка отъ природы весьма робка, а тутъ, узнавъ о сватовствѣ, еще болѣе старается показаться неловкою и смѣшною, играетъ дурно, поетъ фальшиво, отвѣчаетъ глупо. Разумѣется, женихъ готовъ отказаться отъ нея, несмотря на пышныя обѣщанія опекуна. Сверхъ того открывается, что этотъ опекунъ давно уже промоталъ имѣнiе шитошницы въ биржевыхъ спекуляціяхъ и теперь только старается сбыть ее съ рукъ, обѣщая золотыя горы женихамъ. Молодой человекъ, узнавъ обо всемъ этомъ, является уже съ отказомъ, но дѣлается вдругъ нечаяннымъ свидѣтелемъ разговоровъ, пошустковъ, даже пѣнья и игры молодой дѣвушки. Онъ вполне обворожень, предлагаетъ ей свою руку и даже позволяетъ опекуну обмануть себя насчетъ приданого. Тѣмъ все и кончается. Правда, что въ этихъ четырехъ актахъ есть еще множество вводныхъ лицъ, которыя являются тутъ какъ китайскія тѣни для наполненія пустаго пространства. Выставленъ какой-то важный ораторъ французскихъ палатъ, которому всѣ его знаменитыя рѣчи сочиняетъ жена, а женѣ студентъ-любовникъ, заказывающій ихъ своему учителю. Выведена жена этого витіи, которая въ гостяхъ ничего ни пьетъ, ни ѣстъ, а живетъ однимъ мечтами, дома же передъ тѣмъ наѣдается самымъ плотнымъ образомъ, одѣваясь самымъ искусственнымъ образомъ, т. е. нося фальшивую косу, механической корсетъ, перловые зубы и пр. Есть и горничная этой дамы, у которой разомъ прячутся три любовника; есть молодая гувернантка у холостяка, которая служитъ ему парикмахеромъ и охраняетъ его нравственность. Словомъ, въ пiесѣ много новаго и смѣшнаго, но новое не смѣшно, смѣшное не ново. Лучше бы авторы придали своей пiесѣ больше ума и занимательности. Напрасно Верне употребляетъ гигантскія усилія, чтобъ развеселить публику; она, хлопая ему отъ всей души, была очень равнодушна къ пiесѣ и прочимъ ея исполнителямъ. Опекунъ былъ ниже посредственности, а невѣста и въ притворныхъ и дѣйствительныхъ сценахъ, вездѣ одинаково плоха. Она нарочно дурно пѣла и играла, чтобъ прогнать жениха, и точно также играла и пѣла, когда должна была его привести въ восторгъ. Впрочемъ были люди, которые и ей хлопали.

Послѣ этихъ новостей шель бенефисъ г. Пешена въ воскресенье 29 апрѣля, а именно: драма *L'argent du diable*, *Les filles des champs* и *Les circonstances atténuantes*, но какъ въ тотъ же день играли на Александринскомъ театрѣ въ первый разъ трехъактную оригинальную комедію, подъ названіемъ *Комедія въ комедіи*, то мы и принуждены были отложить разборъ французскихъ піесъ до другаго раза, а идти въ русскую піесу. Нѣкоторымъ образомъ мы объ этомъ сожалѣемъ, во-первыхъ потому, что французскіе спектакли уже прекратились и говорятъ, будто-бы на все лѣто, слѣдственно обзоръ послѣднихъ піесъ остается отложить. Во-вторыхъ..... мы это сейчасъ расскажемъ, упомянувъ кстати, что въ нѣмецкую труппу пріѣхалъ гость изъ Ревеля актеръ Кенихсбергскаго театра г. Дебелинъ и 10 мая игралъ въ одноактной старой комедіи *Man soll den Teufel nicht an die Wand mahlen* роль профессора Штрейта и въ водевилѣ *Paris in Rom* роль Герца Леви. Число зрителей было малочисленно, и нѣмецкіе спектакли тоже прекратились подобно французскимъ, какъ говорятъ, до августа. Нѣмецкая публика разѣхалась вся *ins Grüne*. Расскажемъ сюжетъ новой русской піесы.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ (не подумайте, чтобъ это было не въ Россіи) жилъ въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ помѣщикъ Летуновъ. Главное занятіе и цѣль его жизни состояли въ томъ, чтобъ стряпать и придумывать себѣ новыя гастрономическія наслажденія. Ни дать, ни взять какъ помѣщикъ Пѣтухъ въ *Мертвыхъ душахъ*, котораго г. Мартыновъ такъ аппетитно всегда разыгрываетъ на сценѣ съ подщелкиваніемъ и всхлипываніемъ. У этого Летунова есть супруга, которая завела не весьма невинную интригу съ какимъ-то повѣсою Ухорскимъ, занимающимся только своимъ пиджакомъ и прическою. У Летуновой есть соперница г-жа Облайская, которая при началѣ только пріѣхала изъ Москвы и намѣрена попрежнему отбить волокиту. — Но какими-то судьбами Ухорскому понравилась молодая гувернантка, живущая у Летуновой, — и на эту бѣдную падаютъ всѣ удары обѣихъ соперницъ. Летунова выгоняетъ ее, а Ухорскій оправдывается тѣмъ, что онъ пошутилъ. Тѣмъ піеса и кончается. — Скажите, гдѣ же тутъ комедія, да еще и въ комедіи? Изъ кухонныхъ сценъ мужа, изъ пустыхъ волокитствъ франта Ухорскаго, изъ запутанныхъ сценъ на балу, гдѣ подслушиваютъ незначущій разговоръ гувернантки съ Ухор-

скимъ, изъ монолога этого повѣсы, въ которомъ онъ самъ себѣ разсказываетъ свое похождение, подслушаннаго другими и производящаго потомъ развязку пьесы (если въ ней есть какая нибудь развязка) нельзя составить не только Комедию въ комедии, но и просто комедию. Конечно, смѣшно придираться къ названію, еслибы во всей пьесѣ была бы какая-нибудь идея, но мы, къ сожалѣнію, не нашли ее, даже полагаемъ, что это была мистификація автора. Въ нынѣшній литературный періодъ хотять все выводить нисшій слой общества въ повѣстяхъ и драмахъ, и мы, конечно, не видимъ въ этомъ ничего дурнаго, лишь бы это все было занимательно, умно, дѣльно и имѣло какую-нибудь поучительную цѣль. А умная болтовня пустыхъ лицъ, продолжающаяся три акта и не кончающаяся никакимъ результатомъ, не составляетъ ни комедіи, ни повѣсти.

Выслушавъ все это, публика Александринскаго театра, которая такъ охотно, щедро и добродушно всегда и всему хлопаетъ, вышла на этотъ разъ изъ обыкновенной своей колеи, и когда опустили завѣсу, единогласнымъ шиканьемъ пригласила новую пьесу съ миромъ опочить въ театральномъ архивѣ, гдѣ ей найдется много товарищей.

Могли ли актеры разыгрывать подобную пьесу? Если они три акта поддерживали публику во ожиданіи развязки въ определенномъ состояніи сомнѣнія и надеждъ, то и это большой подвигъ съ ихъ стороны. Г-жа Орлова очень хорошо играла роль Летуновой; Мартыновъ забавлялъ всѣхъ повтореніемъ своей роли Пѣтуха; Максимовъ увлекъ даже однажды зрителей къ аплодисментамъ, описывая, что всякая женитьба не что иное какъ спекуляція, а спекуляція истинный прогрессъ цивилизаціи. Но тѣмъ все и кончилось.

Была еще на Александринскомъ театрѣ, въ бенефисъ г-жи Левкѣевой 27 апрѣля новая пьеса «Мопра или братья разбойники.» Читатели помнятъ, конечно, извѣстный романъ г-жи Жоржъ Зандъ или видѣли по-крайней-мѣрѣ пьесу, сдѣланную ею же изъ него и игранную прошлою зимою въ Михайловскомъ театрѣ.—Ее то вздумали давать на русскомъ театрѣ. Какая несчастная мысль! И романъ и пьеса совершенно принадлежатъ французскимъ правамъ и преданіямъ, до которыхъ вовсе нѣтъ дѣла вашей Александринской публикѣ. На Михайловскомъ театрѣ имѣла она довольно значительный успѣхъ, но только потому, что была разыграна самымъ отчетливымъ образомъ и съ тою

превосходною совокупностью, которою отличается наша французская труппа. А у насъ! Актеры даже не знали порядочно ролей.

Непріятно описывать подобныя происшествія, но у насъ иногда даже первоклассные актеры, забывъ свое достоинство, любовь къ искусству и уваженіе къ публикѣ, являетея на сценѣ съ нетвердыми ролями. Въ прежнія времена это было неслыханное дѣло. Мы помнимъ, какъ одинъ первоклассный актеръ (который уже 40 лѣтъ сохраняетъ это званіе) не твердо зналъ свою роль наканунѣ своей свадьбы. Публика знала объ этомъ семейномъ происшествіи и повяла, что въ подобную эпоху актеру этому было не до роли и однакоже всѣ съ изумленіемъ нѣсколько лѣтъ потомъ говорили: «А помните ли, что такой-то не зналъ роля?» Дотога въ то время подобное событіе казалось невѣроятнымъ. Теперь же мало-по-малу дѣло дошло до того, что знаніе ролей принадлежитъ къ рѣдкости, что про инаго знаменитаго актера говорятъ: «Онъ въ этотъ день не только хорошо игралъ, но даже зналъ свою роль.» Никакой критикъ, никакой зовъ не скажетъ, чтобъ въ русской труппѣ не было замѣчательныхъ талантовъ, отдѣльно взятыхъ. Несмотря на жестокія потери, понесенныя русскою труппою въ послѣдніе годы; несмотря на то, что мы лишились Каратыгина, Брявскаго, В. Самойловой, Сосницкой, которыми конечно могъ гордиться театръ, мы теперь еще можемъ назвать Максимова, Самойлова, Мартынова, Григорьева, Бурдина, Марковецкаго, а изъ актрисъ Орлову Самойлову, Жулеву (мы не говоримъ о тѣхъ, которыя подаютъ еще надежду), которые составили бы украшеніе всякой европейской сцены. Мы повторяемъ, что всѣ они хороши *отдѣльно*, но въ совокупности у нихъ бываетъ иногда разладца, если роли невыучены, необдуманы и невырепетованы. Всѣ эти таланты похожи на извѣстную притчу о талантахъ. Получившіе ихъ, не охотно разрабатываютъ и зарываютъ свой талантъ въ землю, говоря: съ насъ довольно: публика насъ любитъ; намъ хлопаютъ; насъ увѣряютъ, что мы первоклассные актеры, а если какой-нибудь старомодный критикъ и вздумаетъ сказать, что званіе артиста и истинная любовь къ искусству требуютъ гораздо больше уваженія къ себѣ и публикѣ, то мы имъ не вѣримъ; мы въ нашемъ кругу смѣемся надъ нимъ и продолжаемъ дѣйствовать по-прежнему, зарывъ данный намъ талантъ.

Остается намъ рассмотретьъ еще два любопытные спектакля. Г-нъ Бурдинъ давалъ въ бенефисъ свой комедію: Свадьба Кречинскаго, сочиненіе г. Сухово-Кобылина, которая замѣчательна тѣмъ, что имѣла, какъ говорятъ, огромный успѣхъ въ Москвѣ. Вѣроятно, это обстоятельство привлекло и здѣсь большое стеченіе публики.

Вотъ ея содержаніе. Г. Муромскій, помѣщикъ съ 1500 душъ, прѣзжаетъ въ Москву съ дочерью своею Лидочкою и ея теткою Агуевой. Съ ними вмѣстѣ является оттуда и молодой человѣкъ Нелькинъ, влюбленный въ Лидочку. Пока она жила въ деревнѣ, женихъ этотъ можетъ быть и правился, но въ Москвѣ понравился ей какой-то г. Кречинскій, котораго званіе, ремесло и состояніе никому неизвѣстно (а еще, говорятъ, что Москва любитъ узнавать всю подпоготную). Кречинскій принять во всѣхъ хорошихъ домахъ, играетъ по большой съ графами и князьями и даже есть слухи, что онъ въ картахъ искусствомъ помогаетъ счастью. Узнавши, что за Лидочкою 1500 душъ приданаго, Кречинскій волочится за нею и обворождаетъ неопытную провинціалку, говоря съ нею безпрестанно по французски и употребляя часто слово *parbleu*, которое за нимъ повторяетъ и Лидочка. Отецъ не очень благосклонно сперва смотритъ на это сватовство и держитъ сторону Нелькина, но Кречинскій приводитъ ему въ подарокъ бычка на племя и Муромскій, растаявъ отъ подобнаго подарка, соглашается на бракъ дочери съ человѣкомъ, котораго не знаетъ ни рода, ни племени, ни состоянія. Свадьба назначается черезъ десять дней и Кречинскій ищетъ на это время денегъ, чтобъ поддержать блескъ званія жениха. Съ нимъ живетъ второстепенный грязный шулеръ Расплюевъ, котораго онъ посылаетъ плутовать навѣрное, но тотъ попадаетъ въ пердержкѣ картъ и получаетъ такое награжденіе, что едва живой приходитъ домой. Тогда, для полученія денегъ Кречинскій придумываетъ слѣдующую хитрость. Муромскій отдавалъ ему обдѣлывать для дочери большой солитеръ въ 10,000 р. Кречинскій, какъ осторожный человѣкъ, заказалъ себѣ въ то же время совершенно одинаковую булавку съ невѣстной, только, разумѣется, вмѣсто солитера, изъ простаго стекла. Теперь онъ посылаетъ просить Лидочку прислать ему намянуту ея булавку, но какому-то пари съ какимъ-то графомъ, и ѣдетъ съ этимъ

солитеромъ къ одному ростовщику, которой даетъ ему 6,000 подъ этотъ залогъ. Для взаимнаго обезпеченія запечатываютъ, за печатями обохъ лицъ, булавку въ ящикъ, но въ эту самую минуту Кречинскій успѣваетъ подмѣнить солитеръ и положить булавку со стекломъ.

Молодой Нелькинъ, слѣдившій за своимъ соперникомъ, доноситъ отцу о закладѣ солитера, но когда Муромскій требуетъ у Кречинскаго объясненія и тотъ для оправданія возвращаетъ Лялочкѣ настоящій солитеръ, то Нелькина за клевету прогоняютъ, а свадьбу съ Кречинскимъ собираются ускорить. Вдругъ является вмѣстѣ съ приставомъ ростовщикъ, вскрывшій ящикъ и узнавшій весь обманъ. Кречинскій изобличенъ и піеса кончается.

Долго думали мы, какая была причина чрезвычайнаго успѣха этой піесы въ Москвѣ? Она хорошо написана, т. е. всѣ говорятъ языкомъ своего общества и общества такого, гдѣ грязный шулеръ иногда выражается очень нечистоплотно. Но умный и естественный разговоръ не составляетъ еще комедіи. Занимателенъ ли самый сюжетъ? Нисколько. Что намъ за дѣло до двухъ шулеровъ, которыхъ мы не желали бы нигдѣ видѣть въ обществѣ и въ существованіи которыхъ намъ пріятно сомнѣваться. Какой интересъ возбуждаетъ дуракъ отецъ, жертвующій своею дочерью за подареннаго быка, или провинціалка, восхищающаяся выходками *parbleu*. Да и естественъ ли весь ходъ и развязка піесы? Весь фокусъ-покусъ съ булавкою едва ли избыточенъ. Ростовщикъ, взявшій вещь въ залогъ, долженъ ею довольствоваться. Если же онъ распечаталъ ящикъ съ залогомъ, то на него перваго падаетъ подозрѣніе, что онъ подмѣнилъ солитеръ. По подобному обвиненію полиція не пойдетъ съ ростовщикомъ брать подъ стражу Кречинскаго. Въ чемъ же наконецъ состоитъ причина московскаго успѣха? Нѣтъ сомнѣнія, что—въ артистическомъ исполненіи піесы, а именно въ отличной игрѣ двухъ шулеровъ. Въ этомъ отношеніи должны мы отдать справедливость и здѣшной труппѣ. Она сдѣлала намъ самый пріятный сюрпризъ, сыгравъ піесу и хорошо, и твердо. Гг. Самойловъ и Бурдинъ заслуживаютъ всякую похвалу и мы не сомнѣваемся, если комедія эта будетъ имѣть продолжительный успѣхъ, то и здѣсь она этимъ будетъ обязана означеннымъ двумъ актерамъ. Автора вызывали, но онъ не выходилъ.

Въ бенефесъ г. Аленсѣва 14 мая была наконецъ дава еще

новая драма «Скользкій путь, сочиненіе автора *Карьеры*; и сколько мы помнимъ, эта *Карьера* имѣла большой успѣхъ. На этотъ разъ *Скользкій путь* имѣлъ весьма слабый успѣхъ. Содержаніе состоитъ въ томъ, что у стараго воина *Топорова* какой то-повѣса штурманъ оболыцаетъ дочь *Наденьку*, обѣщая на ней жениться. Та бѣжитъ съ оболыстителемъ, который ее, разумѣется, вскорѣ бросаетъ; и потомъ является къ отцу, умоляетъ его о прощеніи, но не получивъ его, тутъ же умираетъ. Изъ этого видно, что сюжетъ довольно избитъ и очень часто являлся на сценѣ. Замѣчательно тутъ только одно эпизодическое лицо пьяницы *Груздева*, у котораго тоже была дочь, бѣжавшая отъ него съ однимъ повѣсою. Онъ началъ пить отъ этого, былъ выгнанъ изъ службы и живетъ въ крайней бѣдности. Сцена этого человѣка съ *Наденькою* весьма интересна и трогательна. *Г. Самойловъ*, игравшій *Груздева*, былъ неподражаемъ. Роль *Наденьки* играла г-жа *Федорова*, которую съ вѣкотораго времени принимаютъ удивительнымъ образомъ. По окончаніи пьесы, разумѣется, начали аплодировать и вызывать, но значительная часть публики шикала. Можетъ быть, многими зрителямъ и не понравились дѣвушки, бѣгающія отъ отца и живущія на толкучемъ рынкѣ.

Балетная труппа давала также на Большомъ театрѣ нѣсколько спектаклей, а именно: *Маркигантку* и *Жизель*. Прелестная наша танцовка *Богданова* до сихъ поръ играла одну только *Жизель*, но нѣтъ сомнѣнія, что и въ другихъ роляхъ приобрѣтетъ тѣ же успѣхи.

Русская опера поставила новую оперу *Даргомыжскаго Русалку*, но мы не будемъ говорить о ней, а скажемъ только по поводу русской оперы нѣсколько словъ.

Уже десять лѣтъ, какъ мы до такой степени избалованы составомъ нашей *Итальянской оперы* изъ первыхъ европейскихъ талантовъ, что всякая попытка *Русской* труппы къ исполненію *Итальянской оперы* кажется намъ всегда мистификаціею или пародіею. Всякій народъ чувствуетъ свое собственное музыкальное направленіе, понимая, что насильственное подражаніе вкусу и способностямъ другихъ странъ было бы неестественно, ложно, ошибочно. — Отчего же мы хотимъ насильно сдѣлаться итальянцами въ нашемъ пѣвнн, въ нашемъ музыкальномъ направленіи? Безъ сомнѣнія, ита-

ліанская мелодія превосходитъ всякія другія, но для исполненія ея требуются условія, которыя рождаются только подъ небомъ Италіи и рѣдко достаются въ удѣлъ жителямъ береговъ Сены, Темзы, Шпре, Дуная и Невы. Не лучше ли же пѣть то, что мы хорошо можемъ выполнить. У насъ много бывало *отдѣльныхъ* оперныхъ талантовъ, которымъ завидовали и иностранцы. Въ началѣ XIX вѣка былъ у насъ Воробьевъ и Саудунова; послѣ были Самойловы, Климовскій, Иванова; теперь восхваляютъ Сетова. Мы часто пускались въ пѣніе италіанскихъ оперъ, и дѣло шло довольно удачно: мы воображали себѣ, что опера наша отлично выполняетъ Россини, Беллини, Доницети. Вдругъ явились Рубини, Тамбурини, Віардо и вполнѣ разочаровали насъ.

Въ началѣ XIX вѣка существовала здѣсь превосходная французская *комическая* опера, и мы тотчасъ же усвоили себѣ этотъ родъ. До-тѣхъ-поръ играли италіанскія *оперы-буффо* съ разговорами: *Диавино дерево*, *Рѣдкая вещь*, *Деревенскія пѣвицы* и пр. Но французская комическая опера побѣдила это первоначальное направленіе—и мы съ жаромъ привялись за послѣднюю. Это былъ блистательный періодъ существованія нашей оперной труппы. Времена *Жоконда*, *Красной шапочки*, *Бѣланы*, *Цампы*, *Невѣсты* и сотни другихъ произведеній французскихъ композиторовъ — совершенно ввели въ наши нравы родъ комической оперы. Либретто составляло всегда умное и занимательное произведеніе, непохожее на безсмыслицы италіанскихъ. Пѣвецъ долженъ былъ прежде всего быть хорошимъ актеромъ, а роль пѣнія вполнѣ соотвѣтствовала средствамъ нашихъ артистовъ, родившихся и воспитанныхъ подъ 60° сѣв. широты... И что же теперь? Италіанцами мы не сдѣлались, а комическую оперу потеряли.

НАСТАВНИЦА,

ИЛИ

ПАНСИОНЪ ВЪ БРЮССЕЛѢ.

АНГЛІЙСКИЙ РОМАНЪ.

Соч. г-жи Куреръ-Белль. (Шарлоты Бронти).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

Наступило лѣто, сдѣлалась невыносимая жара. Жоржета, меньшая изъ дочерей г-жи Бекъ, занемогла лихорадкой. Докторъ Матисъ съ недѣлю уже, какъ говорили, возвратился въ Брюссель и я думала, что онъ вступить въ обязанности свои по пансіону, не тутъ-то было. Начальница, напротивъ того, умоляла молодого доктора продолжать попрежнему его визиты. Двѣ или три пансіонерки жаловались на мигрень; надо было полагать, что лихорадка занесена изъ сосѣдняго дома. Теперь я навѣрное думала, что старый докторъ будетъ къ намъ приглашень. Такая благоразумная

женщина, какъ наша начальница, могла ли дозволить молодому практику, каковъ докторъ Жанъ, приближаться къ пансіонеркамъ. Я еще разъ ошиблась.

Начальница, при всемъ ея благоразуміи, показывала иногда большую отважность. Докторъ Жанъ позванъ былъ къ хорошенькой, но надменной Бланкъ Мерси и къ подругѣ ея кокетливой Анжеликѣ. Онъ гордился этимъ знакомъ довѣренности и оправдалъ ее своимъ приличнымъ и строгимъ поведеніемъ. Несмотря на это, подобное несоблюденіе обрядовъ и обычаевъ въ пансіонѣ, не могло быть терпимо. Допустить такого молодого доктора въ женскій пансіонъ! Это просто невѣроятно. Всякой толковалъ объ этомъ по-своему; объ этомъ толковали и въ классахъ и на кухнѣ; молва не замедлила распространиться и по городу. Посыпались письма отъ родственниковъ; многіе пріѣхали чтобъ сдѣлать личную протестацію. Еслибъ директриса въ настоящемъ случаѣ спасовала, то погибла бы безвозвратно: десять другихъ пансіоновъ поспѣшили бы воспользоваться ея ошибкой, потому-что это была такая ошибка, отъ которой непременно бы разстроилось все заведеніе; но директриса умѣла найтись, употребивъ конечно іезуитскую штуку, но тѣмъ не менѣе я внутренно должна была сказать ей: браво!

Встревоженные родственники были приняты ею отменно ласково и съ веселымъ видомъ. Это ей было непочемъ, и она умѣла одерживать полную побѣду, тамъ, гдѣ кланокровный умъ потерпѣлъ бы пораженіе.

— Этотъ бѣдный докторъ Жанъ! и онъ подвергся нарѣканию! Да, этотъ человекъ олицетворенная нравственность! Онъ весь изъ мрамора; да, этотъ молодой человекъ настоящій мраморъ, если только люди съ такимъ характеромъ и бываютъ когда-нибудь молоды. Докторъ Жанъ! да, онъ пополняетъ собою семь греческихъ мудрецовъ. Мои собственныя дѣти, которыхъ онъ пользовалъ отъ серьезныхъ болѣзней, не хотѣли и слышать о другомъ докторѣ, — такъ велика доброта его,

соединенная съ важностию и достоинствомъ характера! Бланка и Анжелика жаловались на мигрень; докторъ Жанъ прописалъ рецептъ — и мигрень какъ небывало! Пусть мигрень и жалуется на него.

И родственники первые хохотали о мнимомъ скандалѣ, на который хотѣли жаловаться. Бланка и Анжелика пѣли длинное дуо въ честь молодаго доктора, прочія пансіонерки вторили имъ хоромъ, объявляя, что никогда не хотятъ имѣть другаго доктора. Брюссельцы и Брюссельки имѣютъ на головѣ чадолюбивой желвакъ; нигдѣ нѣтъ такой снисходительности къ дѣтямъ; воля послѣднихъ служить во многихъ семействахъ закономъ. Кончилось тѣмъ, что всѣ стали хвалить начальницу за признательность къ доктору, который спасъ собственныхъ ея дѣтей. И что можетъ быть извннительнѣе материнскаго пристрастія!

Я и теперь не знаю, что заставило начальницу подвергнуться дѣйствительной опасности ради доктора Жана; но вспоминаю, что тогда объ этомъ говорили. Весь домъ, гувернантки, пансіонерки, прислуга, увѣряли, что г-жа Бекъ выходитъ замужъ за доктора, несмотря на различіе ихъ лѣтъ.

Наружность не опровергала этихъ слуховъ. Начальница продолжала быть съ нимъ необыкновенно ласковой. Она стала даже съ нѣкотораго времени употреблять болѣе вниманія на свой туалетъ. Утреннее дезабилье, ночной чепчикъ и старая шаль преобразились. Утренніе визиты доктора Жана заставляли г-жу Бекъ въ полной прическѣ, въ шелковомъ, прекрасно сшитомъ платьѣ; элегантныя полусапожки замѣнили знаменитыя туфли. Впрочемъ, можетъ быть, намѣренія г-жи Бекъ и не простирались такъ далеко; можетъ быть, она ограничивалась желаніемъ показать молодому человѣку, что можетъ еще нравиться. Хотя г-жа Бекъ не отличалась особенной красотой, однакожь, вообще говоря, была довольно недурна собою. Волосы ея не потеряли еще

блеска; лице сохранило свѣжесть молодости; она могла нравиться и многимъ нравилась.

Не предавалась ли она романическимъ мечтаніямъ, героемъ которыхъ былъ докторъ Жанъ? Не думала ли она водворить его въ своемъ, такъ хорошо убранномъ домѣ? Отдать въ его распоряженіе свой довольно значительный капиталецъ, и доставить ему всѣ удобства въ жизни? Докторъ Жанъ, съ своей стороны, догадывался ли о такихъ намѣреніяхъ начальницы? Объ этомъ я не могу сказать утвердительно; но замѣчала не одинъ разъ, что онъ уходилъ изъ пансіона съ лукавой улыбкой и съ видомъ удовлетвореннаго самолюбія. Несмотря на хорошія качества доктора Жана, онъ не былъ совершенствомъ. Мнѣ кажется, ему не должно было поощрять неисполнимыхъ надеждъ г-жи Бекъ, а впрочемъ почемужъ бы ему на ней и не жениться? Англійскій джентльменъ потерялъ для меня большую часть своихъ преимуществъ; мой лордъ, мой принцъ дилижанса сошелъ съ пьедестала и принималъ въ моихъ глазахъ размѣры обыкновеннаго человѣка. Конечно, бракъ съ начальницей пансіона могъ для него быть выгоднымъ въ финансовыхъ расчетахъ. Говорили, что докторъ Жанъ не имѣетъ состоянія и живетъ одной своей практикой. Начальница была старше его четырнадцатью годами, но принадлежала къ числу женщинъ, которыя не вянутъ и не старѣются. Они были между собою въ наилучшихъ отношеніяхъ, и если со стороны доктора не было тутъ любви, то сколько людей женятся и безъ любви!..

Мы ждали развязки. Однажды поутру, маленькая Жоржета была въ сильномъ лихорадочномъ припадкѣ, она горько плакала и не внимала никакимъ утѣшеніямъ. Полагая, что обыкновенное лекарство, которое я давала ей черезъ часъ по ложкѣ, теперь не поможетъ, я ждала съ нетерпѣніемъ доктора.

Наконецъ раздался звонокъ; докторъ вошелъ. Это былъ точно онъ, я слышала разговоръ его съ при-

дверницей. Обыкновенно докторъ тотчасъ вбѣгалъ къ больной, шагая по три ступеньки на лѣстницѣ. Теперь прошло пять, десять минутъ и его еще не было. Что это значить? Можетъ быть, онъ дожидается въ корридорѣ; но кого ему тамъ ждать? Жоржета еще больше плакала и жаловалась. Я сбѣжала внизъ, чтобъ позвать скорѣе доктора: корридоръ былъ пустехонекъ, докторъ исчезъ. Не пошелъ ли онъ съ начальницей въ столовую? Это не могло быть, я только что оставила г-жу Бекъ въ ея уборной. Я стала прислушиваться.... три пансіонерки играли на фортепіано, въ трехъ сосѣднихъ комнатахъ, въ столовой, въ большой и маленькой залахъ. Подальше, въ ораторіи, десять или двѣнадцать пансіонерокъ брали урокъ и пѣли хоромъ баркаролу, изъ которой даже теперь помню слова: «свѣжій вѣтерокъ и Венеція».

Между этими залами и главнымъ входомъ только и была швейцарская, да комнатка Розины. Вдругъ тройной залъ звонкаго хохота раздался изъ этой комнатки, которой дверь была полуотворена. Мужской голосъ произнесъ нѣсколько словъ, почти умоляющимъ голосомъ, изъ которыхъ я слышала: «Именемъ неба!» Въ ту же минуту вышелъ оттуда докторъ Жанъ, очень взволнованнымъ. На лицѣ его выступила краска, замѣтны были неудовольствіе и досада.

Отворенная дверь служила для меня ширмою, но еслибъ я попалась ему прямо въ глаза, увѣрена, что онъ не замѣтилъ бы меня. Нѣтъ сомнѣнія, что его сердечное расположеніе и самолюбіе сильно пострадали; но отъ кого? Начальница не выходила изъ своей комнаты. Неужели отъ Розины, отъ этой дѣвченки, въ родѣ парижской гризетки, вѣтренницы, кокетки, хвастуньи, интересанки? Неужели докторъ Жанъ могъ до-того унизиться, чтобъ заниматься такой ничтожностью!

Тогда-какъ я объ этомъ разсуждала, Розина запѣла, болѣе пронзительнымъ, чѣмъ приятнымъ голосомъ,

французскую пѣсенку. Дверь въ ея комнатку была растворена, я невольно заглянула туда. Розина, въ розовомъ платьѣ, сидѣла передъ маленькимъ столомъ и работала кружевной чепчикъ. Кромѣ ея не было ни одной живой души, только въ стеклянномъ бокалѣ плавала золотая рыбка, да нѣсколько цвѣтовъ стояли въ горшкахъ. Лучъ июнскаго солнца, проходящій сквозь стекло, освѣщалъ блестящую рыбку.

Задача моя требовала еще разрѣшенія; я поспѣшила къ больной, у изголовья которой нашла доктора и г-жу Бекъ, разговаривающихъ, по обыкновенію. Больная успокоилась и, казалось, что хочетъ заснуть. Г-жа Бекъ говорила въ это время о здоровьѣ самого доктора: находила, что съ нѣкотораго времени онъ измѣнился; пѣняла ему, что мало о себѣ заботится.

— Вы слишкомъ изнуряете себя, докторъ Жанъ. Не правда ли, миссъ Люси, что докторъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ?

Рѣдко доводилось мнѣ въ присутствіи доктора вымолвить какое-нибудь полуслово; но на этотъ разъ надлежало произнести хотя какую-нибудь незначительную фразу. Мнѣ хотѣлось, признаюсь, показать доктору, что имѣю глаза чтобъ видѣть, уши чтобъ слышать и что еще важнѣе — даръ угадывать.

— Докторъ, дѣйствительно, сегодня какъ-то не въ себя, сударыня; но это вѣрно происходитъ отъ какой-нибудь особой причины, потому что онъ, какъ мнѣ кажется, пользуется наилучшимъ здоровьемъ. Я сказала это по-английски и старалась давать вѣсь каждому слову. Докторъ въ первый разъ догадался, что это природный мой языкъ. Считаая меня французенкой или бельгійкой, онъ говорилъ со мною всегда по-французски, когда нужно что было, на-счетъ нашихъ больныхъ.

Начальница утверждала противное; онъ, смѣючись, покачалъ головой, благодарилъ ее за вниманіе къ себѣ

и учтивымъ образомъ раскланялся; но очевидно было, что докторъ не-въ-своей-тарелкѣ.

Лишь только онъ ушелъ, начальница, проводивъ его, до дверей, упала въ кресла, на которыхъ онъ сидѣлъ, и облокотилась на колѣно, поддерживая рукою свой подбородокъ. Куда дѣвались ея живость и пріятность? Лице мгновенно показалось озабоченнымъ, почти сердитымъ; она вздохнула... разъ, но глубоко вздохнула! Колоколъ зазвонилъ въ классы, она встала и подошла къ зеркалу. При свѣтѣ дневномъ можно было замѣтить, что ея лице не имѣло болѣе нѣжности и свѣжести. Одинъ бѣлый волосокъ, одна серебряная ниточка заблестѣла въ ея густой косѣ. Этотъ бѣлый волосокъ бросился ей въ-глаза; она задрожала и выдернула его. А! г-жа Бекъ и у васъ есть свои слабости! Однако мнѣ стало ее жаль, когда она отвернулась отъ зеркала съ мрачнымъ и смущеннымъ видомъ. Старость показывалась ей, правда, еще издалека, но до-сихъ-поръ она о ней и не думала.

А Розина? — Она была молода, хороша собою, одѣвалась со вкусомъ; но неужели она можетъ нравиться такому умному, нравственному человеку какъ докторъ Жанъ? Я жалѣла, что онъ не братъ мой, чтобъ порядкомъ пожурить его. Пусть бы сестра или мать открыли ему глаза! Но мнѣ какое до него дѣло! И не должно ли было пожурить также и начальницу нашу?

Или я очень ошибаюсь, или начальница сама себя пожурила. Ея поведеніе не обнаружило болѣе никакой слабости и она избѣгла насмѣшекъ. Управление домою и пансіономъ не терпѣло такой мечты, такихъ воздушныхъ замковъ. Г-жа Бекъ имѣла довольно здраваго ума; я вновь внутренно восклицала: — bravo! г-жа Бекъ, вы сражались и побѣдили.

IX.

Позади дома, на улицѣ Фоссетъ разстился садъ, который казался довольно обширнымъ, судя по тому, что находился въ центрѣ города, и очень пріятнымъ, по моимъ воспоминаніямъ. Но время обыкновенно украшаетъ то, чего давно уже нѣтъ. Притомъ, гдѣ видишь одни камни, мостовую, да стѣны—и небольшая площадка съ насаженными на ней деревьями покажется эдемомъ.

Преданіе говорило, что назадъ тому нѣсколько столѣтій, на этомъ самомъ мѣстѣ существовалъ монастырь, осѣненный деревьями. Въ немъ случилось что-то необыкновенное,—давнее поводъ легендѣ, да еще и съ привидѣніемъ. Женщина въ бѣломъ и черномъ, другими словами, монахиня, показывалась, какъ увѣряли, въ этихъ мѣстахъ, въ извѣстные дни года. Впослѣдствіи, городъ, все подвигаясь въ эту сторону, уничтожилъ и самые развалины монастыря; между тѣмъ все еще находили слѣды его въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ растеніяхъ, въ плодовыхъ деревьяхъ, между которыми возвышался огромный стволъ грушеваго дерева, маэусаиловскихъ лѣтъ, которое однакожъ посохло, выключая нѣсколькихъ вѣтвей, покрывавшихся каждую весну ароматнымъ снѣгомъ цвѣтовъ, а осенью вкусными плодами. Разгребая землю между полуобнаженными корнями этого стариннаго дерева, можно было видѣть частичку большой, черной, выполированной плиты. Легенда говорить, что подъ этой плитой находилась могила заживопогребенной молодой дѣвушки, которая, какъ римская весталка, не сохранила обѣта непорочности. Привидѣніе этой дѣвушки устрашало трусливыхъ людей чрезъ цѣлыя поколѣнія; имъ мерещилась черная одежда и бѣлое покрывало

при лунномъ сіяніи, когда вѣтеръ, наклоняя деревья, игралъ свѣтомъ и тѣнью.

Но это преданіе уже забывалось и должно было мало-по-малу совсѣмъ умереть, какъ это грушевое дерево; между-тѣмъ старинный садъ имѣлъ свои прелести. Въ лѣтніе дни я вставала съ разсвѣтомъ, чтобъ походить въ этомъ саду, и потомъ вечеромъ опять возвращалась туда подышать свѣжимъ ароматическимъ воздухомъ, при лунномъ свѣтѣ. Тамъ было всего понемногу: и лугъ, и аллеи съ дорожками, усыпанными бѣлымъ пескомъ, и бесѣдка изъ акацій и даже зеленый тоннель изъ виноградника и плюша, висѣвшаго фестонами по большой почернѣлой отъ времени и дыма стѣнѣ; жасминные кусты наполняли воздухъ ароматомъ.

Въ полдень, когда весь пансіонъ г-жи Бекъ разсыпанъ былъ по саду, гулять въ немъ конечно мало было отрады; но, при захожденіи солнца, въ часъ *Angelus*, когда приходящія воспитанницы возвращались домой, а наши пансіонерки занимались въ комнатахъ приготовленіемъ уроковъ, какъ пріятно мнѣ было ходить и мечтать въ уединенныхъ аллеяхъ, слушать меланхолическіе звуки колоколовъ сосѣдственной церкви...

Однажды, вечеромъ, я оставалась въ саду долѣе обыкновеннаго. Все говорило мнѣ: побудь здѣсь еще немного... Неужели дневной жаръ и суета тебя не утомили? Насладись немногими минутами спокойствія!

Всѣ сосѣдніе дома обращены были къ саду задними стѣнами, безъ оконъ, исключая одного большаго зданія, принадлежащаго учебной коллегіи, на стѣнѣ которой подъ самую кровлю прорѣзаны были точно амбразуры, для освѣщенія служительскихъ комнатъ; только одно окно, нѣсколько ниже, освѣщало, какъ говорили, кабинетъ какого-то профессора. Аллея, параллельная этой стѣнѣ, была подъ строгимъ запрещеніемъ; воспитанницы не смѣли по ней прогуливаться и называли ее запрещенною аллеєю. Если пан-

сіонерка, или вольноприходящая, позволяла себѣ сдѣлать шагъ въ этой аллеѣ, то подвергалась строгому взысканію, хотя впрочемъ наши пансіонскіе законы не были такъ строги какъ Драконовы. Что касается до гувернантокъ, подобнаго запрещенія для нихъ не существовало; но аллея была узкая, густые кусты, оставленные рости на-произволь, еще болѣе ее стѣсняли; большія деревья покрывали ее какъ бы зеленымъ сводомъ, чрезъ который только кое-гдѣ проникали солнечные лучи. Рѣдко посѣщали эту аллею днемъ, а вечеромъ никто въ нее и не заглядывалъ.

Я сказала никто, а надо-бы сказать: никто, кромѣ меня. Уединеніе запрещенной аллеи сдѣлалось для меня симпатичнымъ. Я боялась только одного, чтобъ не почли меня оригиналкой; однакожъ, мало по-малу, стала по ней прогуливаться и заботилась о цвѣтахъ, которымъ тѣсно было рости отъ раскинувшихся кустарниковъ; я очистила грубую, поставленную на самомъ концѣ аллеи, скамейку отъ осеннихъ листьевъ; Гетонъ, кухарка, снабдила меня ведромъ воды и вѣникомъ для этой операціи. Начальница, увидѣвъ меня за такой работой, улыбнулась. Была ли это улыбка одобренія? мнѣ казалось, что да, но истолкованіе улыбокъ г-жи Бекъ вообще очень затруднительно.

— Вамъ нравится эта аллея? спросила она.

— Да, она уединенна и имѣетъ тѣнь.

— Къ вашимъ услугамъ, миссъ; вы не гувернантка и не смотрите за воспитанницами, которыя, зная, что она подлѣ запрещеніемъ, не будутъ приходить сюда васъ беспокоить; но я прошу васъ сдѣлать исключеніе для моихъ дѣтей, когда они захотятъ поболтать съ нами по-англійски.

Хотя послѣднее предложеніе и не очень мнѣ нравилось, но дѣти могли быть въ саду только въ извѣстные часы и для меня всё еще оставалось довольно времени проводить здѣсь въ тишинѣ и уединеніи.

Въ упомянутой выше вечеръ, я сидѣла на грубой

скамьѣ, которую очистила отъ плѣсени и сухихъ листьевъ.

Я прислушивалась къ городскому шуму. Пансіонъ находился почти въ центрѣ города. Черезъ пять минутъ можно было дойти до парка, черезъ десять до королевскаго дворца. Близехонько отъ насъ находились широкія улицы, полныя жизни и движенія; въ этотъ самый часъ экипажи уносили счастливецъ въ спектакли, на музыкальные вечера и балы, а въ нашемъ пансіонѣ гасили всѣ огни и опускали занавѣсы у всѣхъ кроватей. Я мало думала объ этой противоположности, не имѣя врожденной склонности къ удовольствіямъ. Я никогда не была ни въ театрѣ, ни на большомъ балу; когда мнѣ рассказывали про нихъ, то, естественно, желала видѣть все собственными глазами, но желаніе мое было очень умѣренное.

Луна казалась серпомъ; я ее видѣла сквозь сѣтку зеленого свода надъ моею головою. И луна и содѣственныйя съ нею звѣзды были мнѣ близко знакомы, я считала ихъ друзьями моего дѣтства, все прочее было для меня чуждо. Такой же точно серебряный серпъ, на такой же точно лазури, видала я въ старой Англии много лѣтъ тому назадъ.

О! мое дѣтство! Несмотря на мою теперешнюю апатичную жизнь, несмотря на мою холодность и молчаливость, когда я вспоминаю о давно прошедшихъ дняхъ, то начинаю опять чувствовать и страдать. Въ настоящемъ я должна вооружить себя стоицизмомъ, а въ будущемъ... но какое мое будущее! право, лучше умереть! Я была обыкновенно погружена въ какую-то нравственную каталепсію и боялась проснуться для жизни сердца.

Нѣкоторыя перемѣны въ атмосферѣ производятъ на меня особенныя дѣйствія. Однажды, ночью, разразился страшный ураганъ и поднялъ всѣхъ насъ съ постелей. Гувернантки, пансіонерки, служительницы, сама начальница, пробужденныя свистомъ вѣтра, дро-

жали отъ страха и творили молитву. Я какъ-бы пробудилась къ новой жизни и вышла изъ нравственного оцѣпенѣнія. Я отворила окно и сѣла на подоконникъ; крупныя капли дождя падали мнѣ на лице и платье, черныя тучи, раздираемыя молніей, представляли величественное зрѣлище! Какая дикая была гармонія въ завываніи вѣтра и раскатахъ грома! Мнѣ бы хотѣлось, прости Господи, чтобъ буря подхватила меня и унесла далеко, далеко, въ неизвѣстныя страны.

Но отъ черныхъ тучъ, въ которыхъ терялись тогда мои мысли, перенесемся въ садъ, гдѣ я сидѣла на уединенной скамьѣ. Посреди тишины, царствовавшей въ запрещенной аллеѣ, у подножія стѣны, подъ старинными деревьями, вдругъ услышала я странный звукъ. Окно, съ двумя растворчатыми ставнями (всѣ окна здѣсь имѣютъ такіе ставни), заскрипѣло на своихъ заржавленныхъ петляхъ и что-то тяжелое упало къ моимъ ногамъ.

Хотя было уже девять часовъ вечера и наступала ночь, но луна столько еще свѣтила сквозь зеленую сѣтку деревъ, что я могла бы разбирать книгу самой мелкой печати. Мнѣ легко было найти брошенную вещь, оказалось, что это небольшой изъ слоновой кости ящикъ наборной работы; крышка отворилась сама-собою; ящикъ наполненъ былъ фіялками, которыя прикрывали розовую тщательно сложенную бумажку, на которой было написано: «для сѣраго платья».

На мнѣ было сѣрое платье.

— Боже мой! ужъ не любовная ли это ко мнѣ записка?

Слыхала я, что бываютъ любовныя записки, но мнѣ не случалось ни видѣть, ни держать ихъ въ рукахъ. Неужели это такого рода записка? Нѣтъ, ни минуты я не останавливалась на подобной мысли. Никогда я не думала, чтобъ могъ быть вздыматель у такой

жалкой, какъ я, дѣвушки; иное дѣло наши гувернантки: тѣ только и мечтали о своихъ мнимыхъ обожателяхъ; одна, полегковернѣе другихъ, даже думала, что ужъ скоро выйдетъ замужъ. Всѣ воспитанницы, старше четырнадцати лѣтъ, слышали о планахъ, какіе имѣютъ родственники на-счетъ ихъ будущаго пристроенія; двѣ или три изъ нихъ — были уже помолвлены, но мнѣ никогда ничего подобнаго не приходило въ голову. Когда гувернантки наши выходили изъ пансіона въ городъ, чтобъ отслушать обѣдню, или прогуляться по бульварамъ, то непременно встрѣчались по ихъ, разумѣется, справедливымъ разговорамъ, особу другаго пола, которая была очарована и таяла отъ ихъ прелестей. Увы! опытъ мнѣ показалъ, что я не могу идти съ ними вровень. Я тоже ходила въ церковь, тоже прогуливалась по бульварамъ, но никто не обращалъ на меня вниманія. Въ улицѣ Фоссетъ не было, можетъ быть, ни одной молоденькой дѣвушки, на которую бы докторъ не поглядѣлъ съ удовольствіемъ и улыбкой. Для меня одной его голубые глаза оставались покойными и холодными какъ небо, на которое они походили своею лазурью.

Нѣтъ, эта записка не могла заключать въ себѣ нѣжностей, хотя и казалось, что ко мнѣ была адресована. Въ этомъ убѣжденіи я раскрыла ее, увѣряю васъ, безъ внутренняго волненія. Она писана была по-французски; первыя слова противорѣчили однакожъ моему ожиданію:

« Ангелъ моихъ мыслей! Тысяча и тысяча благодарностей за исполненіе вашего обѣщанія! Я едва могъ надѣяться. Сначала я думалъ, что все это одна шутка. Предпріятіе вамъ казалось опаснымъ, время неудобнымъ, въ аллею трудно было попасть, потому что въ ней почти всегда обитаетъ драконъ—учительница англійскаго языка, снисходительная какъ старый гренадерскій капралъ. Вы знаете, продолжалъ сочинитель посланія, что маленькій Густавъ, по болѣзни

его, переведенъ въ комнату надзирателя, въ эту счастливую комнату, окно которой выходитъ въ вашъ тюремный садъ. Въ качествѣ дяди больного, я безъ всякаго затрудненія допущенъ къ моему племяннику, который, успокойтесь, здоровехонекъ какъ вы и я. Оттуда я обозрѣваю вашъ эдемъ. Что для васъ пустыня, то для меня эдемъ! Какъ я трепеталъ, что никого не увижу въ запрещенной аллеѣ, или увижу, что еще хуже. дракона въ засадѣ! Судите же о моемъ восхищеніи, когда сквозь завистливые листья увидѣлъ я прелестную соломенную шляпку и ваше развивающееся сѣренькое платье, которое узнаю между тысячами платьевъ. Но для чего вы, мой ангелъ, не подняли вашу головку, зачѣмъ лишили меня луча ясныхъ своихъ глазъ, который освѣтилъ бы ночь вмѣсто луны, а день вмѣсто солнца? Кладу эту наскоро намаранную записку въ ящикъ съ букетомъ фіялокъ, которыя уступаютъ вамъ въ скромности и обнаруживаютъ себя, подобно вамъ, тонкимъ ароматомъ. Вашъ на всю жизнь, о моя восточная Пери! — извѣстный вамъ».

— ... И котораго мнѣ очень бы хотѣлось узнать, какъ всякій это пойметъ; но еще болѣе желательно бы узнать, къ кому адресовано это посланіе. Впновникомъ могъ быть женихъ одной изъ пансіонерокъ? Въ такомъ случаѣ вина не очень велика, погрѣшность состоитъ только въ несоблюденіи приличія. Многія изъ пансіонерокъ имѣли братьевъ и кузеновъ въ сосѣдней коллегіи. Сѣрое платье, соломенная шляпка, были указаніями довольно неопредѣленными. Последнія защищали двадцать головъ, въ томъ числѣ и мою, отъ солнечнаго жара. Г-жа Бекъ, одна гувернантка, и, по-крайней-мѣрѣ, три или четыре пансіонерки носили сѣрыя платья, точно такого же цвѣта и изъ такой же матеріи, какъ и мое. Впрочемъ, этотъ цвѣтъ у насъ былъ въ модѣ.

Посреди этихъ разсужденій, наступало время возвратиться въ домъ, огни въ дортуарахъ начали мель-

коть, молитва вечерняя кончилась и воспитанницы ложились спать. Еще полчаса, всё двери запрутса и огонь будетъ потушенъ. Дверь въ садъ была еще растворена. Въ комнаткѣ придверницы горѣла лампа и освѣщала корридоръ, изъ котораго были двѣ двери, въ большую залу и на улицу.

Вдругъ я слышала звонокъ, который будто былъ дернуть осторожною рукою и походилъ на металлическій шопоть, исключительно назначенный для ушей вѣтренницы Розины. Придверница бросилась отворить; вошедшая особа, казалось, переговаривала съ ней. Прошло минуты двѣ, послѣ чего Розина приблизилась къ двери, ведущей въ садъ, съ фонаремъ въ рукахъ.

— Какая басня! говорила она смѣючись, тамъ никого не было!

— Позвольте мнѣ войти, прошу васъ... это будетъ на одну секунду. И вотъ, вижу рослаго человѣка, бросающагося чрезъ куртины въ запрещенную аллею. Я тотчасъ узнала этого человѣка. Позволеніе мужчины въ такомъ мѣстѣ, въ такое время, было почти святотатствомъ для нашего пансіона; но этотъ гость, по видимому, имѣлъ свои привилегіи; можетъ быть, онъ рассчитывалъ на темноту ночи; но чего ему было надобно? Я оставалась неподвижною въ этой алее. И когда онъ явился, то, какъ привидѣніе, сказала ему:

— Докторъ Жанъ! то, что вы хотите искать, найдено.

Онъ не спросилъ меня: кто сыскалъ; глаза его тотчасъ устремились на ящикъ, который я держала въ рукахъ.

— О! не говорите о ней, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, принимая меня какъ бы за настоящаго дракона.

— Мнѣ трудно говорить о томъ, чего не знаю. Прочтите записку, докторъ: вы увидите, что она ничего не открываетъ. Можетъ быть, вы это знаете лучше меня? прибавила я потихоньку; но я не могла вѣ-

рить, чтобъ онъ былъ сочинителемъ этой безымянной, столь любезной для меня записки. Кчему были эти незаслуженныя мною оскорбленія? Нѣтъ, это не походило на слогъ человѣка образованнаго и умнаго, каковъ докторъ Жанъ. Выраженіе его лица, когда онъ читалъ записку, подтвердило мои мысли.

— По-истинѣ, это языкъ негодяя, дурака.... прощенталъ докторъ. Что же вы намѣрены дѣлать? спросилъ онъ меня. Если скажете о своей странной находкѣ г-жѣ Бекъ, то подымете суматоху во всемъ пансіонѣ.

Я отвѣчала ему, какъ думала: мой долгъ сказать г-жѣ Бекъ, что случилось, но изъ этого не выйдетъ никакого шума; начальница слишкомъ умная женщина, чтобъ дать огласку подобному дѣлу.

Докторъ Жанъ опустилъ голову и, казалось, размышлялъ. Онъ былъ довольно гордъ и честенъ, чтобъ просить меня молчать вопреки моему долгу. Между тѣмъ мнѣ не хотѣлось огорчить его, или чѣмъ нибудь повредить ему. Розина все ждала его въ самыхъ дверяхъ, она не могла насъ видѣть, но я сквозь листья деревьевъ очень хорошо ее видѣла. Это заставило меня сдѣлать предположеніе, конечно, весьма невыгодное для доктора, что Розина могла быть героиней романа. Моя совѣсть въ этомъ случаѣ оставалась совершенно покойною, и отвѣтственность исчезала. Итакъ я сказала доктору:

— Если вы можете меня удостовѣрить, что записка не относится ни къ одной изъ нашихъ воспитанницъ, я буду очень рада потушить это дѣло. Возьмите ящикъ, фіялки и записку. Я все забыла.

— Смотрите туда! сказалъ онъ вдругъ принимая одной рукой ящикъ и указывая другой на двери въ садъ.

Я взглянула: и вижу начальницу въ ночномъ платьѣ, обернутую шалью. Она украдкой сходила со ступенекъ крыльца и проскользнула какъ тѣнь вдоль стѣ-

ны; но если г-жа начальница имѣла всѣ кошечьи привычки, докторъ Жанъ показалъ себя въ эту минуту леопардомъ и въ два скачка перепрыгнулъ садъ съ противоположной стороны. Розина, какъ смѣтливая дѣвушка, прикрыла его ретираду, захлопнувъ садовую дверь, какъ будто-бы тамъ никого прежде не было. Я бы также могла успѣть скрыться; но почла за лучшее дожидаться начальницу твердою ногою.

Я обыкновенно оставалась въ саду до послѣднихъ сумерекъ, но никогда такъ не опаздывала. Вѣроятно, г-жа Бекъ, не видя меня нигдѣ, рѣшилась подстеречь меня въ саду; я ожидала выговора. Ничего не бывало: начальница прикинулась добренькою; не сдѣлала мнѣ ни малѣйшаго замѣчанія, не показала и тѣни удивленія. Съ лукавствомъ, которому не видѣла я другаго примѣра, она говорила объ удовольствіи дышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ.

— О! неподобная ночь! говорила она, смотря на звѣзды. Луна скрылась уже тогда за колокольной со-сѣдственной церкви.

Вмѣсто того, чтобъ отослать меня въ дортуаръ, начальница нѣсколько разъ прошла со мной по главной аллеѣ, и когда мы пошли наконецъ къ дому, дружески оперлась на мое плечо, входя по ступенькамъ. Потомъ подставила мнѣ свою щеку, до которой я слегка дотронулась.

— Прощайте, любезный другъ, почивайте покойно!

Пока сонъ ко мнѣ не приходилъ, я думала о прощаньи начальницы и не могла не улыбнуться. Сладкія рѣчи и дружеское обращеніе, кто хорошо зналъ г-жу Бекъ, служили доказательствомъ, что какое-нибудь подозрѣніе запало въ ея голову. Съ своей тайной обсерваторіи изъ того или другаго окна, она что-нибудь да подсмотрѣла. Брошенный въ садъ слоной кости ящичекъ, въ которомъ подъ фіалками скрывалось любовное посланье, змѣя подъ цвѣтами, появленіе также въ саду сторонняго челоуѣка, причемъ

могъ хруснуть кустарникъ, послышаться шелестъ шаговъ, все это не могло укрыться отъ ястребинаго взгляда и остраго слуха начальницы. Она, вѣроятно, не знала еще, въ чемъ именно состоитъ дѣло; но, натурально, захочетъ разгадать эту загадку. На первый случай, она растянула вокругъ миссъ Люси паутину, въ которую должны были попасть и самыя маленькiя мушки.

Х.

Брюссель пользуется не такимъ сырымъ, но такимъ же переменнымъ климатомъ, какъ любой городъ въ Англии. Послѣ прекраснаго вечера наступила ночь съ сильнымъ вѣтромъ. Во весь слѣдующій день стояла бурная погода; вихрь пыли и песку носился надъ бульварами. Не думаю, чтобъ и хорошая погода вызвала меня въ этотъ вечеръ въ садъ. Запрещенная аллея утратила теперь для меня свою прелесть. Это окно, изъ котораго сыпались нѣжныя записки (особенно для меня нѣжныя), испортили мое уединенiе. Эта гадкая стѣна имѣла не только уши, но и глаза. Все сдѣлалось для меня пошлымъ и обыкновеннымъ. Докторъ Жанъ, въ своемъ ночномъ поискѣ, измѣялъ многiя изъ моихъ любимыхъ растений. Слѣдъ его шаговъ остался примѣтенъ на куртинахъ, но я еще раннимъ утромъ постаралась все это исправить, чтобъ злой глазъ не могъ чего-нибудь открыть. Будучи покойна съ этой стороны и надѣясь, что дождь, котораго можно было ждать каждую минуту, оживить мои бѣдныя растенiя, принялась я за нѣмецкiй языкъ, тогда-какъ воспитанницы приготовляли свои уроки, а гувернантки работали иглой.

Вечернiя занятiя обыкновенно совершались въ столовой комнатѣ, нѣсколько меньшей противъ классовъ;

въ ней находились однѣ пансіонерки; которыхъ было не болѣе двадцати. Двѣ лампы, спущенныя съ потолка, освѣщали столы; ихъ зажигали когда смеркалось: это было сигналомъ отложить въ сторону тетради и слушать какое-нибудь назидательное и болѣею частью сухое чтеніе. На этихъ, мало полезныхъ для меня, чтеніяхъ я никогда не присутствовала, а уходила зимою въ темныя классы и прохаживалась тамъ скорыми шагами, чтобъ согрѣться, рискуя наткнуться на скамейку, если не было луннаго свѣта. Лѣтомъ же я уходила въ свой уголъ большаго дортуара, открывала окно (ихъ было пять и очень большія) и смотрѣла на городскіе огни за садомъ; иногда слушала военную музыку, игравшую въ паркѣ или на дворѣ сосѣдняго дома.

Въ этотъ вечеръ, я вошла въ дортуаръ и потихоньку отворила дверь. Дверь всегда была затворена, но растворялась безъ шума на своихъ петляхъ. Прежде чѣмъ я могла все разсмотрѣть, я почувствовала, что на этотъ разъ дортуаръ нашъ несовсѣмъ лишентъ жизни. Всѣ бѣленькія постельки, ангельскія постельки, какъ звали ихъ поэтически, можно было окинуть однимъ взглядомъ, и всѣ онѣ были пустехоньки, никто не занималъ ихъ. Но вмѣсто того слышенъ былъ легкій шумъ выдвигаемаго ящика. Я посторонилась немного отъ занавѣсъ окна и могла хорошо видѣть постель мою, туалетъ, коммодъ и рабочій ящикъ.

Очень хорошо, но это было не все. Маленькаго роста женщина, полненькая, въ бѣломъ чепчикѣ, обвернутая въ большую шаль, въ *туфляхъ молчанія*, изволила свидѣтельствовать весь мой гардеробъ. Крышка съ рабочаго ящика была поднята и всѣ ящики коммоды выдвинуты. Все было перешарено, пересмотрѣно, ни одной коробочки не оставлено въ покоѣ, ни одной бумажки безъ прочтенія. По-правдѣ, я почти рада была, что застала начальницу на самомъ дѣлѣ престушенія, но чувствовала себя очарованною,

точно пригвожденною къ мѣсту, съ котораго не могла тронуться, чтобъ уйти. Начальница могла меня увидѣть; вышла бы сцена; намъ надлежало навсегда разстаться; чтожъ бы я изъ этого выиграла?

Впрочемъ, иго, налагаемое на насъ г-жею Бекъ, не легко ли было сносить? Не входя въ разсужденіе о ея правилахъ, она отличала себя здравымъ умомъ, и ея поступокъ, даже въ настоящемъ случаѣ, былъ слѣдствіемъ ея системы всезнанія, которой неуклонно слѣдовала.

Притомъ, чего я могла бояться отъ подобнаго обыска? Не была ли я за тысячу миль отъ любовной интриги? Не имѣла ли я противъ шпіонства г-жи Бекъ гарантіей пустоту моего сердца, подобно путнику, идущему съ пустымъ кошелькомъ, чтобъ не сдѣлаться добычею воровъ на дорогѣ. И такъ я выбѣжала вонъ, лишь только получила употребленіе своихъ ногъ и спустилась по лѣстницѣ такъ скоро и также молчаливо, какъ спускается съ потолка паукъ по паутинонѣ.

Для меня оставалось неразрѣшенною загадкою: какъ докторъ Жанъ могъ знать о брошенномъ ящикѣ, если не имѣлъ въ этой шалости никакого участія? Какъ могъ въ ту же минуту прибѣжать, чтобъ достать этотъ ящикъ? Мнѣ такъ хотѣлось имѣть ключъ къ разрѣшенію этой задачи, что я готова была обратиться съ вопросомъ къ самому доктору, и покуда его не было, чувствовала въ себѣ довольно смѣлости.

Жоржета выздоравливала, визиты доктора становились рѣже; онъ пересталъ бы и совсѣмъ ходить къ намъ, еслибъ начальница не упрашивала его продолжать посѣщенія. Однажды вечеромъ, она вошла въ дѣтскую, въ ту самую минуту, какъ я укладывала въ постель больную. Начальница взяла руку Жоржеты: — Этотъ ребенокъ все еще въ лихорадкѣ, сказала она быстро взглянувъ на меня;—давно ли видѣлъ ее докторъ Жанъ?

Начальница знала это лучше всѣхъ.

— Мнѣ нужно, продолжала она, сдѣлать нѣсколько визитовъ, я заѣду къ доктору Жану и пришлю его къ вамъ. Необходимо, чтобъ онъ посмотрѣлъ Жоржету, у ней распухло лице и пульсъ сильно бьется. Повидайтесь съ докторомъ, мнѣ нельзя будетъ возвратиться къ тому времени.

Жоржетѣ не только было хуже, а напротивъ лучше. Въ первый разъ начальница не будетъ находиться въ присутствіи доктора. Это казалось мнѣ подозрительнымъ: тутъ была какая-нибудь закорючка.

Ну, вотъ, начальница и поѣхала завернувшись въ дорогую шаль и надѣвъ на себя зеленого цвѣта шляпку, которая очень къ ней шла. Какія ея были намѣренія? Пришлетъ ли она дѣйствительно въ пансіонъ доктора Жана, или сама съ нимъ пріѣдетъ? Но для этого нужно было застать доктора дома.

Начальница мнѣ рекомендовала, чтобъ Жоржета не заснула до пріѣзда доктора. Я старалась разсѣивать ее, рассказывая волшебныя сказочки. Я очень любила Жоржету; это былъ чувствительный и внушающій привязанность ребенокъ. Держать дѣвочку на моихъ колѣнахъ или рукахъ, было для меня большимъ удовольствіемъ. Этотъ вечеръ, она упростила меня, чтобъ я положила свою голову на ея подушку и обняла мою шею своими рученками. Истинную привязанность въ этомъ домѣ сыскать было трудно; эта нѣжность, простирающаяся отъ чистѣйшаго источника, меня тронула; я чувствовала, что на глазахъ моихъ навертываются слезы.

Прошло полчаса и даже часъ, Жоржета нѣсколько разъ говорила мнѣ, мило картавя: — я, пьяво, невоино засну, миссъ Люси.

— Потерпи еще немного, душенька; ты можешь спать сколько угодно, если докторъ и маменька твоя чрезъ десять минутъ не будутъ здѣсь. Тсъ! звонокъ раздался; дверь отворилась; знакомые шаги раздались

въ корридорѣ и переступали лѣстницу чрезъ три ступеньки.

Розина сопровождала доктора и, безъ церемоніи, чѣмъ отличаются всѣ бріюссельскія служительницы, осталась въ комнатѣ послушать, что скажетъ докторъ. Еслибъ начальница была дома, то Розина, натурально, тотчасъ отправилась бы въ свою швейцарскую клѣтку, но она мало обращала вниманія на гувернантокъ и воспитанницъ. Засунувъ руки въ карманы своего кокетливаго фартучка, она смотрѣла прямо въ лице доктора Жана, какъ на статую или картину.

— Дѣвчонка, вѣдь ничего не имѣеть? спросила она его, указывая на Жоржету.

— Ничего важнаго, отвѣчалъ докторъ, принимаясь чертить безвредный рецептъ.

— Ну, чтожъ! продолжала Розина, подходя ближе къ доктору, сыскали ли вы коробочку? Вы пролетѣли вихремъ чрезъ швейцарскую, я не успѣла васъ объ этомъ спросить.

— Да, я сыскалъ ее.

— Кто же ее бросилъ?

— Это можетъ оставаться для васъ секретомъ, отвѣчалъ спокойно докторъ.

— Однакожъ, вы знали, что ее бросили, потому что пришли отыскивать; какъ же вы это узнали?

— Очень просто. Больной мальчикъ, котораго я пользую въ коллегіи, лежитъ въ комнатѣ, имѣющей окно въ вашъ садъ. Коробочка, которой онъ дорожить, не знаю, какъ упала изъ его рукъ.

— Ахъ! вскричала Розина съ видомъ обманутаго ожиданія. — Тутъ нѣтъ никакой тайны, никакой нѣтъ интриги!

— Ровно ничего нѣтъ, какъ на моей ладони! отвѣчалъ равнодушно докторъ.

— Тѣмъ хуже, сказала Розина, у которой изъ этого готовъ былъ цѣлый романъ; при этомъ она сдѣлала такую гримаску, что докторъ не могъ не расхо-

таться. Когда онъ смѣлся, что случилось рѣдко, лице его казалось необыкновенно добрымъ. Я видѣла, что онъ опустилъ руку въ карманъ жилета.

— Сколько разъ вы отпирали мнѣ дверь въ продолженіе мѣсяца?

— Вы можете, сударь, сосчитать свои визиты.

— А если я не могу сосчитать ихъ?

— Такъ и я не могу.

Золотая монетка изъ рукъ доктора перешла въ руки Розины. Видимо довольная результатомъ своего разговора, она порхнула въ свою комнатку.

Послѣ этого звонокъ безпрестанно раздавался, слушители являлись за вольноприходящими воспитанницами.

По-крайней-мѣрѣ я удостовѣрилась въ одномъ, Розовое или сѣренькое платьице и нарядный передникъ Розины ничего не значили въ глазахъ твердаго и по наружности холоднаго доктора, гдѣ же искать настоящую виновницу?

Впрочемъ какое мнѣ до того дѣло, и, переставъ смотрѣть на доктора Жана инквизиторскимъ взглядомъ, я невольно подошла къ окну, которое выдавалось въ садъ. Между тѣмъ какъ докторъ надѣвалъ свои перчатки, смотря на Жоржету, которая дремала и брался уже за свою шляпу, я увидѣла, что таинственное на соседней стѣнѣ окно осторожно растворилось, высунувшаяся рука махала бѣлымъ платкомъ. Былъ ли на этотъ сигналъ какой отвѣтъ изъ нашего дома, не знаю; но въ то же время бросили изъ окна тоненькую бѣленькую бумажку, вотъ и вторая любовная записка!

— Еще! вскричала я невольно.

— Что такое? спросилъ докторъ, подходя къ окну.

— Вы не видали?

— Нѣтъ. Что такое?

— Опять изъ того окна махали платкомъ и что-то бросили. И я указала на окно, которое тотчасъ закрыли. — Это второе ужъ посланье.

— Ради Бога, подите поднять бумажку и привести ко мнѣ. Васъ никто не замѣтитъ, между тѣмъ какъ на меня всѣ обращаютъ вниманіе.

Я тотчасъ сбѣжала въ садъ и, поискавъ немного, увидѣла, что записка лежитъ на кустарникѣ.

Когда я подала записку доктору, онъ разорвалъ ее не читая.

— Это не ея вина, сказалъ онъ смотря на меня.

— Чья же?

— Вы не знаете?

— Рѣшительно ничего не знаю.

— И вы не догадываетесь?

— Какъ же могу догадаться?

Когда мы покороче познакомимся, продолжалъ докторъ, я готовъ быть съ вами откровеннымъ, и вы могли бы руководствовать самую невинную, самую неопытную дѣвушку.

— Не хотите ли вы сдѣлать меня нянькой?

— Да, отвѣчалъ онъ машинально, углубясь въ свои мысли. Какими окружена она сѣтями!

Въ первый разъ онъ внимательно посмотрѣлъ на меня, желая, безъ-сомнѣнія, найти во мнѣ симпатію, чтобъ вѣрить мнѣ небесное созданье, которому угрожаетъ опасность отъ нечистыхъ вражескихъ силъ. Мнѣ неслишкомъ нравилась роль дуэньи; но, вспомнивъ услугу, оказанную мнѣ докторомъ Жаномъ въ первый вечеръ пріѣзда моего въ Брюссель, я не могла быть ему неблагодарной.

— Во всемъ этомъ, продолжалъ онъ, я только простой зритель.

— Удивительная скромность! подумала я. Можно повѣрить!

Я только случайно узналъ, что одинъ, не очень честный человѣкъ, дозволилъ себѣ воспользоваться этимъ окномъ, чтобъ нарушить спокойствіе вашего сада. Мнѣ случалось также встрѣчать въ обществѣ предметъ его глупыхъ и дерзкихъ преслѣдованій. Достоинства этой особы,

ея молодость должны бы, кажется, были предохранить ее отъ подобной неотвязчивости; но случилось иначе, и я готовъ бы былъ взять подъ свое покровительство неопытную невинную дѣвушку. Но лично я ничего не могу сдѣлать; мнѣ невозможно даже приближаться къ ней.

— Я готова вамъ пособить, но надобно, чтобъ я знала...

— Ожидая его отвѣта, я ломала себѣ голову найти въ нашемъ домѣ это женское совершенство, этотъ сіяющій перлъ. Изъ всѣхъ женщинъ, надо было отдать преимущество нашей начальницѣ, но докторъ Жанъ упоминалъ также о невинности, неопытности. Это не могло относиться къ г-жѣ Бекъ! Все равно, не стану оспаривать доктора. Его ангелъ—будетъ моимъ ангеломъ, его чудо—моимъ чудомъ.

Но какъ было не улыбнуться, при мысли, сдѣлаться дуэньей начальницы или даже которой-нибудь изъ большихъ воспитанницъ, которыя были гораздо опытнѣе меня.

Докторъ, замѣтивъ мою улыбку, покраснѣлъ и взялъ свою шляпу.

Я поняла, что онъ страдаетъ, и стала между имъ и дверью, и на этотъ разъ сказала ему чистосердечно, что готова ему служить.

— Но вы ее знаете, отвѣчалъ онъ, понизивъ голосъ. Такъ прекрасна, такъ добра, такъ невинна! Двухъ подобныхъ не сыщется на свѣтѣ.

Его восторженность начинала удивлять меня. Я раскрыла глаза и уши; но ничего не понимала.

— И такъ, это...

Но въ это самое время раздалось затаенное чиханье. Сквозь замочную скважину дверей комнаты г-жи Бекъ послышался этотъ сухой звукъ. Увы! подобныя нечаянности случаются со всѣми. Могла ли начальница предвидѣть, что такъ некстати зачихаетъ. Возвратясь къ себѣ потихоньку и надѣвъ молчаливыя туфли, она

приложила ухо къ замочной щели и вмѣстѣ со мной
услышала бы роковое имя, но несчастное чиханье
всему помѣшало и срѣзало доктора. Онъ не зналъ что
ему дѣлать, какъ дверь отворилась и начальница,
какъ-будто только что возвратившаяся, чихнувъ еще
раза три — четыре, стала жаловаться на простуду и
разсказывать о своихъ похожденияхъ въ фіакрѣ.

Колоколъ зазвонилъ къ вечерней молитвѣ. Я вы-
шла, оставивъ начальницу **глазь-на-глазь съ докто-**
ромъ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 4.

БЕЗШОКОЙНЫЙ МУЖЪ.

ВОДВИНЪ ВЪ ОДНОМЪ ДВѢЙСТВІИ.

АКТЕРА СЕРГѢЯ БОЙКОВА.

(Подражаніе французскому).

Представленъ былъ въ первый разъ въ
Александринскомъ театрѣ, въ Бенефисъ
актера Алексѣева, 14 мая 1856 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДОЛЬСКІЙ. . . . . Г. Алексѣевъ.
АННА ПЕТРОВНА, жена его. . . . . Г-жа Алекина.
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ АНТОНОВЪ. . . . . Г. Бойковъ.
АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРОВЪ. . . . . Г. М. Максимовъ.

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ, въ окрестностяхъ Петербурга.

Залъ. Въ глубинѣ двѣ двери, выходящія въ садъ. Съ правой стороны на первомъ планѣ каминъ, на немъ двѣ вазы съ букетами, на третьемъ планѣ дверь. Съ лѣвой стороны на второмъ планѣ окно. На авансценѣ съ лѣвой стороны рабочій столикъ и диванъ, съ правой письменный столъ.

I.

АННА ПЕТРОВНА, одна, (*сидитъ за работою*).

Вѣдь есть же люди, которые увѣряютъ, что только на дачѣ и можно быть счастливой! Что до меня, то я совсѣмъ съ этимъ не согласна... Конечно, жить лѣтомъ въ городѣ нѣтъ никакой возможности, но за-то и дача имѣетъ также свои недостатки... Живя въ городѣ, по-крайней-мѣрѣ, избѣгаешь сплетней, тогда какъ здѣсь большая часть людей только и проводитъ время въ этомъ занятіи... Я даже начинаю подозрѣвать, не наговорили ли на меня чего-нибудь моему мужу, потому-что съ нѣкоторыхъ поръ онъ совершенно пере-мѣнился... Прежде былъ ко мнѣ такъ внимателенъ, а теперь каждую минуту ищетъ случая какъ-бы поссориться... Другая на моемъ мѣстѣ и сама-бы начала капризничать, но я разсудила, что этимъ ничего не выиграешь, а только больше потеряешь. Впрочемъ, вѣдь нельзя же въ супружеской жизни обойтись безъ маленькихъ непріятностей... Даже я и сама иногда немножко съ нимъ капризничала... Только не надолго.

Бывало утромъ побранишься,
А смотришь, къ вечеру всегда
Ужъ непременно помиришься...
Мужъ зла не помнить никогда.
Теперь же, право, непонятно,
Онъ сталъ совсѣмъ, совсѣмъ другимъ...
Ему какъ-будто непріятно,
Что я любезничаю съ нимъ.

II.

АННА ПЕТРОВНА и **ДОЛЬСКІЙ** (*входитъ пасмурный въ фуражкѣ*).

Анна Петровна. А! наконецъ-то ты пришелъ, **Basile!** Я тебя часа два уже не вижу... Гдѣ ты былъ?

Дольскій (*сурово*). Гуляль.

Анна Петровна. Гдѣ?

Дольскій. Не знаю.

Анна Петровна. Вотъ это мнѣ нравится, — ты не знаешь гдѣ гуляль?

Дольскій. Ну, да, не знаю, позабылъ... Очень мнѣ нужно помнить о такихъ пустякахъ.

Анна Петровна. Что съ тобою? Ты какъ-будто разстроены?

Дольскій. Съ чего ты взяла, что я разстроены? Кто тебѣ ска-
заль, что я разстроены?

Анна Петровна. Никто, — но это видно по твоему лицу.

Дольскій. Ты не вѣрь моему лицу, — мое лицо лжетъ... Ты не знаешь къ чему привязаться, такъ и ссылаешься на лице... И наконецъ, что тебѣ за дѣло до моего лица? Ты вѣчно стараешься меня рассердить.

Анна Петровна. Какъ тебѣ не стыдно это говорить, Basile! Ты знаешь, что я, напротивъ, стараюсь тебѣ во всемъ угождать, предупреждать малѣйшія твои желанія...

Дольскій (*всторону*). Вретъ! Притворяется!

Анна Петровна. Ну, полно сердиться. (*Цѣлуетъ его*). Ты прежде былъ совсѣмъ другой... Я тебя не узнаю теперь... Что съ тобою?

Дольскій. Что со мною? Я самъ не знаю, что со мною, только меня все сердить, раздражаетъ... Мнѣ досадно, зачѣмъ я не то, чѣмъ бы я хотѣлъ быть... Мнѣ досадно, зачѣмъ теперь хорошая по-года...

Анна Петровна. Неужели тебѣ было бы пріятнѣе, еслибы она была дурная?

Дольскій. Я не говорю, чтобъ это было пріятнѣе, но мнѣ досадно, зачѣмъ все дѣлается не такъ, какъ мнѣ хочется... Каждая бездѣлица рѣшительно выводитъ меня изъ всякаго терпѣнія, — даже нашъ глупый сосѣдъ, который стрѣляетъ по вечерамъ галокъ и воронъ и тотъ меня бѣситъ, потому-что я не могу равнодушно слышать выстрѣла, это разстроиваетъ мои нервы... Наконецъ, долго-ли тутъ до несчастья?

Анна Петровна. Полно, мой другъ, — вѣдь ты очень хорошо знаешь, что ружье его заряжено солью.

Дольскій. А зачѣмъ оно заряжено солью? Вотъ это-то именно меня и бѣситъ.

Анна Петровна. А знаешь ли, что я тебѣ скажу: всего вѣр-

нѣ, что тебѣ наскучило однообразіе нашей жизни и ты-бы лучше пригласилъ къ себѣ для развлечения кого-нибудь изъ твоихъ друзей.

Дольскій. Сегодня я жду къ себѣ Антонова.

Анна Петровна. Онь пробудеть у насъ нѣсколько дней?

Дольскій. Не знаю, можетъ быть... А развѣ тебѣ это не-пріятно?

Анна Петровна. Нисколько... Андрей Ивановичъ прелюбез-ный молодой человекъ, я буду очень рада видѣть его у насъ, и чтобъ доказать это, то сама пойду приготовить для него комнату. (*Цѣлуя мужа*). Да будь же повеселѣе, полно смотрѣть букой. (*Треплетъ его по щекѣ и уходитъ въ комнату направо*).

III.

ДОЛЬСКІЙ (*одина*).

Эта женщина меня уморить, непременно уморить! По ея милости я какъ разъ попаду въ чахотку!.. Вамъ быть можетъ любопытно будетъ узнать, что именно такъ меня беспокоить? Извольте, я вамъ расскажу... Вотъ въ чемъ дѣло: когда жена моя не была еще моею женою, то есть, пока она была дѣвицей, мнѣ она казалась чѣмъ-то необыкновеннымъ; однимъ словомъ, я полагалъ, что женясь на ней буду самымъ счастливейшимъ человекомъ... Если я объясню вамъ причину моего безногойства, то можетъ быть покажусь вамъ глупымъ, смѣшнымъ мужемъ, но все равно, если ужъ рѣшился говорить, такъ надо едержать слово... Слушайте же: около полугода послѣ свадьбы я былъ доволенъ моею судьбой, какъ нельзя болѣе, но съ нѣкоторыхъ поръ замѣтилъ, что жена моя стала со мною какъ-то особенно любезна... Вотъ это-то именно и приводитъ меня въ бѣшенство... Я слышалъ отъ вѣрнаго человека, что если жена сдѣлается съ мужемъ любезнѣе, тогда мужъ навѣрное поздравь себя съ украшеніемъ. (*Показываетъ рога*). Сколько разъ я съ намѣреніемъ старался вывести ее изъ терпѣнія, говорилъ ей пропастъ дерзостей, а она какъ будто-бы и не слыхала этого... Представьте же вы себѣ мое положеніе!.. Теперь я навѣрно убѣжденъ, что жена моя мнѣ изменила... И для чего я женился? О! женщины, женщины! порожденіе крокодила, какъ сказалъ кто-то.

Сколько мы терпимъ отъ васъ и страдаемъ,
Сколько намъ горя отъ васъ!

Мы ни минуты покоя не знаемъ,
Вы — злое сѣмя для насъ.
Жизнь холостая — тоска, наказаніе,
Женишься — тоже бѣда!..
Васъ-бы, коварныя, злыя созданія,
Лучше-бъ не знать никогда!

Только-бы пріѣхалъ сегодня ко мнѣ Антоновъ... Я ему объясню мое положеніе и онъ по дружбѣ, вѣрно мнѣ поможетъ.

IV.

ДОЛЬСКІЙ и АНТОНОВЪ, (*входитъ изъ дверей въ глубинѣ съ лѣвой стороны*).

Антоновъ (*въ дверяхъ*). Можно войти?

Дольскій. А! это ты, мой другъ! Конечно можно... Что за вопросъ! Я сейчасъ только думалъ о тебѣ.

Антоновъ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

Дольскій. Ты какъ нельзя болѣе легокъ на поминѣ. Здоровъ ли?

Антоновъ. Слава Богу.

Дольскій. Ну, тѣмъ лучше. (*Показывая на диванъ*). Садись-ка сюда, мнѣ надо съ тобой переговорить.

Антоновъ. О чемъ?

Дольскій (*взявъ стулъ, садится подлѣ Антонова. Таинственно*). Другъ мой! Ты можешь оказать мнѣ величайшую услугу.

Антоновъ. Напримѣръ?

Дольскій. Посмотри на меня.

Антоновъ. Смотрю.

Дольскій. Нѣтъ, ты хорошенько посмотри.

Антоновъ. Ну, смотрю, смотрю.

Дольскій. Замѣчаешь ты, что я какъ-будто на-иголкахъ?

Антоновъ (*удивясь*). На иголкахъ?

Дольскій. Да, да. Впрочемъ, это было-бы лишнимъ говорить, оно и безъ того замѣтно... Скажи, какъ тебѣ кажется моя жена?

Антоновъ. Прелестна!

Дольскій. Я съ тобою согласенъ и вижу, что ты человекъ со вкусомъ. Ты ее любишь?

Антоновъ (*удивясь*). Люблю ли я ее?

Дольскій. Ну, да, — отвѣчай, пожалуйста, откровенно.

Антоновъ. Конечно... люблю такъ... какъ должно любить жену друга.

Дольскій. Очень хорошо, но этого мало.

Антоновъ (*удивляясь болѣе и болѣе*). Какъ мало?

Дольскій (*таинственно*). Слушай меня внимательнѣе и пожалуйста не перебивай.

Антоновъ. Слушаю.

Дольскій (*почти со слезами*). Другъ мой! Моя жена приводитъ меня въ отчаяніе.

Антоновъ. Что ты говоришь?

Дольскій. Съ нѣкотораго времени она совсѣмъ ко мнѣ перемѣнилась.

Антоновъ. Что же, она съ тобой не говоритъ?

Дольскій. Напротивъ, братецъ, напротивъ.

Она души во мнѣ не слышитъ.

И, страхъ, любезна какъ со мной!

Твердитъ, что мною только дышетъ...

А это, братецъ, знакъ, дурной!

Я правила держусь такого:

Когда ласкается жена,

То, стало, любить ужъ другаго

И мужу не вѣрна она.

А если же вотъ такъ случится:

Что съ мужемъ ссорится жена,

Съ утра до вечера бранится!..

Антоновъ (*говоритъ*). Чтожъ это значить?

Дольскій.

Ну, значить... въ мужа влюблена.

Антоновъ. Что за нелѣпая мысль пришла тебѣ въ голову?

Дольскій. Нѣтъ, братецъ, ты ужъ тамъ что ни говори, а я въ этомъ твердо убѣжденъ... Она меня, просто, замучила своей любовью... И все это вѣрно дѣлается для того, чтобъ скрыть преступную любовь, которая раздражаетъ ей сердце.

Антоновъ. Ты съ-ума сошелъ!

Дольскій. Теперь мнѣ пришло въ голову, подвергнуть ее искушенію... Другъ мой! Приволокнись за ней.

Антоновъ. Я? Ты съ-ума сошелъ!

Дольскій. Сдѣлай милость, ты мнѣ окажешь большую услугу.

Антоновъ. Но...

Дольскій. Какъ! я предоставляю тебѣ мою жену въ полное твое распоряженіе, а ты отказываешься! Съ этихъ поръ ты больше мнѣ не другъ. (*Ставитъ свой стулъ на прежнее мѣсто*).

Антоновъ. Хорошо, хорошо, только не сердись, пожалуйста, — все сдѣлаю по-твоему.

Дольскій. Спасибо, душа моя, спасибо... Я не знаю, чѣмъ и благодарить тебя за это... А! нашелъ! Поди, я тебя поцѣлую. (*Цѣлуетъ его*).

Антоновъ. Ты прежде объясни мнѣ...

Дольскій. Это лишнее, — ты и безъ того очень хорошо меня понимаешь... Прежде всего, ты долженъ написать ей любовное письмо...

Антоновъ. Въ какомъ родѣ?

Дольскій. Неужели ты этого не знаешь?... Ну, такъ садись же и пиши, я буду тебѣ диктовать.

Антоновъ (*сидясь къ письменному столу*). Если ты непременно этого хочешь.

Дольскій (*стоя съ другой стороны стола*). «Милая Анна! Я люблю васъ такъ, какъ не любилъ еще ни одинъ человекъ въ мірѣ! Мнѣ надо говорить съ вами наединѣ. Назначьте мнѣ часъ и я явлюсь, чтобъ высказать вамъ все, что скрывается въ моемъ пламенномъ сердцѣ». — Подпиши свою фамилію. (*Идетъ направо*).

Антоновъ (*запечатываетъ письмо облаткой и встаетъ*). Но какъ доставить ей это письмо?

Дольскій. Ахъ, и въ-самомъ-дѣлѣ, какъ его доставить? (*Увидя на каминѣ букетъ*). А! чудесно! Жена моя любитъ цвѣты, положи письмо въ этотъ букетъ, она ужъ непременно его увидитъ.

Антоновъ (*вкладываетъ письмо въ букетъ, который ближе къ аванъ-сценѣ*). Но скажи мнѣ, пожалуйста, что будетъ тогда, если она будетъ отвѣчать на мою любовь?

Дольскій. Вотъ пустяки! (*Подводя его къ зеркалу, которое на каминѣ*). Ты посмотри прежде на себя, развѣ это возможно при твоей физиономіи?

Антоновъ (*обидясь*). Что же ты нашелъ дурнаго въ моей физиономіи?

V.

Тѣ же и АЛЕКСАНДРОВЪ (*входитъ изъ дверей въ глубинѣ съ лѣвой стороны*).

Александровъ. Здравствуйте, мои друзья.

Дольскій. Что я вижу! Ты ли это, Александръ?

Александровъ. Какъ видишь.

Дольскій. Какъ поживаешь? (*Пожимаютъ другъ-другу руки*).

Александровъ (*Антонову*). Признаюсь, я не предполагалъ тебя здѣсь встрѣтить.

Дольскій (*Александрову*). Ты, конечно, ужинаешь съ нами?

Александровъ. Съ удовольствіемъ... А что Анна Петровна?...

Дольскій. Жена-то моя? Ничего, здорова, благодарю... Занимается по хозяйству... Очень радъ, что вижу васъ обоихъ... Постараюсь, чтобъ вы у меня не соскучились... Мы будемъ ходить вмѣстѣ гулять, кататься въ лодкѣ, фехтовать, — вѣдь у меня взяты съ собой на дачу и рапиры, — вы знаете, что это одно изъ лучшихъ моихъ удовольствій. — Однако извините, господа, если я васъ оставлю, я пойду предупредить жену мою объ вашемъ пріѣздѣ.

Александровъ. Сдѣлай милость, безъ церемоніи.

Антоновъ. А я пойду пройтись по саду.

Александровъ. Что до меня, то я останусь здѣсь... Солнце такъ печетъ, что гулять нѣтъ совершенно никакой возможности.

(*Дольскій уходитъ направо, Антоновъ въ дверь въ глубинѣ съ лѣвой стороны*).

VI.

АЛЕКСАНДРОВЪ (*одинъ*).

Я очень радъ, что они оставили меня одного... Конечно, между нами будь сказано, другъ мой не совсѣмъ-то благоразумно дѣлаетъ, что оставляетъ меня здѣсь... Но что дѣлать! Глазки его жены такъ привлека-

тельны, что хоть кого сведуть съ-ума! Нѣсколько разъ я уже замѣчалъ, что и она на меня какъ-то особенно посматривала и даже въ послѣдній мой визитъ она такъ мило спросила меня: когда я опять у нихъ буду? что это самое и подаетъ мнѣ надежду, что мое посѣщеніе ей не только не непріятно, но даже доставляетъ нѣкоторое удовольствіе... И такъ, слѣдуя пословицѣ: надо ковать желѣзо пока горячо — станемъ дѣйствовать, чтобъ достигнуть цѣли... А для этого самое лучшее средство просить у нея свиданія... Напишу письмо. (*Садится къ письменному столу и пишетъ*): «Я не въ силахъ болѣе скрывать моей къ вамъ любви. Мнѣ надо говорить съ вами безъ свидѣтелей... Если вы согласитесь выслушать меня, въ 8 часовъ вечера откройте въ залѣ окно и ужъ тогда я знаю, что мнѣ останется дѣлать». — Теперь подшину фамилію. (*Хочетъ писать и вдругъ останавливается*). Нѣтъ, для безопасности напишу только одну букву: А. (*Подписываетъ*). Положу записку въ этотъ букетъ. (*Беретъ букетъ, хочетъ положить въ него письмо и замѣчаетъ тамъ записку Антонова*). А! мѣсто ужъ занято! (*Беретъ письмо*). Посмотримъ, что это такое. Безъ адреса... (*Развертываетъ*). Что я вижу! Подпись Антонова!... Скажите пожалуйста, какая дерзость. Писать письма къ женѣ друга! Вотъ они друзья-то! Положись на нихъ! (*Останавливается*). Однако, вѣдь я почти то же самое дѣлаю... О! нѣтъ! какая разница! я влюбленъ дѣйствительно, а онъ, вѣроятно, только притворяется. (*Прячетъ письмо Антонова въ карманъ*). Хорошо еще, что это письмо попало мнѣ въ руки... Непремѣнно все расскажу Дольскому... А свое письмо все-таки положу. (*Кладетъ письмо въ букетъ*). Сюда идутъ... Это она! начнемъ дѣйствовать.

VII.

АЛЕКСАНДРОВЪ съ букетомъ въ рукѣ и **АННА ПЕТРОВНА**.

АННА ПЕТРОВНА. Здравствуйте, Александръ Алексѣевичъ! Какъ это вы насъ вспомнили! Я уже отчаявалась видѣть васъ у себя нынѣшнимъ лѣтомъ... Не хорошо забывать старыхъ знакомыхъ!

АЛЕКСАНДРОВЪ. Можете ли вы это думать, Анна Петровна? Одно мое желаніе, видѣть васъ, вы такъ всегда любезны, такъ милы,

что знакомство съ вами я считаю величайшимъ для себя наслажде-
ніемъ.

Анна Петровна. Будьте осторожны... Что, если бы мой мужъ
это услышалъ!.. Онъ такъ ревнивъ, что...

Александровъ. Быть не можетъ.

Анна Петровна. Увѣряю васъ... Да и не всѣ ли мужья въ
этомъ отношеніи похожи одинъ-на-другаго?..

Александровъ. Но ревновать меня...

Анна Петровна. Развѣ потому только, что знаетъ, что вы
скоро женитесь.

Александровъ (*всторону*). Чортъ возьми! это ей извѣстно!

Анна Петровна. И вотъ причина, почему вы рѣдко насъ по-
сѣщаете... Впрочемъ, это и немудрено... Для васъ, конечно, гораздо
пріятнѣе быть вмѣстѣ съ любимую вами особою, чѣмъ съ другими.
Скажите, ваша невѣста очень хороша собой?

Александровъ. О! сударыня!..

Анна Петровна. Я слышала, что вы очень ее любите?..

Александровъ. Да, я люблю, но люблю другую... Женщину,
которая выше всего для меня на свѣтѣ! Для которой я готовъ пожер-
товать всѣмъ, даже жизнію!

Анна Петровна. Что вы говорите? Кто же эта женщина?

(*Антоновъ показывается въ дверяхъ въ глубинѣ и
увидя Александрова останавливается*).

Александровъ. Она... (*Оглядывается вокругъ и видитъ
Антонова. Всторону*). Антоновъ! (*Ей*). Теперь я не могу вамъ
этого сказать... Возьмите этотъ букетъ, онъ вамъ все объяснитъ.
(*Отдаетъ ей букетъ*).

Анна Петровна (*всторону, взявъ букетъ*). Что это зна-
чить?

VIII.

Тѣ же и АНТОНОВЪ.

Антоновъ (*всторону, входя въ средину*). Надо его удалить
отсюда. (*Громко Александрову*). Тебя спрашиваетъ мужъ Анны
Петровны.

Александровъ (всторону). Какого чорта ему отъ меня надо?

Антоновъ. Онъ хочетъ показать тебѣ какіе-то новые цвѣты... Ступай же, ступай,—а я останусь съ Анной Петровной.

Александровъ (всторону). А! ты выдумалъ предлогъ, чтобъ только самому съ ней остаться!.. Хорошо!.. Погоди любезнѣйшій, я сейчасъ же пойду и покажу твое письмо мужу.

Антоновъ. Что ты говоришь?

Александровъ. Ничего, ничего... Я иду, иду. (*Аннѣ Петровнѣ*). Вы позволите, Анна Петровна?

Анна Петровна. Сдѣлайте милость, безъ церемоніи.

Антоновъ (проводя его до дверей). Ты найдешь его въ павильонѣ.

Александровъ. Хорошо, хорошо. (*Уходитъ. Анна Петровна садится на диванъ и разсматриваетъ букетъ*).

IX.

АННА ПЕТРОВНА (съ букетомъ въ рукѣ) и АНТОНОВЪ.

Антоновъ (всторону). У нея въ рукахъ букетъ!.. Она прочла мое письмо... Какъ-то она приняла мое объясненіе?

Анна Петровна. Вы вѣрно будете такъ любезны, Андрей Ивановичъ, что проведете у насъ нѣсколько дней.

Антоновъ. Нѣсколько дней? О! сколько вамъ будетъ угодно! (*Всторону*). А я еще боялся, что она меня безъ дальнихъ разговоровъ сейчасъ же выпроводитъ за дверь... Стало-быть, она прочла мое письмо... А все-таки не мѣшаетъ удостовериться... (*Вслухъ, подходя къ ней*). Какой у васъ прекрасный букетъ!

Анна Петровна. Я получаю ихъ каждое утро отъ моего мужа... Онъ такъ внимателенъ ко мнѣ, такъ добръ!..

Антоновъ. О! что онъ добръ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Анна Петровна. Будьте такъ любезны, Андрей Ивановичъ, потрудитесь положить этотъ букетъ въ вазу. (*Садится за работу*).

Антоновъ (подходя къ камину, хочетъ положить бу-

кетъ въ вазу и замѣчаетъ письмо Александрова. Всторону).
Что я вижу? Отвѣтъ на все письмо! Любопытно-бы узнать, что въ немъ заключается? (Кладетъ букетъ въ вазу).

Анна Петровна. Что же вы не сядете, Андрей Ивановичъ?

Антоновъ. Сейчасъ, Анна Петровна, сейчасъ. (Садится около стола. Всторону, показывая на письмо). Вѣрьте послѣ этого въ женскую добродѣтель! (Прячетъ письмо въ карманъ).

Анна Петровна. Зачѣмъ же вы сѣли такъ далеко?

Антоновъ. Виновать, Анна Петровна, что я...

Анна Петровна. Можетъ быть, вы хотите пойти къ моему мужу?

Антоновъ (всторону). Она хочетъ оставить меня одного, чтобъ я могъ прочесть ея отвѣтъ... О! женщины, женщины! Хитрыя вы женщины! Какъ это вы все такъ скоро придумаете!.. (Вслухъ. вставая). Совсѣмъ нѣтъ, Анна Петровна, могу ли я предпочесть бесѣду съ вами чему нибудь другому... Но мнѣ необходимо послать письмо въ городъ... Я предполагалъ возвратиться туда сегодня же, но вамъ было угодно, чтобы я провелъ здѣсь нѣсколько дней, на что я съ удовольствіемъ согласился... А такъ-какъ я назначилъ завтра свиданіе съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ по одному важному для меня дѣлу, то и долженъ увѣдомить его... И если вы мнѣ позволите...

Анна Петровна (вставая и оставляя свою работу). Сколько вамъ угодно... Здѣсь на этомъ столѣ вы найдете все нужное для письма... Не желая вамъ нѣшать, оставляю васъ.

X.

АНТОНОВЪ (одинъ).

О, женщины, женщины! Лисица хитра,—вѣтъ, женщина ее перецеголяла. Прочтѣмъ однако, что она мнѣ пишетъ. (Вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ). «Я не въ силахъ болѣе скрывать моей къ вамъ любви... Мнѣ надо говорить съ вами безъ свѣдѣтелей... Если вы согласитесь выслушать меня, въ 8 часовъ вечера откройте въ залѣ окно и ужъ тогда я знаю, что мнѣ останется

дѣлать... Она подписала только первую букву своего имени А... Конечно, изъ предосторожности... Впрочемъ, еслибы письмо было и совершенно безъ подписи, нетрудно было-бы догадаться, что оно отъ нея... О! счастье! Она придетъ сюда, если я отворю окно. . Она меня любитъ! (*Открываетъ окно*). Бѣдный мужъ! еслибы ты зналъ, какую штуку я тебѣ приготовилъ! А онъ еще съ-дуру просилъ меня поволочиться за его женой! Теперь пѣний на себя, зачѣмъ жена твоя такъ хороша.

Бѣда съ хорошенькой женой!

Отъ воловить не отобьешься...

Простись съ счастливою звѣздой,

Тутъ кой-чего (*показывая рога*) какъ

разъ лождешься!

Ахъ! какъ я радъ, что холостымъ

Мнѣ суждено весь вѣкъ остаться!

Вѣдь съ украшеніемъ такимъ

(*снова показывая рога*)

И въ люди стыдно показаться.

XI.

АНТОНОВЪ, ДОЛЬСКІЙ и АЛЕКСАНДРОВЪ.

Дольскій, (*входя первый, всторону, скрестивъ руки*). Дѣлать нечего, надо притворяться взбѣшеннымъ, когда вовсе того не хочется.

Александровъ (*увидя окно открытымъ, всторону*). Окно открыто... письмо мое подѣйствовало!..

Дольскій (*ужаснымъ голосомъ*). Антоновъ!

Антоновъ (*оборачиваясь*). Что тебѣ? (*Прячетъ письмо, которое держалъ въ рукахъ*).

Дольскій. Ты такой негодяй, какихъ свѣтъ не производилъ!

Антоновъ (*вставая*). Ты вѣчно шутишь. (*Всторону*). Чортъ возьми! Ужъ не догадался ли онъ?

Дольскій. Я никогда не шучу въ дѣлахъ серьезныхъ! Спроси вотъ у него. (*Показывая на Александра*). Не правда-ли?

Александровъ. О, да, да!

Дольскій (*взявъ письмо отъ Александра*). Узнаешь-ли ты эту руку? Развѣ приличны благородному человѣку подобные поступки?..

Антоновъ. Но это письмо...

Дольскій. Молчать! безъ оправданій! Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!..

Антоновъ. Но...

Дольскій. Ты волочишься за моей женой!..

Антоновъ (*тихо ему*). Да не самъ-ли ты...

Дольскій (*еще громче*). Молчать!

Антоновъ. Да что съ тобою?

Дольскій. А то со мною, что во-первыхъ обрѣжу тебѣ уши, а потомъ ужъ перерѣжу горло... Вотъ что!

Антоновъ. Какъ?

Дольскій (*Александрову*). Ты будешь моимъ секундантомъ.

Александровъ. Изъ дружбы къ тебѣ я принимаю твое предложение.

Антоновъ. Ты все еще шутишь?

Дольскій. Я шучу? Скажите пожалуйста! Онъ это называетъ шуткой... Хороши шутки! Вотъ посмотримъ, когда я убью тебя, что ты тогда заговоришь!

Антоновъ (*разгорчаясь*). Воля твоя, любезнѣйшій, но я рѣшительно ничего не понимаю... Объясни мнѣ...

Дольскій (*приходя въ ярость*). Будемъ говорить хладнокровно... Ты негоднй!.. (*Александрову*). Не правда-ли? Ты со мною согласишь? Онъ негоднй?

Антоновъ (*выходя изъ терпѣнія*). О! чертъ тебя возьми!

Дольскій (*толкая его въ уголь, съ лѣвой стороны*). Поди туда въ уголь, тамъ я объяснюсь съ тобою одинъ-на-одинъ. (*Александрову*). Извини, что я тебя на минуту оставлю. (*Подходя къ Антонову, тихо ему*). Послушай, я просилъ тебя поволочиться за моей женой, а ты объ этомъ сталъ всѣмъ рассказывать... Александрову попалось въ руки твое письмо, и ты понимаешь теперь, что послѣ всего этого мнѣ остается одно: убить тебя и потомъ вытолкать за дверь.

Антоновъ. Что же за бѣда, что онъ узналъ?.. Я ему объясню...

Дольскій (*удерживая его*). Не смѣй ему ничего говорить!..

Антоновъ. Но какъ онъ могъ это узнать?

Дольскій. Не знаю... Можетъ быть, онъ насъ подслушалъ. (*Подходитъ къ Александрову*).

Антоновъ (*всторону*). О! я отомщу!

Дольскій (*Александрову*). Онъ согласенъ со мною драться. (*Антонову*). Идемъ, низкій развратитель!.. Я горю нетерпѣніемъ перерѣзать тебѣ горло.

Антоновъ. Но, мой другъ...

Дольскій. Антоновъ! Я болѣе не другъ вашъ!

Александровъ (*взявъ въ глубинъ шляпу подходитъ къ Антонову и надвѣваетъ ее ему на голову*). Вотъ ваша шляпа.

Антоновъ (*всторону, изумленный*). И онъ тоже!.. Да что они, съ ума что ли сошли?

Дольскій (*Антонову*). Ступай въ садъ, я сей-часъ туда приду. Мы все кончимъ въ одну минуту... (*Всторону*). Изъ предосторожности запру окно, чтобы жена ничего не знала. (*Затворяетъ окно*).

Антоновъ (*уходя въ дверь въ глубинъ съ правой стороны*). Онъ рѣшительно съ ума сошелъ!

XII.

АЛЕКСАНДРОВЪ и ДОЛЬСКІЙ.

Дольскій (*становясь въ драматическую позу*). Александровъ! ты доволенъ мною?

Александровъ. Какъ нельзя болѣе... Не случись тутъ меня, что бы было съ тобою?

Дольскій. Именно, не случись тутъ тебя, такъ ничего-бы и не было.

Александровъ (*всторону*). О! еслибы ты зналъ, что я самъ влюбленъ въ твою жену!.. (*Отворяетъ окно*).

Дольскій. Я знаю, ты это сдѣлалъ по дружбѣ ко мнѣ, спасибо, мой другъ, спасибо... Тѣфу пропасть! кто же это открылъ окно?... (*Затворяетъ его и идетъ къ нему*).

Александровъ (*всторону*). Для чего это онъ все его затворяетъ? (*Вслухъ*). Помилуй, тутъ не за что благодарить меня, каждый на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ-бы то же самое. (*Взявъ его за руку*). И къ тому же, я такъ люблю тебя, мой милый Basile (*Снова открываетъ окно*).

Дольскій (*идя направо, обдумывая*). Какъ ты думаешь, отвѣчала ли бы жена моя на любовь Антонова?

Александровъ. Не думаю. Твоя жена такъ привязана къ тебѣ, такъ любить тебя, что никогда не будетъ въ состояннн рѣшиться на подобный поступокъ.

Дольскій. Такъ, такъ... Все это очень можетъ быть, а все-таки не мѣшаетъ въ этомъ удостовѣриться. Ты будешь оселкомъ...

Александровъ. Какъ оселкомъ?

Дольскій. Тебѣ, конечно, извѣстно, что когда хотять убѣдиться, что вещь, или, положимъ, игрушка, дѣйствительно ли золотая, то ее пробуютъ на оселкѣ... И такъ, ты будешь оселкомъ, а жена моя игрушкой... Понялъ?

Александровъ (*всторону*). Порученіе довольно пріятное! Но, притворюсь, что не понимаю. (*Вслухъ*). Я не понимаю тебя.

Дольскій. А дѣло очень просто: ты поволочись за моей женой... Если кто любилъ одинъ разъ, для того ничего не значить влюбиться въ другой, третій и такъ далѣе.

Александровъ. Какъ! ты хочешь?

Дольскій. Да.

Александровъ. Рѣшительно?

Дольскій. Рѣшительно... Будь другъ! Услужи мнѣ... Ты меня очень обяжешь.

Александровъ. Изволь, — но только изъ дружбы къ тебѣ я приношу себя въ жертву.

Дольскій. Спасибо, душа моя, спасибо. Теперь я убѣдился, что ты дѣйствительно мой другъ. Дай, я тебя поцѣлую. (*Цѣлуетъ его*). Будь съ нею какъ можно любезнѣе, чувствительнѣе, она женщина слабая и какъ разъ пойметъ тебя... А! вотъ, кажется, и она идетъ сюда... Я ухожу и предоставляю тебѣ полную свободу. Пойду отыскать этого бѣднаго... (*Опомнись*). То есть, я хотѣлъ сказать: это чудовище, Антонова. (*Уходитъ въ дверь въ глубинѣ направо*).

Александровъ (*одинъ*). Я только того и добивался. Теперь я безъ опасенія могу открыть ей мое сердце, потому что дѣлаю это

съ согласія мужа... (*Подходя къ вазъ и смотря въ нее*). А мое письмо дошло уже по адресу... О! несчастные мужья! Какъ вы иногда бываете недалъновидны!

(*Анна Петровна входитъ изъ дверей съ правой стороны*).

XIII.

АЛЕКСАНДРОВЪ, АННА ПЕТРОВНА, ПОТОМЪ АНТОНОВЪ.

Анна Петровна (*увидя Антонова*). Ахъ, это вы, Александръ Алексѣевичъ! А мнѣ послышался здѣсь голосъ моего мужа.

Александровъ. Онъ сейчасъ только ушелъ отсюда.

Анна Петровна. Вы, надѣюсь, будете такъ любезны, что останетесь у насъ ужинать и проведете здѣсь весь вечеръ? Завтра утромъ мой мужъ поѣдетъ въ городъ, тогда и вы можете съ нимъ ѣхать. (*Садится на диванъ и беретъ работу*).

Александровъ. Могу ли я въ чемъ нибудь вамъ отказать! (*Всторону*). Она прочла мое письмо и проситъ меня здѣсь остаться... Бѣдный мужъ!

Антоновъ (*показывается въ дверяхъ въ глубинѣ съ правой стороны и увидя ихъ останавливается*). Что я вижу!

Анна Петровна. Такъ вы остаетесь у насъ, это рѣшено?

Александровъ. Это было постояннымъ моимъ желаніемъ.

Антоновъ (*всторону*). Что такое? Онъ волочится за ней!.. Погоди, вотъ я тебѣ удружу. (*Затворяетъ дверь*).

Александровъ (*всторону*). Подождемъ вечера, тогда будетъ удобнѣе объясняться.

Анна Петровна (*оставляя свою работу, встаетъ*). Я велю приготовить для васъ комнату... Извините, что оставляю васъ однихъ, но на дачѣ мы привыкли обращаться безъ церемоніи, въ-особенности съ друзьями.

Александровъ. Мнѣ было бы очень неприятно, еслибы я чѣмъ-нибудь могъ обезпокоить васъ.

(*Анна Петровна уходитъ направо; въ это время изъ двери съ правой стороны показывается Антоновъ*).

XIV.

АЛЕКСАНДРОВЪ и АНТОНОВЪ.

Александровъ (*не видя Антонова*). Теперь, любезнѣйшій мой Дольскій, ты будешь мною доволенъ.

Антоновъ (*входя, вслухъ*). Ну, это мы еще увидимъ.

Александровъ. Какъ! ты насъ подслушивалъ! Куда какъ это мило!

Антоновъ. А ты развѣ лучше поступилъ со мною? Ты наговорилъ на меня Дольскому, чтобы самому имѣть случай волочиться за его женой.

Александровъ. Если это было нужно?

Антоновъ. И ты надѣешься усѣть въ своемъ намѣреніи?

Александровъ. Конечно. Я увѣренъ, что она предпочтетъ меня тебѣ.

Антоновъ. Это еще не рѣшено.

Александровъ. Нетолько рѣшено, но даже и подписано. (*Подводя его къ зеркалу*). Ты посмотри на себя, развѣ можно влюбиться въ подобнаго мужчину? Ты такъ худъ и тонокъ, что каждую минуту опасаясь за себя, такъ вотъ и ждешь, что ты пополамъ переломишься... Тогда какъ взгляни на меня... Недурень собою, румянецъ во всю щеку, а глаза, ты размотри хорошенько мои глаза... Какая женщина противъ нихъ устоитъ?

Антоновъ. Говори, что хочешь, только я все расскажу Дольскому.

Александровъ. Сдѣлай милость, я этого не испугаюсь. (*Садится на диванъ*).

Антоновъ. Хорошо же ты пользуешься здѣсь гостепріимствомъ!

Александровъ. Ей Богу, ты наконецъ меня смѣшишь своими наставленіями.

Антоновъ. Смѣйся, сколько тебѣ угодно, — будешь ли смѣяться тогда, когда я все расскажу Дольскому.

Александровъ. Онъ тебѣ не повѣрять.

Антоновъ. Увидимъ, увидимъ.

(Дольскій входитъ изъ двери въ глубинъ съ правой стороны).

Александровъ. Да вотъ кстати и онъ.

XV.

Тѣ же и ДОЛЬСКІЙ.

Дольскій *(Увидя Антонова)*. А! ты еще здѣсь, чудовище!

Антоновъ. Здѣсь, здѣсь, — но подойди сюда и узнай, что Александръ, котораго ты считалъ такимъ скромникомъ...

Дольскій. Что?

Антоновъ. Волочится за твоей женой.

Дольскій *(притворяясь разсерженнымъ)*. Что такое? *(В сторону)*. Дуракъ! все дѣло только испортить.

Антоновъ. Я засталъ его вдвоємъ съ твоей женой.

Дольскій *(также)*. Ты ихъ засталъ?.. Можетъ-ли-быть?

Антоновъ. Да. *(Отходитъ къ сторонѣ)*.

Дольскій *(в сторону, входя въ средину)*. Опять дѣло къ чорту пошло. *(Тихо, Александрову)*. Какой ты, братецъ, неловкій... Если ужъ волочиться за замужней женщиной, такъ это надо дѣлать такъ, чтобы никто не замѣчалъ. *(Вслухъ, съ сердцемъ)*. И вы, сударь, осмѣлились рѣшиться на подобную дерзость! *(Антонову)*. Спасибо тебѣ, мой другъ, ты спасъ меня отъ безчестія... *(Александрову, который смотритъ на него въ недоумѣніи)*. Съ-этихъ-поръ, чтобъ ноги вашей у меня не было!..

Александровъ. Признаюсь, я рѣшительно тебя не понимаю!.. Ты сердился на меня за то, что я только поговорилъ съ твоей женой, тогда какъ другіе пишутъ къ ней письма, а ты смотришь на это сквозь пальцы... Не самъ ли я тебѣ отдалъ его письмо?..

Дольскій. Ахъ, да! и въ-самомъ-дѣлѣ! *(Антонову)*. Послушайте, милостивый государь! какъ вы осмѣлились писать къ моей женѣ?.. А?

Антоновъ. Да не самъ ли ты?!

Дольскій. Я васъ, сударь, спрашиваю?..

Антоновъ. Тьфу, чортъ возьми! Съ тобою лопнетъ всякое терпѣніе!..

Дольскій. Нѣтъ, я, напротивъ, долженъ имѣть терпѣніе!..

Антоновъ. Да не по твоей ли просьбѣ я...

Дольскій (*перебивая его, почти крича*). Молчать! ни слова!.. Это клевета! сплетни!

Антоновъ (*всторону*). А! если такъ, то я пойду и все расскажу его женѣ. (*Вслухъ*). Прощайте!

Дольскій. Мое почтеніе.

Антоновъ. Вы мнѣ еще за это поплатитесь. (*Уходитъ въ дверь въ глубинѣ съ лѣвой стороны*).

Дольскій (*проводивъ его до дверей, кричитъ ему всльдъ*). Чортъ тебя поberi!

XVI.

ДОЛЬСКІЙ и АЛЕКСАНДРОВЪ.

Александровъ (*всторону*). Какъ бы отъ него отдѣлаться? (*Вслухъ*). Послушай, мой другъ, я пойду догнать его и попросить у него объясненія... Вѣдь онъ наговорилъ тебѣ пропасть дерзостей, и я, какъ другъ твой, обязанъ заступиться за тебя.

Дольскій. Неужели онъ наговорилъ мнѣ дерзостей?

Александровъ. Конечно... Онъ назвалъ тебя почти дуракомъ.

Дольскій. Неужели онъ назвалъ меня дуракомъ?.. Я что-то не помню.

Александровъ. Я это очень хорошо слышалъ.

Дольскій. Ахъ, чортъ возьми! счастье его, что онъ ушелъ, а то-бы это ему не прошло даромъ.

Александровъ. Еще не поздно поправить бѣду, я сейчасъ иду къ нему и онъ поплатится за обиду, которую нанесъ моему лучшему другу.

Дольскій. Только, пожалуйста, постарайся все окончить поскорѣе.. Черезъ полчаса мы будемъ ужинать.

АЛЕКСАНДРОВЪ. Будь спокоенъ, я не заставлю себя долго ждать. До свиданія! (*Уходитъ въ дверь въ глубинъ съ правой стороны*).

ДОЛЬСКІЙ (*вслѣдъ ему*). Желаю тебѣ счастливаго успѣха!
(*Ночь*).

XVII.

ДОЛЬСКІЙ (*одинъ*).

Опять все планы мои разрушились!.. Ревность, любовь, подозрѣніе, злость, все это соединилось вмѣстѣ... И я опять какъ на иглокахъ!.. (*Съ презрѣніемъ*). Дураки! не умѣютъ порядочно поволочиться за женщиной... И этотъ глупый Антоновъ проболтался Александрову, что я просилъ его поволочиться за моей женой! (*Идти къ двери въ глубинъ съ лѣвой стороны*). О! съ какимъ бы удовольствіемъ я его поколотилъ! (*Толкаетъ ногою стулъ, онъ падаетъ, при шумѣ выходитъ Анна Петровна со свѣчю изъ двери съ правой стороны. Сцена освѣщается*).

XVIII.

ДОЛЬСКІЙ и АННА ПЕТРОВНА.

АННА ПЕТРОВНА. Что за шумъ? (*Ставитъ свѣчу на столъ*).

ДОЛЬСКІЙ. Ничего... Это я убираю мебель. Ты пришла очень кстати... мнѣ давно хотѣлось спросить тебя...

АННА ПЕТРОВНА. О чемъ?

ДОЛЬСКІЙ. Скажи, пожалуйста, какъ ты находишь Антонова?

АННА ПЕТРОВНА. Андрея Иваныча?

ДОЛЬСКІЙ. Да, да.

АННА ПЕТРОВНА. Онъ, кажется, довольно порядочный молодой человѣкъ, иначе конечно-бы не былъ твоимъ другомъ.

Дольскій. Хорошъ другъ, который не умѣетъ какъ должно вести себя.

Анна Петровна. Что же онъ тебѣ сдѣлалъ?

Дольскій. Вотъ то-то и худо, что онъ ничего не сдѣлалъ, а я еще такъ убѣдительно просилъ его.

Анна Петровна. Я тебя не понимаю.

Дольскій. Я просилъ его помочь мнѣ въ одномъ дѣлѣ, а онъ ничего и не сдѣлалъ.

Анна Петровна. Можетъ-быть, ты далъ ему трудное порученіе?

Дольскій. Напротивъ, ничего не можетъ быть легче.

Анна Петровна. А если онъ нашелъ, что тебѣ самому гораздо удобнѣе это сдѣлать?

Дольскій (*всторону*). Чортъ возьми! Ужъ не догадалась ли она? (*Всторону*). Ну, а какого ты мнѣнія объ Александрѣ?

Анна Петровна. Мнѣ страннымъ кажется, что ты сегодня только вздумалъ спрашивать моего мнѣнія о твоихъ друзьяхъ.

Дольскій. Это, вотъ, видишь ли, почему, душа моя: Можетъ-быть, они тебѣ надоѣли, такъ я безъ дальнихъ разговоровъ скажу имъ: господа! мнѣ очень пріятно васъ видѣть, но вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе, если прекратите свои посѣщенія.

Анна Петровна. Но это будетъ неделикатно!..

Дольскій. Что за церемонія между пріятелями! Признайся же, очень они тебѣ надоѣли?

Анна Петровна. Нисколько... Александръ Алексѣевичъ очень милый, любезный молодой человекъ.

Дольскій. Да, можетъ-быть, для тебя.

Анна Петровна (*равнодушно*). Что ты сказалъ?

Дольскій. Ничего, ничего. (*Всторону*). Чуть-было не проболтался.

Анна Петровна. Но гдѣ эти господа?

Дольскій. Въ саду, любятъся луною.

Анна Петровна. Однако уже 10 часовъ... Пора и ужинать. Я велю подавать на столъ.

Дольскій. Хорошо, хорошо... А такъ какъ я завтра утромъ рано поѣду въ городъ, то мнѣ надо приготовить кой-какія бумаги.

(*Анна Петровна уходитъ въ комнату направо*). Наконецъ я убѣдился: Александровъ не нравится моей женѣ, тѣмъ лучше, онъ опять будетъ моимъ орудіемъ. (*Беретъ со стола свѣчу и уходитъ въ комнату направо. На сценѣ темно*).

XIX.

АНТОНОВЪ и АЛЕКСАНДРОВЪ.

Антоновъ (*входя изъ двери въ глубинѣ съ лѣвой стороны*). Она все узнаетъ... О! любезнѣйшій! ты не ожидаешь, какъ я тебѣ насолю!

Александровъ (*входитъ изъ двери въ глубинѣ съ правой стороны*). Я слышу шаги... Это она. (*Прислушивается*). Здѣсь кто-то есть!.. А! вѣрно она ждетъ меня! (*Идетъ къ дивану*).

Александровъ (*всторону*). Еслибы Антоновъ какимъ-нибудь случаемъ узналъ, что имѣю свиданіе съ Анной Петровной, онъ, я думаю, треснулъ-бы съ досады!

Антоновъ (*всторону*). Какой-же носъ я наклею Александрову!

Александровъ (*шепотомъ*). Гдѣ въ?

Антоновъ (*также*). Здѣсь. (*Ища другъ друга, они обходятъ сцену вокругъ*).

Александровъ (*также*). Подойдите ко мнѣ, не бойтесь ничего.

Антоновъ (*также*). Да я ни зги не вижу. (*Всторону*). Зачѣмъ я не кошка? Она-бы меня съ-разу замѣтила! (*Нечаянно задѣваетъ ногою стулъ у стола съ правой стороны*).

Александровъ (*оборачиваясь при шумѣ*). А! вы здѣсь... Вотъ вамъ моя рука. (*Протягиваетъ руку*).

Антоновъ (*подходя къ нему беретъ его за руку*). Наконецъ!

Александровъ. Я почти не вѣрю моему счастью!

(*Въ одно время берутъ другъ друга за талию и съ ужасомъ вскрикиваютъ, отскакивая одинъ отъ друга*).

Вмѣстѣ (*струсивъ*). Что это такое?

Антоновъ. Мужчина!

Александровъ. Антоновъ!

Антоновъ. Александровъ!

Александровъ. А! Ты хотѣлъ посмѣяться надо мною!

Антоновъ. Ты осмѣлился выдавать себя за женщину!

Александровъ. Это тебѣ даромъ не пройдетъ. (*Ищетъ его, размахивая руками*). Ты мнѣ за это заплатишься.

(*Лица другъ друга обходятъ сцену вокругъ*).

Антоновъ. Ты не ожидаешь, какъ я тебѣ насолю за это!

Александровъ (*схвативъ его за стуртукъ*). А! Наконецъ!

Антоновъ (*также*). Теперь ты отъ меня не увернешься!

Александровъ. Мы будемъ драться!

Антоновъ. Безъ свидѣтелей!

Александровъ. Хорошо. Я сейчасъ пойду за рапправи... Увидимъ, чья возьметъ. (*Уходитъ въ дверь въ глубинѣ съ лѣвой стороны*).

XX.

АНТОНОВЪ (*думая, что Александровъ еще здѣсь, ходитъ по сценѣ*).

Я напередъ увѣренъ, что побѣда останется на моей сторонѣ! Не забудь, что вѣдь я недаромъ же пять лѣтъ учился фехтованію! Жизнь твоя теперь виситъ на волоскѣ... Пши скорѣй духовное завіщаніе... Что молчишь? Струсилъ? Да гдѣ же ты, чудовище?

XXI.

АНТОНОВЪ и ДОЛЬСКІЙ.

Дольскій (*самъ съ собою*). Что здѣсь такое? Мнѣ послышалось, что здѣсь очень горячо разсуждали.

Антоновъ (*принимая его за Александрова, беретъ его за руку*). А! Наконецъ я тебя нашелъ! погоди, дружокъ! Я отучу тебя волочиться за замужними женщинами! (*Сильно трясетъ его за руку*). Мы будемъ драться на смерть! Слышишь ли ты?

Дольскій (*вскрикнувъ*). Ай! что за глупыя шутки!

Антоновъ (*всторону*). Чортъ возьми! Это мужъ! — скроемся поскорѣй! (*Ощупью уходитъ въ дверь въ глубинъ съ правой стороны*).

XXII.

ДОЛЬСКІЙ (*одинъ*).

Ну-съ? Что же вы молчите? Кто вамъ навралъ, что я волочусь за замужними женщинами? А? Отчего жъ и не драться, но только прежде надо объяснить, за что я буду драться, потому что по пустякамъ я не намѣренъ рисковать собою. Ну-съ, говорите же, я васъ слушаю. Скоро-ли? (*Александровъ входитъ съ рапирами изъ дверей въ глубинъ съ лѣвой стороны*).

XXIII.

ДОЛЬСКІЙ и АЛЕКСАНДРОВЪ (*входитъ при послѣднихъ словахъ*).

Александровъ. Сейчасъ, сейчасъ... Мы кончимъ все въ одну минуту.

Дольскій (про себя). Хоть-бы палка какая-нибудь попалась под руку на всякій случай. (Идетъ, протянувъ впереди себя руки и задвѣваетъ рукою одну изъ рапиръ, которыя держитъ Александровъ). Рапира! чортъ возьми! Лучше убраться поскорѣй. (Идетъ налѣво держа въ рукѣ рапиру).

Александровъ (идя направо, размахиваетъ по воздуху рапирою). Защищайся злодѣй, защищайся!

Дольскій (также). Чортъ-знаетъ, что тутъ такое происходитъ?

Александровъ. Ты прачешься, чудовище! Но я найду тебя!

Дольскій (про-себя). Если это долго будетъ продолжаться, я закричу караулъ.

Александровъ. Ты не ожидаешь, какъ я тебѣ отомщу за честь моего друга Дольскаго.

Дольскій. Въ самомъ дѣлѣ? Такъ я...

Александровъ. Нѣтъ! нѣтъ тебѣ пощады! (Изъ рапиръ встрѣчаются и они фехтуютъ не задвѣвая другъ друга).

Дольскій (кричитъ). Помогите! помогите! онъ задѣлъ меня по пальцу! (Падаетъ на диванъ, держа въ рукѣ рапиру).

XXIV.

Тѣ же, АННА ПЕТРОВНА, потомъ АНТОНОВЪ.

Анна Петровна (выходя съ правой стороны со свѣчею въ рукѣ). Что случилось? (Взглянувъ на мужа). Боже! мой мужъ! что съ нимъ?

Александровъ (всторону). Ахъ, чортъ возьми! Въ-потѣмахъ-то я его принялъ за другаго!

Дольскій (*вставая и идя къ Александрову*). Ничего, ничего... Это была шутка... мы играли...

Александровъ (*Дольскому*). Извини меня, мой другъ, мнѣ очень досадно, что я...

Дольскій (*тихо Александрову*). Ничего, ничего! напротивъ, я очень тебѣ благодаренъ... Ты вступился за мою честь... Только, пожалуйста женѣ ни слова!

(*За кулисами слышенъ выстрѣлъ*).

Анна Петровна. Это что такое?

Дольскій. Вѣрно нашъ сосѣдъ подсолбилъ кого-нибудь.

Антоновъ (*вбѣгая изъ дверей съ глубинъ*). Помогите, помогите! ай, ай!

Дольскій. Что случилось?

Антоновъ. Меня подстрѣлили!

Дольскій. Какъ подстрѣлили?

Анна Петровна. Объясните, пожалуйста...

Антоновъ. Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло: я долженъ былъ отсюда уѣхать немедленно, по причинамъ извѣстнымъ вашему мужу...

Дольскій (*живо*). Да, да, у насъ было парв.

Антоновъ. Калитка въ саду была заперта, и я, чтобъ не беспокоить никого, счелъ за лучшее перелѣзть черезъ рѣшетку, какъ вдругъ... пафъ! цѣлый зарядъ прямо въ меня!..

Дольскій. Это нашъ сосѣдъ вѣрно принялъ тебя за вора... Счастье твое, что ружье было заряжено солью...

Антоновъ (*съ радостью*). Можетъ-ли быть? (*Вся смѣются*).

Дольскій. Увѣряю.

Антоновъ. Уфъ! отдыхаю!.. А я ужъ думалъ—было послать за докторомъ. (*Тихо Дольскому*). Еслибъ ты зналъ, какъ это больно!

Дольскій (*также*). И порядочно-таки онъ тебя ранилъ?

Антоновъ. Даже очень.

Дольскій. Куда?

Антоновъ. Послѣ скажу.

Дольскій. Это тебя судьба наказала... Ты хотѣлъ насолить ему (*показывая на Александрова*). А кому насолили?

Антоновъ. Убирайся къ чорту!

Дольскій. Благодарн Бога, что дешево отдѣлся.

Александровъ (*Антонову*). А съ тобою, любезнѣйшій, я все-таки еще раздѣляюсь!.. Ты позволилъ себѣ волочиться за женою моего друга... писать къ ней письма!..

Антоновъ. А самъ-то ты развѣ лучше поступилъ?

Александровъ. Это еще ничего не доказываетъ... Если я и волочился за Анной Петровной, такъ волочился съ согласія ея мужа.

Анна Петровна. Что такое?

Антоновъ. Да вѣдь и я тоже съ его позволенія.

Анна Петровна. Что вы говорите?

Антоновъ. Совершенную правду. (*Дольскому*). Вѣдь ты самъ...

Дольскій. Ну, да, да, я самъ... Такъ хотѣлъ... Я имѣлъ на это свои причины... Вы ужь лучше оба молчите... это не ваше дѣло. (*Женѣ*). Душенька! прости меня, что я осмѣлился подозрѣвать тебя... И съ-чего это я, глупецъ, вообразилъ, что ты мнѣ измѣнила?

Анна Петровна. Но теперь ты убѣдился, что это вздоръ?

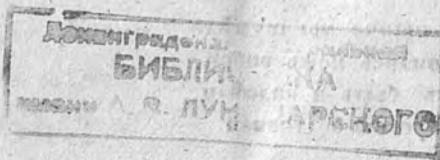
Дольскій. Убѣдился, душенька, совершенно убѣдился. (*Всторону*). Какъ-же! держи карманъ!.. Нѣтъ! Этихъ господъ завтра же вонъ отсюда... Надо придумать другое средство... поделкатиге... потоньше, гораздо потоньше, чтобы оная въ дуракахъ не остаться.

Всѣ.

Много нынче мы шумѣли
И бранились межъ собой,
Можетъ быть и надоѣли
Вамъ вустю болтовней.

Если вовсе интереса
Въ пьесѣ не было для васъ,
Вы не шикайте пьесѣ, —
Это страшный звукъ для насъ!
Одного лишь мы хотѣли,
Чтобы васъ собой завять,
Если въ этомъ не успѣли,
Такъ чего должны мы ждать?

lib 10402
9871
18268

ПАНТЕОНЪ

выходить съ марта мѣсяца, ежемѣсячно, въ первыхъ числахъ. Онъ состоитъ изъ **12** книжекъ, въ **25** печатныхъ листовъ каждая, съ **12** нумерами. «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ.» Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты*: русскихъ знаменитыхъ лицъ, писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ и проч.

Цѣна за годовое изданіе:

15 р. съ пересылкою или доставкою на домъ **16 р. 50 к.**

**ПОДПИСКА НА 1856 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
исключительно**

Въ *С. Петербургѣ*: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, въ Большой Морской, въ домѣ Коссиковой.

Въ *Москвѣ*: въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица подписывающіяся на Пантеонъ текущаго года, непременно получаютъ ВСѢ КНИЖКИ, начиная съ первой, СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, КОГДА-БЫ ОНИ НИ ПОДПИСАЛИСЬ.

Цѣна за полное изданіе Пантеона за 1852, 1853, 1854 и 1855 годы: — съ пересылкою 20 р. сер. за каждый годъ. Для новыхъ подписчиковъ, желающихъ укомплектовать все изданіе, цѣна за каждый годъ остается 46 р. 50 коп. А кто пожелаетъ взять всѣ годы вмѣстѣ — 50 р. с. за всѣ; за пересылку прилагается 40 р. с.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю *Федору Алексѣевичу Кони*, адресуя письма на его имя: «въ *С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ Лыткина.*»